АНДЕРСЕН

Борис Ерхов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Великий датский сказочник вошел в нашу жизнь еще в детстве — и остался в ней навсегда. Хотя сам он свои сказки поначалу совсем не ценил, считая их «крылатыми пустяковинами». Из-под его пера выходили стихи, водевили и либретто, повести, путевые записки и романы, но именно сказки принесли ему популярность, и сказка его жизни стала понемногу складываться. О том, как это происходило, читатель узнает из настоящей книги, рассказывающей о счастливом человеке, певце нежности и блеска жизни, частым присловьем которого в письмах и дневниках было отчаянное и горестное: «Уж лучше бы мне никогда не родиться!» И еще читатель узнает о том, что Андерсен никогда не считал себя исключительно детским писателем, хотя со временем и, наверное, с некоторым сожалением стал подозревать, что именно сказки принесут ему всемирную славу. Впрочем, даже если бы великий сказочник не написал ни одной сказки, все другие его произведения позволяют ныне считать его не только одним из основоположников современной датской литературы (а ведь до старости он писал на родном языке с ошибками!), но и — чего он так страстно желал всегда — Поэтом.

знак информационной продукции 16+

- Борис Ерхов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья,
  - Глава четвертая
  - Глава пятая

- Глава шестая,
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Х. К. АНДЕРСЕНА
- ЛИТЕРАТУРА

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94

- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130

- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166

- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202

- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238

- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274

- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282

Борис Ерхов
Андерсен

Глава первая
о бронзовом Андерсене

В северо-восточной части Королевского парка в Копенгагене на Дамской аллее стоит самый известный памятник Андерсену. Он был открыт в июне 1880 года, но задуман за шесть лет до того, чтобы отметить семидесятилетие писателя. Памятник решили возвести на собранные народные средства, и до открытия его Андерсен, скончавшийся 4 августа 1875 года, не дожил, но все же успел поучаствовать в планах его создания и ясно указал, каким он быть *не должен.* Ознакомившись с некоторыми из представленных на конкурс эскизов, Андерсен отметил в своем дневнике 4 июня:

«Вечером приходил скульптор Собю, которому я четко высказал свое несогласие. Ни он, ни другие скульпторы меня не поняли, они не видели, как я читаю свои произведения, и не знают, что я не люблю, когда кто-нибудь стоит у меня за спиной; кроме того, я никогда не держу детей ни у себя на закорках, ни между ног, ни на коленях. Мои сказки предназначены взрослым, а не одним только детям, которые схватывают лишь второстепенное, в то время как до конца понимают их только взрослые. Наивность — неотъемлемая часть моих сказок, но юмор в них лишь приправа…»[1]

Детей с эскиза памятника (после трех этапов конкурса был утвержден проект упомянутого Вильяма Собю) скульптор убрал. Андерсен отстоял свою позицию автора, пишущего Для всех. Этот эпизод часто приводят в доказательство того, что великий датский писатель-сказочник на самом деле детей не любил, что, конечно, совсем не так. Какими бы чрезмерно «сладкими» ни

казались на современный вкус некоторые из его сказок, их создатель не относился к людям, умильно сюсюкающим с детьми. Это подтверждает среди многих других и Эдвард Коллин, весьма здравомыслящий друг Андерсена, сын его главного покровителя, государственного чиновника Йонаса Коллина. В своей книге «Андерсен и семья Коллинов» (1882) Эдвард писал:

«Сомнительно, чтобы он был завзятым любителем детей. Я хорошо помню, как он много возился с моими, когда они были маленькими, как он восторгался их словечками, которые потом вставлял в свои произведения. Тем не менее особой нежности к детям, которой отличается заправский любитель ребятишек, всегда готовый целовать и миловать их, я в нем не замечал»[2].

Впрочем, чтобы лучше почувствовать отношение писателя к детям, проще справиться у него самого. Вот, например, поздравление, которое Андерсен отправил семилетнему сыну своих друзей Мельхиоров, опекавших его в конце жизни:

> «Маленькому Вильяму.
>
> Фрийсенборг, 27 августа 1868 г.
>
> Дорогой Вильям! Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкого и хорошего в новом году твоей жизни! Письмо мое перелетит к тебе через страну, где выделываются ютландские[3] горшки, в которых будут стряпать тебе обед, через соленую воду, где растут для тебя рыбы, которых ты скушаешь когда-нибудь, через Зеландию[4], где растут орешки, которые ты будешь щелкать, и яблоки, от которых у тебя заболит живот. Что ж, маленьких бед не миновать, не то мы все объелись бы яблоками!

Итак, мое письмо у тебя! Здравствуй! Поздравляю! Всего сладкого и хорошего!

Твой друг Х. К. Андерсен»[5].

Судя по письму, Андерсен относился к детям с теплым чувством, юмором и снисходительностью, как и подобает взрослому. Но он был решительно против того, чтобы его считали только детским писателем.

Однако вернемся к памятнику. На нем правая рука писателя вдохновенно приподнята, а лицо обращено к воображаемым слушателям — взрослым и детям, левая рука с книгой отведена в сторону. Андерсен читает сказку — это подтверждают выбитые на постаменте барельефы на тему сказок «Аисты» и «Гадкий утенок»: аист в полете, несущий на себе младенца, и два грациозно склонившихся перед бывшим неказистым «утенком» лебедя.

Хотя… Андерсен мог бы читать своим слушателям и собственное стихотворение, и отрывок из написанной им же пьесы или романа, и страничку из своего путевого очерка или драмы. В самом деле, он написал очень много. Помимо сказок и рассказов (Андерсен называл их историями) его творческое наследие составляют восемь сборников стихов, шесть книг романтической прозы, шесть полновесных романов, около пятидесяти пьес (среди них собственные драмы, а также переделки драматических произведений других авторов, либретто опер), пять больших путевых очерков и, наконец, три автобиографии, самая объемистая из которых в полном русском переводе насчитывает 700 страниц.

Но победили, в конце концов, сказки. Первый их сборник — «Сказки, рассказанные детям» — вышел в 1835 году, то есть тогда, когда их автору было 30 лет, но еще долгое время, вплоть до 1840-х годов, то есть

почти до середины своей жизни, Андерсен считал сказки всего лишь «милыми безделушками» и с гораздо большей серьезностью относился к созданию романов и пьес.

Очень важна еще одна деталь памятника. Андерсен читает свое произведение, не заглядывая в книгу, а всего лишь заложив в ней страницу пальцем. Он, скорее всего, знает текст почти наизусть, поправляя и присочиняя его по ходу чтения, то есть фактически его редактируя. В автобиографиях он сообщает, что начал сочинять еще в детстве, пересказывая прочитанные им книжки сверстникам или же выдумывая содержание пьес по добытым театральным афишам. В юности он декламировал свои и чужие стихи перед всеми, кто только соглашался его слушать, а в зрелые годы читал свои произведения не только со сцены, но и в дружеском кругу близким знакомым или приглашавшим его в гости чиновникам, представителям высшего света и даже коронованным особам. Публичное чтение вслух служило для него, судя по всему, самовыражением, сродни актерскому. Что, впрочем, неудивительно. С ранней юности Андерсен мечтал прежде всего о театре. Он и в Копенгаген отправился в 14 лет без денег и связей только ради карьеры актера, а в зрелом возрасте посещал почти все спектакли, где бы в это время ни находился — в Копенгагене или за границей, куда отправлялся почти каждое лето. Театр и декламация были страстью всей его жизни, и подчас он навязывал свое чтение с редкой бесцеремонностью. Вот как описывает свое первое знакомство с Андерсеном во времена его юности и первых литературных опытов известный собиратель датского фольклора, поэт, библиотекарь и искусствовед Юст Матиас Тиле (1795–1874), ставший впоследствии добрым знакомым писателя:

«Однажды утром — кажется, в июне — я сидел, удобно расположившись за письменным столом спиной к двери, как вдруг в комнату постучали. Не повернув головы, я сказал: „Войдите!“ Потом, оторвавшись от бумаги, я увидел у порога долговязого паренька весьма своеобразной наружности. Он отвесил мне низкий театральный поклон, снял и положил на пол картуз, а потом выпрямился во весь свой немалый рост и, продемонстрировав заношенный сюртук со слишком короткими рукавами, уставился на меня парой узеньких китайских глаз, сидевших за выдающимся носом и толстыми веками так глубоко, что для лучшего обзора им не помешала бы хирургическая операция. Пестрый ситцевый платок на длинной шее паренька был так сильно затянут, что голова его, казалось, стремилась отделиться от туловища. Короче, это было странное существо, ставшее еще более несуразным, когда, сделав два шага вперед, оно повторило свой поклон и с пафосом заявило: „Не соизволите ли оказать мне честь и выслушать стихи о чувстве, которое я питаю к театру?“

Оторопев, я не успел ответить, как оказался в потоке поэтической декламации и последовавшей за ней сцены из „Хагбарта и Сигне“[6], в которой чтец играл все роли сразу. Ошеломленный, я ждал момента, когда мог бы вставить слово, задать вопрос и получить на него вразумительный ответ. Увы, представление продолжалось, сменившись сценой из комедии и эпилогом из нее, написанными, по признанию чтеца, им самим. Покончив с эпилогом и сделав мне еще несколько театральных поклонов, он

схватил картуз, который все это время лежал у двери, как зритель, от удивления разинувший рот, скатился вниз по лестнице и исчез»[7].

Выступление перед Тиле приходится на самый ранний этап развития творческого начала у юного тогда еще паренька. В будущем, став зрелым и всеевропейски известным писателем, Андерсен выработал свою неповторимую технику чтения произведений перед разными аудиториями — от нескольких человек до сотен. Публичные чтения прозаических произведений перед публикой были в его время привычным методом популяризации своего творчества у многих европейских и американских писателей, и Андерсен охотно выступал с ними. Вот как описывает чтения датского писателя в 1850-е годы Гилдерой Уэллс Гриффин, служивший несколько лет американским послом в Копенгагене («Мои датские годы», 1875):

«Он замечательный чтец, и его часто сравнивали в этом отношении с Диккенсом, а Диккенс был чтецом превосходным. И все же я склонен думать, что манера чтения Андерсена была более впечатляющей и красноречивой. Оба писателя выступали перед многочисленными аудиториями. И голос Диккенса был, пожалуй, более подходящим для сцены, чем для пюпитра чтеца. Он был громче и сильнее, чем у Андерсена, но все же не таким мягким и музыкальным. Я слышал, как читал Диккенс сцену смерти маленькой Нелл[8] в Нью-Йорке, и был растроган до слез, но я все время осознавал, что это читает текст его автор. А вот когда Андерсен читал свою историю „Девочка со спичками“, я не думал об авторе вообще и

плакал, как ребенок, не сознавая ничего, что происходило вокруг меня»[9].

И еще немного о памятнике. Королевский парк, где сидит бронзовый Андерсен, расположен у Росенборга, роскошного дворца и ныне музея, в котором хранятся датские королевские регалии. На торжественном открытии памятника, как и на похоронах Андерсена ранее, присутствовали все видные горожане, чиновники, представители знати и сам король. Андерсен тем самым и посмертно оказался приобщенным к блеску двора, куда не раз приглашался при жизни, чтобы почитать сказки монаршей семье — честь, которой он безмерно гордился. Общению с великими мира сего поэт — а Андерсен считал себя прежде всего поэтом и в драматургии, и в прозе — придавал первостепенное для себя значение, чем нередко вызывал у друзей и знакомых упреки в низкопоклонстве и тщеславии. Вот как отзывался об Андерсене в целом симпатизировавший ему Генрих Гейне:

«Несколько лет назад Андерсен посетил меня. Чем-то он мне напомнил портного, у него и впрямь такой вид. Это весьма худой человек с впалыми щеками, а его манера держаться при всем внешнем приличии исполнена той робости и смирения, которая так по сердцу князьям. Недаром же Андерсен обласкан при всех княжеских дворах. Он в совершенстве воплощает в себе тип поэта, каким князья хотят его видеть. Для визита ко мне он украсил свою грудь большой булавкой; когда я полюбопытствовал, что это такое торчит у него из груди, он с невероятно елейной улыбкой ответил, что это подарок, который ему

презентовала гессенская курфюрстина. В остальном же у него весьма почтенный характер»[10].

Действительно, Андерсен любил звания, ордена и общение с представителями высшей знати. Однако в природе высокого покровительства он не обманывался. В последнем его романе «Счастливчик Пер» (1870) между главным героем (конечно же ипостаси самого Андерсена) и его учителем пения происходит следующий разговор:

«Учитель смеялся и покачивал головой.

— Как ты еще юн, друг мой! — сказал он однажды ученику. — Тебя еще могут забавлять отношения с этими людьми! Среди них есть, конечно, люди почтенные, но все они смотрят на нас, простых людей, свысока! Они принимают в свой круг артистов, баловней минуты, лишь из тщеславия, из желания развлечься или чтобы прослыть меценатами. Артисты играют в их салонах роль цветов в вазах; они тешат глаз, пока свежи, а увянут — и их выбросят вон!

— Какой желчный и несправедливый взгляд! — возразил молодой человек. — Вы не знаете и не хотите узнать этих людей.

— Не хочу! — ответил учитель. — Я чужой им! И ты тоже! И все они знают и помнят это! Они любуются тобой, ласкают тебя, как скаковую лошадь, обещающую взять первый приз! Ты иной породы, нежели они, и они отвернутся от тебя, когда пройдет на тебя мода. Если ты не понимаешь этого сам — в тебе нет настоящей гордости! Ты тщеславен, вот почему гоняешься за ласками их сиятельств»[11].

Тем не менее, подобно своему герою, писатель не считал нужным отказываться от роли любимца королей, наследных принцев и герцогов. У него были на то причины.

«25 лет назад я пришел с маленьким узелком в Копенгаген. Бедный и чужой всем мальчик, сегодня я пью шоколад с королевой, сидя за столом напротив нее и короля», — писал Андерсен сыну своего покровителя и другу Эдварду Коллину 5 сентября 1844 года.

Великий сказочник гордился тем, кем он стал. Он происходил из самой низкой прослойки датского общества, из среды провинциальных и невежественных городских париев. Нищета и бедность не сулили ему даже относительно благоприятного будущего, не говоря уже о блестящем. Впрочем, он и сам назвал себя в письме Хенриетте Вульф «болотным растением датской литературы»[12]. «Социальный лифт» (то есть продвижение людей низкого происхождения в высшие круги общества) в то время в Дании почти полностью отсутствовал, и шансов на то, чтобы выбиться в люди, существовало не больше, чем у мастерового или крепостного крестьянина в пушкинскую эпоху в России (Андерсен всего на шесть лет младше нашего великого поэта). И все-таки, возможно, именно благодаря отсутствию накатанного пути для карьеры Андерсен стал писателем — и не только датским, а всемирно известным детским. Но об этом подробнее — в дальнейшем.

Сам Андерсен хорошо понимал, какие трудности преодолел. В романе «Всего лишь скрипач» (1837) он изобразил возможный вариант своей собственной судьбы, трагедию таланта, погибшего, несмотря на веру в свои силы и, казалось бы, стойкую целеустремленность. Очень сходные с андерсеновскими обстоятельства поломали судьбу героя, которого тоже

зовут Кристиан, он сдался перед ними и погиб (или же погиб именно потому, что сдался?). Точно так же мог погибнуть, но не погиб сам Андерсен.

Как такое могло случиться? Оглядываясь назад в своих воспоминаниях, писатель ссылается на чудо. Его вели по жизни «счастливая звезда», «волшебная фея», руководимые волей всемогущего Господа, который, по выражению писателя, «все устраивает к лучшему». Вот почему две последние автобиографии писатель назвал сказками: «Моя жизнь как сказка без вымысла» (1847) и просто «Сказка моей жизни» (1855). Естественно, свою судьбу Андерсен описывает как счастливую и удавшуюся. У традиционного сказочного героя иной она быть не может.

И совсем иной образ человека, вечно сомневающегося и неуверенного в себе, часто погруженного в самое черное отчаяние, рисуют перед нами его дневники и письма, которые он бережно сохранял. Восстанавливая образ писателя как живого человека, игнорировать их нельзя, да и не должно. Но только сообразуясь с глубоко верными словами А. С. Пушкина в его письме от второй половины ноября 1825 года П. А. Вяземскому:

«Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе»[13].

Странностей да и мнительности, из-за которых он зачастую попадал впросак, Андерсену было не занимать. Но судить о художнике следует в первую очередь по его произведениям.

Андерсен очень хотел бы, чтобы его и его судьбу люди воспринимали по сказке «Гадкий утенок».

«Утенок» изначально был рожден лебедем; точно так же в непритязательных европейских романах той эпохи под рубищем нищего и неловкого оборванца зачастую скрывался законный или незаконный сын короля или благородного дворянина. Нужно только, сопротивляясь внешним влияниям и преодолевая трудности, следовать своей природе, в результате чего вы и обретаете свое счастье. Увы, этот незамысловатый европейский миф лишь поверхностно приложим к Х. К. Андерсену. Потому что всем, чего Андерсен достиг, он обязан не столько счастливому стечению обстоятельств, «волшебной фее» или «путеводной звезде», сколько своей собственной воле, личному обаянию, гибкости и даже изворотливости, самовоспитанию, уму и чувству прекрасного. Лягушке удалось сбить из сметаны масло и выбраться из темного кувшина на волю. Андерсен стал одним из самых популярных в мировой литературе самобытных писателей, великим «самодельным» художником. В этой книге будет рассказано о том, как ему это удалось.

Глава вторая
о том, можно ли верить поэту на слово, о городе, в котором он родился, его родителях и родственниках, доме детства, первых впечатлениях, увлечении театром, книгами и куклами и о судьбоносном решении покинуть свой дом

Ханс Кристиан Андерсен родился в городе Оденсе, расположенном на втором по величине (если не считать Гренландию) датском острове Фюн. В самом названии поселения отражена его древность: изначально оно означало «святилище Одина», верховного бога древних скандинавов. Неподалеку, через реку от Оденсе, сохранились следы кругового земляного вала викингов, военного лагеря, в свое время защищавшего внутреннюю область острова от внешнего врага. Впервые город упоминается в официальном письме 988 года от Рождества Христова, в нем глава Священной Римской империи Отто III освобождает местную церковь от податей.

Ныне Оденсе третий по величине город Дании с численностью населения более 190 тысяч человек, административный и торгово-промышленный центр провинции Фюн. В нем находятся Университет Южной Дании, церковь Святого Кнуда (в ней захоронены останки средневекового датского короля, убитого восставшими феодалами и крестьянами в 1086 году), церковь Святого Ханса (в ней Андерсена крестили),

Замок, Зоопарк и, наконец, самая знаменитая достопримечательность не только Фюна, но и, возможно, всей Дании — Дом Андерсена.

Может быть, и не стоило отягощать внимание читателя всеми этими подробностями, если бы не поразительная разница между современным Оденсе и той городской средой, которая окружала Андерсена в самом начале жизни. Будущий поэт родился 2 апреля 1805 года, то есть 200 с небольшим лет назад, когда в его родном городе жило всего шесть тысяч человек. Половину населения Оденсе составляли чиновники, купцы, офицеры, священнослужители и состоятельные ремесленники. Все остальные едва сводили концы с концами или же влачили в буквальном смысле слова нищенское существование. В переулках и на окраинах города ютились те, кто обслуживал господ: мелкие ремесленники, рабочие и прислуга. Мать и отец Андерсена принадлежали именно к этой прослойке, они были бедняками в нескольких поколениях, хотя в их семье и бытовала романтическая, полностью вымышленная легенда о том, что прапрабабушка Ханса Кристиана по отцовской линии происходила из аристократического немецкого рода, проживавшего в германском городе Касселе, откуда она сбежала с заезжим актером, чем обрекла свой род на последующие несчастья. Вот почему, оказывается, крестьянское хозяйство деда Андерсена пришло в упадок. Сначала в нем от болезни пал скот, потом сгорела сама усадьба. После этого дед сошел с ума. На самом же деле он действительно переселился в Оденсе из деревни, однако его крестьянское хозяйство, как показывают архивные исследования, это такая же выдумка, как и благородное происхождение далекой прародительницы. Андерс Хансен Трэс (1751–1827) был просто-напросто деревенским арендатором, батраком и некоторое время промышлял починкой обуви сначала в

деревне, а потом в городе. Затем, когда состояние его здоровья ухудшилось, он стал бродить по округе, выменивая на еду причудливые поделки, которые вырезал из дерева, — зверей или крылатых людей с головами животных. Уличные мальчишки бегали за ним и дразнили его. В такие моменты мальчик Андерсен, как он вспоминал позже, прятался под лестницу и с ужасом думал о том, что и он, может, со временем станет похожим на деда: «Ведь я был плоть от плоти его». Этот эпизод, по мнению многих биографов Андерсена, служит самым очевидным опровержением совершенно недостоверной легенды о том, что Ханс Кристиан Андерсен был якобы незаконнорожденным отпрыском датского кронпринца Кристиана Фредерика (в будущем датского короля Кристиана VIII), в то время губернатора провинции Фюн, проживавшего в местном Замке, и его любовницы Элисе Алефельдт и будто родившийся у них мальчик был лишь пристроен в простонародную семью. Кронпринц, действительно очень любвеобильный правитель, имел, по некоторым данным, десять незаконнорожденных детей. Известно, что мать Андерсена некоторое время обстирывала обитателей Замка и приводила с собой сына, который, согласно легенде, играл с тамошними детьми, включая сына кронпринца Фредерика Фритса. Из ранних воспоминаний Андерсена известно, что принц по просьбе одного из своих подчиненных, начальника гарнизона в Оденсе полковника Кристиана Хёг-Гульдберга, согласился встретиться с мальчиком, чтобы поговорить о его будущем. Этим контакты Андерсена с королевской семьей во времена его детства, по-видимому, и ограничиваются, если они вообще были, а сказка о его королевском происхождении неоднократно опровергалась и не имеет никакого документального подтверждения.

Против нее можно привести еще одно, пусть не самое главное соображение. Имей она хоть какие-нибудь основания, Андерсен вряд ли упустил бы возможность хоть намеком на некие загадочные обстоятельства своего рождения как-то приукрасить действительность — склонность, неотъемлемая от его характера и неоднократно замеченная за ним.

Дело в том, что о детстве Андерсена мы знаем только от него самого. Его мать, прачка, разбирала лишь печатные буквы и не умела писать. Отец, башмачник, о котором Андерсен отзывался как о большом любителе чтения, обладал натурой пассивной и не оставил после себя ни воспоминаний, ни писем. Зато его сын описал свою жизнь, начиная с детства, по крайней мере три раза. Свои первые воспоминания он создал в 1832 году всего двадцати семи лет от роду и давал читать их только самым близким друзьям. Фактически мир узнал о них только через 100 лет без малого, в 1926 году, когда рукопись нашли и опубликовали, условно назвав ее «Levnedbogen». Авторский заголовок в рукописи отсутствовал, и в качестве него было выбрано название, которое дал ей сам Андерсен в письме своей приятельнице Хенриетте Вульф от 16 февраля 1833 года (в недавно опубликованном русском переводе А. Н. Деканского она названа «Жизнеописанием»[14], в настоящем издании — «Книга жизни»). Второй раз писатель поведал о своей судьбе в 1847 году в автобиографии, напечатанной в первых двух томах его немецкого собрания сочинений (планировалось выпустить 30 томов, вышли 50). «Моя жизнь как сказка без вымысла» вышла тогда же в Англии и США, а еще через четыре года — в России[15]. Охватывающая больший период времени, она имела более четкое построение и завершенность, но была не так непосредственна, как первые записки.

Показательно, что ее датский оригинал издали лишь в 1942 году, почти через 100 лет. Это объясняется просто. К тому времени, когда в Дании собрались-таки напечатать собрание сочинений поэта — оно вышло в тридцати трех томах в 1853–1879 годах, — издавать оригинал рукописи, предназначенный для немецкого издания, потеряло смысл, и в двадцать первый и двадцать второй тома датского собрания (1853) вошла значительно переработанная, расширенная и доведенная Андерсеном до 1855 года ее версия под названием «Сказка моей жизни». Однако и на этом история автобиографии Андерсена не заканчивается. В 1871 году в США в состав его «Авторизованного издания» избранных сочинений на английском языке вошло «Дополнение» к «Сказке моей жизни», доведенное во времени до 1867 года. На датском языке оно увидело свет только после смерти писателя в виде отдельной книги (1877), которая вошла также в первый том (1876–1877) второго издания датского собрания сочинений (1876–1880).

Андерсен писал о своей жизни и о своем творчестве постоянно. С 1827 года вплоть до своей кончины в 1875 году он почти безостановочно вел дневник, последние страницы которого заполнила ухаживавшая за ним госпожа Доротея Мельхиор. В результате он — не только самый известный датский писатель, но и, как отмечалось многими, просто человек, о жизни которого мы знаем очень много, и иногда даже чересчур много (включая некоторые физиологические особенности, о которых обычно не распространяются). Иной вопрос, насколько это помогает нам понять и представить его себе.

Приведем один только пример. В самом начале автобиографий примерно в одних и тех же выражениях описывается кровать, на которой родился Андерсен. В первой напечатанной из них («Моя жизнь как сказка без

вымысла») значится: «Молодой человек (отец Андерсена. — *Б. Е.)* сам соорудил себе рабочий верстак и брачное ложе, которое он смастерил, воспользовавшись деревянным помостом, на котором незадолго до этого покоился гроб с телом усопшего графа Трампе, выставленный для прощания, — об этом напоминали отдельные обрывки траурной обивки, застрявшие в древесине досок. Однако 2 апреля 1805 года на месте, где покоилось окруженное траурным флером и свечками графское тело, лежал живой, плачущий ребенок, и этим ребенком был я, Ханс Кристиан Андерсен»[16]. В более ранних автобиографических записках этот же эпизод описывается еще подробнее: «Они (родители Андерсена. — *Б. Е.)* безумно любили друг друга, но из вещей у них ничего не было — даже на брачную кровать денег не хватало. Но тут в городе скончался некий граф, и гроб с его телом выставили для торжественного прощания на большом деревянном помосте, обтянутом черной материей. Этот помост отец и купил потом на аукционе и благодаря его умелым рукам — а он еще в детстве баловался рубанком и топором — переделал смертное ложе в брачную кровать. <…> И вот на этом-то ложе вместо богатого, но мертвого графа год спустя (2 апреля) оказался бедный, но живой нарожденный поэт, то есть я сам, и в этом мне видится нечто весьма символическое»[17]. Конечно, сам Андерсен свидетельствовать о своем рождении в 1805 году не мог, он писал о нем в 1832 году двадцати семи лет от роду. Однако факт остается фактом, граф Адам Фредерик Трампе, один из основателей театра в Оденсе, покончил с собой в 1807 году, то есть через два года после рождения Андерсена, и, значит, помост для его гроба родильной кроватью для поэта служить не мог. Тем не менее ошибка Андерсена не случайна. Как

сообщает один из его биографов[18], дочь графа Трампе Клара Шарлотта Шеель оставила в своем дневнике запись о том, как некий подмастерье Андерсен во время прощания с телом графа подошел к ней и ее матери и попросил их отдать ему после похорон помост. Скорее всего, в раннем возрасте от двух лет и далее будущий поэт спал в ногах у родителей на этом помосте, так что кроватью он все же ему служил, о чем ему, по-видимому, рассказали впоследствии, и он не преминул этой деталью — во всех трех автобиографиях! — воспользоваться для создания драматического эффекта.

Это лишь одно из многих мест в воспоминаниях Андерсена, показывающих, что он отбирал отдельные эпизоды своей жизни и трактовал их, иногда прибегая к вымыслу, то есть он относился к своему жизненному опыту как художник, а не как ученый. Обе напечатанные при жизни Андерсена автобиографии начинаются, казалось бы, с прямого и недвусмысленного заявления. Однако в этой «преамбуле» слово «сказка» может пониматься как в прямом, так и в переносном смысле.

> «Моя жизнь — это прекрасная и полная событий сказка со счастливым концом. Наверное, она не сложилась бы удачливее, разумнее и лучше даже в том случае, если бы в самом ее начале, когда я один бедным мальчишкой отправился в путь на поиски счастья, мне встретилась всемогущая фея и предложила: „Выбирай судьбу и цель, какие только захочешь! А я, по мере того как ты будешь расти, насколько смогу — ибо и мои возможности не безграничны — буду защищать тебя и вести по жизни“. И моя история

показывает всем то, что она уже доказала мне: что бы с нами ни происходило, благословенный Господь все делает к лучшему»[19].

Столь оптимистическое отношение обязывает автора прославлять жизнь во всех — даже самых темных ее проявлениях, которые «снимаются» безусловным и окончательным их преодолением, продиктованным любовью или смирением перед Божьим Промыслом. Именно поэтому свое бедное детство Андерсен описывает как идиллию скромности и согласия.

В детстве мысли о лишениях и нужде как-то не приходили ему в голову. Он признается, что его родители перебивались с хлеба на воду, но ему доставалось всего вдоволь, а одежду перешивали из отцовской. О бедности семьи говорит, в частности, эпизод, когда в возрасте менее семи лет родители взяли его на спектакль комедии Людвига Хольберга «Оловянщик-политикан». Увидев в театре толпу зрителей, мальчик простодушно воскликнул: «Будь у нас столько четвертей масла, сколько здесь народа, вот бы я поел!» В другом эпизоде автобиографии описывается, как мальчиком он ходил вместе с матерью на сжатое пшеничное поле «подбирать колоски» — увы, это знакомое словосочетание! Тем не менее семья Андерсенов все-таки нищенски бедной не была. Мать Ханса Кристиана рассказывала ему, что он-то живет как «графчик»: ее еще маленькой родители однажды выгнали из дому попрошайничать, а поскольку она просить милостыню не умела, пришлось ей, неутешно рыдая, просидеть весь день под мостом речки Оденсе.

О неустроенности семейной жизни Андерсенов в автобиографии свидетельствует многое. Во-первых, родители будущего поэта поженились всего за два

месяца до его рождения, что можно приписать каким угодно причинам, кроме благополучия будущих супругов. Место рождения его в городе также осталось неизвестным. В домике, где, согласно легенде, родился Андерсен — впоследствии к нему пристроили здание главного, посвященного ему музея, и теперь весь этот комплекс называется «Домом Андерсена», — жили какое-то время, по некоторым сведениям, только дальние родственники его отца и некоторое время до 1804 года его бабушка по материнской линии. Посетив Оденсе 6 декабря 1867 года, когда его торжественно чествовали как почетного гражданина города, Андерсен этот дом своим родным не признал. В метрике о его рождении есть приписка, указывающая, что он родился именно здесь, но она, как было выявлено, сделана не 2 апреля 1805 года, а добавлена позже. Где мыкалась молодая пара с ребенком целых два года — до мая 1807-го, когда они наконец поселились в доме 3 по улице Мункемёллерстреде, так и остается неизвестным. Но именно этот дом Ханс Кристиан описывает как свой родной во всех своих воспоминаниях, и здесь он жил с родителями все 12 лет до своего отъезда в Копенгаген, за исключением четырех с небольшим месяцев в конце этого срока, когда 21 августа 1819 года семья переселилась чуть дальше по этой же улице в такой же дом с небольшим садиком, выходившим на речку Оденсе. В первой из напечатанных при его жизни автобиографий «Моя жизнь как сказка без вымысла» Андерсен пишет:

> «Дом моего детства состоял из единственной комнатки, в которой едва помещались верстак, кровать и откидная лавка, на которой спал я, но стены ее были увешаны картинками, а над верстаком располагалась полка с книгами и сборниками псалмов;

маленькая кухня рядом была переполнена сверкающими тарелками и тазами; отсюда лестница вела на чердак, где в водосточном желобе между нашим домиком и соседним стоял большой ящик с землей и растущей в нем зеленью для кухни, это был сад моей матушки; он до сих пор цветет в моей сказке „Снежная королева“»[20].

Можно добавить еще, что этот же садик цветет и в романе Андерсена «Всего лишь скрипач», где описывается жилище главного героя, детство которого весьма схоже с андерсеновским.

Как уже упоминалось, родители Андерсена, которые, по его словам, «бесконечно любили друг друга», были людьми очень разными. Их брак был неравным даже по возрасту. Ханс Андерсен родился в 1782 году и относился к разряду «свободных ремесленников», которые не входили в цеховую гильдию и поэтому не имели права нанимать работников. Судя по описаниям сына, Ханс не любил свою профессию, почти не встречался с собратьями по ремеслу и был неважным мастером (по некоторым сведениям, он не изготавливал, а только чинил обувь). В одном из эпизодов Андерсен сообщает, как отец испортил заказанные ему одной помещицей бальные туфельки, из-за чего его не взяли работником в богатое поместье и он лишился возможности жить в деревне. По словам сына, отец тяготился своим низким положением, держал в доме небольшую библиотечку, любил театр и читал сыну вслух язвительные сатирические комедии Людвига Хольберга[21], сентиментальные бытовые повести популярного немецкого писателя Августа Лафонтена и сказки из «Тысячи и одной ночи». В юности он мечтал получить образование, но из-за бедности

вынужден был стать ремесленником. Меланхолик по натуре, Ханс Андерсен считал себя человеком, обойденным судьбой.

Мать Андерсена, Анна Мария Андерсдаттер, была на семь лет старше мужа, она, по словам ее сына, «не знала жизни и света, но зато была наделена горячим сердцем». Этими словами сын оправдывает и объясняет появление на свет в 1799 году своей внебрачной сводной сестры, рожденной его матерью от горшечника Росенвинге, имевшего еще нескольких незаконнорожденных детей от других женщин. Впрочем, и сама Анна Мария была одной из трех незаконнорожденных дочерей Анны Сёренсдаттер (1745–1825), посаженной в 1783 году на неделю в тюрьму за моральную распущенность. Кстати, к своим собственным вольностям датские власти того времени относились с большей снисходительностью. Ни для кого не было тайной, что через «секретный шкаф» в комнате на втором этаже оденсейского Замка, где жила любовница датского короля Фредерика VII, танцовщица Луиза Расмуссен (впоследствии графиня Даннер), можно было подняться по лестнице из покоев на первом этаже, где жили король и его законная супруга. Андерсен никак не общался ни со своей сводной сестрой Карен Марией Росенвинге, воспитывавшейся у родной бабушки и затем переехавшей в Копенгаген, где она работала прачкой, ни с младшей сестрой матери, тетей Кристианой, которая, переехав в Копенгаген в 1799 году, стала там содержательницей борделя. Ее он видел всего два раза: в раннем детстве, когда она, приехав в Оденсе, подарила ему серебряную монетку и поругалась с матерью, осудившей ее манеры, наряды и богатство, и во второй раз в 14 лет после приезда в Копенгаген, где, по словам Андерсена, тетя приняла его довольно терпимо, но сразу же, припомнив гордость Анны Марии, обрушилась на нее: «И теперь вот, после

того как меня оскорбила, она пытается, ко всему прочему, еще и ребенка своего мне на шею повесить. Добро бы еще это девчонка была, а то мальчик!»[22] Поняв, каким ремеслом занимается его тетя, Ханс Кристиан больше с ней не встречался. О своей сводной сестре Карен Марии Андерсен никому из многочисленных светских и личных друзей не говорил и в своих воспоминаниях ее не упоминает. Однако о существовании ее он помнил, следы чего обнаруживаются в вышедшем в 1836 году романе «О. Т.». Известно, что в феврале 1842 года Андерсен получил от сестры письмо, сам написал ей и передал сначала ее гражданскому мужу, а потом и ей немного денег (по-видимому, четыре ригсдалера).

В своих воспоминаниях Андерсен явно приукрашивает картину детства, но делает это конечно же, как становится очевидно, не только из установки на то, что он пишет идиллию, а из искренней любви к родителям, которые, как уже упоминалось, были людьми очень разными. Полуграмотная мать Ханса Кристиана так и не научилась писать. Интересно отметить, что и сам Андерсен, став уже европейски известным писателем, продолжал писать на родном языке с ошибками, хотя и получил, пусть с большим трудом, о чем речь еще пойдет впереди, достойное для своего времени образование. Ныне считается, что он страдал *дислексией* — психофизиологическим комплексным нарушением чтения и письма у людей с нормальным интеллектом — болезнью, которую связывают с наследственностью. В остальном Анна Мария была, по-видимому, довольно заурядной, но внешне привлекательной женщиной с сильным характером. Как показывает Андерсен, зачастую она руководствовалась в своих поступках особыми приметами и народными суевериями, хотя была

примерной лютеранкой. В первой напечатанной на немецком языке автобиографии («Моя жизнь как сказка без вымысла») Андерсен упоминает следующий эпизод: «Как-то раз один испанский солдат взял меня на руки и прижал к моим губам серебряный образок, который он носил на груди. Помню, мать из-за этого рассердилась страшно: обычай этот не наш, а католический, сказала она, а мне так понравился тот образок и тот чужеземец, который танцевал со мной, целовал меня и при этом плакал»[23]. В 1808 году, когда испанцы из наполеоновской армии располагались на острове Фюн, Хансу Кристиану было не больше трех лет, и ему об этом, скорее всего, рассказывали другие. Но, в любом случае, мать его придерживалась самой распространенной в Дании веры и не была католичкой, как утверждается в предисловии к одному из собраний сказок и историй[24], вышедшему у нас в 2006 году.

Отец Андерсена, напротив, по сравнению с женой предстает в автобиографиях едва ли не рационалистом и вольнодумцем.

> «Мой отец читал не одни только комедии и романы, но также книги по истории и Священное Писание. <…> Однажды он закрыл Библию со словами: „Иисус был человеком вроде нас, — только очень своеобразным!“ Матушка пришла от его слов в ужас и заплакала, а я в страхе стал молить Господа, чтобы он простил отцу его страшное богохульство. „И вообще нет никакого дьявола, кроме того, которого мы носим в собственном сердце“, — как-то сказал отец, и я испугался за него и его душу и целиком согласился с мнением матушки и соседки, которые посчитали три глубокие царапины на его руке, обнаружившиеся как-то

утром, следами когтей самого черта, поработавшего над отцовской рукой ночью, дабы подтвердить то, что он, черт, действительно существует. Конечно же руку оцарапал себе сам отец, сделав накануне неудачный стежок»[25].

Счастливое детство Ханса Кристиана закончилось, когда в апреле 1816 года, мальчику в то время едва исполнилось 11 лет, его отец умер. Он подорвал свое здоровье во время службы в армии, в которую записался весной 1812 года вместо богатого крестьянина, заплатившего ему за освобождение от военной службы своего сына большую по тем временам для мелкого ремесленника сумму примерно в тысячу ригсдалеров. Деньги, однако, в дом богатства не принесли, уже в январе следующего года государство обанкротилось и реальное достоинство датской валюты уменьшилось (с того времени как отец пошел на службу) примерно в 10 раз. В автобиографии Андерсен написал, что отец записался в армию, надеясь заслужить во время военных действий против Швеции чин офицера и тем самым сделать карьеру. Однако денежные соображения были, вероятно, важнее. Подобную отцовской авантюру Андерсен описал в следующем после «О. Т.» романе «Всего лишь скрипач» (1837).

Лишившись кормильца, мать снова взялась за привычную работу прачки. Она уходила из дома, оставляя сына одного, и он, как и раньше, поскольку со сверстниками не дружил, проводил время за чтением книжек, игрой в кукольный театр (куклы смастерил ему еще в раннем детстве отец) и рассматриванием картинок в ящике, которые менялись, стоило потянуть за веревочку. В школу его отдали еще в пятилетием

возрасте в 1810 году, но быстро, после первой же попытки телесного наказания, из нее забрали и в том же году поместили в другую, где учились еврейские дети. Однако скоро закрылась и она, и мальчика через некоторое время отдали в школу для бедных, где он получил начальные знания по арифметике, письму и Закону Божьему. О том, долго ли он проучился в ней, никаких надежных сведений, кроме очень кратких и туманных, сообщенных Андерсеном в автобиографии, не осталось. После смерти отца мать, чтобы мальчик не болтался без дела, пристроила его на работу в суконную мастерскую, где он развлекал других подмастерьев пением импровизируемых на ходу песен и пересказом комедий Хольберга и пьес Шекспира. Такого рода «выступления» позволили ему отлынивать от работы, но скоро закончились грубым подшучиванием над ним подростков, решивших проверить, а не девочка ли на самом деле их новичок, уж слишком по-женски звучал его голос. Андерсен в слезах вырвался от них и убежал домой, после чего мать его из мастерской забрала. Во второй раз она устроила сына на табачную фабрику, и там история повторилась: мальчик снова стал развлекать работавших с ним учеников-подмастерьев, и пребывание его на фабрике опять же скоро закончилось: он заболел, мать заподозрила, что табак вредно действует на его легкие, и с этой работы забрала его тоже.

В июле 1818 года мать вышла замуж во второй раз, снова за подмастерье-сапожника и опять за человека младше ее — на 12 лет. Отчим, человек с ровным и спокойным характером, не имел желания вмешиваться в воспитание пасынка. «Он оставил меня в покое, так что я мог делать все, что мне заблагорассудится». Материальное положение семьи заметно улучшилось, но Ханс Кристиан перестал с тех пор быть

единственным объектом внимания матери, что, наверное, не могло не сказаться на его решении покинуть в 1819 году родной дом. Как отмечают многие биографы Андерсена, скученность жизни в небольшой комнатенке также могла повлиять на особенности отношений Андерсена с женщинами в будущем — страх перед телесным с ними контактом. Впрочем, второй муж Анны Марии прожил с ней, как и ее первый, недолго — всего четыре года.

По словам Андерсена, в детстве «его баловали несусветно», с семи лет родители брали его с собой в театр, хотя ходили в него нечасто. Особенно сильное впечатление на мальчика произвел исполнявшийся на немецком языке романтический музыкальный спектакль Фердинанда Кауэра «Дева Дуная», который он посмотрел, по-видимому, в первой половине 1813 года. Потом дома Андерсен, сочинив несколько сцен для этого спектакля на выдуманном им «тарабарском» языке (запомнить его на немецком, которого не знал, он не мог), «набрасывал матушкин передник на плечи и представлял себя то рыцарем Альбрехтом, то плывущей по реке на скамеечке дунайской девой»[26]. Поскольку денег на билеты в театр у мальчика не было, он подружился с расклейщиком афиш и помогал ему в работе, за что тот дарил ему их экземпляр. Андерсен садился с афишей где-нибудь в тихом углу и «разыгрывал в уме спектакль, который придумывал, отталкиваясь от названия пьесы и списка действующих лиц. Так, сам того не понимая, — писал он в „Моей жизни как сказке без вымысла“, — я впервые приступил к творчеству»[27].

Ханс Кристиан сильно отличался своим поведением от других мальчиков, и в Оденсе его стали замечать образованные люди. Первыми пригласили его к себе жившие в пансионате через дорогу вдова пастора и

поэта Ханса Кристиана Бункефлода, писавшего незатейливые стихи на народные темы, и ее сестра. Незадолго до этого она потеряла в результате несчастного случая дочь, и обе женщины стали опекать Андерсена. Он стал захаживать к ним и под влиянием фрёкен Эмилии Бункефлод, которая сама баловалась сочинением юмористических стишков, написал два стихотворения: «Мункемосе» (о заливном луге неподалеку от Оденсе) и «Облака» (тексты обоих не сохранились). Между подростком и женщинами установились хорошие отношения, и они стали давать ему книги. Так будущий поэт познакомился с пьесами Шекспира, по-видимому, драмами «Макбет» и «Король Лир», а также драматическими переделками мифов о Медее и Ариадне и комической пародийной трагедией норвежско-датского драматурга Йохана Хермана Весселя «Любовь без чулок» (1774). В благодарность Андерсен смастерил для вдовы поэта подушечку для иголок, что ему труда не составило, так как он уже долгое время шил из обрывков ткани одежду для актеров своего кукольного театра. Вдохновленный, по-видимому, Шекспиром, юноша решил сочинить свою собственную трагедию, положив в ее основу интригу известной народной баллады (сюжет ее как две капли воды походил на историю двух несчастных влюбленных, Ромео и Джульетты). Пересказать содержание несохранившейся пьесы предоставим самому автору, достойно описавшему ее в автобиографических заметках:

> «Сюжетной основой послужила мне старая баллада „Пирам и Фисба“, а назвал я пьесу „Абор и Эльвира“, правда, соседка, которой я ее прочитал, сказала, что ей лучше подошло бы название „Окунь[28] и треска“, чем меня немало обидела, но матушка утешила меня, сказав, что

соседка поступила так из зависти, ведь не ее сын написал эту пьесу. В начале драмы Эльвира приходит на свидание со своим Абором, но, не дождавшись его, вешает на изгородь жемчужное ожерелье в знак того, что была здесь, а сама отправляется на прогулку в лес. Тут на месте встречи появляется Абор и, думая, что Эльвиру сожрали дикие звери, лишает себя жизни. Сюда же возвращается Эльвира, которой полагалось бы умереть от горя, но, поскольку текст пьесы к этому моменту едва заполнил половину страницы, я подключил к делу отшельника, сообщающего девушке, что его сын увидел ее в лесу и влюбился в нее без памяти. Чтобы слова его могли растрогать Эльвиру, да и за неимением лучшего, я вложил в его уста библейские цитаты, взятые из учебника. Появившийся вскоре сын отшельника убивает себя из-за неразделенной любви, Эльвира следует его примеру, а старик, воскликнув:

Смерти не миную —
Во всех членах чую! —

тоже падает бездыханным. Пьеса мне самому ужасно нравилась, и я читал ее всем, кого только мог уговорить меня послушать»[29].

Будем считать, что и нас автор трагедии уговорил тоже.

Круг городских знакомых Андерсена постепенно становился все шире. К их числу, как сообщает он в автобиографии, относилась одна престарелая пасторская вдова, жившая неподалеку. Мальчик читал ей вслух романы, которые она брала в публичной

библиотеке. Один роман, пишет Андерсен, начинался примерно так: «Ночью разразилась буря; дождь хлестал в оконные стекла». «Какая превосходная книга!» — воскликнула старушка, а Андерсен наивно спросил ее, откуда она это взяла. «Слышу по началу. Это — превосходная книга!»[30] Мальчик, конечно, очень удивился и проникся к вдове еще большим уважением.

Между тем приближалась пора конфирмации, церемонии первого причастия, пройдя через которую, молодой человек становился самостоятельным и отвечающим за свои поступки. Молодые люди в Оденсе готовились к конфирмации либо у окружного пробста (старшего священника), либо у капеллана. К пробсту записывались отпрыски состоятельных семейств и гимназисты, к капеллану — дети бедняков. Андерсен записался к пробсту, который неохотно, но все же принял его в круг воспитанников: он усмотрел в его выборе тщеславное желание утвердить свое превосходство над теми, кто записался к капеллану. Сам же Андерсен, как он объяснял, хотел лишь избавиться от издевательств со стороны детей бедняков, среди которых он ощущал себя белой вороной. Кроме того, он хотел сблизиться с гимназистами, потому что считал их лучше тех, кто ходил в обычную школу. «Когда они играли в церковном дворе, я стоял снаружи за решеткой и смотрел на них, изнывая от желания стать таким же счастливчиком, как они, — но не из-за того, что они играли так весело, а из-за их книг и будущего. У окружного пробста я мог бы стать таким же, я мог бы к ним приобщиться»[31]. Но ни с кем из гимназистов ему подружиться не удалось. Только одна девочка Лаура Тёндер-Лунд, считавшаяся среди готовившихся к причастию самой аристократичной — она была дочерью статского советника, — тепло и дружески к нему отнеслась и, по

словам Андерсена, однажды подарила ему розу. «О, тогда, я помню, я отправился домой на вершине блаженства», — вспоминал он.

Сразу же после конфирмации, состоявшейся 18 апреля 1819 года, Анна Мария собиралась отдать сына в ученики к портному, но тут ей Ханс Кристиан воспротивился. Он решил стать актером. В июне предыдущего года труппа из актеров столичного Королевского театра дала в театре Оденсе несколько спектаклей, и все в городе только о них и говорили. Денег на билеты Андерсен не имел, но в театр все же проник, благодаря дружбе с уже упоминавшимся расклейщиком афиш, который помог ему пробраться за кулисы и представиться актерам. Таким образом ему удалось посмотреть все спектакли и, более того, самому выступить статистом в ролях пастуха и пажа. Ему даже поручили произнести несколько реплик! В «Моей жизни как сказке без вымысла» Андерсен писал:

> «Я настолько увлекся спектаклями, что, когда актеры приходили в гардеробную, чтобы переодеться для роли, они уже находили меня там полностью одетым для выступления. Моя ребяческая восторженность привлекала внимание, и актеры приветливо разговаривали со мной, а я смотрел на них и все их сословие с подобострастием, считая их чуть ли не божествами. Все лестные слова, которые я ранее слышал о моем звучном голосе и декламации, стали для меня подтверждением, что я, конечно же, рожден для театра, вот почему я решил стать знаменитым актером и отправиться в Копенгаген»[32].

Разумеется, Анна Мария не собиралась отпускать сына. Да и что он стал бы делать в столице, не имея ни

денег, ни образования, ни нужных знакомств и связей? Против такого решения высказались все ее знакомые и соседи, а также все образованные знакомые ее сына, которых к тому времени в городе набралось немало. Против актерской стези для Андерсена выступил ранее, давая в высшей степени разумный совет, сам кронпринц Кристиан Фредерик, к которому, по словам Андерсена, привел его благожелательно относившийся к пареньку командир местного гарнизона полковник Хёг-Гульдберг. Этот эпизод из автобиографических записок заслуживает внимания:

> «Я явился к принцу, разыграл перед ним несколько сцен из Хольберга, исполнил несколько своих импровизаций и, когда он спросил, не имею ли я желания выступать на сцене, чистосердечно признался в этом, но добавил, что меня просили сказать о желании учиться. Принц, однако, не счел для меня приемлемым ни то ни другое и посоветовал заняться каким-нибудь тонким ремеслом, обучиться, к примеру, токарному делу»[33].

Решение Андерсена походило на чистую авантюру. По странному совпадению слово *eventyr* в датском языке имеет первое значение «приключение, авантюра», а второе — «сказка». Хотя в тот момент Андерсен, конечно, о сказках не думал. Свои аргументы в споре с матерью он черпал из дешевых популярных биографий знаменитых людей, которыми в то время увлекался. «Сначала надо преодолеть множество трудностей, но потом ты становишься знаменит!» Им, как он писал позже, владел совершенно необъяснимый порыв. Он плакал, умолял, и наконец матушка сдалась, хотя прежде попросила его привести домой старую

знахарку из больницы, чтобы та на картах и кофейной гуще предсказала его судьбу.

Эпизод с предсказанием судьбы знахаркой описывается Андерсеном во всех трех автобиографиях. В первой и третьей он просто упоминает его, не указывая, когда («как-то раз») предсказание произошло. Во второй, первой напечатанной («Моя жизнь как сказка без вымысла»), поэт для большего драматизма относит эпизод к моменту, когда решалась его судьба: «„Ваш сын, — сказала старуха, — станет великим человеком, в честь него в Оденсе будет устроена иллюминация!“ Услышав ее слова, матушка заплакала и разрешила мне ехать»[34]. Возможно, предсказание придумал сам Андерсен, или он его просто изменил и переформулировал. Ведь самое замечательное в нем было то, что оно сбылось! Тем самым поэт подтверждал, что хозяином своей судьбы был он сам.

События развивались примерно так. Через много лет, в мае 1867 года, во время празднования серебряной свадьбы короля Кристиана IX и королевы Луизы, тогда уже европейски известный писатель был возведен в сан статского советника 3-го ранга и на обратном пути из Швейцарии (все встречные по дороге подчеркнуто обращались к нему «господин статский советник») заехал в Оденсе, где во время завтрака встретился с местным епископом и пообещал приехать на родину в течение лета, чтобы земляки могли его поприветствовать. Затем Андерсен уехал в Париж, а на обратном пути, снова проезжая через Оденсе, пообещал епископу приехать на родину в ноябре. Наконец, в Копенгагене Андерсен получает письменное предложение приехать в Оденсе 28 ноября для официального чествования. Все это время газеты сообщают о предстоящем присуждении Андерсену

звания почетного гражданина Оденсе, на церемонии которого будет зажжена, точь-в-точь как предсказывала знахарка, торжественная иллюминация (газетчики конечно же читали о ее предсказании в «Сказке моей жизни», которая к тому времени уже была напечатана). Так оно и случилось в действительности 6 декабря 1867 года.

Но пока до чествования еще далеко. В июле 1819 года в Оденсе появилась новая актриса, некая фрекен Хелена Хаммер, с которой Андерсена познакомил местный актер, игравший комические роли. Актриса собиралась ставить одну из пьес Хольберга, в которой актер играл главную роль. Андерсен стал бывать у нее, довольно легкомысленной дамы. Она же играла с ним, используя его для передачи любовных записочек и обещая взять с собой в Копенгаген и ввести в столичное артистическое общество. Фрекен Хаммер вскружила голову не только Хансу Кристиану, но и его матери, обстирывавшей ее за пустые посулы целый месяц. Но вот наконец наступил назначенный для отъезда срок, но дама никуда не поехала, поскольку была в долгах как в шелках, и Андерсен отправился в столицу один. Перед отъездом он пошел к издателю местной газеты Кристиану Иверсену, авторитетному в Оденсе человеку и большому знатоку театра (полковник Хёг-Гульдберг находился в это время в отъезде), и попросил у него рекомендательное письмо к кому-нибудь из копенгагенских актеров. Сначала Иверсен пытался отговорить Андерсена от рискованного предприятия, но юноша ответил, что если бы он принял его совет, то совершил бы великий грех (очевидно, намекая на евангельскую притчу о зарытом в землю таланте). Ошеломленный Иверсен написал ему рекомендательное письмо к известной столичной танцовщице Анне Маргрете Шалль, искусством которой в то время восхищались оденсейские театралы, ни разу ее на

сцене не видевшие. После этого удовлетворенный Андерсен разбил свою копилку, в которой оказалось 13 ригсдалеров[35], и стал готовиться к отъезду. Он выехал из Оденсе 4 сентября 1819 года с небольшим узелком и 10 ригсдалерами в кошельке (три из них пошли на оплату кучеру почтовой кареты, согласившемуся довезти его от городских ворот Оденсе до Копенгагена). В карете на тех же условиях ехала одна шапочная знакомая его матери Софи Шарлотта Хермансен, дама средних лет, одно время служившая в Замке кормилицей наследного принца Фердинанда. Она ехала повидать сына, учившегося в столичной гимназии.

Утром в понедельник 6 сентября[36] карета подкатила к холму Фредериксберга, пригороду Копенгагена, и Андерсен впервые увидел витые шпили датской столицы. Он был на пороге трех голодных, радостных и бесприютных лет.

Глава третья,
в которой рассказывается о том, как трудно стать актером

Как и любой другой человек, приехавший в незнакомый город, Андерсен остановился в ближайшей гостинице. Отправившись в город, он почти сразу обнаружил Королевский театр и по-хозяйски обошел его, осматривая со всех сторон. К юноше тотчас подступил уличный торговец билетами, предложил свои услуги и спросил, на каком месте господин предпочел бы сидеть. Ханс Кристиан с благодарностью согласился взять билет, но продавец потребовал за него деньги. Услышав от деревенщины отказ, он зашипел от злости, а Андерсен поспешил прочь.

На следующий день он с утра направился к балерине Шалль и позвонил ей в дверь. К нему вышла горничная с корзинкой на руке. Окинув взглядом переделанный из пальто костюм, грубые сапоги с заправленными в них брюками и нахлобученную на глаза шляпу, она дала Андерсену монетку и поспешила по своим делам. Пришлось ему остановить ее и подробно изложить цель своего визита, после чего его впустили в дом.

Госпожа Шалль была удивлена его появлением и адресованным ей письмом. Никакого господина Иверсена она не знала. Почувствовав, какой неприятной стороной оборачивается для него дело, Андерсен тут же стал горячо убеждать ее, что театр — это цель всей его жизни. Он умеет петь и танцевать и даже помнит наизусть роли. Сейчас он продемонстрирует ей сцену из «Золушки», пусть только она позволит ему снять сапоги.

И Андерсен стал прыгать по комнате в носках, размахивая шляпой, изображавшей бубен. Ошеломленная подобным напором и бесцеремонностью, госпожа Шалль приняла самозваного актера за сумасшедшего и сказала, что ничем не может ему помочь. А Андерсен тут же ударился в слезы, умоляя хозяйку взять его на работу хоть посыльным или каким угодно помощником на любых условиях, только бы она ему помогла. Смутившись, балерина пожалела несуразного юношу и пригласила его иногда приходить к ней обедать; возможно, она замолвит за него слово перед балетмейстером.

Так Андерсен снова оказался на улице. Немного успокоившись, он вспомнил, что Иверсен обещал написать о нем известному в то время поэту, журналисту, педагогу и языковеду Кнуду Люне Рабеку[37], жившему в своей усадьбе Баккехюсет на окраине города во Фредериксберге. И он тут же к нему отправился. Иверсен действительно писал о нем Рабеку, и тот посоветовал Андерсену обратиться к тогдашнему директору театра камергеру Фредерику Конраду фон Хольстейну. Однако визит к нему следующим утром оказался для Андерсена едва ли не катастрофой. Юноша сказал директору, что пришел наниматься в актеры, а тот, окинув его взглядом, ответил, что для театра он «слишком тощ»!

Андерсен попробовал отшутиться: на жалованье в 100 ригсдалеров он растолстеет быстро. Тогда директор серьезным тоном объяснил ему, что в театр принимают только людей, получивших образование.

И все-таки Андерсен не отступил; он спросил, не возьмут ли его тогда в балетную труппу. Увы, приема в нее не было до мая, но даже если бы его в труппу и приняли, жалованье ему все равно не назначат, пока он не выступит на сцене.

Окончательно расстроившийся юноша купил билет на вечерний спектакль водевиля «Поль и Виргиния», который смотрел со второго ряда галерки. «Расставание любящих до того растрогало меня, — писал Андерсен, — что я заплакал навзрыд, и сидевшие рядом дамы стали, как могли, меня утешать. В самом деле, мы видели на сцене всего только пьесу, и все, что в ней происходит, — всего лишь выдумка»[38]. Чтобы утешить юношу, одна женщина дала ему бутерброд с колбасой. На вопрос, из-за чего он так расстроился, Ханс Кристиан ответил, что представил себя Полем, а театр — Виргинией, с которой ему придется расстаться. И он тут же рассказал о цели своего приезда в столицу. Женщина еще больше пожалела его и дала еще один бутерброд и печенья. К тому же и пьеса, в отличие от романа Бернардена де Сен-Пьера, закончилась благополучно — ведь это был водевиль.

Затем Андерсен отправился к своей попутчице по почтовой карете госпоже Хермансен, согласившейся приютить его у себя на один день. Она стала уговаривать его вернуться домой. Он упрямился. После оплаты гостиницы и билета в театр у него оставался всего один ригсдалер. Теперь даже шкипер вряд ли возьмет его бесплатным пассажиром до родного острова Фюн. К тому же дома над ним посмеются и ему придется идти учеником к портному, то есть выбрать как раз ту карьеру, которую прочила ему Анна Мария. Лучше уж пойти в ремесленники в Копенгагене. Здесь для него есть хоть какая-то надежда: в столице можно ходить в театр.

Госпожа Хермансен купила газету с объявлениями, и они вместе стали искать подходящее место. В конце концов Андерсен остановился на объявлении столяра, которому требовался ученик, и пошел к нему. Мастер приветливо встретил Андерсена, но потребовал справку

о его поведении в Оденсе и метрику. Впрочем, юноша может не ждать, покуда придут документы, и приступить к работе хоть сейчас. Заодно он попробует, подойдет ли ему профессия столяра. В шесть утра следующего дня Андерсен уже был в мастерской; там работали несколько подмастерьев и учеников, и, увы, сквернословили они не менее грубо, чем работники на суконной фабрике. Они тоже стали подшучивать над новичком, и, вспомнив, как «проверили» его работники в Оденсе, попытавшиеся содрать с него штаны, Андерсен твердо решил ни одного дня в мастерской не оставаться. Он пошел к мастеру и со слезами на глазах попрощался с ним, объяснив, что такой жизни не вынесет. Мастер попытался ободрить Андерсена, но тот так разволновался, что поспешил уйти.

Он снова оказался на улице. Без денег и крыши над головой. И тут ему пришла счастливая мысль. Как-то в Оденсе он обнаружил в газете статью об итальянце Джузеппе Сибони[39], приглашенном королем Кристианом VIII возглавить в Королевском театре оперную студию. Ханс Кристиан запомнил статью, потому что как раз в то время, летом 1819 года, незадолго до отъезда в Копенгаген он подолгу упражнялся в пении на речке Оденсе, на берег которой выходил садик их дома, куда они совсем недавно переселились. Здесь же был большой камень, с которого Анна Мария полоскала белье. Соседи, среди которых было много господ благородного звания, с удовольствием слушали его пение. Все, кто слушал Андерсена, хвалили его голос.

Недолго думая Андерсен отправился на квартиру к Джузеппе Сибони. Тот в это время принимал гостей, среди которых были датские знаменитости: писатель Йенс Иммануэль Баггесен[40] и композитор Кристоф Эрнст Фридрих Вайсе[41]. Дверь Андерсену открыла

горничная, которой он не только рассказал о том, что пришел предлагать свои услуги певца, но и поведал историю всей своей жизни. Горничная ушла, и Андерсену пришлось подождать: наверное, горничная пересказывала его речь гостям. Вскоре они высыпали на крыльцо и с любопытством стали его разглядывать. Потом его пригласили в гостиную и попросили спеть. Долго упрашивать паренька не пришлось. Андерсен не только спел, он еще сыграл сцену из пьесы Хольберга и прочитал несколько стихотворений. «Когда я их декламировал, мысль о моем собственном несчастье настолько переполняла меня, что я невольно заплакал, а общество моим слезам дружно зааплодировало. „Предсказываю вам, — сказал Баггесен, — из него что-нибудь получится, но не обольщайтесь, молодой человек, когда в будущем будете срывать овации публики!“ И далее он пустился в рассуждения о чистых от природы молодых людях, которые с возрастом погибают, попав в дурную компанию! Из его речи я понял не все, но следует отдать ему должное, я и в самом деле представлял собою в то время дитя природы, и мои поступки, как рассказывали мне впоследствии очевидцы, заставляли улыбаться своей наивностью»[42]. Сибони тут же пообещал, что поработает над голосом Андерсена и тот в будущем, возможно, дебютирует на сцене Королевского театра. От счастья Андерсен смеялся и плакал. Когда он уходил из гостеприимного дома, горничная, тоже проникшаяся к нему симпатией, сказала, чтобы он непременно на следующий день явился к профессору Вайсе, на помощь которого мог рассчитывать. И действительно, Вайсе собрал для Андерсена среди друзей целых 70 ригсдалеров, а Сибони открыл ему свой дом: он приказал кормить паренька в комнате горничной, позволил ему присутствовать на репетициях и раз в две

недели занимался с ним сам. Чтобы как-то общаться с Сибони, Хансу Кристиану потребовалось знание хотя бы начатков немецкого языка, с просьбой по этому поводу он обратился к уже упоминавшейся госпоже Хермансен (она ведь приехала в Копенгаген, чтобы повидать своего сына-гимназиста), и той удалось найти для него бесплатного преподавателя, давшего ему несколько уроков. Увы, все эти старания оказались напрасными. Примерно через полгода у Андерсена стал ломаться голос, и Сибони честно сообщил ему, что в течение ближайших трех или четырех лет он не сможет рекомендовать его для выступлений на сцене, да и внешность паренька — его крайняя худоба и непропорционально длинные руки и ноги — вряд ли принесет ему на сцене успех. По сути, Сибони отказал ему от дома и посоветовал, не тратя времени понапрасну, вернуться в Оденсе и пойти в ученики к какому-нибудь ремесленнику.

Андерсен был в отчаянии. Он не мог вернуться домой, потому что, поступив на обучение к Сибони, сразу же послал матери восторженное письмо, и та, гордясь успехами сына, обежала с его посланием всех знакомых. Нужно было искать выход, и Хансу Кристиану удалось-таки, как он выразился потом, «найти ступеньку, ведущую к свету». Он вспомнил, что в Копенгагене проживал родной брат полковника Кристиана Хёг-Гульдберга (это он представил Ханса Кристиана будущему королю Кристиану VIII) Фредерик (1771–1852), известный издатель литературных журналов, поэт, педагог, языковед и переводчик. Ханс Кристиан тут же написал ему письмо, а потом явился к нему сам. И сделал он это вовремя. Во-первых, полковник уже сообщил брату о необыкновенном мальчике Андерсене. И, во-вторых, письмо затронуло педагогическую жилку Хёг-Гульдберга: он сразу заметил в нем множество ошибок и, выслушав исповедь

Ханса Кристиана о его злоключениях и устремлениях, вызвался давать ему уроки литературного датского языка. Самое же главное — он обещал поговорить о нем с маститым актером-комиком Фердинандом Линдгреном и собрал для него у своих друзей 80 ригсдалеров, что было крайне необходимо, поскольку у Сибони Андерсен столоваться больше не мог.

Полгода назад, только приехав в Копенгаген, Андерсен поселился в доме у некой вдовы госпожи Торгесен, которая за небольшую плату сдала ему каморку без окон, где стояла одна кровать и места хватало лишь для переодевания. В виде особой милости днем жильцу разрешалось проводить время на половине хозяйки. Андерсен по простоте душевной рассказал ей, какую сумму собрал для него Хёг-Гульдберг, и попросил назначить за свое проживание новую плату, которая включала бы питание. Хозяйка, испытывавшая в то время денежные трудности, запросила у Андерсена 20 ригсдалеров в месяц, которые он платить не мог. Собранные для него деньги выдавались ему по 10 ригсдалеров в месяц, и, согласись он на требование хозяйки (к ее квартире он уже привык), ему от этой суммы ничего бы не оставалось. Но хозяйка не уступала. «Вот почему, когда она ушла, я пребывал в полной растерянности. Я сидел на диване напротив портрета ее покойного мужа, слезы текли у меня по щекам, и тут я поступил совсем по-ребячески: я смочил моими слезами портрет, чтобы покойник почувствовал, насколько тяжело мне приходится, и умилостивил сердце своей супруги, с тем чтобы она позволила мне платить только 16 ригсдалеров. Хозяйка между тем, по-видимому, уяснив, что ничего больше из меня она, как видно, выжать не сможет, по возвращении тут же согласилась держать меня у себя

на квартире за 16 ригсдалеров. О, как же я благодарил за это Господа и ее покойного мужа!»[43]

Проживая у госпожи Торгесен, Андерсен не сразу узнал, что ее дом находился в квартале с очень плохой репутацией и что, открывая по ночам дверь солидному господину в потрепанном пальто, который якобы приходил пить чай к своей дочери, жившей в одной из сдаваемых комнат, он впускал в дом важного сановника, тайно посещавшего свою содержанку. В неопубликованных при жизни записках жилец госпожи Торгесен упомянул его фамилию (Мюллер) и скорую встречу с ним в одном литературном салоне, а в обеих напечатанных автобиографиях опустил имя и перенес случайную встречу на многие годы вперед.

Как писал во всех своих воспоминаниях Андерсен, детали жизни, имеющие отношение к скабрезности, он просто не замечал, и нет никаких оснований не доверять ему. В пятнадцатилетием возрасте — да и в дальнейшем — он сохранил известную долю детскости и, как в Оденсе, ходил по полотняным лавкам, притворяясь портным, приценивался к ярким тканям и шелковым лентам, выпрашивая их образцы якобы для более внимательной оценки. На самом деле он шил из лоскутков костюмы для своих кукол — он и в Копенгагене устраивал спектакли кукольного театра, разыгрывая их при свечах в своей каморке.

Новый покровитель Андерсена профессор Хёг-Гульдберг сдержал свое слово и уговорил комического актера Королевского театра Линдгрена дать юноше несколько уроков актерского мастерства. Через некоторое время тот признал, что новичок справлялся с комедийными ролями в пьесах Хольберга не без некоторого таланта. Однако самому Андерсену хотелось выступать в ролях сентиментальных или трагических. Он выучил монолог Корреджо из

одноименной трагедии Эленшлегера[44] и продекламировал его перед учителем, после чего тот потрепал его по щеке и сказал: «Чувство у вас есть, но актером вы никогда не станете. Бог знает, кем вы станете! Поговорите с Хёг-Гульдбергом, чтобы он устроил вам уроки латыни; для получения высшего образования она обязательна!»[45] Ханс Кристиан задумался. Ему предлагали высшее образование! О нем он не помышлял; ему был ближе и милее театр; хотя почему бы не выучить и латынь? «Я изучаю латынь» — эти слова звучали для него точно музыка!

Андерсен еще не раз пожалеет, что так легкомысленно отнесся к латыни. Госпожа Хермансен, которую он попросил найти ему бесплатного учителя-латиниста, помочь ему отказалась. Латинский язык, по ее словам, встал бы неимущему Андерсену слишком дорого. Не захотел давать уроки и сам Хёг-Гульдберг, он не обладал навыками преподавания. Хотя бесплатного учителя латыни он все-таки для своего подопечного нашел.

Не отказался Андерсен и от карьеры танцовщика. В мае, как ему и говорил директор театра Хольстейн, он явился в театр для поступления в балетную труппу. Заведовавший ее делами знаменитый в будущем балетмейстер и хореограф Август Бурнонвиль[46] находился тогда в отъезде, труппой занимался танцовщик-солист Карл Дален, который пригласил юношу на занятия. Вскоре Ханс Кристиан подружился с ним и его красавицей-женой, тоже балериной, стихи которой посвящали в то время лучшие поэты Дании. Он исправно ходил на занятия и должным образом, по собственному его выражению, «вытягивал у станка ноги», а вечера проводил в семье у Далена, который взял его в балетную школу, хотя в отношении его талантов танцовщика не заблуждался и прямо сказал

юноше, что его карьера на этом поприще дальше фигуранта пойти не может. Тем не менее Андерсен занятий балетом не бросил, он считал их еще одним шагом к театральной сцене: ведь теперь ему позволялось во время представлений стоять за кулисами и даже занимать место в заднем ряду ложи, предназначенное для служителей и участников массовок. Однажды вечером в театре давали комическую оперу «Два маленьких савояра»[47]; в одной из сцен, происходивших на рыночной площади, участвовала почти вся труппа, включая статистов, а также осветители и даже рабочие. Услышав об этом, Андерсен присоединился к массовке; одет он был в свой обычный костюм, в котором принимал первое причастие и который еще окончательно не развалился. Юноша знал, что выглядит в нем посмешищем. «И все же в этот момент я испытывал непередаваемое ощущение счастья — я впервые выступал перед огнями рампы, мое сердце стучало — наконец я шагнул вперед. Тут же один из певцов, носивший тогда громкое имя, но *ныне совершенно забытый* (курсив Андерсена. — *Б. Е.),* взял меня за руку и шутливо поздравил с дебютом. „Разрешите представить вас датскому народу?“ — сказал он и потащил меня к рампе: наверное, чтобы моя фигура вызвала смех; я почувствовал это, слезы выступили у меня на глазах, я вырвался и расстроенный убежал со сцены»[48]. Вскоре Дален сочинил новый балет «Армида», и Андерсену дали в нем маленькую роль Тролля. В спектакле принимала участие в роли Купидона Йоханна Луиза Петгес (1812–1890), будущая жена первого датского драматурга своего времени Йохана Людвига Хейберга[49] и прима датского Королевского театра. Она играла роль Купидона. Имена Андерсена и ее впервые одновременно появились на театральной афише. «Это был важный момент в моей

жизни; я в первый раз увидел напечатанным свое имя; напечатанное, оно наделяло меня, как казалось мне тогда, ореолом бессмертия, и я, конечно же, не мог на него насмотреться. Даже вечером, ложась в постель, я не погасил свечу, а все глядел на афишу, откладывал ее и снова глядел. О, какое я испытал блаженство!»[50]

Между тем Андерсена однажды прослушал королевский хормейстер Петер Каспер Кроссинг, соперничавший в театре с Сибони. Признав его голос удовлетворительным, он взял юношу в школу пения и включил в состав хора. Кроссинг заверял Андерсена, что, научившись петь, он получит возможность чаще появляться на сцене и даже выступать в самостоятельных ролях. Казалось, как писал потом Андерсен, перед ним распахнулись все двери. Он учился в обеих театральных школах, балетной и певческой, и отныне, когда в партере оставались свободные места, ему позволялось их занимать.

Да, но как же латынь? Несколько раз Ханс Кристиан пропустил вечерние уроки латинского. Еще бы, ведь, по его собственным словам, сидеть в партере и смотреть спектакли было гораздо приятнее. Тем более что ему открыто говорили: «Чтобы петь в хоре, латынь не нужна, вы можете стать великим артистом и без нее!»

Гроза не преминула разразиться. Хёг-Гульдберг пожаловался на Андерсена Далену, и тот высказался по этому поводу дома, когда пришел с работы. Ханс Кристиан как раз показывал его жене кукольный спектакль. Позже он писал, что ее забавляла столь редкая в людях его возраста инфантильность[51].

Андерсен тут же помчался к Хёг-Гульдбергу и сказал ему, что, если тот не простит его, он будет самым несчастным человеком на свете.

«Ах вот как, вы еще комедию передо мной ломаете?» — сказал Хёг-Гульдберг в ответ на извинения

Андерсена, который всячески перед ним оправдывался. Да, он, Андерсен, совершил ошибку, он не понимал, к чему она может привести, он ведь понятия не имел о том, что такое латинская грамматика, когда обратился с просьбой найти для него учителя.

«Значит, вы будете самым несчастным человеком на свете? — повторил Хёг-Гульдберг. — Это — реплика из комедии. Я ее читал. Больше я для вас ничего делать не буду. У меня еще осталось тридцать ваших ригсдалеров, вы будете получать их по десять в месяц, но между нами все кончено!»[52] — и с этими словами он захлопнул за юношей дверь.

Андерсен опять остался без покровителя. Но он уже знал в Копенгагене многих если не богатых, то вполне влиятельных людей. Сразу же после тяжелых переговоров с хозяйкой дома он разыскал в городе девушку, с которой учил катехизис в Оденсе, готовясь принять первое причастие. Это была та самая Лаура Тёндер-Лунд, которая когда-то подарила ему розу. Ее отец, статский советник, погиб при кораблекрушении, мать тоже умерла, и ей пришлось переселиться к родственникам в Копенгаген в дом адмирала Кригера в районе Хольмен, где располагалась база датского военного флота. Андерсен разыскал ее, и девушка, увидев его, расплакалась и подивилась безрассудному шагу, каким представился ей его переезд в Копенгаген. Она отдала Хансу Кристиану все свои карманные деньги и наилучшим образом рекомендовала его своим знакомым, в том числе вдове выдающегося датского государственного деятеля, способствовавшего отмене в Дании крепостного права, госпоже Энгелке Маргрете Кольбьёрнсен. Ее дочь, служившая в королевском дворце фрейлиной кронпринцессы, тоже заинтересовалась Андерсеном, и он помчался во дворец Фредериксберг. Ну а там поглядеть на странного юношу

вышла сама кронпринцесса, и Андерсен продемонстрировал перед девушками свои таланты декламатора стихов и певца, за что получил фунтик сладостей, винограда и персиков, а также нелишние десять ригсдалеров.

Госпожа Кольбьёрнсен лето обычно проводила в Баккехюсет, загородной усадьбе с большим ухоженным парком. Владельцы усадьбы, упоминавшийся выше Рабек и его жена Камма, чтобы содержать поместье, вынуждены были сдавать его комнаты, заселявшиеся обычно художественной элитой, так что дом супругов Рабек со временем стал литературным салоном, который посещали самые крупные писатели того времени, получившего название «золотого века» датской культуры[53]. В Баккехюсет гостили или посещали его Адам Эленшлегер[54], Йенс Баггесен, автор многочисленных романов из истории Дании Бернхард Северин Ингеман[55], упоминавшийся уже писатель, комедиограф и критик Йохан Людвиг Хейберг, мастер датской прозы Стен Стеенсен Бликер[56] и другие. Посещая госпожу Кольбьёрнсен, Андерсен получил возможность познакомиться с цветом тогдашней литературы или же хотя бы взглянуть на ее столпов. Позднее он намного ближе познакомится с ними, а с некоторыми завяжет прочную дружбу.

Но пока Андерсен продолжал посещать школу пения, иногда его выпускали на сцену в эпизодических ролях. Однажды он и еще один хорист, облаченные в плотные трико телесного цвета, изображали в спектакле браминов. Когда после спектакля Андерсен разговаривал с кронпринцессой, она сказала, что на сцене он был похож на драного кота, а его партнер — на толстого поросенка. Что же до попыток написать серьезное драматическое сочинение, кронпринцесса посоветовала ему оставить эту затею. В жизни и так

много горя. «Пишите лучше о том, что может развеселить публику, как, например, Хольберг»[57].

Но Андерсен пытался писать как раз трагедии. Незадолго до разрыва с Хёг-Гульдбергом он получил от него задание выучить наизусть созданное его учителем стихотворение. Но почему бы для декламации не написать стихотворение самому? Он ведь не раз сочинял их в детстве. Прочитав в журнале «Почтовый голубь» (1819. № 19, 20) анонимный рассказ «Лесная часовня», Андерсен переписал его в стихах, в результате чего у него получилась маленькая стихотворная трагедия. Хёг-Гульдберг его опус одобрил — но только как упражнение по стилистике. Тогда Андерсен прочитал свою пьеску в семье Кольбьёрнсен, и те познакомили его с настоящей ценительницей, госпожой Каммой Рабек, ей в свое время доверяли читать свои первые произведения Эленшлегер и Ингеман. По признанию самого Андерсена, когда он прочитал всего несколько сцен, госпожа Рабек остановила его, воскликнув: «Послушайте, да ведь тут целые места выписаны из Эленшлегера и Ингемана!» — «Конечно, — ответил Андерсен, — ведь они такие красивые!» — и продолжал чтение.

Но на этом молодой драматург не успокоился. Он явился со своей трагедией к самому Эленшлегеру, который добродушно похвалил его стих и на прощание пожал руку. Посетил Андерсен со своей пьесой и Ингемана (с этого, как полагают многие, началось их знакомство), который также отозвался о пьесе доброжелательно и вместе с писателем и священником Николаем Грундтвигом[58] собрал молодому писателю немного денег. Тогда на волне успеха Андерсен послал трагедию одному из членов дирекции Королевского театра, и тот предложил представить ее дирекции с целью постановки на сцене. Увы, патронировавший

молодого гения Хёг-Гульдберг запретил ему это делать, возможно, как предположил потом Андерсен, из зависти. Тогда молодой драматург решил написать драму, которой мог бы распоряжаться по своему усмотрению, и, взяв за сюжетную основу датскую народную легенду о разбойниках, а в качестве художественного примера знаменитую трагедию Шиллера «Разбойники», за две недели написал трагедию «Разбойники в Виссенберге». Ему опять пришлось прибегнуть к помощи фрекен Лауры Тёндер-Лунд, и она заказала копию его рукописи у переписчика (ибо разобрать почерк гения было невозможно). Затем Андерсен анонимно послал ее в дирекцию Королевского театра. По собственному его признанию, пьеса кишмя кишела грамматическими ошибками, и через шесть недель (16 июня 1822 года) ее ему вернули, а в приложенном письме сообщили, что ввиду полнейшей безграмотности автора дирекция (от которой, несмотря на анонимность трагедии, не укрылось подлинное ее авторство) просит его впредь подобных произведений не присылать. Из вежливости в письме все же выражалось пожелание друзьям и покровителям юного писателя изыскать для него возможность, которая позволила бы ему путем постижения наук добиться той цели, к которой он столь ревностно стремится.

Положение Андерсена в Копенгагене становилось все хуже.

В мае 1822 года дирекция уволила из Королевского театра всех мало востребованных на сцене актеров. Говоря современным языком, в театре провели «сокращение», под которое попал и Андерсен: его исключили из обеих школ — балетной и пения. В это время театр возглавлял видный финансист и государственный чиновник Йонас Коллин. Хёг-Гульдберг еще год назад дал совет Андерсену познакомиться с ним, что тот и сделал, отослав Коллину

2 апреля 1821 года, *в день своего рождения* (курсив мой. — *Б. Е.),* письмо в стихах, где в аллегорической форме кратко описал свою биографию и бедственное положение, а также воздал хвалу своим покровителям Хёг-Гульдбергу и Линдгрену и выразил надежду, что и ему, хрупкому цветку в саду искусства, найдется в нем, то есть в Королевском театре, место. Коллин никак на письмо не отреагировал, а когда его автор явился к нему на прием чуть позже, на все просьбы о содействии его театральной карьере довольно сухо ответил, что данные (внешность и голос), способствующие ей, у Андерсена отсутствуют (что соответствовало действительности) и он ничем не может ему помочь. Уволенный примерно через год Андерсен за все свои эпизодические выступления на сцене получил всего 25 ригсдалеров.

Таким образом, поздним летом 1822 года он фактически оказался в том же положении, что и три года назад, когда впервые в Копенгагене появился. Хотя кое-какой опыт он все-таки приобрел и теперь знал, что чего-то добиться в жизни можно только упорством. Андерсен написал еще одну пьесу — «Солнце эльфов». Он надеялся, что, напечатав ее у какого-нибудь издателя, получит хотя бы немного денег.

По своему обыкновению, он прочитал пьесу некоторым знакомым, и те пришли от нее в восторг. Тогда, набравшись храбрости, Андерсен отправился к переводчику Шекспира капитану (впоследствии адмиралу) Петеру Вульфу, поскольку сам в это время читал Шекспира и настолько им увлекся и с ним сжился, что тексты великого английского драматурга стал воспринимать как свои. Он писал в автобиографии: «Я и вправду вбил себе в голову, что равен ему». Андерсен решил, что Вульфу будет приятно увидеться с человеком, похожим на его любимого поэта. В «Сказке

моей жизни» Андерсен описывает свое посещение следующим образом:

> «Он [Вульф] рассказывал, что я будто бы, как только вошел к нему в кабинет, так сразу и воскликнул: „Вы перевели Шекспира, а я ужасно его люблю и сам написал трагедию — вот послушайте!“ Вульф предложил мне сначала позавтракать с ним, но я отказался, единым духом прочел ему мое сочинение и затем сказал: „Ну, как вы считаете, выйдет из меня что-нибудь? Мне бы этого так хотелось!“ Затем я сунул рукопись в карман и, по словам Вульфа, на его приглашение заходить к нему ответил: „Как только напишу новую трагедию!“ — „Ну, значит, это будет не скоро!“ — сказал тот. „Почему же, — возразил я, — недельки через две, я думаю, будет готово!“ — и с этими словами вышел»[59].

Эпизод, описанный Андерсеном, исполнен самоиронии, но с неменьшим юмором он описывает и капитана в ситуации, возникшей через некоторое время.

Парадоксально, но первым напечатанным произведением, под которым стояла подпись Андерсена, оказались явно неудачные «Разбойники из Виссенберга». Рецензент «Солнца эльфов», составивший объявление о подписке на издание этой пьесы, напечатал первую сцену из «Разбойников» в журнале «Арфа», и радости Андерсена не было границ. Молодой писатель поспешил разделить ее с Вульфом, явившись к нему домой. Тот попросил у него оттиск, но, когда через некоторое время автор пришел к нему, чтобы забрать свое напечатанное произведение, никак не мог найти его и в конце концов, изобразив на лице

недоумение — он совсем не думал, что оттиск так дорог автору, — признался, что «обратил его в прах».

Лучшая судьба выпала «Солнцу эльфов». Андерсен договорился с издателем о напечатании пьесы в составе своего сборника «Юношеские начинания». В него вошли, помимо трагедии, рассказ «Привидение на могиле Пальнатоке» на тему из романа «Эдинбургская темница» Вальтера Скотта и стихотворение «Пролог». Как сообщает крупнейший андерсеновед Хельге Топсё-Йенсен, изначально автор хотел включить в сборник еще одно прозаическое произведение — романтическую повесть «Мертвец: Фюнская сказка», чего, однако, не сделал, и первая сказка, или, скорее, романтическая сказочная повесть Андерсена, вышла в свет только в 1830 году в сборнике «Стихотворения». «Юношеские начинания» печатались Андерсеном под громким псевдонимом Уильям Кристиан Вальтер (Уильям — Уильям Шекспир, Кристиан — Ханс Кристиан Андерсен, Вальтер — Вальтер Скотт). Андерсен попросил у Хёг-Гульдберга разрешение посвятить сборник ему, на что получил от профессора резкую отповедь: «Если вы хотите выразить мне благодарность, то лучшим ее проявлением было бы воздержаться и не упоминать мое имя в работе, которую вы собрались издать». Андерсен попытался найти на нее подписчиков, но потерпел неудачу, и в 1822 году она вышла, но ни одного экземпляра продано не было. История книги на этом не закончилась. В 1827 году тираж ее был выкуплен другим издательством, название на титульном листе заменено на другое (перечисление вошедших в сборник произведений), но и на этот раз, увы, за исключением всего нескольких экземпляров книгу не распродали и она почти полностью пошла в макулатуру. Ныне это издание является изысканнейшей библиографической редкостью.

Пьеса «Солнце эльфов» понравилась некоторым знакомым Ханса Кристиана и в особенности — священнику Фредерику Карлу Гутфельду (с ним Андерсена, по-видимому, познакомила фрекен Тёндер-Лунд). Гутфельд служил в морской Хольменской церкви, неподалеку от которой жила Лаура. Он посоветовал отправить пьесу на рассмотрение дирекции Королевского театра и сам написал к ней сопроводительное письмо.

3 сентября 1822 года пьеса была театром отвергнута «как собрание слов и тирад без всякого драматического действия, плана и характеров… полностью непригодное к постановке». Тем не менее дирекция театра рекомендовала устроить молодого автора в классическую гимназию, чтобы он мог получить основы образования. Эту же рекомендацию она подтвердила на заседании от 6 сентября, на котором было принято окончательное решение, ознакомить с которым Андерсена постановили, пригласив его на следующее заседание 13 сентября. На нем он с благодарностью принял предложение отправиться в хорошо зарекомендовавшую себя классическую гимназию в Слагельсе (городок в 56 милях от Копенгагена) для прохождения учебы в течение трех лет, что позволило бы ему в итоге поступить в Копенгагенский университет. Претворить свое решение в жизнь дирекция поручила Йонасу Коллину, а деньги на обучение и содержание Андерсена обязалась изыскать из королевского фонда *ad usus publicus*[60], секретарем которого являлся все тот же Коллин. В своем прошении фонду он писал, что целью обучения Ханса Кристиана Андерсена является воспитание «полезного гражданина». Та же формулировка сохраняется и во всех других

официальных документах, касающихся судьбы юноши, взятого, таким образом, на казенный кошт.

Перед отъездом Андерсен посетил Йонаса Коллина у него дома и был тепло принят им, теперь его официальным наставником, которому он отныне был обязан регулярно сообщать о положении своих дел.

Учить латинский язык ему все-таки пришлось.

Глава четвертая
о том, как «Шекспиру с глазами вампира» предложили утирать слезы булыжником, а также поселили в «дом его несчастья», хотя благополучно в конце концов из него освободили

Андерсен выехал из Копенгагена в Слагельсе 26 октября 1822 года. Впереди его ожидало, как он писал впоследствии, «самое несчастное время жизни», три года классической гимназии. Но провел он их все-таки безбедно, без нужды, под гнетом которой находился в столице, после того как покинул родной Оденсе. Королевский фонд выделял ему по 350 ригсдалеров каждый месяц: 200 из них приходились на оплату проживания в частной квартире и на пропитание, остальные 150 — на прочие нужды. Самое необходимое эти деньги обеспечивали, хотя о роскоши, конечно, речи идти не могло.

Вместе с тем Андерсен многое потерял. Раньше он жил, не заглядывая далеко вперед: обстоятельства заставляли его думать только о выживании. Зато каждый новый день приносил что-то необычное и неизвестное, пугающее и манящее: туманное будущее сулило ему поистине безграничные и, по твердой убежденности Андерсена, великие возможности. И пускай планы его актерской карьеры раз за разом рушились, на их месте возникали новые, которые он строил в своей фантазии и пытался осуществить. Юноша Андерсен самостоятельно распоряжался своим временем, он не был обременен обязанностями, их он

принимал на себя добровольно и в любой момент мог от них отказаться. Им двигало воодушевление, хотя подчас и голодное, но все же свободное.

В Слагельсе этой свободе пришел конец. Отныне жизнь подчинялась твердому распорядку. Классные занятия продолжались с восьми утра до полудня и с трех часов до шести вечера. К ним добавлялась самостоятельная подготовка. Часто по вечерам ученик обливал голову холодной водой или бегал в маленьком безлюдном саду, чтобы взбодриться и снова сесть за учебники. Слов нет, Андерсен занимался усердно. Во-первых, он должен был оправдать оказанное ему доверие: ведь, по сути, за него хлопотал весь художественный Копенгаген, которому, как можно догадываться, он своими беспрестанными просьбами и самим своим неприкаянным видом порядочно надоел. Во-вторых, он действительно не знал почти ничего. В школах для бедных в Оденсе учили плохо, да и посещал их Ханс Кристиан нерегулярно, а бесплатные уроки датского, немецкого и латыни в Копенгагене, которые ему давали из милости, тоже были редкими (не чаще одного-двух раз в неделю), и качество их, по-видимому, оставляло желать много лучшего. Андерсену пришлось начать с самых элементарных уроков датского, латыни, древнегреческого, геометрии, истории, чистописания, арифметики и географии — он не обладал даже самыми простыми навыками грамотного человека и не мог отыскать на карте Дании Копенгаген. А ведь ему было уже семнадцать, и, хотя его поместили сразу во второй класс, он возвышался за своей партой над всеми другими учениками одиннадцатилетнего возраста. Это имело, конечно, и положительную сторону. Он не подвергался со стороны младших травле и насмешкам, сполна испробованным на суконной и табачной фабриках в Оденсе и в столярной мастерской в Копенгагене.

Впрочем, от унижений и издевательств он, как и другие гимназисты в Слагельсе, избавлен не был. Их источником стал сам ректор гимназии Симон Мейслинг (1787–1856), один из лучших знатоков античной литературы в Дании и превосходный переводчик Вергилия, Феокрита, Анакреона, Овидия и Марциала, а также Гоцци и Гёте, автор трагедии «Коварство монаха» (1812). Узнав, что теперь его непосредственным начальником будет поэт, Андерсен на следующий же день после приезда прочитал перед ним и еще двумя учениками старшего класса свою трагедию «Солнце эльфов» и рассказ «Привидение на могиле Пальнатоке». Если бы он знал о характере Мейслинга чуть больше, то воздержался бы от столь смелого предприятия.

Дело в том, что при всей своей талантливости и основательности познаний Симон Мейслинг обладал чрезвычайно своеобразным и даже причудливым, временами деспотически-взрывным характером. И он нещадно высмеивал и ущемлял самолюбие учеников, стремясь такой «оригинальной» методой задеть их за живое и стимулировать усилия на поприще знаний. Как писал впоследствии Андерсен, Мейслинг «вовсе не годился на роль воспитателя молодых людей»[61], и гимназисты по-настоящему боялись его, потому что не существовало средств и методов, к которым бы он ни прибегнул, лишь бы их высмеять и унизить. Так, завидев за окном бредущее стадо, ректор приглашал учеников подойти поближе, «чтобы взглянуть на своих собратьев». Заметив, что учащиеся невнимательно его слушают, он покидал кафедру, подходил к печке и продолжал свою речь, обращаясь к ней.

Непредсказуемостью своих выпадов и насмешек Мейслинг особенно пугал Андерсена. «Когда он спрашивал меня, я, даже зная правильный ответ,

начинал путаться и спотыкаться, а он по-своему переиначивал мои слова, и моя речь представала еще более смешной, чем была на самом деле, что вызывало хохот моих одноклассников, который действовал на меня угнетающе»[62]. Особенно тяжело давались Андерсену языки. Но он все-таки с ними справлялся. Другой неприятностью был неформальный, но очень твердый запрет на сочинительство. Отправляя юношу в Слагельсе, Йонас Коллин дружески посоветовал ему сосредоточиться на учебе и не уделять стихосложению слишком много времени. Мейслинг по-своему, то есть в очень грубой форме, придерживался того же мнения, и, по-видимому, между ним и Коллином существовала относительно этого договоренность. Друзья Андерсена в Копенгагене в своих письмах тоже уговаривали его оставить сочинительство хотя бы на время. Таким образом, под всеобщим давлением Андерсен стал считать это занятие едва ли не греховным. И все-таки он не удержался и, когда один из его копенгагенских покровителей священник Гутфельд (а это именно он настоял на представлении дирекции Королевского театра трагедии «Солнце эльфов») умер, сочинил в его честь стихотворный некролог, который напечатали — правда, без подписи автора — в городской газете, редактировал которую местный пастор Бастхольм. Как вспоминал Андерсен, пастор признал за ним несомненный талант, а также «живое сопереживание и горячее сердце», но и он тоже, напечатав стихотворение, убеждал автора «больше работать над своими домашними заданиями, чтобы завершить обучение», а пока забыть о творческих амбициях. Еще в одном случае стихотворство Андерсену навязали: учитель пения попросил его написать для официальной церемонии назначения Мейслинга на пост ректора

гимназии кантату, которую ученики торжественно исполнили в монастырской церкви.

На рождественские каникулы 1822 года Мейслинг взял с собой Андерсена в Копенгаген. Он нанял единственный в городке экипаж, в котором разместились он сам, его жена, их четверо детей, служанка и Андерсен. Сверху они накрылись одним большим одеялом и всю дорогу до Копенгагена ели печенье и играли в карты, а жена Мейслинга исполняла арии из моцартовского «Дон Жуана». В этот раз Андерсен остановился у своей хорошей знакомой Анны Лет Йоргенсен, матери известного датского авантюриста, совершившего молниеносный государственный переворот в Исландии и затем бежавшего в Австралию. Первый визит в Копенгагене Андерсен нанес своему официальному наставнику, и тот пригласил его к себе на обед, на котором предстал перед Андерсеном в непринужденной домашней обстановке и показал себя мягким, дружелюбным и располагающим к себе человеком. Он с большим удовлетворением просмотрел отметки в дневнике подопечного и посоветовал писать ему письма, по крайней мере раз в месяц, без утайки сообщая обо всем, что его тревожило или угнетало.

Рождественские каникулы пролетели быстро, и Андерсен вновь вернулся к прежней утомительной учебной рутине, к которой понемногу стал привыкать. С самого начала очень неприятным моментом для него стал выговор от Мейслинга, узнавшего об одной из его очередных декламаций (Андерсен продолжал читать «Солнце эльфов» перед всеми, кто соглашался его слушать) и строго-настрого запретившего ему публично читать свои или чужие произведения. Тем не менее постепенно отношения между ними, как казалось, наладились, и ректор почти каждое воскресенье приглашал Андерсена к себе, где тот ставил спектакли

кукольного театра перед его детьми, а сам хозяин дома забавлялся, возя его и еще некоторых из приглашенных учеников на тачке и играя с ними в рождественские игры. Следуя причудливым капризам своего переменчивого характера, ректор бывал со своими учениками очень мил и зачастую даже угощал их в знак особого расположения пуншем, большим любителем которого был.

Шел уже четвертый год, как Андерсен уехал из Оденсе, и на Пасху он отпросился у Мейслинга, чтобы посетить родину. Экономя деньги (к строгой бережливости Ханс Кристиан за время своих бедственных лет пребывания в Копенгагене привык и не изменял ей всю последующую жизнь), он вышел из Слагельсе в три утра, добрался пешком до ближайшего прибрежного города Корсёра, перебрался на попутном судне через пролив до Нюборга, а оттуда опять же пешком дошел до Оденсе. В ту пору первым, что бросалось в глаза при приближении к городу, был шпиль церкви Святого Кнуда. Как вспоминает Андерсен, увидев издали колокольню, он «преклонил колени и зарыдал от радости». Дальнейшее происходило словно во сне. На первой же улице он совершенно случайно встретил мать, которая, увидев его, «чуть не сошла с ума от радости» и повела по всем своим многочисленным городским знакомым. Выглядывавшие из окон люди, знавшие Андерсена только мальчишкой, теперь при встрече называли его «господин Кристиан». Еще большую гордость у матери вызвал вид лодки, на которой ее сын вместе с полковником Хёг-Гульдбергом, местным епископом и другими благородными господами совершил прогулку по реке Оденсе. В это первое за долгое время посещение родины Андерсен, живший, по-видимому, в доме у полковника, увиделся также с издателем местной газеты Кристианом Иверсеном (тем самым, кто

рекомендовал его балерине Шалль) и сестрой поэта Бункефлода (читавшей его письма матери и писавшей с ее слов ответы ему). Радость при свидании с городом своего детства омрачилась только одним печальным известием. К этому времени умерла бабушка Ханса Кристиана, и он посетил ее могилу на кладбище для бедных. Он также разыскал место, где был похоронен его отец, закопал поглубже выпиравшие из земли кости и посадил на могиле зеленый куст. Сумасшедший дед Ханса Кристиана был еще жив, но к этому времени его поместили в больницу, а его избушку с нехитрым скарбом продали, потратив половину денег на уплату долгов и на содержание больного, а остальные, всего 55 ригсдалеров, выделив Хансу Кристиану. В избушке деда нашли сундучок, доверху набитый старыми, потерявшими ценность ассигнациями. Сам дед Андерсена умер только в 1827 году.

После возвращения в Слагельсе к Андерсену вернулись прежние заботы и неприятности: изучение древних языков казалось ему теперь еще более непосильным бременем, а несмешные шутки Мейслинга — прямыми издевательствами. Тем не менее кое-как ему все же удалось сдать экзамены за второй класс, и он был немало удивлен, когда увидел в своем учебном дневнике следующую запись:

> «По окончании учебного года я не могу не воздать Х. К. Андерсену заслуженную похвалу за проявленное им, в особенности во втором полугодии, чрезвычайное усердие, с которым он стремился получить необходимые для плодотворной деятельности в будущем основные знания. В знак вознаграждения и поощрения его за старания он переводится в третий класс гимназии.

8/10/23. Мейслинг»[63].

На Андерсена посыпались письма с поздравлениями: «Коллин написал, что весьма доволен мной, я по-щенячьи радовался и чувствовал себя заново рожденным»[64]. Поздравление и немного денег на Рождество прислала ему даже сама кронпринцесса Каролина.

Пребывание на рождественских каникулах в Копенгагене оказалось на этот раз коротким. Мейслинг в самой настоятельной форме попросил Андерсена вернуться в гимназию через восемь дней, чтобы присмотреть за его ребятишками. На этот раз Ханс Кристиан остановился у знакомого, управляющего складами Йонатана Баллинга, оказавшего ему немало услуг еще до отъезда из Копенгагена. С ним почти каждый вечер они отправлялись смотреть спектакли. Театральная жизнь настолько увлекла Андерсена, что он отменил свой отъезд с почтовой каретой, которая отправлялась в Слагельсе днем в субботу, посмотрел вечерний субботний спектакль и отправился в путь пешком утром в воскресенье (в этот день почтовых карет не было). Он прошел весь путь от Копенгагена до Слагельсе за один день и едва не отморозил руки. «На пути от Роскилле до Рингстеда поднялась метель, но я упорно шел посередине проселочной дороги, изредка заглядывая в шекспировскую „Бурю“ и бодро распевая песни»[65]. (Андерсен конечно же не мог не приукрасить свой подвиг яркой, но в высшей степени неправдоподобной литературной ссылкой.)

Снова начались занятия, на этот раз особенно трудные, поскольку древнегреческий язык, и так-то дававшийся Андерсену нелегко, вел в классе сам Симон Мейслинг, до этого преподававший во втором классе только датский язык. Ректор, как обычно, глумился над

учениками, но особенно доставалось от него Андерсену, поскольку он был самым среди них старшим. «Так, например, он называл меня Шекспиром с глазами вампира, на что я не раз обижался до слез, и тогда он посылал юного графа Шметтау принести булыжник, который тот по его приказу клал передо мной на парту, чтобы я вытирал им слезы»[66]. Какое-то время Андерсен считался лучшим учеником в классе, но теперь, когда их отношения стали ближе, Мейслинг особенно зло вышучивал его, когда он путался в ответах. Как-то раз, вспоминал Андерсен, кто-то из учеников написал на принадлежащем ему томике Гомера глупый стишок. Мейслинг прочитал его и впал в ярость. Оправдания Андерсена, убеждавшего учителя, что надпись сделана не его почерком, не возымели действия. «Зато это в вашем духе, — негодовал ректор. — Вы тупица, из которого никогда ничего не выйдет. Вы, конечно, много всякой ерунды наворотите, когда встанете на ноги, но никто не станет читать вашу писанину, ее будут покупать как макулатуру у Сольдина. И уймите слезы, орясина!»[67]

В особенно дурном настроении, замечал Андерсен в автобиографиях, Мейслинг пребывал всякий раз по возвращении в Слагельсе. Ему претила атмосфера провинциального городка, все достопримечательности которого, по словам хозяйки постоялого двора, первой жительницы городка, с которой встретился Андерсен, прибыв в город, составляли «библиотека пастора Бастхольма и новый английский брандспойт в пожарном экипаже». Правда, в городе еще имелись развалины древнего замка Антворсков, в подвале которого производились раскопки, любительский театр, на генеральные репетиции которого гимназисты приглашались бесплатно, а также расквартированный здесь полк улан, офицеры которого пользовались

расположением местных красоток, включая ректоршу, госпожу Мейслинг, о похождениях которой в городе ходили легенды. Кроме того, неподалеку от Слагельсе возвышался «холм отдохновения» с венчавшим его деревянным католическим крестом. Здесь, согласно преданию, восстал от сна святой Андерс, датский паломник, забытый в Иерусалиме соплеменниками во время отъезда на родину, но перенесенный ангелом от Гроба Господня в Данию в один миг. Сюда Андерсен совершал одинокие прогулки, чтобы взглянуть через пролив на видневшийся вдали родной остров Фюн. Кроме того, не так далеко от Слагельсе, в местечке Сорё, в живописном окружении озер и лесов располагалась Рыцарская академия, классическая гимназия для сыновей знати, основанная в помещении бывшего монастыря в 1586 году. За свою долгую историю академия неоднократно горела, но каждый раз восстанавливалась вновь. Во время пребывания Андерсена в Слагельсе здесь в качестве преподавателя обосновался Бернхард Северин Ингеман со своей молодой супругой, известной флористкой Лючией Мандикс, которая впоследствии стала расписывать церковные алтари. В свободное от занятий время гимназист Андерсен приходил к молодым в Сорё и «чувствовал здесь себя словно в раю». Супруги совершали с ним лодочные прогулки под парусом («… однажды у нас на мачте даже была эолова арфа»), беседовали о поэзии и по вечерам пели под пианино. Ханс Кристиан очень привязался к ним, ценил советы Ингемана и на протяжении всей его жизни посещал Сорё почти каждый год — обычно в мае, перед тем как отправиться в очередное из своих многочисленных путешествий.

Обыденная жизнь в Слагельсе конечно же не была такой идилличной. В апреле 1825 года, будто бы в педагогических целях, Мейслинг отправил учеников

старших классов посмотреть на казнь трех преступников, которая должна была состояться утром на холме между городами Слагельсе и Скельскёром. Казнить должны были семнадцатилетнюю девушку, безуспешно пытавшуюся отравить крысиным ядом своего отца, противившегося ее браку, ее возлюбленного, которого она подговорила убить отца, и претендовавшего на ее мать работника, участвовавшего в попытке убийства. Андерсена не раз упрекали в пристрастии к описанию жестоких сцен и замогильной тематике. Возможно, оно происходило не из-за болезненных наклонностей его натуры, а просто из-за того, что он видел в жизни, и жестокость отдельных мест в его сказках и историях лишь кажется вымышленной — такова была в то время сама жизнь. Вот как описал Андерсен в автобиографических записках казнь, происходившую у него на глазах:

> «Осужденные поцеловались друг с другом и священниками, но потом девушка еще раз поцеловала возлюбленного. Голову ей отрубили только со второго удара. Затем настала очередь двух других приговоренных к смерти, которые склонили головы на ту же самую окровавленную плаху. Я оказался совсем рядом, мне почудилось, что казнимые вперились в меня взглядом, но, на удивление, я сохранил присутствие духа. Помощники палача отметили окончание экзекуции водкой и угрем. Подошла бабушка казненной и, рыдая, уложила ее тело в гроб. Головы же обоих ее сообщников насадили на шесты, а тела положили на колесо. Толпившиеся вокруг крестьяне взирали на казнь с удивительным равнодушием и говорили только о добротной одежде, которая теперь

пропадет без пользы, а ведь могла бы кому-нибудь пригодиться»[68].

Мейслинг не любил Слагельсе, ему больше нравился Хельсингёр, город, находящийся на берегу Зеландии в самом узком месте пролива Эресунн между Данией и Швецией, в России он более известен по его английскому названию Эльсинор. Именно там, в замке Кронборг, якобы происходили события, описанные в знаменитой шекспировской трагедии «Гамлет». Мейслинг любил местную живописную природу, да и до Копенгагена отсюда было намного ближе, чем от Слагельсе. Ранее ректор работал в местной гимназии учителем и теперь добивался своего назначения ее начальником.

Возможно, поэтому отношения его с Андерсеном в 1824/25 учебном году несколько смягчились, хотя они по-прежнему были переменчивы и в целом далеки от идеальных. Как-то жена Мейслинга пригласила Ханса Кристиана к себе в комнату и предложила переехать из дома госпожи Хеннеберг, вдовы покойного бургомистра Слагельсе, на полный пансион в здание гимназии, где располагалась квартира Мейслингов. Здесь он будет платить за проживание ту же цену, а когда Мейслинги переедут в Хельсингёр — решение об этом уже было принято, — они возьмут его с собой, и в старшем классе, куда Андерсен *несомненно* (курсив мой. — *Б. Е.)* перейдет, ректор будет заниматься с ним латынью и древнегреческим и подготовит его к экзаменам на аттестат зрелости и к университетскому экзамену. Мейслинг тоже переговорил с Андерсеном об этом, и затем они оба, каждый в отдельности, изложили свои предложения в письмах Коллину, который на переезд согласился.

Вскоре Андерсен переселился в дом ректора и стал, таким образом, невольным свидетелем весьма скабрезных, с точки зрения викторианской морали, отношений между его хозяевами. Мейслинг рано ложился спать, тем самым невольно предоставляя полную свободу жене, вовсю флиртовавшей с офицерами расквартированного в Слагельсе уланского полка. Одну из конфузных ситуаций, касающихся лично его, Андерсен обрисовал в своих записках совершенно открытым текстом:

> «Это был весьма странный мир, который мало-помалу открывался мне все больше и больше. Я по-прежнему оставался совсем еще ребенком и краснел, пожалуй, гораздо чаще, чем того требовали обстоятельства. Хозяйка даже говорила: „Он совсем не мужчина!“ Однажды вечером она вошла ко мне и поведала, что стала худеть, что платье на ней висит, и попросила пощупать ее за талию, чтобы в этом убедиться. И пришлось мне преклонить колени перед супругой моего директора. Она угостила меня превосходным пуншем, была необычайно приветлива и добра, но… даже не знаю почему, я чувствовал себя словно на иголках, мне казалось тогда, что я поступил несправедливо, подумав о ней плохо, и как только представился подходящий момент, ретировался, ощущая дрожь во всем своем теле. Сплетни, распространившиеся по городу о ее поведении, подействовали и на меня, возможно, я и вправду несправедлив, но с того времени я стал относиться к ней с подозрением»[69].

Наступили летние каникулы 1825 года. Ханс Кристиан еще раз съездил в Оденсе; он опять

остановился у Хёг-Гульдберга — на этот раз вынужденно: по протекции полковника, возглавлявшего местный гарнизон, и епископа его мать поместили в богадельню, назначив ей небольшое содержание. Андерсен тоже, насколько мог, делился с матерью деньгами, хотя отчитывался за них перед Йонасом Коллином. В октябре того же года он сдал в Слагельсе на «отлично» испытание по математике, а затем и все остальные экзамены, в результате чего его перевели в четвертый, последний класс. Естественно, он тут же оповестил об этом всех своих друзей, написав им целых 14 писем.

Однако радовался он преждевременно, потому что с возобновлением занятий понял, что ему будет сложно угнаться за товарищами по классу и что уровень его знаний не отвечает полученным оценкам. Мейслинг тоже потерял терпение в общении с ним и вернулся к прежним насмешкам и издевательствам, хотя иногда возвращал ему свое расположение и по воскресеньям приглашал участвовать в семейных забавах, одной из которых явились как-то раз торжественные похороны сдохшей свиньи. Яму для нее вырыли в саду, засыпали ее песком и украсили цветами, а госпожа Мейслинг исполнила над могилой колоратурную арию.

Тем временем приближались рождественские каникулы, и Андерсен получил от госпожи Вульф приглашение провести их в ее семье: Петер Вульф получил к этому времени чин командор-капитана и назначение начальником Морского кадетского корпуса и жил с семьей во дворце Амалиенборг[70]. Здесь же Вульфы обещали на праздники поселить Андерсена. По приезде в Копенгаген его уже ждали там две комнаты с видом на площадь, а на одном из столов — подаренный ему трехтомник Шекспира в переводах Вульфа. Чувство благодарности переполняло Ханса Кристиана, и он тем

же вечером записал в дневнике, который начал вести незадолго до этого:

> «По этой площади я проходил много раз пять-шесть лет назад, когда не знал в городе ни души, а теперь живу в доме такой приятной и всеми уважаемой семьи и наслаждаюсь чтением собственного Шекспира. О, Боже, разве я не Аладдин, ведь я тоже нахожусь во дворце и наблюдаю, что происходит внизу, на площади? Добрый Боже, нет, Ты никогда не оставишь меня. Я готов расцеловать Тебя!»[71]

В следующие несколько дней Андерсен посетил почти всех своих копенгагенских знакомых: Эленшлегера и его дочь Шарлотту, Эрстеда, первооткрывателя электромагнетизма, в доме которого он встретил Рождество, Даленов, выручивших его когда-то в критическую минуту, профессора Хёг-Гульдберга, брата полковника из Оденсе, с которым Андерсен возобновил переписку и помирился теперь уже два года назад, актрису Королевского театра Биргитту Андерсен, давшую ему меткое прозвище «der kleine Deckamator»[72] (по одноименному названию немецкой книжки), а также фрейлину кронпринцессы. Естественно, перед каждым из друзей и знакомых он читал вслух отрывки из начатого (несомненно под влиянием Ингемана) исторического романа «Карлик короля Кристиана II». Перед Эленшлегером, кроме того, Ханс Кристиан прочитал недавно сочиненное им стихотворение «Душа».

Столь лихорадочная деятельность в Копенгагене не обошлась без конфуза. Во время большого бала, который Вульфы от имени Морского кадетского корпуса давали в своей новой резиденции, Андерсен застеснялся своего бедного костюма, переоделся во

фрак, но, обнаружив, что он слишком похож на фрачную пару официантов, застыдился и ушел, хотя перед этим очень гордился тем, что Эленшлегер лично нашел его в толпе гостей, чтобы пожать руку. Как раз в эти дни Андерсен впервые «придумал себе любовь». Его сотоварищи по старшему классу не раз хвастались, что влюбились в ту или иную особу. Соответственно, он решил, что пора полюбить и ему:

> «Я восторгался Эленшлегером и полагал, что чувство преклонения перед ним я смогу перенести на его дочь. Я находил некий поэтический символ в моей любви к его дочери и решил полюбить ее. Я не отрывал от нее глаз, хотел влюбиться так искренне, но не мог. И все же мои взгляды не остались незамеченными, и я слышал голоса: „Он влюблен в Лотту“. Тогда я и сам в это поверил, хотя прекрасно помню, как удивлялся тому, что можно влюбиться по собственному желанию! (Я оставался еще ребенком, так что речь не шла о настоящей любви!) И что же? Я думал, что люблю Лотту, а на самом деле любил ее отца. <…> Впрочем, это чувство или то, что я называю им, вскоре само по себе улетучилось — ведь нужно было возвращаться в Слагельсе»[73].

Увы, предаваясь радостям светской жизни, Андерсен должен был посещать в Копенгагене Мейслинга. Ректор, похоже, немного завидовавший светским успехам Андерсена, настоял на том, чтобы его ученик побыстрее возвращался в гимназию, чтобы вторую половину каникул провести у него в доме, присматривая за детьми. Когда Ханс Кристиан перед отъездом в очередной раз зашел к Мейслингу, его ожидала там крайне неприятная записка:

«Мне нечего сообщить Вам перед Вашим отъездом, желаю лишь передать настоятельнейшую просьбу, чтобы Вы по прибытии в Слагельсе употребили время не на писание рассказиков и стишков, которые Вы стряпаете к Вашей вящей забаве и на потеху Вашему окружению, а на выполнение школьных заданий. О том, до какой степени Вы *разочаровываете* меня, растрачивая время таким образом, когда Вам бы полагалось осваивать школьную программу, я собираюсь рассказать в личной беседе с Вами и заодно сообщить Вам некоторые сведения, которые, возможно, остудят Вашу страсть к сочинительству.

Мейслинг»[74].

Вернувшись в Слагельсе и ожидая приезда Мейслинга, Андерсен ужасно переживал: он думал, что под сведениями, которые должны «остудить его страсть к сочинительству», ректор подразумевает решение перевести его обратно в третий класс. Однако он ошибся. Приехав домой в прекрасном расположении духа, Мейслинг сообщил Андерсену, что разговаривал о нем с Эленшлегером и тот будто бы поведал, что слышал кое-что из им написанного и считает его невероятно тщеславным типом, который любую вежливую улыбку принимает за знак одобрения. Конечно, слова Эленшлегера огорчили Андерсена до глубины души. Но, с другой стороны, не сбылись и самые худшие его опасения: Мейслинг не собирался оставлять его на второй год!

В мае 1826 года Мейслинг с семьей, служанками, Андерсеном и еще одним учеником переехали на повозке с домашним скарбом из Слагельсе в

Хельсингёр, где как раз в это время проходили торжества по поводу помолвки принца Фердинанда (именно с ним, согласно автобиографическим заметкам Андерсена, он играл в раннем детстве во дворе оденсейского Замка). Путешествие произвело на Ханса Кристиана самое благоприятное впечатление, и он описал его в письмах, которые послал в Слагельсе приобретенным там за время учебы друзьям. Кроме того, он послал одно из писем Расмусу Нюерупу, университетскому библиотекарю, своему хорошему знакомому в Копенгагене, который ранее, в самые тяжелые для театрального ученика годы, бесплатно выдавал ему книги. Тому письмо настолько понравилось, что он напечатал его 1 июля 1826 года в альманахе «Новейшие описания Копенгагена» под названием «Отрывки путевых записок из Роскилле в Хельсингёр», весьма благоразумно опустив фамилию автора.

Первые дни пребывания в Хельсингёре Ханса Кристиана воодушевили, атмосфера занятий по сравнению с учебой в Слагельсе переменилась: классные комнаты были просторнее и светлее, а ученики вели себя самостоятельнее и не позволяли Мейслингу их запугивать. Через некоторое время, однако, жизнь вошла в привычную, словно проложенную из Слагельсе в Хельсингёр, колею. Особенно раздражало Андерсена поведение хозяйки, еще более разнузданное, чем прежде. В пору, когда Мейслинг был в хельсингёрской гимназии простым преподавателем, его семья особой популярностью здесь не пользовалась. Теперь же, когда он стал ректором, все местные дамы явились к ним на прием, и новая хозяйка гимназической резиденции стала отзываться о Слагельсе как об ужасном городе, в котором царят лишь злоба и клевета. В доказательство она в самых смачных выражениях рассказывала о собственных

похождениях, выдавая их за сплетни и возведенные на нее наветы. На вопрос Андерсена, зачем она это делает, госпожа Мейслинг ответила, что пусть уж лучше дамы узнают о клевете из ее уст — тем меньше они в нее поверят. Впрочем, скоро известия о ее новых эскападах распространились и в Хельсингёре. Мейслинг также, под стать супруге, стал вести себя крайне высокомерно и третировал подчиненных ему учителей. Показательна история о том, как он заставил преподавателя латинского языка прочитать ученикам диктант на французском языке, который тот знал плохо. Мейслинга все это время стояли за дверью и потешались над его произношением. Угнетали Ханса Кристиана и чисто бытовые детали его проживания: ректор стал жаловаться, что 200 ригсдалеров в год, которые платили ему за проживание и стол юноши в его доме, для Хельсингёра маловато. Кроме того, как писал Андерсен в автобиографических записках, его стали обделять даже за обедом. Если Мейслингу и гостям подавали жаркое, то ему приносили вареное мясо, но и тут, когда он однажды отрезал себе большой кусок, Мейслинг заметил: «Ого, а вы, оказывается, не прочь набить свой животик!» Вообще хозяйство Мейслингов в Хельсингёре велось с еще большей неряшливостью, а отношения между супругами стали даже склочнее, чем в Слагельсе; к ректору вернулась его всегдашняя раздражительность, в то время как хозяйка на все его упреки издевательски отвечала начальной фразой из водевильной арии: «Не верь ему, он лжет тебе…» Атмосфера неблагополучия усугублялась строгостью распорядка: после восьми вечера ворота гимназии закрывались, и Андерсен со своим товарищем по несчастью, еще одним учеником, жившим вместе с ним, оказывались в изоляции — одноклассники посещать квартиру Мейслингов не любили.

И все-таки Андерсен был готов мириться с житейскими неурядицами, если бы к ним не добавлялось психологическое давление со стороны ректора, упрекавшего его в полной бездарности и обвинявшего в интеллектуальном зазнайстве. Ему вторила госпожа Хенриетта Вульф, жена командор-капитана, в своих эпистолярных порицаниях по-матерински костерившая Андерсена за те же грехи, но не так уж несправедливо писавшая еще 15 ноября 1823 года:

> «Природа наделила Вас здравым умом, но ребенком Вы росли без призора, когда же достигли возраста, в котором могли проявить свои природные способности, и люди нашли, что жаль дать погибнуть тому хорошему, что есть в Вас, и они стали хвалить Вас и даже кое-что для Вас сделали, Вы составили себе — не скажу слишком высокое, но слишком выспренное представление о своих способностях и дарованиях. Между тем Ваши стихи однообразны, идеи и образы беспрестанно повторяются, а если Вы забираетесь в высшие сферы, то — простите матери, я ведь говорю с Вами сейчас как мать, — Вы впадаете в выспренность и ложный пафос. Талант Ваш сказывается только в юмористических стихах и прозе, и это нахожу не я одна, но многие, с кем я говорила по этому поводу. Вообще, милый Андерсен, пожалуйста, не воображайте себя ни Эленшлегером, ни Вальтером Скоттом, ни Шекспиром, ни Гёте, ни Шиллером и никогда не спрашивайте, по стопам которого из них Вам лучше идти. Ни одним из них Вам не быть! Такое чересчур смелое и тщетное стремление легко может совсем погубить те добрые, здоровые

зачатки, которые есть в Вас и которые обещают, что из Вас выйдет полезный и дельный человек»[75].

Но Андерсен не желал становиться всего только «полезным и дельным человеком», как настаивали на том и госпожа Хенриетта Вульф, и Йонас Коллин, и, в конце концов, даже сам Симон Мейслинг. Легко представить себе, с какой горечью он читал повторения материнских наставлений госпожи Вульф, с которыми она опять обращалась к нему в письме от 4 января 1827 года:

«Да, пора Вам возбуждать к себе не одно участие, но и уважение. Ваша поэзия, а также и проза — однообразное нытье. Будьте человеком, сильным и духом и телом! Не думайте постоянно о себе самом — это вредит и духу, и телу, — а прежде всего не говорите так много о себе и не выступайте так часто в качестве певца или декламатора, вообще умерьте свой пыл. Позвольте мне сказать Вам, что Вы плохо читаете по-немецки, а еще хуже по-датски, что Вы и читаете и декламируете аффектированно, тогда как воображаете, что читаете с чувством и воображением. Приходится быть настолько жестокой, чтобы сказать Вам: все смеются над Вами, а Вы не замечаете!»[76]

Следует признать, что с точки зрения житейской госпожа Хенриетта Вульф была абсолютно права и от всей души хотела Андерсену только добра. В ответ на его жалобы и стенания в другом письме от 8 марта 1827 года она писала ему:

«…все это только последствия того, что Вы вечно носитесь с самим собой, со своим великим „я“, воображаете себя будущим гением. Милый мой, должны же Вы понимать, что эти мечты несбыточны, что Вы на ложной дороге. Ну вдруг бы я вообразила себя императрицей Бразильской, неужели бы я, увидев всю тщетность моих попыток уверить в этом окружающих, не образумилась бы наконец и не сказала самой себе: „Ты — госпожа Вульф, исполняй свой долг и не дурачься!“ И неужели я не согласилась бы, что „лучше хорошо выполнять маленькую роль в жизни, нежели плохо большую“ только потому, что я сама забрала себе в голову этот вздор?»[77]

И верно, Андерсен никогда бы не стал великим писателем, если бы последовал советам госпожи Вульф. Но он стал им, отчасти потому — что им не последовал. Хотя в январе 1827 года он пребывал в глубоком отчаянии. Мейслинг внушал ему мысль не только о незначительности его таланта, но и о его полном ничтожестве, и отчасти ему это удавалось. Как сообщает Андерсен в автобиографических записках, он хотел тогда умереть: «С этой мыслью я ложился спать по вечерам, с ней просыпался утром». Возможно, под влиянием этих настроений он пишет крайне эмоциональное стихотворение «Умирающее дитя»:

Как устал я, мама, если бы ты знала!
Сладко я уснул бы на груди твоей…
Ты не будешь плакать? Обещай сначала,
Чтоб слезою щечки не обжечь моей.
Здесь такая стужа, ветер воет где-то…
Но зато как славно, как тепло во сне!
Чуть закрою глазки — света сколько, света,

И гурьбой слетают ангелы ко мне.

Ты их видишь?.. Мама, музыка над нами!
Слышишь? Ах, как чудно!.. Вот он, мама, вот
У кроватки — ангел с белыми крылами…
Боженька ведь крылья ангелам дает?..
Все цветные круги… Это осыпает
Нас цветами ангел; мамочка, взгляни!
А у деток разве крыльев не бывает?
Или уж в могилке вырастут они?

Для чего ты ручки сжала мне так больно
И ко мне прильнула мокрою щекой?
Весь горю я, мама… Милая, довольно!
Я бы не расстался никогда с тобой…
Но уж только, мама, ты не плачь — смотри же!
Ах, устал я очень!.. Шум какой-то, звон…
В глазках потемнело… Ангел здесь… все ближе…
Кто меня целует? Мама, это он![78]

Над чрезмерным мелодраматизмом этих стихов (перевод на русский достаточно адекватен) всласть посмеялись и Шарлотта Эленшлегер, и новая поклонница таланта Андерсена младшая Хенриетта Вульф, дочь его покровителей Вульфов, ставшая впоследствии самым верным другом поэта. Тем не менее стихотворение, впервые напечатанное вместе с параллельным текстом на немецком языке, скоро приобрело популярность и было напечатано в переводах на несколько языков, в том числе и в России (в 1856–1901 годах оно было напечатано в семи различных изданиях)[79]. Андерсен осмелился вставить его в письмо Йонасу Коллину, оправдывая нарушение

запрета на творчество тем, что стихотворение «вылилось само собой» всего за несколько минут и написать его труда не составило. Из чувства долга он также показал его Мейслингу, который, вызывая своего ученика в ректорский кабинет, часто называл его «ослом» и «бездарью».

> «Поверьте мне, — передает его слова Андерсен, — если б в вас была хоть малюсенькая искорка таланта, я бы не мог не разглядеть ее, я ведь сам пишу и знаю, что это такое. Но вы демонстрируете всего лишь полный разброд мыслей, глупость и сумасбродство! Если б вы обладали поэтическим даром, видит Бог, я поощрил бы вас, простил бы вам, что вы полный осел во всех школьных предметах и в грамматике, но вами движет идея фикс, которая доведет вас до сумасшедшего дома»[80].

В письмах 1826–1827 годов Андерсен не раз жалуется Коллину на ректора, не забывая всякий раз подчеркнуть, что Мейслинг, при всей его грубости, желает ему только добра. Более того, в 1826 году он пишет ректору письмо, в котором объясняет особенности своего поведения и просит о понимании и снисхождении. Описав в самых жалостливых словах свое положение бедного мальчика из народа и свои мытарства в Копенгагене, Ханс Кристиан продолжает:

> «Вы задаете мне вопрос — и кровь тотчас приливает мне в голову, из страха ошибиться я отвечаю невпопад, после чего мною овладевает отчаяние: „Из меня ничего не выйдет! Пропащий я человек!“ — и тогда я уж вовсе молчу как убитый. Вы сказали на днях, что я никогда еще

не учился так дурно, как теперь, но Бог свидетель, это не от недостатка прилежания. Нет, это все мое отчаяние, недостаток бодрости духа и спокойствия. Наверное, я должен бросить учение, которое мне не дается, но за что же тогда я возьмусь? У кого найду сочувствие и интерес ко мне, если я оттолкну от себя самое высшее — образование? Мне стыдно будет показаться на глаза людям, которые желали мне добра и ожидали от меня только хорошего. Совесть не упрекает меня в лености; я делал, что мог, и виною всему только моя бестолковость и беспокойный нрав. Мое заветнейшее желание продолжать учение, оставаться на той же дороге, на которую поставили меня Провидение и добрые люди. Окажется это невозможным — я буду бесконечно несчастен. Господи! Что же тогда будет со мной! Я ведь не буду тогда годен ни на что! Эта мысль убивает меня. Лучше мне было не родиться»[81].

Но увещевания не действуют, и отношения ученика и учителя становятся невыносимыми. Всякий раз после очередной стычки Андерсен теряет уверенность в себе и начинает сомневаться в своих способностях. Тогда, может быть, ему лучше вообще оставить гимназию и поступить куда-нибудь конторским служащим? Уехать, например, в датскую Вест-Индию[82], где письмоводители наверняка нужны?

Коллин писал ему в письме от 19 августа 1826 года:

«Будьте благоразумны и успокойтесь, Андерсен! Принимайте вещи такими, каковы они есть на самом деле, а не такими, какими Вы их воображаете. Неприятности на дорогах

жизни непременно встречаются, но отсюда не следует, что с них надо сворачивать. И особенно с дороги образования. Ее надо пройти до конца. Письменное суждение о Вас, которое ректор довел до моего сведения, чрезвычайно благоприятно, и потому Вам не следует терять головы или стойкости, когда он разговаривает с Вами серьезным и строгим тоном; он ведь Ваш непосредственный начальник, и Вы должны его слушаться. Всего наилучшего!»[83]

Коллин, по-видимому, не понимал остроты положения, в котором оказался или, вернее, в которое позволил себя вовлечь его подопечный. Чиновник просто не верил словам Андерсена, объясняя их его преувеличенной экзальтированностью. И то сказать! В своих докладах Коллину Мейслинг почти всегда своего ученика хвалил! Впрочем, он не мог поступить иначе. Хороший воспитатель не расписывается в своей некомпетентности!

Андерсен жаловался на Мейслинга и госпоже Вульф, и та, в конце концов узнав о сложившейся в Хельсингёре ситуации от третьих лиц, серьезно обсудила ее с Коллином, после чего тот в очень осторожных выражениях попросил ректора умерить его чрезмерную к Андерсену строгость. В ответ он получил откровенно грубый совет «не соваться в дела, в которых он ничего не понимает, основываясь только на слухах». Заодно от Мейслинга попало и Андерсену, который посмел жаловаться на него.

Получив от Мейслинга хамское, по сути, письмо, Коллин строго, но вежливо выговорил ему за грубость и предложил забрать Андерсена из его дома, после чего ректор моментально остыл и, извинившись, предложил оставить все как есть. В феврале 1827 года между

Андерсеном и Мейслингом произошло некоторое примирение, но оно, как всегда, продлилось недолго. Тогда Коллин предложил Андерсену перевести его в прежнюю гимназию в Слагельсе, но тот отказался. Таким образом, все осталось по-прежнему и, вероятно, не изменилось бы к лучшему, если бы в дело не вмешалось еще одно лицо — новый преподаватель древнееврейского языка в гимназии Кристиан Берлин, 22-летний молодой человек, бывший ученик Мейслинга, по традиции обедавший в доме своего наставника по воскресеньям. Он быстро понял невыносимость положения, в которое попал Ханс Кристиан, и, когда молодые люди вместе отправились на пасхальные каникулы в Копенгаген, посоветовал ему серьезно поговорить с Коллином о своей дальнейшей судьбе. Что тот и сделал с привычным уже нулевым результатом. Коллин, хорошо изучивший крайне переменчивый нрав юноши, то и дело переходившего от радостной восторженности к глубочайшей меланхолии, и на этот раз не захотел понять, что за внешне типовой психологической проблемой лежат серьезные личностные основания. По-видимому, в этом смог убедить его Берлин, серьезно поговоривший с ним. Какие именно привел учитель чиновнику доводы, до сих пор остается тайной, но, как бы то ни было, сразу после долгого разговора с ним Коллин решил забрать Андерсена из гимназии и в последний год до получения аттестата зрелости нанять для подготовки его к экзаменам частного преподавателя в Копенгагене.

Вместе с тем он приказал Андерсену отправиться обратно в Хельсингёр, чтобы вежливо и с достоинством попрощаться с Мейслингом, что тот и сделал. Как пишет Андерсен в автобиографических записках, переночевав в доме у одного из преподавателей — он прибыл в город поздно, ворота гимназии были уже закрыты, а данный ему женой Мейслинга ключ к

воротам не подошел, — наутро он приблизился к Мейслингу в библиотеке и сказал: «Я хочу попрощаться с вами и поблагодарить вас за все хорошее, что вы для меня сделали». В ответ он услышал: «Шел бы ты к черту!»

Через десять лет Андерсен случайно встретился с Мейслингом в Копенгагене. В письме Ингеману от 5 января 1838 года он сообщал:

> «На Рождество у меня была радость: Мейслинг встретил меня на улице и сказал, что должен объясниться: он плохо обращался со мной в гимназии, ошибался во мне, и сейчас ему от этого больно. Он просил забыть о его жестокости и сам сказал о себе: „Честь ваша, позор — мой!“ О, как это меня тронуло!»

Ту же встречу Андерсен описал в «Моей жизни как сказке без вымысла»:

> «Через несколько лет, когда мои сочинения завоевали читателя и только что вышел роман „Импровизатор“, я встретил ректора в Копенгагене. Он примирительно подал мне руку, сказав, что ошибался на мой счет и обходился со мной несправедливо. Я предоставил его угрызениям совести».

На протяжении долгих лет Мейслинг еще не раз вспоминался Андерсену. Как свидетельствуют его дневники, он довольно часто видел его во сне. Появление в них Мейслинга почти неизменно сопровождалось ощущением тревоги, волнением и переживаниями из-за невыполненного перед ректором — а также перед Йонасом Коллином! — долга. И лишь однажды, за полгода с небольшим до смерти, 9 декабря

1874 года, Андерсен увидел Мейслинга во сне с умиротворенным чувством:

> «Морфий подействовал сильно, и мне приснился сон, особенно приятный, потому что я в нем, сосредоточенный и спокойный, направлялся на экзамен. Вошел Мейслинг, и я сказал ему, чтобы он не слушал мои ответы — меня сковывает его присутствие и я боюсь ошибиться. После экзамена мы с ним отправились на прогулку. Он, по своему обыкновению, шутил, а я был весел и здоров. Мы скоро заговорили об искусстве и всем прекрасном и наконец сдружились, он ценил меня, а я — его. Пробудившись, я примирительному сну обрадовался».

Глава пятая
о настоящих и фантастических прогулках по Копенгагену и путешествии по Дании, во время которого Андерсен нашел даму своего сердца

Ах, как головокружительно прекрасно чувство недавно обретенной свободы! По возвращении в Копенгаген из Хельсингёра, где состоялось столь скандальное прощание с Мейслингом, Андерсен довольно быстро нашел себе жилье и поселился в доме по улице Вингордстреде в чердачной комнате, типичной романтической мансарде с единственным окном, из которого открывался вид на крыши зданий и стоящую чуть поодаль башню церкви Святого Николая — очень скоро вид из этого окна будет запечатлен в новых произведениях начинающего поэта.

Кандидат Берлин оказался поистине добрым гением Андерсена: по его рекомендации преподавателем, который должен был готовить юношу к экзаменам на аттестат зрелости, Йонас Коллин нанял его знакомого, кандидата Людвига Мюллера, прозванного за познания в области восточных культур «Мюллером Иудейским». Он занимался с Андерсеном по всем дисциплинам, кроме математики, в ней гимназист преуспел еще в Хельсингёре. Мюллер разительно отличался от Мейслинга: это был еще молодой человек (кстати, он преподавал латинский язык еще одному великому датчанину, Сёрену Киркегору), и с ним Андерсен не только сдружился, но и совершенно свободно вел споры на различные темы, даже те, в трактовке которых

собеседники расходились. Мюллер был истово верующим христианином, толкующим Священное Писание, следуя его букве. Андерсену, напротив, казалось «чем-то несерьезным, чем-то принижающим Господа Бога представлять его, вопреки слову Христа, строгим властелином, карающим человека вечным огнем без надежды на спасение за то, что он не смог побороть в себе присущее ему от природы»[84]. Вспомним, что примерно такую же ересь он приписывал своему отцу, который, согласно его воспоминаниям, отрицал существование черта. «И вообще нет никакого дьявола, кроме того, которого мы носим в собственном сердце» — эту фразу Ханс Кристиан вкладывал в уста отца в автобиографических записках. В спорах с Мюллером Андерсен сам, теперь уже напрямую, не прибегая к ссылке на третье лицо, утверждал, что «дьявола не существует и присутствует он лишь в образных выражениях». Учитель и ученик вели настоящие богословские сражения, так что однажды, когда Андерсен невзначай заметил, что хотел бы изучать в университете теологию, Мюллер сказал, что, если бы Андерсен решил стать священником, он, как учитель, публично выступил бы с заявлением, что его бывший ученик недостоин рукоположения.

Как видим, теперь Андерсен наслаждался свободой даже на занятиях, в гимназии воспринимавшихся им как тягостное и скучнейшее времяпрепровождение. Единственная отрицательная сторона возвращения в Копенгаген — ему приходилось экономить на всем: стипендия его оставалась прежней, но из нее нужно было платить за учебу. Впрочем, эти траты с лихвой восполнялись обедами по понедельникам у командора Вульфа, по вторникам у конференц-советника (то есть почти министра) Йонаса Коллина, по средам у статского советника, одного из директоров Королевского театра,

Готше Ханса Ольсена, по четвергам у госпожи Фредерики Мюффельман, сестры горничной Мейслингов, по пятницам у статского советника Эрстеда, по субботам у управляющего королевскими складами Баллинга. Воскресенье Андерсен оставлял свободным. В этот день его обычно приглашали в гости, и он мог выбирать среди приглашающих. Отсюда, однако, не следует, что он злоупотреблял гостеприимством друзей и знакомых: пользоваться им у студенчества того времени не считалось зазорным. Андерсен «обедал по знакомым» и бесплатно гостил в богатых поместьях и в последующие годы, когда стал известным и признанным писателем, — теперь он был «гвоздь» обеденной программы и незаменимый собеседник.

Особенно благожелательный прием он встречал в семействе Вульфов, дочь которых Хенриетта Вульф-младшая относилась к нему с большой теплотой и искренностью. У Йетте Вульф был только один недостаток — ее внешность портил небольшой горб. Девушка стойко переносила это жизненное испытание и брала умом, обаянием и верностью. Выслушав (конечно же в декламации самого автора) стихотворение «Вечер», написанное Андерсеном под впечатлением пешего путешествия из Хельсингёра в Копенгаген в 1826 году, Йетте сразу же отметила характернейшую черту его таланта — иронию.

Особенно нравилась ей последняя строфа, в которой насмешливо, но с сочувствием обыгрывался образ поэта — созерцателя буколических дорожных картин. Попытаемся представить эту строфу в нерифмованном прозаическом переводе:

А вон, у склона, долговязый тип
С лицом, как у бедняги Вертера, поблекшим,
И носом, мощным, словно орудийный ствол,

И глазками — величиной с горошек.
Он напевает что-то, вопрошая «Woher?»[85],
И вдаль глядит на Запад.
И долго так стоит. Зачем, к чему?
Оставьте! Знать всего нельзя.
Хотя я знаю твердо: он — безумец,
Влюбленный иль поэт.

Как и многие другие друзья Андерсена, Йетте всячески поддерживала и одобряла оптимистический заряд, привносимый в его творчество юмором. И Андерсен охотно с ней соглашался. Теперь он был не против и попаясничать — чуть ли не в духе блаженной памяти Мейслинга. О неформальном запрете на творчество, когда он вырвался из гимназии, уже забыли, и в голове у 21-летнего молодого человека роились самые различные планы и замыслы. Однако прежде он должен был получить окончательную свободу, которую давало только образование. И он ее получил! Не без трудностей, но Андерсен все же сдал письменные и устные экзамены на аттестат зрелости по древним языкам и по математике. В последнем случае его экзаменовал знакомый преподаватель, которого он встречал в доме у своего ученого друга Эрстеда. С самого начала преподаватель спросил, о чем собирается писать экзаменуемый поэт, когда сдаст экзамен. Андерсен смутился, разволновался, зажестикулировал рукой и обрызгал чернилами лицо математика. Тот сделал вид, будто ничего не заметил, вытер лицо платком и продолжал задавать вопросы.

Через год, 21 октября и 14 ноября, Андерсен сдал и так называемые вторые университетские экзамены по специальностям «философия» и «филология», что давало ему право называться кандидатом философии и учиться дальше в университете, а за год до этого ему

была продлена образовательная стипендия, поступавшая из фонда «ad usus publicus» (секретарем фонда в то время был Йонас Коллин). Наступила пора решать, продолжит ли Андерсен свои университетские занятия и какую, в таком случае, профессию выберет. Или же он полностью посвятит себя литературному творчеству? Андерсен прямо поставил вопрос о своей судьбе перед Йонасом Коллином. Мудрый Коллин ответил ему: «Во имя Господа, идите тем путем, который вам, по всей видимости, предназначен, наверное, это лучше всего для вас!» Как лукаво писал сам Андерсен: «Сердце мое тоже подсказывало поступить именно так. Поэтому я вдвойне обрадовался тому, что наши мнения совпадали, и принял теперь уже окончательное решение»[86]. Он давно уже для себя все решил. Тем более что, не теряя времени даром, он уже делал первые успехи в литературе: выпустил книгу романтической прозы, благосклонно принятую читателями и критикой, написал водевиль, поставленный в Королевском театре, и подготовил к публикации первый сборник стихов.

Когда Андерсен готовился к экзаменам, ему почти ежедневно приходилось совершать пешком долгий путь к преподавателю и обратно. Мюллер жил на окраине тогдашнего Копенгагена в Кристиансхавне на острове Амагер. По дороге ученик исправно повторял урок, а возвращаясь обратно, выдумывал фантастические сценки с собственным участием в духе романтических повестей Э. Т. А. Гофмана, творчеством которого давно уже увлекался. Так возникло первое значительное прозаическое произведение Андерсена «Прогулка от Хольмен-канала до восточной оконечности острова Амагер, предпринятая в 1828–1829 годах». Говоря о годах, Андерсен немного играет с читателем: прогулка в его произведении начинается с десяти вечера 31

декабря 1828 года и заканчивается 1 января 1829 года через некоторое время после полуночи. Несколько глав из книги автору удалось напечатать в журнале влиятельного и еще молодого писателя и критика Йохана Людвига Хейберга «Копенгагенская летучая почта», с которым он познакомился в доме у Эрстеда. Хейберг также напечатал в своем журнале несколько стихотворений Андерсена, включая впервые увидевшее свет в Германии и уже упоминавшееся стихотворение «Умирающее дитя». В полном варианте «Прогулка» вышла 2 января 1829 года, а типографские расходы были оплачены самим Андерсеном. Известный датский издатель Карл Андреас Рейцель предложил ему за книгу всего 70 ригсдалеров, и писатель выпустил ее самостоятельно, за свой счет. Рейцель просчитался. Книга скоро разошлась в количестве 500 экземпляров, и за второе ее исправленное и дополненное издание пришлось предложить автору более выгодные условия. А еще через десять лет «Прогулка» вышла третьим изданием с приложенной к ней и ранее уже опубликованной в журнале положительной рецензией Хейберга.

Как писал рецензент, «автор „Прогулки“ находится в том же положении, что и живописец, который, прежде чем перейти к более строгой композиции, пробует свои силы в красочных арабесках. Случайные, разнородные и безотносительные друг к другу, они могут быть объединены только оригинальностью и грацией единого художественного целого». Действительно, множеству эпизодов повести свойственно единство — почти безграничной и демонстративной свободы, которой руководствуется ее автор. Чтобы лучше понять замысел книги, приведем первую ее главу, своеобразное предисловие:

«В ночь накануне нового, 1829 года я сидел один-одинешенек в своей каморке и смотрел из окна на заснеженные крыши домов[87], как вдруг в меня вселился Злой дух, он же Дьявол, и зародил во мне греховную мысль стать писателем. О том, как преследует он нас, ничтожных людей, мог бы рассказать вам миф под названием „О втором Всемирном потопе“:

— И Господь сказал Ною и его племени: „Я поставлю с тобою завет Мой, что отныне воды Потопа не будут истреблять плоть человеческую и опустошать землю“.

С этими словами над землей вознеслась радуга, и Ной поверил Иегове. Но слова Господа услыхал из глубокой бездны сам Дьявол, заскрежетавший от злости зубами. Ибо и у Господа есть враги, а злейшего из них зовут Сатаной, который воспротивился милости Господней, что было с его стороны величайшей наглостью. Ведь все моря и озера, реки и ручейки, и облака в небе услышали слова Иеговы и подчинились Его велению. Дьявол призадумался. Он думал три тысячи лет и на четвертую вскочил, воскликнув: „Я понял! Нашел! Пусть зло исходит от людей! И землю зальет еще один Потоп, хоть Он и сказал, что не будет больше опустошать землю“. И Дьявол призвал к себе своих вассалов и сказал им: „Мессиры! Вы распространитесь по земле и соблазните сынов Адама стать писателями. Да истечет от них новый Потоп и опустошит землю. Я свое дело сделал, делайте вы свое!“

Поверьте, я противился изо всех сил, но Злой дух уже вселился в меня, и я не мог усидеть на месте. Но, куда бы я ни направлял в

> этот решительный миг мой взгляд, все дороги поэзии были уже заезжены, так что на любой из них я легко мог сломать шею, а то и ногу. Так куда ж мне направиться? В любом случае, вперед! — И я увидел остров Амагер — самое подходящее ристалище для моей бунтующей крови. По дороге туда еще не проезжал ни один всадник-поэт. Недолго думая я почитал о тамошних местах в „Описании Копенгагена“ у Нюерупа и в „Атласе“ Понтоппидана и сунул в карман „Эликсир дьявола“ Гофмана — вдруг мне не хватит фантазии? Я еще раз попытался укротить свою плоть и покончить с пороками, но укоренившийся Злой дух воскликнул: „Ну, пошел!“ — И что же мне, бедняге, осталось делать!»

Далее следуют 13 глав «Прогулки», в которых по дороге на Амагер автор попадает в самые невероятные, фантастические положения (он то воспаряет ввысь на крыше растущего, как живой организм, здания, то попадает в воображаемый Храм поэзии, то оказывается в птичьей клетке или в водолазном колоколе). Такое построение книги позволяет автору с игривой легкостью обсуждать самые различные предметы эстетики, литературы и городской жизни и даже предсказывать будущее, а также обрисовывать в весьма бурлескной манере свою собственную персону. В самом начале прогулки автор, подобно Геркулесу на перекрестке дорог, встречает румяную и жизнерадостную Хозяйку из Амагера, сулящую, если он пойдет с ней, все радости жизни, и соперничающую с ней молодую «высокую и бледную даму, напоминающую умирающую Элоизу, в глазах которой прочитывалась последняя сцена глубокой трагедии». Конечно же поэт выбирает романтический идеал, приводящий его… в

Канцелярию, на ступенях лестницы которой дама исчезает, обернувшись незнакомой женщиной в разорванном, свисающем лохмотьями платье, с растрепанной прической и глубокими ссадинами на теле, явными следами варварского с ней обращения. «Не убивайте и не мучайте меня! — кричит она. — Во имя всего святого, оставьте меня!» Удивленный ее обликом и поведением автор спрашивает женщину, кто же посмел так надругаться над ней.

«Увы, — вздохнула она, — так ведет себя со мной полгорода и даже полмира!» Ведь она — это муза поэзии. Каждый считает своим долгом наброситься на нее, мучает ее без предела, заставляет петь, таскает за волосы да еще норовит ущипнуть. Над музой издевается и стар и млад при каждом удобном случае: на свадьбах и похоронах, даже на церемонии первого причастия. Ей нет спасения. На нее покушаются люди из всех сословий, и Канцелярия — ее последнее прибежище, здесь, за архивными полками, она ищет спасения от людской алчности и надеется в ожидании лучших времен пережить лихую годину.

Автор пытается переубедить ее: муза, явно преувеличивая, сгущает краски. Но, сам того не замечая, он переходит в своей речи на ямбический стихотворный размер, после чего возмутившаяся этим женщина исчезает.

Перед нами мастерски выверенная аллегория, страдающая, возможно, лишь недостатком конкретности, которая неизбежно превратила бы ее в сатиру. Но это всего лишь первый фантастический персонаж из многих, ожидающих читателя на страницах «Прогулки». Андерсен выводит среди них и самого себя — в образе котенка. Он мурлычет песню — элегию по утраченному детству с названием «Прежде и теперь», которой восторженно внимает Кошка-тетя. В ответ на ее похвалы Котенок-поэт, скромно потупив

глаза, признается: «Ах, бывают в жизни мгновения счастья, когда я сижу в кругу молодых и образованных кошек и слышу при чтении стихов тихие вздохи, вижу священную слезу на бледной щеке возлюбленной мадемуазели... О, в такие минуты я так остро ощущаю мое призвание к искусству и готов прижать всех собравшихся к моему бьющемуся сердцу, забывая о тщетности земной борьбы».

После этого кошки вместе исполняют моцартовскую арию «Non so piu cosa son, cosa faccio»[88], пока их не прогоняет палкой вступающий на сцену ночной сторож.

Было бы странно, если бы в первом же своем значительном прозаическом произведении Андерсен не затронул тему театра. Продолжая свой путь на Амагер, автор вступает в колонный зал и затем на небольшую площадь, где замечает необычно одетых людей и ряд повозок с запряженными в них орлами. Присмотревшись внимательнее к входу в одно из зданий, он обнаруживает дверь с табличкой «2129» и осознает, что оказался в будущем, сделав прыжок во времени на 300 лет вперед. Чуть ниже надписи он видит афишу премьеры спектакля под названием «Падение Роата» с напечатанной тут же, еще до представления, рецензией на него, что, как оказывается, принято в театральном мире будущего.

Вслед за этим следует еще несколько изменений в окружающей обстановке, схожих по стремительности с динамикой новейшего современного мультфильма. Просмотрев несколько сцен в «Калейдоскоп-театре», автор оказывается на крыше высокой башни, над которой пролетает, мгновенно превращаясь в далекую точку, огромный «паролёт». С этого диковинного летательного аппарата вниз слетает лист бумаги — письмо некоего лица из будущего своим далеким предкам с описанием на французском языке

проделанной им поездки. Всего за шесть недель путешественник успел посетить все «основные достопримечательности половины земного шара»: могилу Наполеона с огромным чугунным памятником ему, руины турецкого сераля, Софийский собор, «когда-то в XIX веке служивший мечетью», греческий обелиск Свободы, по слухам, изваянный самим Торвальдсеном. Стоит отметить, что среди стран, в которых путешественник побывал, он выделяет Россию:

> «Жемчужиной среди европейских стран является сейчас и пребудет могущественная Россия. Достижения культуры она усвоила поздно, но ныне сияет полным великолепием. На ее пустынных степях выросли многолюдные города, а Сибирь являет собой лучшее доказательство того, что чем больше вы возделываете землю, тем мягче становится ее климат. Вряд ли кому-нибудь ныне придет в голову, что когда-то Сибирь была местом ссылки».

Андерсен далее пророчествует о том, что, возможно, в будущем изменится само местоположение материков:

> «„Возможно, наступит время, когда американцы станут совершать туристические паломничества в матушку-Европу, многие моря и бухты превратятся в твердую сушу, а возделанные поля зарастут водорослями под морскими волнами. Очень может быть, что даже само Северное море приобретет новые очертания и оно будет биться о берега земель, население которых никогда не видело моря раньше; возможно…“ — здесь письмо

путешественника обрывалось. Мною владело странное настроение. В самом деле, не так-то просто стать за одну минуту на 300 лет старше».

Фантазия Андерсена, разыгравшаяся на страницах «Прогулки», все же не так безгранична и произвольна, как на первый взгляд может показаться. Ее автора занимают интеллектуальные, философские и психологические вопросы, хотя большей частью он лишь образно ставит их и более любопытствует, чем философствует. В одной из глав, например, он встречает на своем пути высокого человека, закутанного в пальто и в надвинутой на глаза шляпе. Присмотревшись внимательнее, автор узнает в нем старого школьного приятеля.

Тот, даже не успев поздороваться, жалуется автору на жизнь и дурные предчувствия и кошмары. Голос его звучит так искренне, что автор, небольшой охотник до дружеских исповедей, все же проникается к нему жалостью и сочувствием.

Бóльшую часть своих мучений приятель связывает с охватившей его, по всем признакам, душевной болезнью. Он не может подолгу оставаться в четырех стенах и много времени проводит вне дома, хотя и здесь, на шумных улицах, где ему не встречается ни одного знакомого лица, остается таким же одиноким, как наедине с самим собой. Его неотвязно преследуют философские вопросы.

Бывают моменты, говорит приятель, когда он видит себя насквозь. Перед ним открывается вся Вселенная, и, вглядываясь в бесконечность, он полностью поглощается ею вместе со всеми своими мыслями. В такие минуты он видит, как что-то сверхъестественное проникает во все существа и предметы. Разве это не чудо, что Земля висит в пространстве без всякой опоры?

Или каким образом из маленького семечка вырастает дерево, которое опять же, в бесконечном ряду произрастаний, порождает новые семена? Или как же получается, что мы способны совершать движение рукой, стоит нам *захотеть* сделать это движение? Как сообщаются между собой мысленное и чувственное? И что такое наше «я»? Что именно в нас думает и что чувствует? В минуты, когда вы пытаетесь постигнуть непостижимое и ваша мысль впивается в самою себя, все вокруг исчезает и вы повисаете в бездонной пропасти, заставляющей умолкать разум.

Попытки автора успокоить знакомого нисколько на того не действуют, и он продолжает рассказывать, как однажды рано вернулся к себе домой и сел за клавир, несмотря на запрещение доктора играть на нем по вечерам. Звуки музыки стали перемешиваться с мыслями, мучившими его прежде. Тогда, чтобы отвязаться от них, он подошел к окну и взглянул на безлюдную в это время улицу. В миг страшное, но живое чувство охватило его, и ему захотелось прыгнуть в окружающее его огромное пространство. Усилием воли он сумел отпрянуть от окна, сесть на стул и взять несколько аккордов. И тут дверь сама собой отворилась и странные пестрые существа проникли в комнату, обратив к нему свои исхудавшие лица и гримасничая. Они то сливались в одно большое безобразное лицо, то разлетались на бесчисленные их множества. Касаясь его тела, они кидали его то в жар, то в ледяной холод. Потом, как показалось приятелю, он увидел перед собой свое собственное «я». Он попытался закрыть глаза, но это не помогло, он чувствовал, как обхватившее его «я» стало высасывать из него жизнь и кровь.

Автор снова принялся успокаивать приятеля и перевел разговор, спросив, кто же мог на него напасть. Его собеседник уверенно заявил, что это был сам дьявол. Но дьявол не существует, возразил ему автор и

стал приводить в пользу этого свои доводы. Их разговор постепенно перешел в спор, во время которого полы пальто приятеля неожиданно распахнулись, и стало видно, что он совсем недавно встал с постели. Когда же, обратив на это внимание, автор заглянул под поля его шляпы, чтобы встретиться с ним взглядом, то обнаружил, что веки собеседника опущены и что все это время он разговаривал с бодрствовавшим во сне, то есть с лунатиком. К счастью, они уже дошли до переулка, в котором стоял дом приятеля, и тот благополучно свернул в него.

Таков один из наиболее законченных эпизодов «Прогулки», по сути почти законченная новелла в стиле Стивена Кинга. За исключением него, все остальные носят отрывочный характер фантастических историй с «открытыми», то есть обрывающимися концовками. Сменяя друг друга, они образуют основную сюжетную линию «Прогулки», на протяжении которой автор встречается с мифическими и аллегорическими лицами или говорящими животными (в одном эпизоде мы встречаемся с цепной собакой и лошадью, читающими лекции по эстетике) и делает по ходу повествования различного рода завуалированные сатирические намеки на некоторых знакомых. В одном случае, например, когда автор-повествователь попадает в стеклянную капсулу, плывущую под водой, мы встречаемся с фигурой Черта, в которой угадывается Симон Мейслинг. «Он выглядел ужасно. Щетина волос на его сизо-красном лице беспорядочно торчала во все стороны. Глаза в зеленоватой мгле вылезали из орбит. По моему телу пробежал ледяной озноб; я находился как раз над его головой. Если бы стеклянная оболочка капсулы треснула, меня пронзил бы торчащий из его лба раскаленный рог».

В некоторых эпизодах повествования автор предоставляет слово не только животным, но даже

предметам. Такова, например, история уже упоминавшейся книги Гофмана «Эликсир дьявола». Она сама рассказывает, как ее сочинял Гофман по ночам в присутствии жены — так ему было страшно, как ее печатали на отдельных листах и переплетали и как она проводила время на складе издательства «Гюльдендаль» (кстати, существующего и поныне), после чего попала в книжный магазин, а затем в библиотеку. Отсюда ее кто-то берет почитать — и здесь на полуслове история обрывается.

Одушевление предметов и рассказ от их «первого лица» — любимый прием Андерсена в его сказках и историях, примененный им впервые еще в «Прогулке». Перекликаются со сказками некоторые ее эпизоды и по содержанию. Достаточно сравнить эпизод с выпавшим из «паролёта» письмом и историю «Через тысячу лет».

Отдельные фрагменты, идеи, образы, персонажи и литературные аллюзии «Прогулки» почти не связаны между собой и объединены только образом ее автора. В этом смысле главным героем их является он сам, подчиняющийся только одному принципу — Свободы с большой буквы и легкости пера, с которой он создавал книгу, его романтической иронии. Когда автор в тринадцатой главе добирается-таки до восточного побережья острова Амагер, он вспоминает, что обещал читателям и подписчикам своей книги произведение из четырнадцати глав. Что ж, не беда! Он сдержит слово и напишет четырнадцатую главу. Приведем ее полностью, это необременительно:

«Глава 14

(Не содержит ничего)- !!! - ? — , - ;- .-!» — ?-, —, -,-! -: «—;- !- !!!!!!!»

Иными словами, автору дозволено все, ведь он тоже — Творец!

Успех «Прогулки» окрылил автора, и, как-то перечитав свою трагедию в стихах «Лесная часовня», он воспринял ее как пародию и решил написать настоящий водевиль, исполненный веселья и оптимизма. Так, весной 1829 года за неделю с небольшим до сдачи вторых университетских экзаменов Андерсен написал пьесу «Любовь на башне церкви Святого Николая, или Что скажет партер» и представил ее дирекции Королевского театра. Мнения директоров разделились: Рабек выступил против постановки пьесы из-за того, что в ней спародирована реплика из эленшлегеровской трагедии «Аксель и Вальборг», но Ольсен и Коллин вступились за пьесу, и она была поставлена. Вот как описывает ее содержание сам Андерсен в «Сказке моей жизни без вымысла»:

> «В своей пьесе я высмеивал тогда уже выходившие из моды пьесы о рыцарях былых времен и еще немного подшучивал над восторгами по поводу водевилей.
>
> Содержание моего сочинения сводилось к следующему. Сторож церкви Святого Николая, который высокомерно причислял себя к рыцарскому сословию, хотел выдать свою дочь за сторожа соседней церкви, в то время как девушка любила молодого портного. Когда сговорившиеся уже поднимали чаши с пуншем, празднуя взаимное согласие, молодая пара бежала с праздника в гостиницу, где тоже танцевали и веселились. Оттуда сторож забрал дочь домой, после чего она объявила себя сумасшедшей, сказав, что разум к ней не вернется до тех пор, пока ей не вернут ее

портняжку. Отец решил тогда, что дело должна решить судьба. Хотя как узнать ее волю? И тут у отца возникает мысль, что в качестве Пифии в данном случае пусть выступит сама публика. Пусть публика решит, кому достанется невеста, сторожу или портняжке? Обратились к одному из молодых поэтов, чтобы тот изложил конфликт в форме водевиля. Если во время его представления публика засвистит или зашикает, это будет означать не фиаско молодого автора, а голос судьбы, возглашающий, что девушка должна выйти замуж за сторожа. Если же, напротив, водевиль удастся, это будет означать, что она должна достаться портняжке. Естественно, все персонажи пьесы только и думали, что о сцене, где в заключительной песне молодая пара молила публику об аплодисментах, в то время как противная сторона упрашивала ее освистать пьесу или, по крайней мере, ее зашикать!»[89]

Как ни странно, но спектакль даже с таким витиеватым сюжетом (водевиль в водевиле) удался. Этому немало способствовал прием вовлечения в действие публики, среди которой находилось немало студентов, однокашников Андерсена, сдававших вместе с ним университетские экзамены и успевших с ним подружиться. Как сообщает Андерсен в «Сказке моей жизни», услышав гром аплодисментов, он рванулся из-за кулис и побежал к Коллинам[90]. «Дома была лишь его супруга; я почти без чувств опустился на первый попавшийся стул и зарыдал. Добрая женщина не знала, что и подумать, и принялась утешать меня: „Ну же, не принимайте это так близко к сердцу, ведь и Эленшлегера освистывали, да и многих других поэтов

тоже!“ — „Меня вовсе не освистали! — прервал я ее, рыдая. — Мне хлопали и кричали: да здравствует автор!“»[91].

Успех пьесы оказался кратковременным. Весенний театральный сезон подходил к концу, и спектакль прошел только три раза.

Настоящая удача ожидала Андерсена совсем в другом месте. Оседлав успех, уже в декабре 1830 года он выпускает сборник «Стихотворения», в который вошли, кроме новых, также ранее напечатанные стихотворения, включая упомянутые уже «Вечер» и «Умирающее дитя». Из других можно отметить стихотворение «Солдат» — о казни в Оденсе испанского солдата, покусившегося на жизнь француза. Сам Андерсен, будучи тогда ребенком, не мог быть свидетелем его расстрела, но память о нем сохранилась у местных жителей. Стихотворение впоследствии было переведено немецким писателем и поэтом Адельбертом фон Шамиссо (1781–1838) и затем вошло в сборник немецких солдатских песен. Между Андерсеном и Шамиссо произошел своего рода обмен: Шамиссо, умевший читать по-датски, перевел стихотворение Андерсена, а Андерсен позаимствовал у немецкого писателя, автора знаменитой романтической повести «Удивительная история Петера Шлемиля», образ Тени ее главного героя: он стал ключевым в его одноименной сказке «Тень», по мотивам которой Евгений Львович Шварц создал едва ли не самую острую свою сатирическую драму, поставленную в СССР в 1940 году. В том же поэтическом сборнике 1830 года впервые появляется и образ Снежной королевы в стихотворении, посвященном властной и холодной искусительнице, губящей датского юношу. Впоследствии Снежная королева переходит в знаменитую одноименную андерсеновскую сказку (1845), а затем и в сказочную

повесть «Ледяная дева» (1862), поэму в прозе о роковом великолепии швейцарской природы. Чуть раньше, в 1847 году, ее образ появляется и в «Моей жизни как сказке без вымысла» в описании смерти отца Ханса Кристиана: «Отец умер на третий день; тело его покоилось на постели, а мы с матушкой легли спать на кухне, и всю эту ночь стрекотал сверчок. „Он умер, — сказала матушка сверчку. — Можешь ему не петь. Его забрала ледяная дева!“ Я понял, что она имеет в виду: как-то зимой, когда у нас в доме замерзли стекла, отец показал на ледяной узор, напоминающий девушку с распростертыми руками. „Наверняка она хочет обнять меня!“ — сказал он в шутку»[92].

Впрочем, в сборнике преобладают созерцательные и умиротворенные по тону пейзажные и жанровые юмористические стихотворения, прекрасным образцом которых может служить стихотворение «Вечером». Приведем его последнюю строфу:

> Там, где малина растет, у церковной ограды,
> Села старуха на камне в час тихой отрады;
> Прядь серебристых волос шевелит ветерок…
> Тут же, у ног, с молоком деревянная чашка;
> Палку держа на коленях и охая тяжко,
> Что-то старуха жует: верно, хлеба кусок…
> Двое влюбленных сидят на пригорке отлогом,
> Там за стеною… И пусть их сидят себе с Богом!..
> [93]

За свою жизнь Андерсен написал огромное количество стихотворений, рассыпанных по различным газетам и журналам, издал при жизни 12 поэтических сборников и украшал стихами свои путевые записки и даже романы. Он также привнес в современную ему

датскую поэзию ряд весьма своеобразных «стихотворений в прозе». Осенью 1839 года он издал сборник из двадцати литературных эскизов, обрамленных местом их создания — мансардой (не в доме ли на улице Вингордстреде?), в окно которой заглядывает по вечерам месяц, рисуя перед автором-художником живые картины деревенской, городской или даже мифической (взятой из литературы) действительности, которые ему удалось подсмотреть днем. Своеобразие картин, рисуемых месяцем и воспроизводимых в виде словесных эскизов художником, заключается в том, что Андерсен декларирует в них отсутствие традиционных в поэзии образов, которые навязывали бы читателю их внутренний смысл или же идею. Это своего рода компьютерные «ролики», не сопровождаемые закадровым авторским текстом. Вот, наверное, почему циклу, со временем дополненному в издании 1854 года до тридцати трех «вечеров», автор дал труднопереводимое на русский язык (да и на датском языке невнятное) название, которое, по-видимому, следует переводить как «Книга картин без поэтических образов, или О чем рассказывал месяц». Среди картин есть жанровые сценки, как, например, в кратком «Вечере XXVI». Приводим его полностью:

> «Это было вчера поутру, на заре! — говорил месяц. — В большом городе не дымила еще ни одна труба, а я на трубы-то как раз и глядел. Из одной из них высунулась сначала чья-то голова, а потом и туловище по пояс; руки держались за края трубы. „Ура!“ Это был мальчишка-трубочист; он впервые в жизни пролез через всю трубу и теперь глядел из нее на божий свет. „Ура!“ Да, это небось не то что карабкаться по узким коленам каминных труб! Ветерок так

приятно освежал лицо трубочистика, а уж что за вид открывался ему оттуда! Весь город был как на ладони, а вдали виднелся зеленый лес. Вдобавок в ту же минуту взошло солнце. Его круглый, румяный лик глянул на лицо трубочистика; оно все светилось от радости, даром что порядком было замазано сажей. „Теперь весь город может любоваться мной! И месяц, и солнце!“ — сказал он и замахал метлой»[94].

В «Вечере XXVIII» Андерсен, напротив, создает настроение, которое тоже как будто определяется не автором, а самой живописью картины:

«Море как будто заснуло! — рассказывал месяц. — Волны его спорили прозрачностью с волнами чистого эфира, в котором я плыл. Взор мой проникал в водяную глубь и ясно различал там причудливые растения; их саженные стебли тянулись ко мне, точно какие-то гигантские древесные стволы; над вершинами их проплывали рыбы. Высоко в небе парил лебедь. Взгляд его печально следил за удалявшейся воздушной вереницей, а сам он, широко распластав неподвижные крылья, плавно опускался вниз, как опускается в недвижном воздухе мыльный пузырь. Вот лебедь коснулся морской поверхности. Спрятав голову под крыло, долго покоился он на лоне вод, точно белый лотос. Вот потянул ветерок и зарябил морскую поверхность, сиявшую той же прозрачной лазурью, как и синее небо; казалось, это катило свои волны не море, а самый небесный эфир. Лебедь поднял голову и встрепенулся; голубыми искрами заблестели

стекавшие с его груди и спины капли воды. Утренняя заря зарумянила облака, и лебедь, освеженный и подкрепленный, плавно поплыл навстречу восходящему солнцу, туда, где виднелся вдали синеющий берег. Туда направилась вся воздушная вереница, туда же направил свой полет и одинокий лебедь. С тоской в груди один-одинешенек медленно летел он над голубой водяной равниной!..»

Как видим, Андерсен все же прибегает к традиционным поэтическим метафорам, его слова в названии цикла об отсутствии их скорее указывают на принципиальный отказ от навязывания автором идеи читателю. Он хочет, чтобы тот сам искал ее или же наслаждался создаваемым самим рисунком настроением. По сути своей в этом цикле Андерсен стремился к созданию словесного импрессионизма. «Книга картин без поэтических образов» была сдержанно встречена в Дании и имела очень большой успех в Германии. Отдельные «Вечера» из нее еще долго перепечатывались в немецких сборниках произведений Андерсена и на страницах немецких литературных журналов. Успех «Вечеров» в Германии докатился и до России. Во всяком случае, первую обнаруженную до сих пор публикацию произведений Андерсена на русском языке в петербургском журнале «Маяк современного просвещения и образованности» за 1840 год составляют именно они. Учитывая, что «Картины» впервые появились в оригинале в 1839 году, оперативности русских издателей XIX века можно только позавидовать. Более полно некоторые «Вечера» из них печатались у нас в отдельных номерах детского журнала «Игрушечка» за 1881, 1883 и 1886 годы, а отдельной книгой 25 «Вечеров» в переводе с немецкого Семена Моисеевича Брилианта, автора ряда биографий

из серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Павленкова, при участии поэтов К. Льдова, К. Трифонова и К. Фофанова были изданы в 1890 году.

Впрочем, известность «Картин без поэтических образов» не пережила в длительной перспективе судьбы большинства стихотворений поэта, созданных, как правило, на случай, хотя некоторые из них считаются в современной Дании классическими и входят в большинство датских школьных хрестоматий. Это по-своему объяснимо. Слава Андерсена-сказочника не может не затмевать его известность как поэта и романиста.

Но вернемся к его поэтическому сборнику под скромным названием «Стихотворения», вышедшему 2 декабря 1830 года. Главным событием оказались не стихи, в целом положительно встреченные публикой, а, как выяснилось гораздо позже, помещенная в конце сборника сказка со страшноватым названием «Мертвец».

В кратком предисловии к ней Андерсен написал:

> «В детстве я с величайшим удовольствием слушал сказки, и многие из них, известные мало или неизвестные вовсе, еще живут в моей памяти. Здесь я пересказал только одну и, судя по тому, с каким одобрением она принимается, возьмусь еще за другие и когда-нибудь выпущу целый цикл датских народных сказок»[95].

Свое обещание поэт сдержал. Через пять лет, начиная с 1835 года, он стал публиковать небольшими тетрадками «Сказки, рассказанные детям», со временем прославившие его имя во всем мире. Во второй их выпуск вошла и первая, написанная в 1830 году, хотя автор ее значительно изменил, снабдив более подходящим для детей названием «Дорожный

товарищ». Чтобы представить, в каком направлении происходили эти изменения, стоит напомнить сюжетную канву романтического рассказа.

Юноша Йоханнес прощается на хуторе со своим умершим отцом. Простившись с родимым кровом, наутро он отправляется в путь, чтобы повидать свет. Первую ночь в дороге он проводит в стогу сена, а вторую — в придорожной церкви, где обнаруживает открытый гроб с мертвецом, над которым хотят надругаться двое неизвестных: покойник задолжал им 50 ригсдалеров, но, внезапно скончавшись, так и не отдал их. Йоханнес выкупает труп у негодяев, и те оставляют мертвеца в покое, а молодой человек отправляется дальше. Чуть позже его нагоняет юноша, тоже желающий повидать свет. Йоханнес поражен его обширными познаниями и начинает во всем его слушаться.

Далее повествование более походит на сказку. Путники встречают в лесу старуху с вязанкой дров, которая, оступившись, сломала ногу, к ним с неба слетает белый лебедь, на земле оказывающийся мертвым. Дорожный товарищ не перестает удивлять Йоханнеса: он вылечивает старуху при помощи чудодейственного снадобья, за что та отдает ему три хворостины, и он же с редкой жестокостью отрубает у мертвого лебедя крылья и забирает их с собой.

Наконец путники попадают в горную долину, где вступают в столицу тамошнего королевства. Жители ее пребывают в отчаянии. Дочь короля никак не может выйти замуж, поскольку всех сватающихся к ней женихов, не способных разгадать задуманные ею слова, неизменно казнят — таково данное дочери слово, которое с глубокой скорбью в сердце держит король.

Развязку сказки предугадать нетрудно. Принцесса трижды вылетает на черных крыльях из окна своей опочивальни в логово отвратительного горного тролля,

который придумывает, надо полагать, исходя из собственных интересов, заветные слова, которые разгадывает Йоханнес, решившийся из-за красоты принцессы и обещанного полцарства пойти на страшный риск и к ней посвататься. Ему, конечно, помогает спутник: он трижды вылетает из дворца на лебединых крыльях вслед за принцессой и по дороге нещадно, в кровь, хлещет ее хворостиной, трижды проникает он в логово тролля и подслушивает заветные слова. В результате все в сказке заканчивается благополучно.

В основе ее лежит датская народная сказка «Помощь мертвеца», которую Андерсен пересказывает так, что центром в ней становится не сказочная интрига, а романтическая атмосфера действия: в сказке подробно описывается печальный ночной антураж крестьянской усадебки, хозяин которой лежит мертвый в доме, встречающиеся Йоханнесу по дороге лужайки с резвящимися на них эльфами, морские и горные пейзажи с ледниками, черными тучами и молниями, предвещающими дальнейшие роковые события, изукрашенное драгоценностями логово тролля с обитающими в нем гротескными и безобразными существами. Из присловий и приемов традиционной народной сказки в «Мертвеце» сохраняются лишь самые необходимые — троекратное повторение и народные выражения («формулы»), подобные «полцарству в придачу». При этом в описаниях Андерсен стремится к максимальной конкретности и вещности, используя не только традиционно-романтические, но и изобретенные им самим образы, примером которых может служить луна в сцене первой ночевки Йоханнеса в стогу сена: «Луна висела над ним большой круглой лампой, которая горела постоянным огнем. И не было никакой опасности, что огонь спалит подсвечник или опрокинется и подожжет синий свод и легкие облачные

гардины». Интересно, что характерные особенности андерсеновской сказки появляются уже в самой первой из них. В результате подчеркнутая романтичность пейзажей в высоком поэтическом ключе соседствует в «Мертвеце» с нарочитой, почти бытовой приниженностью образов и деталей. Так, например, стучащемуся во дворец Йоханнесу выходит отворять дверь в просторном домашнем халате и шлепанцах сам король. Стиль сказки «Дорожный товарищ» в этом отношении является логическим продолжением «Мертвеца» в направлении большей простоты и лаконичности, отвергающих витиеватость и вычурность романтического рассказа.

Однако вернемся к оставленному нами 25-летнему Андерсену. Весной 1830 года он собрался в свое первое путешествие по Дании, которую, по сути, знал плохо. Увлеченный творчеством Вальтера Скотта и вдохновленный успехом исторических романов своего старшего товарища Ингемана, он давно уже, со времени гимназического пребывания в Слагельсе, мечтал написать роман о датском короле Кристиане II. В конце мая 1830 года Андерсен отправляется из Копенгагена в Орхус для изучения памятных, связанных с именем короля мест в Ютландии (замысел романа о нем остался неосуществленным, хотя и вылился через 14 лет в создание одноактной драмы «Грезы короля»). Суровая природа полуострова с его вересковыми пустошами и самобытные характеры крестьян, населявших тогда эти неплодородные земли, интересовали Андерсена почти всю жизнь, и он неоднократно описывал их, в частности в романах «О. Т.» и «Быть или не быть». Вот как в самом общем виде он описывает Ютландию:

> «Ландшафт Ютландии, зажатой между Северным и Балтийским морями и заканчивающейся песчаными дюнами и

обломками кораблей у рифа Скаген, имеет очень своеобразный характер. На ее балтийском побережье тянутся буковые леса, переходящие во всхолмленные луга, а со стороны Северного моря берег полуострова загроможден холмами кочующего песка. В промежутке между этими капризами природы царит величественное одиночество — бесконечная коричневая вересковая пустошь, где встречаются лишь небольшие группы цыган и слышны резкие и звонкие птичьи крики, подчеркивающие атмосферу господствующего здесь немого безлюдья. Эту землю описывал в своих новеллах датский писатель Бликер, здесь я впервые увидел незнакомую мне раньше дикую природу, и впечатление она на меня произвела сильное»[96].

Побывав в нескольких ютландских городках (рекомендательными письмами к местным чиновникам его заботливо снабдил Йонас Коллин), Андерсен приболел, к тому же погода в то время испортилась, и он, получив любезное приглашение от вдовы издателя Иверсена провести у нее лето, приехал к ней в усадьбу Тольдерлунд, где собралось общество молодежи, в кругу которой молодой писатель весело проводил время. В частности, здесь он познакомился с внучкой Иверсена Хенриеттой Ханк (1807–1846), с которой впоследствии дружил (их связывали общие литературные интересы). К тому же Ханк сообщала ему последние новости о недалеком Оденсе. Местные помещики, прослышавшие, что у вдовы Иверсен гостит прославившийся уже молодой писатель, присылали ему приглашения погостить у них. «Вот и летал я, что твой мотылек с еще необожженными крылышками, с места

на место вокруг светоча радости», — писал Андерсен в своих юношеских воспоминаниях[97]. О «необожженных крылышках» он упомянул в них неслучайно. Решив включить в свой роман эпизоды, связанные с местными феодальными распрями, молодой писатель посчитал нужным посетить все фюнские города, в одном из которых, Фоборге, жил его знакомый студент, вместе с ним сдававший экзамен на аттестат зрелости. Андерсен поехал к нему, послал свою визитную карточку, и родители приятеля пригласили его провести у них в гостях целый день.

Остановившись на постоялом дворе, Ханс Кристиан с раннего утра отправился в усадьбу Войтов. Знакомый еще спал, но в гостиной была его старшая сестра Риборг. Она уже знала и одобряла поэзию Ханса Кристиана, и молодые люди непринужденно разговорились. «У нее было изумительно красивое кроткое лицо с несколько детским выражением, но умными, вдумчивыми, живыми карими глазами. На ней было простенькое утреннее платье серого цвета, которое очень ей шло. Да и вообще этот простой стиль очень гармонировал с выражением ее лица, и, наверное, именно поэтому она сразу же очаровала меня. <…> Не знаю даже почему, но у меня с самого начала создалось впечатление, будто мы очень долго знакомы, и мне весь день доставляло удовольствие развлекать эту молодую девушку»[98].

Вернувшись в гостиницу, Андерсен расспросил горничную о семье Войтов, и она сообщила ему, что их старшая дочь Риборг влюблена в сына аптекаря, их соседа, но ее отец, богатый купец и судовладелец, не одобрил помолвку, посчитав ее возлюбленного, по профессии лесничего, никчемным человеком, который хочет жениться на ней только из-за богатства ее семьи.

На следующий день Андерсен охотно участвовал в устроенном хозяевами пикнике и побывал на местном балу, усиленно ухаживая за Риборг. Ее родители уговаривали его погостить у них еще несколько дней, но он отказался и, повинуясь какому-то странному импульсу, по-видимому, страху перед начинавшимся чувством, решил как можно скорее уехать. После возвращения в Тольдерлунд Ханс Кристиан, вероятно, был настолько не похож на себя, что девушки, жившие в усадьбе, стали подшучивать над ним, говоря, что он, кажется, влюбился.

Вернувшись в Копенгаген, Андерсен погрузился в работу над либретто оперы «Ворон» по мотивам сказочной пьесы Карло Гоцци, которое он писал для композитора Йохана Петера Эмилиуса Хартмана[99]. Он стал регулярно захаживать к Кристиану Войту, который однажды сообщил ему, что Риборг с младшей сестрой скоро приедет в Копенгаген, сопровождая подругу, которой предстоит глазная операция, и была бы рада встрече с Хансом Кристианом. Войт также сообщил Андерсену, что Риборг приглашала его приходить в гости. Однажды во время такого визита девушка попросила Андерсена почитать ей и больной барышне своего «Ворона». «Когда я уходил, она протянула мне руку в знак благодарности за чтение, и я прижал ее к своим губам, чувствуя, что грудь моя готова разорваться. И я осознал, что люблю ее — люблю всем сердцем и душою! Все отношения, обстоятельства, препятствия и бог его знает как еще называется то, что связывает нас, людей, на земле, для меня больше не существовали. Все свои ощущения я высказал в молитве Господу и почувствовал, что во мне достаточно сил и мужества, чтобы преодолеть любые преграды, но только завоевать ее»[100].

Андерсен написал и подарил Риборг несколько маленьких стихотворений. Пожалуй, самое выразительное и безыскусное из них (впоследствии Эдвард Григ положил его на музыку) бесспорно посвящено именно ей:

> Темно-карих очей взгляд мне в душу запал,
> Он умом и спокойствием детским сиял;
> В нем зажглась для меня новой жизни звезда,
> Не забыть мне его никогда, никогда![101]

При следующей встрече, как пишет Андерсен в «Книге жизни», Риборг была все так же мила, но в то же время выглядела смущенной. Она дала ему понять, что догадывается о мотивах его поэтического подарка. Андерсен стал расспрашивать студентов из ее родного города о молодом человеке, с которым она была помолвлена, и они подтвердили, что помолвка с ним ни в ее семье, ни в ближайшем дружеском окружении одобрения не вызывает и девушка сама склонна ее разорвать. Чтобы в этом удостовериться, Андерсен решил еще подробнее расспросить ее брата, что явно указывает на некоторые с его стороны колебания. Тот вполне разумно и уклончиво ответил ему только, что сестра относится к нему (Хансу Кристиану) *«с* симпатией и благосклонностью». Естественно, Андерсен хотел знать больше. Впоследствии он писал в воспоминаниях: «Я просил его устроить мне встречу с нею, чтобы убедиться, действительно ли она влюблена в другого, ибо в противном случае я смету любое препятствие, мешающее нам быть вместе. Я сдам государственный экзамен и стану чиновником, я сделаю все, что бы она и ее родители ни потребовали от меня, я буду счастлив, если у меня останется хотя бы далекая надежда. Я так разволновался, что дрожал всем

телом»[102]. В этот момент его разговор с братом прервали. Вернувшись домой, Андерсен от отчаяния упал в обморок. Не находя другого средства — срок пребывания Риборг в Копенгагене истекал, и за ней должны были приехать отец и сестра, — он решил написать ей письмо, которое брат обещал передать. Оно получилось сбивчивым, Ханс Кристиан как будто понимал неосуществимость своего намерения не только потому, что Риборг не любила его, но и потому, что внутренне сам противился своему решению. Именно поэтому так много строк своего послания он посвятил тому, что своей любовью боится оскорбить любовь Риборг к его сопернику: «...любите ли Вы его такой высокой любовью, как Господа и вечное блаженство? Вы уверены в этом? Дайте же мне надежду, не пугайте меня! Я все для Вас сделаю, стану работать, сделаю все, чего потребуете от меня Вы и Ваши родители. Я думаю только об этом, эта мысль занимает все мое существо, и помните, что сердце поэта бьется сильнее! Это первое и единственное, что я хотел Вам сказать...»[103]

Нет никакого сомнения, что Андерсен писал Риборг искренне, от всего сердца, что эта девушка сумела глубоко взволновать его. Этим объясняется небольшая приписка к письму, в которой поэт просит ее относиться к написанному как к действительно им прочувствованному, а не литературно-придуманному: «Ради всего святого, не подумайте, что все это лишь моя поэтическая греза. Целых три месяца мое сердце и ум в смятении, но больше я не могу жить в состоянии неопределенности, мне надо знать свою судьбу. Но... простите меня! Простите! Я не мог поступить иначе! Прощайте!»

Андерсен еще несколько раз видел Риборг — в театре и в гостинице, где остановились приехавшие за

ней отец и сестра. После их отъезда Кристиан передал ему записку от нее:

> «Прощайте, прощайте! Хотелось бы как можно скорее услышать от Кристиана, что Вы спокойны и веселы, как раньше.
>
> Ваш искренний друг
>
> *Риборг»*[104].

Вскоре после возвращения в Фоборг родители разрешили дочери выйти замуж за своего избранника. А ответом Андерсена на постигший его удар — он действительно долго переживал его, поскольку впервые признался самому себе в том, что обыкновенная, земная, а вовсе не литературная любовь ему не суждена, — явилось заключительное стихотворение из посвященного Риборг цикла:

> Старинное гласит преданье:
> Жемчужины созданье
> Бедняжке-устрице, живущей в глубине,
> Лишь жизни стоит — не дороже!
> Любовь! Как перл была дана ты мне
> И стоишь мне того же![105]

Глава шестая,
в которой поэт отправляется в поездку по Северной Германии, о путевых записках, литературной поденщине, критике, новом увлечении, депрессии и новом большом заграничном путешествии

Неудачная любовь сильно подействовала на Андерсена. Ради Риборг он был готов — или, во всяком случае, заявлял, что был готов, — стать простым чиновником или священником, то есть фактически отказаться от творчества, если бы она или ее родители того захотели. Кроме того, он впервые на собственном опыте испытал, что, при всей ее возвышенности, роль идеального (а значит, и трагического) героя в реальной жизни исполнять нелегко. Как бы то ни было, 1 января 1831 года он выпустил свой второй поэтический сборник под названием «Фантазии и наброски», в который под общим названием «Мелодии сердца» поместил несколько посвященных Риборг стихотворений. Другие произведения сборника также носили отпечаток неудавшейся любви. Ингеман, которому он послал книжку, отметил в ней «страдальческое настроение души» автора, а об одном из стихотворений — «Жизнь есть сон» — написал, что если в нем отображено нечто личное, то судьба подвергла поэта действительно «жестокому испытанию». Вместе с тем он предупреждал автора об опасности подражать настроениям, проникнутым мировой скорбью, «байроновской поэзией отчаяния». 18 января Андерсен ответил ему:

«Вы совершенно правы, мои стихотворения вызваны не фантазией, а самой действительностью. И, увы, последняя так несчастна, как только можно вообразить. Душой и мыслью я привязан к одному-единственному существу., возвышенному и ребяческому, каких я до сих не видел… увы, меня пронзает острая боль: она помолвлена и в следующем месяце выходит замуж… Я впервые познакомился с ней летом; ее семья самая уважаемая в городе, а я и ее брат, мы оба были студентами. В их доме я провел всего три дня и, когда почувствовал то, чего никогда не чувствовал прежде, и услышал, что она помолвлена, тут же уехал, но здесь, в Копенгагене, мы снова встречались (целые три недели)… как странно, я не понимаю самого себя, Господь слишком строг ко мне. Лучше бы я умер, счастливым мне никогда не быть!»

Последняя фраза стала чуть ли не самой частой в письмах поэта того времени, и Йонас Коллин, заметив, в каком подавленном настроении находится его подопечный, посоветовал ему совершить путешествие за границу. Андерсен с энтузиазмом на его предложение откликнулся: первые литературные успехи принесли ему изрядную сумму денег, которой он теперь мог свободно располагать.

Его выбор пал на Северную Германию. Незадолго до того ее посетили Ингеман, ездивший к немецкому писателю-романтику Людвигу Тику, и Хенриетта Вульф, бравшая уроки живописи у жившего в Дрездене норвежского художника Юхана Кристиана Даля. 16 мая 1831 года Андерсен отправился в путь. Его маршрут пролегал через Любек, Гамбург, Брауншвейг, Гослар, гору Брокен, Айслебен, Галле, Лейпциг и Берлин. Вскоре после возвращения в Копенгаген Андерсен выпустил выдержанные в свободной манере, напоминающей стиль «Путешествия по Гарцу» Генриха Гейне, «Теневые картины путешествия по Гарцу,

Саксонской Швейцарии и прочим местам летом 1831 года».

Эта книга сильно отличается от фантастической «Прогулки на Амагер». Ее повествователь совсем не вмешивается в ход событий и не вступает в диалог с вымышленными фантастическими персонажами. Он видит себя художником, набрасывающим на стеклянные пластины «волшебного фонаря» эскизы реальной местности, а также портреты писателей и случайных попутчиков. Иными словами, он не творит действительность, давая волю своей фантазии, как в «Прогулке», а просто передает дорожные впечатления, расцвечивая их жанровыми зарисовками, местными легендами, литературными пейзажами или же стихами собственного сочинения. Вот как живописует он горный вид:

«Окружающая природа почти подавляла своим величием, и, казалось, она глядит на меня как-то уж чересчур свысока. Тогда я схватил бумагу и карандаш и решил показать, кто над нею все-таки господин!»

Своей грозной миной меня запугать
Тебе не удастся, громада немая!
Не думай и ты от меня убежать,
Бурливая речка, шалунья живая!
И птичка, что прочь улететь норовит,
И ты, моя речка, и скалы, и горы —
Все, все на бумаге здесь прочно стоит!
На что мои пали пытливые взоры,
Тому не избегнуть уж власти моей[106].

Впечатления от видов природы становятся тем ярче, чем более глубокое человеческое измерение («романтичность», как пишет Андерсен) они под его

пером приобретают. Совсем в тютчевском духе он пишет:

> «Романтичность придают местности не громадные горные массивы с их необозримыми лесами и высоким кустарником, теснящимся у извивов бурной реки, и не каменные развалины разрушившегося жилища. Она возникает в картинах природы, овеянной преданиями; именно они придают ей магическое освещение, поднимающее ее до красот духа, именно тогда мертвые массы камня обретают жизнь; они более не служат безликой декорацией, а наполняются действием, и каждый листочек, каждый цветок на них превращается в поющую птицу, а ручей — в извилистый поток, который звучит вечно журчащими аккордами, сопровождающими мелодраму духа»[107].

Чуть ранее, словно предваряя это теоретическое суждение, Андерсен описывает вид, который открывается с Брокена, горы, овеянной множеством германских преданий:

> «Со стремительной скоростью река Ильзе мчится совсем рядом с нами; высокие поросшие ельником горы обступают ее с обеих сторон, а голая скала Ильзенштейн с железным крестом на самой высокой ее точке отвесно вздымается в небо. От взгляда, устремленного в подобную высь, у вас может заболеть затылок, и все же, когда вы стоите на Брокене, она притягивает все ваше существо. Противоположная сторона — подобная же каменная стена. Все свидетельствует о том, что во времена великого земного переворота гора раскололась надвое,

образовав тем самым ложе реки. Здесь, в мощных скалах, как сообщает предание, живет прекрасная принцесса Ильзе, именем которой река названа. При первых же утренних лучах солнца принцесса выходит к ней и купается в чистых водах, и счастлив тот, кто увидит ее в этот миг, ведь видели ее немногие. Девушка избегает человеческого взгляда, хотя по природе своей добра и приветлива.

Когда Всемирный потоп уничтожил всех людей на земле, воды Северного моря поднялись в Германии так высоко, что прекрасная Ильзе бежала вместе со своим женихом из северных земель сюда, в горы Гарца, где Брокен, как казалось, мог бы послужить им убежищем. Наконец они очутились на громадной скале, еще остававшейся на поверхности бурлящего моря, в то время как близлежащие земли уже скрылись под волнами и дома, люди и животные тоже исчезли. Молодые люди стояли одни, взявшись за руки, и глядели на волны, разбивавшиеся о скалу. Но вода поднималась все выше, и напрасно люди пытались найти еще не утонувший в ней отрог, чтобы перебраться по нему на Брокен, лежавший единственным большим островом в штормовом море. Когда гора под людьми зашаталась и в ней возникла огромная трещина, готовая их разлучить, они еще держали друг друга за руки, но образовавшиеся стены разлома расшатывались все шире, и, наконец, принцесса и ее жених сорвались вниз в шипящие пеной волны. Вот почему река получила название Ильзе, а сама

принцесса до сих пор еще обитает на голой скале со своим женихом»[108].

Впрочем, как и во всех других своих произведениях, в «Теневых картинах» Андерсен не прочь пошутить. Вот перед нами предание, которое он с удовольствием приводит в своих записках:

«Как-то мерзебургский епископ приказал казнить своего слугу за воровство. Впоследствии, однако, открылось, что его совершил прирученный ворон, любимец епископа. Мучимый раскаянием, он впал в меланхолию и повелел заточить птицу в железную клетку и выставить ее на всеобщее поругание. Мало того, он завещал особый капитал, который городской совет Мерзебурга обязан был тратить на постоянное содержание птицы, обученной выкрикивать имя невинно казненного: „Якоб!“ Когда один ворон околевал, ему, как Далай-ламе или папе, немедленно избирали преемника. И в бытность мою в Мерзебурге, там, как мне говорили (самому мне не довелось этого видеть), несчастная, ни в чем не повинная черная птица так и сидела в клетке и кричала „Якоб!“. Она и знать не знала, за что ей досталась казенная квартира и стол, и, быть может, даже в родстве не состояла с тем вороном-вором, по милости которого была учреждена воронья стипендия!»[109]

А вот и более приземленная шутка, высмеивающая псевдоархеологию. Речь идет о находке в пещере:

«Один из моих спутников поднял с земли какую-то кость; осмотрев ее с величайшим

вниманием, он объявил, что это остаток скелета какого-то животного древней породы. Я не спорил: кость была ни дать ни взять от коровьей ноги, а коровы, как известно, очень древняя порода!»[110]

Неменьшим юмором отмечена вставная новелла-сказка, сочиненная автором, чтобы развеять уныние, охватившее его после увиденного им в Брауншвейге очень плохого спектакля «Три дня из жизни игрока»[111]. Как легко заметить, она полностью авторская, «литературная» и потому несколько витиеватая: в ее стилистике еще не ощущается школы народной сказки:

«Мы остановимся пока на стране чудес. В стране этой много-много лет назад, когда еще никому и не снилась ни авторская деятельность, ни „Три дня из жизни игрока“, жил-был старый седой король. Он слепо верил в свет и людей и не мог даже представить себе, чтобы кто-нибудь когда-нибудь лгал. Ложь казалась ему чем-то несуществующим, фантастическим. Вот он раз возьми да и объяви в совете, что отдаст дочь и за нею полцарства в приданое тому, кто скажет ему нечто, прямо невероятное. Все подданные преусердно принялись учиться лгать и лгали один лучше другого, но добряк-король всякую ложь принимал за правду. Под конец король даже затосковал, плакал, утирал глаза своей королевской мантией и вздыхал: „Ах, да неужто ж мне никогда никому не доведется сказать: врешь!“ Дни шли за днями, и в одно прекрасное утро приходит красивый молодой принц. Он был влюблен в принцессу, и она отвечала ему взаимностью. Целых девять лет

изощрялся он во лжи и теперь надеялся добиться невесты и полцарства. Он попросился у короля в огородники. „Хорошо, сын мой!“ — сказал король и повел его в огород. В огороде росло видимо-невидимо капусты: кочаны были сочные, огромные, но принц скорчил гримасу и спросил: „Это что?“ — „Капуста, сын мой!“ — ответил король. „Капуста? В матушкином огороде растет капуста такая, что под каждым листом уместится целый полк солдат“. — „Возможно! — сказал король. — Природа так могуча и каких-каких только не производит плодов!“ — „Ну, так я не хочу быть огородником! — сказал принц. — Возьмите меня лучше в овинные старосты“. — „Хорошо, а вот и овин мой. Видал такие большие?“ — „Такие? Поглядел бы ты, какой овин у моей матери! Представь себе, когда его строили и плотник работал топором на крыше, топор как-то сорвался с топорища и полетел на землю, но, пока летел, ласточка успела свить в отверстии обуха гнездо, положить яйца и вывести птенцов! Да ты, пожалуй, скажешь, что я вру?“ — „Зачем? Нет! Искусству человеческому нет пределов! Почему же бы и твоей матери не построить себе такого овина?“

Так и пошло; принц не добился ни царства, ни прелестной принцессы; и она, и он зачахли с горя; король ведь поклялся: „Руку моей дочери получит лишь тот, кто солжет мне!“ Но увы! Его доброе сердце не хотело верить в ложь. Наконец он умер, но не нашел покоя даже в своей мраморной гробнице и, говорят, до сих пор еще бродит по земле, томимый все тем же желанием.

Только что я досказал себе эту сказку, как в дверь моей комнаты постучали. Я крикнул: „Войдите!“ — и представьте мое удивление! Вошел старый король в короне, со скипетром в руках! „Я слышал, как ты вспоминал историю моей жизни, — сказал он, — и это заставило меня явиться к тебе. Не услышу ли я от тебя какой-нибудь лжи? Тогда бы я успокоился!“ Придя в себя, я стал объяснять ему, что именно побудило меня рассказывать самому себе историю его жизни, и упомянул о „Трех днях из жизни игрока“. „Расскажи и мне эту пьесу! — сказал он. — Я охотник до страшных историй. Мне ведь самому на старости лет довелось стать страшилищем!“ Я начал рассказывать ему всю пьесу, сцену за сценой, и нарисовал полную картину изображенной в ней человеческой жизни. Тут лицо короля прояснилось, он схватил меня за руку и восторженно воскликнул: „Вот это ложь, сын мой! Ничего такого на свете не бывает! Теперь я спасен!“ И он исчез»[112].

Особо отмечены в «Теневых картинах» две встречи с маститыми немецкими писателями: Людвигом Тиком и уже упоминавшимся выше Адельбертом фон Шамиссо. Первая из них послужила в глазах Андерсена знаком признания его творчества в Германии. Тик, писатель-романтик, поэт и драматург, составивший (а это значит и написавший) сборник немецких «Народных сказок», немало удивил своего датского собрата по перу, сказав, что читал «Прогулку на Амагер» и ценит ее. С Шамиссо Андерсен еще ранее вступил в переписку, и они, по его словам, встретились как друзья. Как уже упоминалось, немецкий писатель читал по-датски и перевел несколько стихотворений Андерсена. В то же время

Андерсен не стал искать встречи с Гёте, объясняя свое нежелание сановитостью классика. Отзываясь о Тике, он писал:

> «Я полюбил этого человека! Именно таким я его себе представлял, когда читал сказку „Эльфы“. Однако я так часто ошибался в предчувствиях, что опять же подумал: на деле он может оказаться чопорным и надменным чиновником, что оттолкнуло бы меня от него. Точно таким я представлял себе Гёте, и это погасило мое желание встретиться с великим писателем. Наверное, Гёте настолько велик, что правильно его можно воспринимать только издали, как церковь с высоким шпилем»[113].

Уже отмечалось, что современники считали внешность Андерсена, мягко говоря, некрасивой. В отличие от нашего времени в его эпоху эксцентричность была не в чести. И все-таки, отчасти благодаря своей внешности и чувству юмора, он умел располагать к себе людей и довольно легко с ними сходился. Круг знаменитых (а также вовсе не известных) людей его времени, с которыми он дружил, был чрезвычайно широк. Он приобретал друзей не только на родине, но и за границей во время многочисленных путешествий по Европе, Востоку и Северной Африке. В путешествия (в дилижансах, затем по железной дороге и по морю — на первых пароходах) он отправлялся почти каждый год, как правило, весной, заезжая перед этим к Ингеманам в Сорё. Несмотря на все дорожные трудности, именно путешествия были его стихией. Недаром же именно Андерсену принадлежит настоящий гимн путешествиям «На отъезд друга» (1842), звучащий в русском переводе едва ли не лучше, чем на языке оригинала:

Покров рассеялся туманный.
Весна! Вольнее дышит грудь,
И ветерок благоуханный,
И солнца луч — зовут нас в путь,
Рождая смутную тревогу!..
Поднимем парус и — вперед,
Без колебаний, в путь-дорогу!
Кто путешествует — живет!

Умчимся мы быстрее птицы
На крыльях пара далеко.
Как вешних тучек вереницы
Кругом сменяются легко.
Бегут пред нами прихотливо
Иные страны, небеса…
Какое счастье — в час прилива
Поднять свободно паруса!

Я слышу пташки щебетанье,
В окно стучит она крылом!
Скорей! Умчимся за теплом
И светом истинного знанья!
Сорвем рукою смелый плод
Всего, что дивно и прекрасно!
Поднимем парус! Небо ясно!
Кто путешествует — живет![114]

«Теневые картины» открывают целый ряд путевых очерков, которые Андерсен писал после каждого своего путешествия. В них непременно входили пейзажные зарисовки, жанровые дорожные сценки, стихотворения, рождавшиеся в пути и отражавшие увиденное и услышанное, короткие очерки о писателях и художниках, с которыми Андерсен встречался, а также

записи впечатлений о театральных и оперных спектаклях, концертах и выставках, которые он посещал в крупных городах Европы. За «Теневыми картинами» (1831) последовали: «Базар поэта» (1842) — о путешествии через Германию и Италию на восток в Грецию, Константинополь и придунайские земли, «В Швеции» (1851), «В Испании» (1863) — с заездом в Северную Африку, «Посещение Португалии в 1866 году» (1868). Этим список путевых записок не исчерпывается, полностью он насчитывает около двадцати пяти названий. Путешествия были немаловажной частью жизни Андерсена, в них в общей сложности он провел около десяти лет своей жизни. Неудивительно, что немалое место им уделяется и в двух последних автобиографиях писателя.

По-видимому, Андерсеном постоянно владело творческое любопытство. Он все время жаждал новых впечатлений и, чтобы не упустить их, моментально закреплял в своих записях. Его страсть к фиксации переживаемого была по-своему феноменальной. Многие посетители музеев удивлялись тому, что он не вглядывался подолгу в выставленные произведения, а все время что-то на бумаге записывал. Он схватывал впечатления на лету и в то же время отличался редкой сосредоточенностью, вниманием и наблюдательностью. Вот как описывает он в тех же «Теневых картинах» свое впечатление от «Мадонны» Рафаэля в Дрезденской галерее:

> «С чего начать мое описание? Впрочем, можно ли даже ставить подобный вопрос! Разумеется, с „Мадонны“ Рафаэля. Я пролетел через все залы, стремясь поскорее увидеть эту картину, наконец остановился перед ней и — не был поражен. На меня глядело милое, ничуть не выдающееся женское лицо, каких, казалось, я

видел много и раньше. „Так это и есть та знаменитая картина?“ — думал я, тщетно стараясь найти в ней что-нибудь особенное. Мне даже показалось, что другие Мадонны и изображения женских головок, мельком виденные мною сейчас в галерее, были гораздо красивее. *Я* вернулся к ним, и тут-то с моих глаз спала завеса: передо мною были нарисованные человеческие лица, тогда как там я видел живое, божественное! Я опять подошел к картине Рафаэля и на этот раз проникся ее бесконечной жизненностью и прелестью! Да, она не поражает, не ослепляет с первого раза, но чем дольше всматриваешься в Мадонну и в Младенца Иисуса, тем они кажутся божественнее. Такого неземного, невинного детского лица нет ни у одной женщины, и вместе с тем лицо Мадонны как будто срисовано с натуры. В каждом невинном девичьем лице можно отыскать сходство с ней, но она является тем идеалом, к которому все остальные только стремятся. Вглядываясь в ее взор, не возгораешься к ней пламенной любовью, но проникаешься желанием преклонить перед ней колени»[115].

С момента, когда Андерсен вернулся из Германии в Копенгаген, до выхода в свет «Теневых картин» прошло только два с небольшим месяца. Конечно, немалую лепту в столь быстрые темпы работы вносили деловые соображения.

Критика сдержанно отнеслась к последовавшим после «Прогулки» и «Стихотворений» 1830 года произведениям (хотя «Теневые картины» все же хвалили), что автор воспринял как глубокую для себя

обиду. К ней добавилось раздражение уколами, которым он подвергся в поэме только что открытого копенгагенцами таланта в лице молодого Хенрика Херца[116], анонимно выпустившего в 1830 году сатирическую поэму «Письма с того света», в которой от лица покойного датского писателя-классициста Йенса Баггесена (это он присутствовал в числе других гостей у Сибони, когда к тому явился Ханс Кристиан) дал остроумную и язвительную панораму тогдашней датской литературной жизни. В нескольких строчках Андерсен выведен в ней в виде «святого Андерсена» (намек на святого Андерса, крест в честь которого на холме близ Слагельсе в юности посещал Ханс Кристиан). Святой Андерсен в поэме седлает однодневного жеребенка Пегаса, чему с восторгом рукоплещет окололитературная чернь, в то время как самое место ему, безграмотному, в позорном углу.

Впрочем, огорчали писателя не одни только критические нападки. В это же время он стал осторожно обхаживать младшую дочь Йонаса Коллина Луизу, претендуя на нежную дружбу с ней в письмах, где подчеркивал свое одиночество. Отчасти имея в виду Луизу и еще нескольких близких друзей, Андерсен в 1832 году написал воспоминания о прожитой к тому времени жизни. Обычно такого рода книги пишут в преклонном возрасте, как сделал это старший современник поэта Адам Эленшлегер, выпустивший в 1830–1831 годах свои двухтомные мемуары под названием «Жизнь». Это также подтолкнуло Андерсена к созданию записок, хотя, как упомянуто в его предисловии к ним, он хотел бы, чтобы друзья, случись с ним что-нибудь в путешествии, не судили о нем слишком строго. Он не собирался, по крайней мере в ближайшее время, печатать рукопись — слишком интимные и личные детали раскрыты в ней, во всяком

случае о Мейслингах. Осенью 1832 года автор оборвал воспоминания на полуслове. Он очень подробно описал в них свое первое настоящее чувство к Риборг Войт, но не упоминает ни ее имени, ни имен ее родственников (тем не менее, скорее всего случайно, ее имя в рукописи один раз «проскочило»), Не упоминает он имени Риборг и в своей личной переписке, а также в последующих автобиографиях, хотя для современников оно тайной не было.

К моменту, когда Андерсен стал ухаживать за Луизой Коллин, свое прежнее чувство к Риборг он сумел преодолеть, о чем писал ее брату Кристиану из Дрездена 9 июня 1831 года: «Каждый раз, когда я думаю о ней, я ощущаю несказанную боль, но не могу плакать, я не люблю ее больше, это определенно, но теперь страдаю от воспоминаний о ней, чувствую такую пустоту — о, не приведи тебя Господь страдать так, как страдаю я». Андерсен писал Луизе о своем одиночестве, но та не стала поощрять его чувств и подавать ему напрасных надежд и показала его письма своей острой на язычок старшей сестре Ингеборг, а та просто сообщила об этом Хансу Кристиану, чем дальнейшие его поползновения пресекла.

Впрочем, на Андерсена в семье Коллин не сердились, потому что, считая его своим, искренне любили, хотя и не воспринимали слишком серьезно. Андерсен стоически выносил колкости и иронические выпады Ингеборг и по-братски любил ее, а главу семейства, относившегося к нему отечески снисходительно, глубоко уважал и немного побаивался. Вот как описывает Эдвард Коллин отношение к Андерсену со стороны всех Коллинов:

> «Наш дом был для него, как он сам часто выражался, роднее родного… После окончания гимназии он бывал у нас почти ежедневно; на

него смотрели как на члена семьи; ни одно сколько-нибудь значительное событие в нашей жизни не обходилось без его участия. <…> Как сейчас вижу: он сидит за длинным столом во время какого-нибудь семейного торжества и исполняет обязанности смотрителя за свечами; тогда у нас в ходу были сальные свечи, и с них поминутно приходилось снимать нагар, что и было возложено на Андерсена, — его долговязая фигура позволяла ему делать это, не вставая с места, и он твердой рукой приводил свечи в порядок на невероятных расстояниях. <…> Но я не могу сказать, чтобы он особенно деятельно участвовал в юношеском веселье младших членов семьи; юным, вернее, юношески веселым он никогда не был. И все мы часто чувствовали, что он сам сознавал это и страдал от этого»[117].

Еще некоторую досаду вызывало у Ханса Кристиана отношение Коллинов к его творчеству, развитие которого происходило у них на глазах. Эдвард писал по этому поводу:

«Мы недостаточно восхищались его произведениями, и его недовольство нами росло по мере того, как его талант признавали другие. Разумеется, вполне естественно, что он огорчался, не встречая у нас, восхищавшихся Херцем и Хейбергом, того преувеличенного восхищения его музой, какое он встречал в других домах. К сожалению, он почти ежедневно находил повод к подобному огорчению»[118].

В то же время Андерсен восторгался мужественностью и деловыми качествами Эдварда Коллина, который, будучи младше его, считал своим долгом помогать ему и во многих отношениях, с полного одобрения своего отца, его опекал. Впрочем, здесь лучше всего предоставить слово самому писателю, отмечавшему в «Моей жизни как сказке без вымысла»:

> «Выросший в свободной и счастливой семейной атмосфере, он обладает смелостью и решительностью, которых лишен я, всегда чувствовавший его ко мне глубокую симпатию и привязанность. Моя мягкая и отзывчивая душа всегда стремилась к нему, тому, кто был рассудительнее и практичнее. Именно в силу последнего я часто неправильно истолковывал его ко мне отношение, когда он, глубоко мне сочувствуя, пытался передать мне частичку своего характера — и это мне, былинке, сгибающейся под малейшим дуновением ветерка. В практической жизни он, хотя и был младше меня, всегда деятельно мне помогал, касалось ли это упражнений по латинскому языку или переговоров с издателями и типографами. В течение многих лет он оставался все тем же, и если бы не считалось неудобным нумеровать друзей, я бы назвал его моим первым другом. Он и в самом деле был и остается первым»[119].

И все же, всячески привечая Ханса Кристиана, Коллины не могли относиться к нему как к родному, потому что, люди добропорядочные и честные, они не считали нужным да и не хотели притворяться перед ним и перед самими собой. Андерсен был из иной,

чуждой им социальной среды, и это так или иначе не могло не сказываться на его поведении и характере. Поэт, со своей стороны, хотел бы слиться с просвещенным буржуазно-чиновничьим окружением, но не мог и не хотел перечеркивать свое прошлое, потому что понимал: именно благодаря своему «низкому происхождению» он занимает особое место в обществе, именно оно наделяло его своеобразием и уникальностью. Однако одно дело понимать и совсем иное — хотеть. Поэт стремился к тому, чтобы быть равным с людьми, которых уважал и любил. Вот почему, направляясь в поездку по Северной Германии, в письме от 19 мая 1831 года из Гамбурга он сделал Эдварду Коллину неловкое предложение перейти с ним на «ты». Судя по отпущенной в послании шутке — один из пассажиров, спавших с Андерсеном на длинной корабельной лавке, потребовал от него «убрать голову», другой, спавший по другую сторону, — «убрать ноги», так что от поэта, если бы он повиновался, «остался только живот», — автор письма находился в превосходнейшем настроении. Уверяя Эдварда, что нападки на него со стороны Херца в «Письмах с того света» и строгость рецензентов лишь укрепляют его веру в свое поэтическое призвание, Андерсен далее пишет:

> «У меня также есть еще одна просьба, над которой Вы, может быть, посмеетесь, но если бы Вам хоть раз захотелось меня порадовать — дайте мне свидетельство Вашего ко мне уважения — если я его заслуживаю — итак… — только не гневайтесь на меня! — Давайте перейдем с Вами на „ты“! В разговоре я бы никогда не попросил Вас об этом, лучше, чтобы это произошло сейчас, когда я в отъезде; если же Вы имеете что-нибудь против, то никогда

больше не упоминайте об этом, я же, со своей стороны, сделаю то же самое! Из первого же полученного от Вас письма я буду знать, хотите ли Вы меня порадовать, и выпью тогда за Вас заздравную чашу от всего сердца. — Вы на меня не сердитесь? — Вы не поверите, с каким бьющимся сердцем я пишу это, жаль, что Вас нет здесь. Но довольно об этом».

Свое ответное письмо от 28 мая Эдвард Коллин почти полностью посвятил тому, почему он не может принять предложение друга. Он объясняет отказ особенностями своего характера: на «ты» он может быть только с давними друзьями детства. «Ты» в общении с Андерсеном сейчас, в зрелом возрасте, он бы воспринял как искусственное, оно бы только вызывало неудобство и неловкость у обеих сторон. Чтобы не оскорбить Андерсена отказом, Эдвард приводит самые витиеватые доводы, однако смысл их сводится к одному: сердечность и теплота отношений отнюдь не подразумевают амикошонства, которое неизбежно вторгалось бы в их отношения и вульгаризировало бы их.

Пришлось Андерсену проглотить и эту горькую пилюлю, терять дружбу с Эдвардом он не хотел и более разговора на эту щекотливую тему долгое время с ним не заводил, хотя и жаловался на свою горькую судьбу некоторым друзьям. Он, по-видимому, считал, что, обратившись с подобной просьбой к члену семейства Коллинов, проявил неоправданную заносчивость. (Впрочем, он все-таки нашел замену дружескому обращению на «ты» и в переписке неизменно воспроизводил имя друга как «Эдуард», вместо правильного «Эдвард», сделав таким образом свое обращение к нему индивидуальным.) Андерсен также сильно переживал из-за охлаждения к нему читателей,

не говоря уже о критике. Его последний по времени сборник стихотворений «Двенадцать месяцев года» (1832) был, по его мнению, сознательно рецензентами проигнорирован. Как считается ныне общепризнанным, Андерсен преувеличивал отрицательное отношение к себе со стороны критики. Просто в глазах читающей публики он утратил очарование новизны, перестав быть молодым и многообещающим талантом, которому заведомо прощалось многое. Дурному его настроению в этот период способствовала и объявленная 1 января 1833 года помолвка Луизы Коллин с ее будущим мужем аудитором Вилкенсом Линдом (брак между ними был заключен только через семь лет — в 1840 году). С присущей ему горячностью 16 февраля 1833 года Андерсен писал Хенриетте Вульф-младшей: «Во мне все более вызревает мысль, что из меня может выйти хоть что-нибудь, только если я вырвусь из нынешнего окружения. Оставшись здесь, я погибну».

Впрочем, потребность обновления, сродни тому, которое он испытал в путешествии по Северной Германии, Андерсен почувствовал еще раньше. Вот почему он решил отправиться в длительную заграничную поездку и стал хлопотать о получении для нее необходимых средств из королевского фонда «ad usus publikus». Увы, здесь его уже опередил Херман Херц, получивший необходимую писательскую стипендию для поездки в Италию. К тому же Йонас Коллин уже не был секретарем фонда. Зато он не утратил способностей мудрого советчика и предложил Хансу Кристиану подать в фонд прошение, приложив к нему несколько профессиональных отзывов о себе как о писателе. Андерсен пишет об этом в первой напечатанной автобиографии:

> «Мне удалось получить необходимые рекомендации, и я, наверное, — единственный

> из всех датских поэтов прошлого или будущего, имевший у себя дома на родине официальное свидетельство того, что я являюсь поэтом. Забавно, что люди, меня рекомендовавшие, каждый подчеркивал свое, отличное от других, обо мне мнение. Эленшлегер писал о моих достоинствах как лирического поэта и о серьезности моего творчества, Ингеман — о народности моих произведений, а Хейберг заявлял, что со времен Весселя[120] он не встречал еще среди молодых писателей человека, более наделенного чувством комического, чем я. Эрстед же утверждал, что все, кто выступал против меня, и все, кто выступал за меня, согласны в одном — в том, что я — истинный поэт. Тиле тепло и восторженно писал о гениальности, которую он во мне, борце с несправедливостью и угнетением, обнаруживал»[121].

Андерсен давно уже собирался подарить одну из своих книг королю Фредерику VI — как-никак, а ведь именно он дал разрешение выделить из своего фонда средства на образование безродного паренька. И вот, наконец, наступил подходящий случай. Поэтический сборник «Двенадцать месяцев года», вышедший перед рождественскими праздниками, был напечатан с посвящением королю. Коллин посоветовал Андерсену добиться личной у него аудиенции и собственноручно вручить книгу вместе с прошением о стипендии.

Встреча с королем, как пишет Андерсен в «Сказке моей жизни», получилась комичной. Андерсен передал ему книгу, и тот, посчитав, что на этом церемония закончена, кивнул ему, прощаясь. И только тут Андерсен вспомнил о прошении и, запинаясь, стал

говорить монарху о том, сколь многое о своей жизни ему хотелось бы его величеству сообщить, и тут же стал рассказывать о своих испытаниях в юные годы, закончив тем, как нужны ему деньги на образовательную поездку за границу. Терпеливо выслушав просителя, король милостиво посоветовал ему подать о том специальное прошение. Пришлось визитеру сознаться, что прошение у него в кармане и что совместить приятное с полезным посоветовал ему один добрый знакомый. На это царственный собеседник улыбнулся и принял прошение. Следует отметить, что в описаниях своего общения с высокопоставленными лицами Андерсен и впоследствии, как свидетельствует о том «Сказка моей жизни», часто прибегал к подобного рода разоблачениям подноготной своих визитов, указывая, что так-то и так-то поступить или высказаться ему посоветовали, в чем он искренне признается. Прибегал ли он к этой уловке в реальной жизни или, возможно, прием был вымышленным и чисто литературным? Скорее первое, чем второе.

13 марта 1833 года решением фонда средства для заграничной поездки в размере 1200 ригсдалеров на срок два года Андерсену были выделены. Впоследствии, 15 апреля 1834 года, по прошению Йонаса Коллина к этой сумме были добавлены еще 200 ригсдалеров. Вскоре Андерсен передал неоконченные автобиографические записки на хранение Эдварду Коллину и 22 апреля отбыл из Копенгагена, направляясь через Германию в Париж и далее — в Италию.

Без особых приключений Андерсен всего за неделю проехал через Германию. В Гамбурге он посетил немецкого композитора и скрипача, автора нескольких сказочно-романтических опер Людвига Шпора, а во Франкфурте побывал из любопытства в мрачном, но чистом еврейском гетто, где, отказываясь от более

роскошной обстановки, проживала мать миллионеров Ротшильдов. Впечатления от гетто пригодились писателю впоследствии — при работе над первым романом, о котором речь еще впереди.

В Париж Андерсен приехал очень усталым и, остановившись в гостинице, тут же лег спать, но был разбужен, как ему показалось, орудийными залпами, вспышками яркого света и гомоном толпы. Спросонья он подумал, что во Франции опять произошла революция, однако, выглянув в окно, убедился, что всего-навсего в театре напротив закончился водевиль и к тому же на улице гроза.

Андерсен пробыл во Франции чуть больше трех месяцев. Он посетил главные исторические достопримечательности Парижа, Трианон в Версале, а в нем — комнату Наполеона, героя, снившегося башмачнику Андерсену в его предсмертном кошмаре. В июле Ханс Кристиан сам стал участником и зрителем трехдневного празднества в честь французской революции 1830 года и видел, как в торжественной обстановке открывалась на Вандомской площади колонна, воздвигнутая в честь Наполеона I.

Как ни странно, но в Париже Андерсена стало угнетать чувство одиночества. Возможно, одной из причин того было его неважное владение французским. Кроме того, он более месяца ни от Эдварда Коллина, к постоянному общению с которым, по-видимому, привык, ни от других друзей не получил ни одного письма. Коллину было в то время не до переписки, только что состоялась его помолвка с Хенриеттой Тюберг.

Зато Андерсен получил письмо от врага. На его имя пришла довольно пухлая заказная (и неоплаченная) бандероль, в которой получатель нашел странное отправление — номер газеты «Копенгагенская почта» с напечатанным в нем стихотворным пасквилем под

заглавием «Прощай, Андерсен». Вот начальная строфа из него:

Ты покидаешь датский лес,
Где нянчились с тобою слишком.
Не рано ль из гнезда полез
С неоперившимся умишком?
Нехорошо, что ты, сынок,
Вдруг на чужбину устремился,
Коль языков постичь не смог
И датскому недоучился[122].

Андерсен так никогда и не узнал, кто был автором этих строк. Возможно ли, что это был кто-то из тех людей, с которыми он дружил? «Увы, злость настолько распространена, что невольно ею заражаешься», — писал он с связи с этой зародившейся у него мыслью в «Моей жизни как сказке без вымысла».

Но, даже плохо владея французским языком, датский поэт завязал в Париже несколько интересных знакомств. Он посетил Виктора Гюго, находившегося тогда в зените своей славы (портрет писателя висел на стене комнаты Хенриетты Вульф-младшей). У Андерсена не было к нему рекомендательного письма, но он все же попросил, чтобы его приняли, сославшись на то, что завтра покидает Францию. Гюго встретил его в халате и домашних туфлях и оставил автограф в андерсеновском альбоме, который датский поэт держал для подобных случаев.

Кроме того, совсем к тому не стремясь, он познакомился и с прославленным Генрихом Гейне, поэзию которого знал и любил. Гейне сам зашел к Андерсену в гостиницу и оставил портье свою визитную карточку, однако датчанин на нее не отреагировал: близкого общения с «человеком, которого следовало

опасаться особенно», как писал он в послании Кристиану Войту от 26 июня 1833 года, он не желал. Что было тому причиной: язвительность Гейне или его политический радикализм, так и осталось неизвестным. Впрочем, через три недели, когда Андерсен гулял по бульвару, кто-то хлопнул его по плечу, и этим человеком был Гейне. Они долго говорили о литературе. Немецкий поэт живо интересовался скандинавской литературой и творчеством Эленшлегера, считая его одним из лучших современных поэтов Европы. Перед отъездом из Парижа Андерсен нанес Гейне прощальный визит, и тот сделал дружескую запись в его альбоме.

Жажда творчества не оставила Ханса Кристиана и в суматошной атмосфере Парижа. Он решил написать на сюжет датской народной баллады «Агнете и Водяной» драматическую поэму и настолько увлекся замыслом, что уверовал — именно этим своим произведением, воплощавшим, как ему тогда казалось, дух датского народа и датской природы, он завоюет окончательное признание на родине. Пересказ незамысловатого сюжета баллады лучше всего предоставить самому автору:

> «В ней [поэме] рассказывается о том, как Агнете шла вдоль реки, как из реки выплыл Водяной и стал манить ее своими речами, как Агнете последовала с ним на морское дно, пробыла там семь лет и родила Водяному семерых сыновей. Как-то, когда она сидела там и качала колыбель, до нее донесся, преодолевший толщу воды, звон церковных колоколов, и ее охватило неодолимое желание посетить церковную службу. Слезами и мольбой она стала понуждать Водяного к тому, чтобы он доставил ее туда, сразу же после службы она вернется. Водяной просил ее не забывать их

деточек и особенно самого маленького, который качался в люльке, затем он заткнул ей воском уши и рот и поднял на поверхность моря. Когда Агнете вошла в церковь, образа на ее стенах, чтобы не видеть дочь греха, явившуюся из глубин моря, отвернулись, и Агнете пришла в ужас и не захотела возвращаться обратно, хотя малые деточки, ожидая ее, горько плакали»[123].

Андерсен задумал написать поэму в двух частях и первую начал и закончил еще в Париже, а вторую написал в горном Ле Локле, маленьком городке, располагавшемся на уровне альпийских лугов во французской Швейцарии в кантоне Ури. Здесь его приютил у себя в доме по рекомендации Урбана Йоргенсена (дом его матери Анны Лет Йоргенсен Андерсен довольно часто посещал в Копенгагене) его зять и часовых дел мастер Жюль Урье, с которым Ханс Кристиан лично познакомился в Париже. Первоначально он, следуя совету Эдварда Коллина, хотел отправиться в Швейцарию для изучения французского языка: в Париже Андерсен вынужденно общался, как тогда было принято, в основном со своими соплеменниками. Однако, приехав в Ле Локль, он понял, что почти не понимает местного французского говора. Зато пребывание в Ле Локле послужило отличной творческой командировкой.

«Эта поэма — моя восставшая из моря скандинавская Афродита. Ты должен полюбить ее хотя бы из-за этого, — писал Андерсен Эдварду 12 сентября 1833 года, отсылая ему вторую часть „Агнете“. — „Литературный ежемесячник“ называл меня „молодым поэтом, обещавшим когда-то многое“, они писали это уже после того, как из печати вышли мои

> „Двенадцать месяцев“; эти слова ложатся каплями яда на мое сердце. Так пусть же удача „Агнеты“ бросит луч, под которым яд улетучится!»

Однако Эдварду, по крайней мере, первая часть «Агнете», которую он успел получить, не понравилась вовсе. В письме от 29–30 августа он прямо пишет Хансу Кристиану о «затертости идей» поэмы, о ее искусственных длиннотах и заимствованиях из эленшлегеровского «Аладдина».

И тут Андерсен впервые восстал против семейства Коллин — в лице Эдварда. Он записал в своем дневнике 23 сентября:

> «Получил длинное письмо от Эдуарда, своего рода выпад против „Агнете“; я больше не хочу быть вечно уступающим, не хочу, чтобы человек младше меня обращался со мной как с ребенком, пусть он и мой друг. Тон, взятый Эдуардом, требует противодействия, хоть я и люблю его!»

Тем не менее 24 сентября уже из Милана Андерсен отвечал другу более примирительно: «Похвала, бесконечная похвала, вот что оказывает на меня самое благотворное влияние. Вы не можете подарить мне ее, что ж, я не повешу голову, не разрыдаюсь, спрячу неудовольствие в сердце и продолжу свой путь туда, куда хочу и должен идти». В этом же письме Андерсен вспомнил о своем унижении в прошлом: «С ребяческим доверием я молил Вас перейти со мной на братское „ты“, и Вы ответили мне отказом. Тогда я заплакал и промолчал, но с тех пор во мне осталась незаживающая рана». Хотя… далее Андерсен пишет, что он понимает: Эдвард всегда желает ему только добра и предлагает

пусть горькое, но необходимое «от несварения желудка» лекарство. Вероятно, симптомами последнего явились несколько неудачных строк из авторского предисловия к «Агнете», над которыми ироничные копенгагенцы, как свидетельствует сам Андерсен в «Сказке моей жизни», немало смеялись:

«Старая песня звенела у меня в ушах в шумной толпе на бульварах Парижа, среди ослепительных сокровищ Лувра, и дитя зашевелилось у меня под сердцем, прежде чем я сам осознал, что ношу его»[124].

14 сентября 1833 года Андерсен отправился из Ле Локля в Италию.

Глава седьмая
об Андерсене в Италии и кризисе его отношений с Коллинами; Ханс Кристиан — Антонио в «Импровизаторе»

Поэт приехал в Италию 5 сентября 1833 года, то есть через 14 (без одного дня) лет после того, как с дорожным узелком вступил в столицу Дании. В «Сказке моей жизни» он, естественно, усмотрел в этом руку Божественного провидения.

Маршрут его пролегал через Милан, Геную, Пизу, Ливорно, Флоренцию и Перуджию в Рим. Путешествие с недолгими остановками в городах заняло у Андерсена чуть больше месяца. Италия произвела на него оглушительное впечатление. Хотя поначалу писателя многое раздражало. Это были и постоянные вымогательства на постоялых дворах, и бесчисленные проверки документов, и безалаберность кучеров (витторино), подчас не знавших пути, и знойная жара днем, и тучи «ядовитых» мух и комаров по вечерам и ночью. В трех предложениях из «Сказки моей жизни» писатель дает впечатляющую картину того, что особенно не понравилось ему на итальянских дорогах:

> «На границе Папской области наши паспорта и чемоданы в очередной раз были подвергнуты тщательному осмотру, и вслед за тем мы продолжили путь в живописных лучах величественного заката. Красоты его я никогда не забуду, как не забуду и убожества постоялого двора: проваливающийся пол, толпа калек-попрошаек под дверью, одетая в грязную

кофту хозяйка со злобной улыбкой ведьмы, которая сплевывала каждый раз, подавая нам очередное блюдо, и спешила убраться из комнаты. Когда в „Калошах счастья“ я попытался нарисовать картину того, насколько убогой может быть bella Italia[125], я вспоминал именно об этой странице нашего путешествия» [126].

И все-таки, чем дальше Андерсен продвигался на юг, тем меньше внимания обращал на неудобства и неурядицы. Его полностью поглощали живописные и столь ценимые писателями-романтиками картины народной жизни, а также природа, архитектура и искусство. Италия, казалось, разговаривала с путешественником без посредников на языке самой истории. Во Флоренции Андерсена особенно поразила скульптура Венеры Медицейской: «Я чувствовал, что мраморная богиня как будто глядит на меня, я глядел на нее с благоговением и не мог наглядеться»:

Бела, легка из пены вод
Краса нетленная встает,
Лишь Богом постижима;
Вселенной остров — тлен и прах,
Одна любовь живет в веках,
Богинею хранима![127]

Он восторгался выставленной в той же галерее Уффици скульптурной группой Ниобид, поразившей его «необыкновенной жизненностью, правдой и красотой»:

«Бродя между отдельными статуями этой группы, сам начинаешь ощущать себя участником заключенного в ней действа. Каменная фигура матери простерла полу своего платья над последней оставшейся в живых

дочерью в тщетной надежде защитить испуганного ребенка от готовой поразить его летящей стрелы»[128].

Наконец, 18 октября 1833 года, кое-как преодолев особенно тяжелый из-за непогоды последний отрезок пути — двое путешествовавших вместе с Андерсеном датчан, устав от дорожных трудностей, отказались ехать с ним дальше, — он прибыл в Рим и в тот же вечер присутствовал на торжественном перезахоронении останков Рафаэля в Пантеоне. Оно было произведено в связи со слухами о том, что череп художника, хранившийся в Академии Святого Луки, был подложным. Папа Григорий XVI разрешил эксгумацию, и в результате ее было установлено, что останки Рафаэля находятся в могиле в целости и сохранности. Не прикрывая поэтическими эвфемизмами прозу жизни, Андерсен пишет в автобиографии:

> «Торжественное впечатление было, к сожалению, нарушено прозаическим эпизодом: могила оказалась слишком узкой, и, чтобы втиснуть туда гроб, пришлось поставить его. В результате уложенные в порядок кости смешались в кучу. Слышно было даже, как они застучали»[129].

На этой церемонии Ханс Кристиан познакомился с несколькими постоянно проживавшими в Риме земляками. Самым известным среди них был Бертель Торвальдсен (1770–1844), пользовавшийся тогда мировой славой датский скульптор, также выбившийся из простонародья (он был сыном исландского резчика по дереву, обосновавшегося в Дании). На следующий день Андерсен посетил его в доме на улице Систина (неподалеку от знаменитой Испанской лестницы) и вскоре очень удачно нашел для себя там же недорогую

квартиру с балконом и видом на Альбанские горы. В ней поэт прожил следующие четыре месяца.

Тем же вечером на церемонии перезахоронения Андерсен познакомился с датским поэтом Людвигом Бёдткером, состоятельным человеком и знатоком Рима, показавшим ему достопримечательности Вечного города: Колизей, Капитолийский холм, собор Святого Петра и другие знаменитые церкви. Вместе с ним и еще несколькими друзьями Ханс Кристиан обследовал катакомбы и совершил несколько прогулок по живописной области вокруг Вечного города — Кампанье, не сильно изменившейся со времен великой империи. Уже 16 декабря 1833 года Андерсен писал Хенриетте Вульф-младшей: «Рим открыл мне глаза на красоту».

В кружок римских датчан того времени, обычно собиравшихся в Кафе Греко на виа дей Кондотти чуть ниже Испанской лестницы — заметим, что через два года оно стало любимым местом другого писателя, Николая Васильевича Гоголя, часто наезжавшего в Рим, — входил молодой художник Альберт Кюхлер. Незадолго до нового, 1834 года он написал портрет молодого Андерсена, на котором тот, что чрезвычайно редко, изображен анфас (эта картина удачно воспроизведена на обложке четвертого тома современного собрания сочинений Андерсена, вышедшего в юбилейном 2005 году). Один из самых обаятельных и жизнелюбивых членов скандинавского землячества в Риме, Кюхлер впоследствии (в 1844 году) перешел в католичество и, став монахом-францисканцем и приняв имя отца Пьетро ди Санте-Пио, целиком посвятил свое творчество религиозным темам.

Римская колония датских художников и поэтов тепло приняла Андерсена, а искусство, природа и народная жизнь Италии до такой степени захватили

его, что он с неохотой вспоминал о необходимости возвращения на родину. Но иногда она напоминала о себе — неприятно. Из письма Коллина-отца от 30 ноября 1833 года Андерсен узнал, что Эдвард Коллин не нашел издателя, который согласился бы взять на себя выпуск драматической поэмы «Агнете и Водяной», из-за чего печатать ее придется автору за свой счет и искать для книги подписчиков. Неудовольствие издателя вызвала форма произведения, которая, по мнению автора письма, «оставляла желать много лучшего». Естественно, такие новости и отзыв об «Агнете» автора не обрадовали. Еще более тяжелым ударом для него было другое известие. Сразу после того как Эдвард отослал Андерсену свое последнее письмо, Коллины узнали о смерти его матери, «что, скорее всего, ему уже известно».

Однако о кончине матери, случившейся 7 октября того же года, Андерсен ничего не знал. В ответном письме от 17 ноября он написал старшему Коллину.

> «Мой дорогой, дорогой отец! — Андерсен называет Йонаса Коллина отцом (позволение называть его так он испросил чуть раньше, на что тот с пониманием согласился). — Вот я и остался один-единственный на всем свете! Ваше письмо, полученное мной вчера, сообщает о смерти моей старухи-матери. Это было благое деяние нашего Господа, ведь она была слаба и беспомощна. Вы не знаете, как много слез вызывало у меня ее положение, я ведь не мог сделать почти ничего, чтобы облегчить ее участь, и действительно молил Бога, чтобы он прибрал ее. Мое последнее письмо из Рима она не получила, но я знаю, что она за меня молилась и благословляла своего сына. Теперь, когда я узнал, что она умерла, мной владеет

одна лишь мысль: „Спасибо Тебе, Господи!“ — и тут же возникает странное ощущение: я удивлен тем, что остался совсем один. Здесь я переживаю это вдвойне, и поэтому мне так дорого, что я пишу Вам, все-таки в Вашем лице у меня есть собеседник!..»

Андерсен навещал мать при каждом своем посещении Оденсе. Его письма Анне Марии не сохранились, и это неудивительно: в последние годы она жила в богадельне при местной больнице, в которую, как уже сообщалось, ее удалось устроить при содействии полковника Хёг-Гульдберга, командира местного гарнизона. А вот письма от нее Андерсен хранил. Сама Анна Мария грамоте так и не научилась, и с ее слов сыну писали люди, которых она об этом просила. Как правило, в этих коротких записках мать радуется успехам Ханса Кристиана, благодарит его за деньги (он регулярно посылал ей небольшую сумму) и за присылаемую одежду, которую она переделывала для себя, а также жалуется на старческую слабость — особенно на отказывающиеся служить ноги. Иногда мать прямо просит прислать ей чуть больше денег, а в одном случае — чтобы сын адресовал письма и деньги прямо ей и не верил тому, что рассказывают о ней третьи лица. Еще в одном письме она сообщает, что ничего не знает о судьбе его сводной сестры Карен, о которой Андерсен, судя по всему, в одном из своих писем справлялся.

Несомненно, Андерсен любил свою мать, хотя в его чувстве проявлялась известная доля эгоцентризма. Вот как, ничуть не приукрашивая себя, примерно в тех же словах, что и в письме Коллину, он описывает свое отношение к смерти матери в «Сказке моей жизни»: «… я невольно воскликнул: „Благодарение Богу! Окончились ее мытарства и нужда, которых я так и не

мог облегчить“. Тем не менее я горько оплакивал ее, не в силах свыкнуться с мыслью, что теперь у меня нет никого на свете, кто бы любил меня, несмотря ни на что, побуждаемый к тому самой природой»[130].

Римские друзья Ханса Кристиана, как могли, сочувствовали ему. А однажды соболезнование выразил человек, от которого он этого не ожидал. Во второй половине ноября в Кафе Греко вошел молодой человек, в котором Андерсен узнал Хенрика Херца, того самого поэта, который ранее столь бесцеремонно высмеял его в своих «Письмах с того света». Херц по-дружески протянул ему руку. Нельзя сказать, чтобы Андерсен удивился этой встрече. В своем последнем письме Йонас Коллин сообщал, что Херц направляется в Рим, и просил принять его дружелюбно. Хенрик пытался утешить и ободрить Андерсена, даже признал свои нападки на него не совсем справедливыми, хотя и объяснимыми — ему претили крайности романтизма. И Андерсен тут же проникся к нему симпатией. Он сразу откликнулся на его просьбу и помог снять квартиру неподалеку, они подружились.

Но на этом огорчения Андерсена в уходившем 1833 году не кончились:

> Пришло письмо! Одно письмо! Но яд
> Не страшен так, как этот яд, который
> Мне друг прислал меж строчек на бумаге,
> Печась о благе![131]

Поэт пишет о помеченном 18 декабря письме от Эдварда Коллина, которое воспринял как оскорбление. В принципе признававший за собой множество недостатков, Андерсен не отличался особой обидчивостью, но всегда чрезвычайно остро реагировал

на нападки, которым подвергались его произведения. Их он был готов защищать, не выбирая средств или выражений.

В первых строках Эдвард извещал Андерсена о кончине его матери (он не знал, что отец уже оповестил его об этом). Уже это настроило получателя письма на определенный лад, хотя худшее ожидало его впереди. Эдвард сообщал также о решительном отказе издателя печатать «Агнете» за 150 ригсдалеров. Андерсен не представляет, до какой степени он сейчас непопулярен у читающей публики и у критики: «Он опять что-то состряпал! Ах, как же он надоел! Все время одно и то же, одно и то же!» Поклонников у его музы осталось мало. А по какой причине? Да по той, что он пишет слишком много! Не успевает выйти одно его произведение, как у него уже готова половина рукописи другого. При такой спешке ни один книгопродавец скоро не возьмет ни одной его рукописи даже даром!

Затем автор письма уверяет Андерсена, что многотомное описание его нынешнего путешествия, планы создания которого он, как кажется, сейчас вынашивает, абсолютно никого не заинтересует. Описаний путешествий по Италии тысячи, и вряд ли он способен сообщить о ней что-нибудь новое. И разве это не самоуверенно и не эгоистично с его стороны — столь упорно навязывать читателю и критике свои мысли, когда в них отсутствует новизна? По-видимому, Андерсен думает, что успех «Агнете» возродит у критики и читателей интерес к его творчеству? Увы, это не соответствует действительности! В поэме повторяются давно знакомые по прежним его произведениям ребячески-наивные мотивы. Дошло до того, что один из уважаемых им литераторов (имя его в письме названо не было), которого Эдвард попросил ознакомиться с «Агнете», чтобы потом вместе заняться корректурой поэмы, не смог дочитать ее — из-за

безнадежной уродливости и унылости сочинения. Литератор не захотел становиться «крестным отцом» такого произведения и советовал Эдварду поступить так же.

Самое лучшее для Андерсена сейчас, продолжает Эдвард, это перестать писать вообще или, по крайней мере, в течение двух ближайших лет — он ведь получает королевскую стипендию. Это не бог весть какие деньги, но жить на них можно! А пока — пусть отдыхает и наслаждается путешествием по Италии!

Наверное, почувствовав, что письмо получается грубоватым, Эдвард решил в конце подсластить пилюлю. Но получилось только хуже! Он сообщает, что недавно вышедшее «Собрание стихотворений» Андерсена получило наконец отзыв. Его написал маститый критик и один из директоров Королевского театра Кристиан Мольбек. В обозрении датской поэзии, напечатанном в «Литературном ежемесячнике», он сравнивает стихотворения Андерсена с произведениями Хенрика Херца, Кристиана Винтера и других молодых поэтов — в совершенно уничижительном для него тоне! Правда, пишет Эдвард, рассуждения Мольбека так искусственны, пристрастны и бездоказательны, что от такой критики книга его друга только выигрывает.

Андерсен был в совершенной ярости и 6 января записал в дневнике: «Я был потрясен так глубоко, так письмом уничтожен, что лишился чувств и веры в Господа и людей. Оно довело меня до отчаяния».

И далее 9 января: «Трудно порывать с давними отношениями, которые тебя мучают, но лучше поздно, чем никогда! Эдуард не будет более помыкать мной!» И заключает: «Обида, исходящая от врагов, хлещет бичом, а исходящая от друзей — жалит, как скорпионы!» Андерсен решается наконец и идет на отчаянный шаг: в резких выражениях заявляет Эдварду, что более не потерпит начальственного и

покровительственного отношения! В то же время из уважения к его отцу, которому «обязан всем», письмо Эдварду он вкладывает в конверт, адресованный Коллину-старшему. Если тот пожелает, пусть отдаст его сыну и тем самым разрешит проблему, возникшую в их отношениях. От себя добавим, что Андерсен принял поистине макиавеллиевское решение!

20 февраля 1834 года Андерсен получил письма и от отца, и от сына. Йонас Коллин сообщал ему о большом огорчении, которое испытал, получив его послание. Он вполне понимает, что почувствовал Ханс Кристиан, прочитав последнее письмо Эдварда, — к сожалению, не прочитанное им заблаговременно. И он сразу сжег ответное письмо Андерсена его сыну. Ведь оно могло привести к разрыву между друзьями, который он не мог бы воспринять иначе как с болью в сердце. «Вы в столь же малой степени заслуживаете выговоров от моего сына, сколь он — Вашего гнева, излитого в расстроенных чувствах; ведь в глубине души он испытывает к Вам глубочайшее уважение и в случае необходимости всегда будет самым горячим Вашим защитником». Далее Йонас Коллин пишет: «Я ни в коей мере не поручал ему поучать Вас, но, дорогой Андерсен, у каждого человека есть свои недостатки, и это — недостаток его; мы должны с терпением относиться друг к другу».

Хотя Эдвард и не получил гневного письма Андерсена, уничтоженного его отцом (впрочем, мы знаем об этом только со слов последнего), он почувствовал, что своим посланием жестоко обидел друга, и в письме от 29 января 1834 года косвенно извинялся, объясняя причины своего раздражения. Он пишет, что не помнит точно, «что именно написал в том ужасном письме, но тогда ему было очень досадно»:

«Я только что наслушался поступавших со всех сторон от Ваших друзей жалоб и сожалений относительно „Агнеты“, которую все нашли лишь копией Ваших прежних произведений, и ждал еще более беспощадной ее критики в газетах, как вдруг получаю от Вас самодовольное письмо, в котором Вы называете свою поэму шедевром и выражаете уверенность, что она по всем божеским и человеческим законам возведет Вас в „мастера литературного цеха“! Мало того, едва я успел поссориться с Рейцелем, получить множество отказов от подписки на книгу и перебраниться из-за Вас со множеством лиц, как получаю от Вас извещение о том, на что Вы употребите те, по меньшей мере 100 ригсдалеров, что выручите за нее! Как, по-Вашему, не обидно ли было мне получить от Вас — в то время как я сидел и высчитывал, как свести концы с концами в расходах, превышающих 100 ригсдалеров, — требование 100 ригсдалеров прибыли? Мне будто дали пощечину! Так была, я думаю, причина поворчать, тем более что удар нанесла рука друга; недругу можно было бы отплатить тем же».

Письмо заканчивалось примирительно:

«...я еще надеюсь, что Вам все-таки не придется раскаиваться в том, что Вы сами издали „Агнету“, — я встретил много лиц, которые хвалили ее. Всего хорошего, дорогой, и не сомневайтесь в Вашем, пусть иногда раздражительном, но все же искреннем друге»[132].

Андерсен читал отрывки из «Агнете» и в Риме — Торвальдсену и Херцу. Торвальдсен благоразумно оценил поэму в общих словах. Он похвалил ее музыкальность и гармоничность, прибавив, что от поэмы «так и веет Данией, ее родными лесами и озерами». Херц отозвался более конструктивно: «По окончании чтения он объявил, что не может на слух составить себе полного впечатления о всем произведении, но находит, что лирические места в нем удались. Упреки же копенгагенских критиков в слабости формы он объяснил тем, что баллада вообще потеряла от переработки ее в драматическую поэму»[133].

И действительно, Андерсен, по-видимому, ставил перед собой недостижимую цель. Он неправильно прочитал балладу, в которой столкновение человека со сверхъестественным магическим существом, традиционно заканчивающееся несчастьем, представлено в комическом, пародийном духе. Потерпевшей и вызывающей сочувствие стороной в ней представлен Водяной, воплощение грозных магических сил, выглядящий комично. Таким образом, шуточную балладу он хотел переделать в стихотворную драму серьезного и трагического звучания, что и предопределило ее неудачность.

Наступившее вскоре Рождество Андерсен встретил в большой компании датских, норвежских и шведских писателей и художников на вилле Боргезе, в домике, расположенном у амфитеатра в саду, у заменявшего елку апельсинового деревца. Он специально сочинил для праздника исполненную хором «Скандинавскую рождественскую песню», воспевающую дружбу и единство скандинавов:

Три языка — единый сплав.
Три брата — каждый скандинав.

В песне воздавалась хвала шведскому и датскому монархам:

И Карлу Юхану[134] ура!
Гип-гип ура и Фредерику[135]!

что было в те времена «политически некорректно»: в Дании еще жили отголоски многовековой вражды между королевствами, окончательно умолкнушие лишь в 1850-1860-е годы, во времена военного конфликта Дании с Пруссией и Австрией из-за Шлезвига и Гольштейна, когда умами датчан, норвежцев и шведов владело течение «скандинавизма» — культурного и политического единства стран Скандинавии. Некоторые участники праздника немного поколебались, прежде чем присоединиться к хору; в Дании вольномыслие Андерсена («воспевание шведской короны за датские деньги») также вызвало нарекания.

12 февраля, сразу после недельного римского карнавала, Андерсен вместе с Херцем и еще одним приятелем отправились на юг Италии, в Неаполь, где как раз в это время происходило извержение Везувия. По-видимому, не вполне сознавая, насколько это опасно, датчане совершают восхождение на вулкан. Сначала они идут по колено в пепле, а затем, ступая по застывшей и еще горячей корке лавы, пробираются ближе к ее эффектно изливающимся потокам. «Я ощущал небывалый восторг и прилив сил, напевал какой-то мотив из Вайсе и был первым, кто взобрался на гору»[136].

Через несколько дней Андерсен с друзьями посетили Помпеи и греческие храмы в Пестуме. «Здесь я увидел слепую нищенку, почти девочку, одетую в лохмотья, но дивную красавицу. Это было живое воплощение богини красоты... Она произвела на меня такое сильное впечатление, что я даже не посмел подать ей милостыню, а только стоял и смотрел на нее с каким-то благоговением, как на богиню того храма, у входа в который она сидела»[137]. Чуть позже Андерсен вместе с Херцем посетил остров Капри, где 6 марта 1834 года (отметим в памяти эту дату!) они побывали в Голубом гроте, открытом за три года до этого двумя немецкими художниками, отважившимися во время отлива проникнуть в него.

После красот юга поэт возвращался в Рим без особого удовольствия. Отпраздновав в Вечном городе Пасху, с 1 апреля он начинает свое четырехмесячное путешествие домой. Венеция, которую он на пути конечно же посетил, произвела на него если не тягостное, то все же печальное впечатление. Днем, как писал Андерсен в «Сказке моей жизни», она напоминала ему «мертвого лебедя, качающегося в замусоренных волнах» и только к ночи «представала во всей красе, как это и подобает королеве Адриатики»[138]. В Венеции, впрочем, Андерсена ужалил скорпион и у него до самого плеча распухла рука. Укус, однако, оказался не особенно ядовитым. «Наконец, в черной, похожей на катафалк, гондоле я, признаться, без сожалений покинул город»[139].

В начале мая Андерсен прибыл в Мюнхен, где, работая над новым произведением об Италии, провел целый месяц. Затем в июне и июле, почти восемь недель, живет в Вене, посещает Прагу и отправляется в Германию, где 24 июля в Берлине встречается с Шамиссо, у которого как раз в это время вышло

собрание сочинений, включавшее перевод шести андерсеновских стихотворений. 3 августа 1834 года на пароходе «Фредерик VI» поэт возвращается в Данию.

Он ехал обратно без особого воодушевления. Что ожидало его в Копенгагене? Зависимое положение. Нехватка денег — они уже потрачены, и он вынужден, чтобы возвратиться, снова обращаться за денежной помощью к Коллину. Кроме того, у него сложилось впечатление, будто дома его не ценят. Любую критику своих произведений поэт воспринимал в штыки. По дороге, ознакомившись с обозрением Мольбека, о котором ему писал ранее Эдвард Коллин, он лишний раз убедился в недоброжелательном, как ему всегда казалось, к себе отношении. В свое время автор обозрения высоко отозвался о его первом поэтическом сборнике «Стихотворения» (1830). Теперь же:

> «Критик забыл высказанное им прежде мнение, все окружающие — тоже; меня втоптали в грязь, исключили из числа датских поэтов. Каждое его слово резало меня по сердцу ржавым ножом. Можно представить себе поэтому, с каким ужасом я ожидал своего возвращения. Я всеми силами старался отдалить эту минуту и отвлечься путевыми впечатлениями, чтобы выкинуть из мыслей ожидавшее меня там, куда я должен был прибыть через какой-нибудь месяц»[140].

Андерсен влюбился в Италию, страну, где он был свободен от того, чтобы перед кем-либо отчитываться. На обратном пути через Швейцарию он познакомился с шотландцем, признавшимся ему, что тоскует по родине. Андерсен позавидовал ему. Он писал Хенриетте Вульф:

> «…почти сразу же подобное чувство охватило меня! По эту сторону Альп ностальгия проснулась в моей душе, глубокая и мощная ностальгия! Я тоскую по родине, по земле, на которой растут апельсиновые деревья, по бесконечно голубому морю с плавающими по нему островами, по Везувию с его огненной лавой и жизнью у подножия. О, как жаль, что я оказался так далеко от Неаполя, как жаль, что я не поселился в нем навечно!»

Красота Италии и свободная жизнь в окружении писателей и художников, главное же — ощущение полной независимости от кого бы то ни было, по-видимому, произвели в настроении Ханса Кристиана чрезвычайно важные перемены. Он твердо решил, что вернется на родину другим человеком и более не будет ни от кого — и самое главное, от друзей — выслушивать поучений. «Я этого не потерплю! Я намерен поломать эту старую с их стороны привычку, иначе она закрепится на всю мою жизнь», — писал он 16 мая другу гимназической юности Людвигу Мюллеру, с которым познакомился еще в Слагельсе. По дороге домой 1 августа он признается в письме Хенриетте Вульф-младшей из Гамбурга: «…я лечу в мой Гефсиманский сад — навстречу поцелуям Иуды и смертной чаше, пусть это и чересчур поэтично; я — поэт-бабочка, а она более всего красива, когда машет крыльями, пришпиленная иголкой».

В «Сказке моей жизни» Андерсен писал, что сошел на датский берег со смешанным чувством: «На глазах у меня были слезы, но не каждая из них была слезой радости»[141]. Он конечно же был рад возвращению и в то же время ждал неприятных сюрпризов. Опасения его, однако, скоро развеялись. В Копенгагене он

остановился в Морской академии (то есть в Амалиенборге) у Вульфов, где хранил кое-какие вещи и одежду, и в тот же вечер побывал в гостях у Коллинов, где праздновали день рождения их дочери Луизы. Его приняли как вернувшегося домой сына и брата. 26 сентября Андерсен писал находившейся в это время в Италии Хенриетте Вульф, что «он даже видел слезы на глазах у конференц-советника». Весь следующий месяц он провел за работой в Сорё у приютивших его у себя Ингеманов — окна в его небольшой комнатке в мезонине выходили на озеро, лес и сад, — а в сентябре снял небольшую квартиру в Нюхавне, прибрежном районе Копенгагена. В том же письме от 26 сентября он подробно обрисовал свое положение Хенриетте Вульф. С Эдвардом, сообщал он ей, у него теперь, после резких письменных объяснений, сложились ровные отношения. Нынешний Эдвард — его верный друг, и Андерсен высоко ценит его твердый и положительный характер. Как он убедился, в дружбе нет места женственной мягкости, и теперь его младшему товарищу в голову не придет поучать его, они равны во всем. «Теперь я ни к кому не предъявляю таких строгих требований, как прежде, и повсюду встречаю только благожелательность. Никогда еще я не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. Я знаю, где стою, и вижу лучше, чем прежде, насколько глубоко та или иная персона может меня уязвить. Если же рядом со мной оказывается поучающий проповедник из тех, что так охотно меня воспитывали, я сначала его выслушиваю, не несет ли он чепухи, и, если ее обнаруживаю, он тут же получает от меня по носу».

Как выяснилось, Эдвард, откуда-то прознавший, что его друг пишет «многотомные» путевые записки об Италии, и раздраженно издевавшийся над этой идеей, оказался не прав. На этот раз Андерсен создавал не путевой очерк, а настоящий роман с захватывающей

романтической интригой, хотя отчасти Эдвард угадал: Андерсен писал об Италии, хотя в равной степени и о самом себе: опыт «Теневых картин» и незаконченной автобиографии не пропал даром. В новой книге он перенес свои детство и юность из Оденсе и Копенгагена в Рим, Кампанью, Неаполь и Венецию. Автор романа вдохновенно повествовал о том, как могла бы сложиться его жизнь, родись он не от прачки в Оденсе, а в Риме, в доме неподалеку от Испанской лестницы. Название нового произведения тоже появилось не произвольно. Как пишет о том Андерсен в «Сказке моей жизни», ему передали, что Хейберг в своем отзыве на водевили «Испанцы в Оденсе» и «Двадцать пять лет спустя» назвал его «поэтом-импровизатором» («Неоспоримый факт, что господин Андерсен в своих драматических произведениях теряет чувство вкуса, столь свойственное ему прежде как поэту-лирику. В самом деле, он — поэт-импровизатор и как таковой не обладает рассудительностью и хладнокровием — необходимыми качествами того, кто работает на театре», — писал Хейберг дирекции Королевского театра по запросу Йонаса Коллина), и писатель это прозвище с удовольствием подхватил. Тем более что и героиня романа Жермены де Сталь «Коринна, или Италия», который Андерсен читал на пути в Италию, тоже выступала с импровизациями. Название, действительно, оказалось точным. Как уже упоминалось, подростком Ханс Кристиан сочинял в своем воображении пьесы по списку действующих лиц, перечислявшихся на афишах спектаклей, и он же мальчишкой распевал на знакомые мелодии стишки собственного сочинения, стоя на камне, с которого его мать полоскала в речке Оденсе чужое белье. Вымышленный герой романа «Импровизатор» мальчик Антонио тоже сочиняет песни, подражая уличным певцам, а ставши немного старше, даже выступает с

поэтическими импровизациями на сцене, как делали это реально существовавшие итальянские поэты-импровизаторы Томмазо Сгриччи (1789–1836) и Луиджи Чиккони (1804–1856). Остальные герои и персонажи романа также наделены чертами друзей и знакомых. Позже Андерсен говорил, что каждый характер из его книги взят из жизни и ни один из них им не выдуман.

Наверное, самой бесцветной героиней романа, матерью Антонио, автор жертвует в самом его начале ради завязки сюжета: она попадает под колеса кареты графа Боргезе во время праздника цветов, на который приехала из Рима со своим маленьким сыном к приятельнице в Дженцано, поселении на берегу овеянного легендами озера Неми[142]. Так Антонио становится сиротой. Своего отца он не знает: тот давно умер, и мальчика забирает к себе родной дядя Пеппо, отвратительный нищий калека, якшающийся с уличным отребьем. Пеппо внушает мальчику инстинктивный страх — точно такой же, какой испытывал Ханс Кристиан в детстве к своему полусумасшедшему деду.

Ночью мальчику удается бежать из подвального жилища дяди через окно. Он становится бездомным, но уже наутро его находят в Колизее, где он, устав от блужданий, заснул. Художник Федериго, датчанин, снимавший у покойной матери Антонио комнату, его натурщица Мариучча и отыскавший мальчика духовник матери монах фра Мартино устраивают его у живущих в Кампанье пожилых родителей Мариуччи, крестьянина Бенедетто и его жены Доменики, простота жизненной философии и открытость характера которой выдают в ней, по-видимому, черты матери Андерсена.

Городской мальчик оказывается в тесном деревенском доме, которым служит крестьянской семье древняя каменная гробница с нишами для могил — в них обитатели дома укладываются спать на ночь. С

этим оригинальным жилищем связан еще один сюжетный поворот: на графа Боргезе, собиравшего в окрестных лугах растения для гербария, нападает стадо быков, и лишь находчивости Антонио граф обязан своим спасением. Вскоре семья Боргезе берет его к себе на воспитание и устраивает в иезуитский колледж, чтобы со временем он стал аббатом. Так проходит несколько лет. Сообразительный, набожный и чувствительный юноша обретает в графском дворце свой второй дом, а дочь графа Франческа и ее муж Фабиани всячески опекают его. В школе иезуитов Антонио делает заметные успехи, его ценят за послушание и поэтический талант, хотя между ним и одним из учителей, Аббасом Дада (его имя объясняется арабским происхождением), истовым поклонником Петрарки и латинской учености, возникает конфликт: Дада, отказывающий Данте, вопреки его громкой славе, в поэтическом таланте, запрещает своим ученикам читать «Божественную комедию». Своенравием и высокомерной убежденностью, что только он один является светочем истины, Аббас сильно напоминает реального учителя Андерсена Мейслинга, за тем только исключением, что итальянец не тиранит, как Мейслинг, своих учеников. Любознательный Антонио тайно нарушает запрет Аббаса, ему удается купить «Божественную комедию», которой он восторгается, о чем догадывается другой ученик колледжа Бернардо, тоже читавший Данте. Между юношами завязывается дружба, хотя Бернардо, племянник римского сенатора, своей энергичной, мужественной натурой сильно отличается от мягкого и склонного к поэтическим грезам Антонио.

Проходит немного времени, и дружбе между юношами приходит конец. В Рим на гастроли приезжает прославленная певица, молодая красавица Аннунциата, которую публика буквально носит на руках. Между

влюбленными в нее друзьями возникает соперничество, приводящее к схватке. Свидетельницей ее становится Аннунциата. В явно неравном поединке, начатом Бернардо, тихий и неопытный Антонио, сам того не желая, ранит друга, к тому времени уже офицера гвардии. Антонио в отчаянии, он уверен, что убил своего соперника. Раненый остается на руках у Аннунциаты, а герой, убежденный в том, что певица любит Бернардо, покидает их: он вынужден бежать и скрываться от правосудия. В результате он оказывается в плену у разбойников, располагает их к себе своим искусством рассказчика и певца, и они переправляют его на юг Италии в Неаполитанское королевство. Здесь, опять же благодаря своему таланту и помощи Федериго, он дает свой первый успешный концерт поэтической импровизации. Напрасно супруга местного археолога и коллекционера, приятеля Федериго, Санта пытается соблазнить молодого поэта (здесь, естественно, вспоминается аналогичная попытка жены Мейслинга, описанная в неоконченной автобиографии Андерсена), он верен своей несчастной любви. Однажды в Пестуме он видит у входа в античный храм нищую девушку, слепую красавицу Лару, и настолько ею очарован, что не смеет даже подать ей милостыню. Тогда же он получает записку от неизвестной женщины, которая назначает ему срочную встречу. Считая, что записка прислана влюбившейся в него Сантой, Антонио ее игнорирует и вместе с дочерью графа Франческой и ее мужем Фабиани, оказавшимися в то время в Неаполе, возвращается в Рим, где граф прощает его измену священническому званию. Кроме того, Антонио узнает, что рана, нанесенная им Бернардо, оказалась не столь серьезна, как он считал, и закон его более не преследует. Им овладевают новые чувства — любви и скорби.

Дело в том, что подросшую к тому времени дочь Франчески и Фабиани ожидает постриг: воспитывавшаяся в монастыре Фламиния по традиции, принятой в знатных римских семействах, должна стать монахиней, и она со смиренной радостью воспринимает свою судьбу, вызывая у Антонио глубокую грусть. Чтобы развеять ее, граф посылает его в Венецию, где молодой поэт выступает с несколькими успешными сеансами импровизации и завязывает дружбу с подестой (главой администрации) этого города и его дочерью Марией. Однажды, отправившись на оперный спектакль в местный театр, Антонио узнает в одной из актрис Аннунциату: она утратила прежний талант и божественный голос, исхудала и потеряла прежнюю красоту. Поэт посещает ее в номере бедной гостиницы, где бывшая красавица сообщает, что всю жизнь любила только его одного, и берет с него слово не преследовать ее, уже обреченную на скорую смерть болезнью. Будущее Антонио, по ее убеждению, связано с дочерью подесты Марией.

В «Сказке моей жизни» Андерсен сообщает, как родился у него образ Аннунциаты. Уже будучи студентом, во время посещения Оденсе он увидел в женской палате богадельни на тумбочке возле одной кровати прекрасную живописную миниатюру, портрет молодой женщины, совершенно не вязавшийся с окружающей обстановкой. Когда он спросил, кому принадлежит портрет, к нему подозвали маленькую худенькую женщину в выцветшем черном шелковом платье. Это была постаревшая немецкая актриса, игравшая главную женскую роль в музыкальной постановке «Дева Дуная», первом спектакле, на который родители взяли его с собой. Облик этой женщины слился в воображении Андерсена с образом блестящей испанской оперной певицы Марии Малибран (1808–1836), которую он не раз слышал в Неаполе.

В сюжете «Импровизатора» есть немало натяжек и несоответствий. Так, например, очень витиевато читателю доказывается, что дочь подесты Мария, которую полюбил Антонио после выздоровления от тяжелой лихорадки, сразившей его после смерти Аннунциаты, — это нищая красавица Лара из Пестума, только излечившаяся от слепоты. Срочная записка, полученная им в Неаполе, также была послана ему не Сантой, а Аннунциатой. Подобные нестыковки и сюжетные заплатки все же не воспринимаются в романе как существенные. Главное в нем — зарисовки Италии, выполненные с истинной влюбленностью в эту страну. Сам стиль «Импровизатора» пронизан воодушевлением и чувственностью, книга, по сути, — это «сны наяву» молодого Ханса Кристиана, ее чуть-чуть наивного автора (обратим внимание, сколь многими героинями романа он любим — это и Фламиния, и Аннунциата, и Санта, и Лара — Мария!). Повествователь Андерсен почти полностью перевоплощается в Антонио и, временами почти с ним сливаясь, размышляет о себе и своей судьбе. Так, например, оценивая шесть лет жизни в доме графа Боргезе, герой не только благодарит своих покровителей за оказанные ему благодеяния, но и сетует на горечь зависимого положения. Андерсен очень выразительно перенес в роман назревший к тому времени кризис в отношениях со своими многочисленными благодетелями:

> «Меня считали прекрасным молодым человеком, довольно талантливым и многообещающим, и поэтому все так охотно брались воспитывать меня. Благодетелям моим давало на это право мое зависимое положение, другие же просто пользовались моим добродушием. Я глубоко чувствовал всю горечь

> своего положения, но терпеливо переносил ее. <…> И вот, я научился вежливо улыбаться, когда меня душили слезы, почтительно кланяться, когда мне хотелось презрительно отвернуться, и с вниманием выслушивать пустую болтовню глупцов. Притворство, горечь и отвращение к жизни — вот каковы были плоды того воспитания, которое навязали мне обстоятельства и люди. Мне постоянно указывали на мои недостатки; но разве во мне так-таки и не было ничего хорошего? Приходилось самому отыскивать это хорошее и ставить его на вид людям, но те, сами же заставляя меня углубляться в самого себя, упрекали меня за то, что я слишком ношусь с собой!»

В результате: «…я ожесточался, вооружался упорством; минутами просыпалось во мне и сознание собственного превосходства, но, скованное цепями рабства, оно превращалось в демона высокомерия, который уже свысока смотрел на нелепые выходки моих умных учителей и нашептывал мне: „Имя твое будет жить и тогда, когда их имена давно будут забыты или же будут вспоминаться только в связи с твоим, как гуща и капля горечи, попавшие в твою жизненную чашу“»[143].

Роману предшествует посвящение на титульном листе: «Конференц-советнику Коллину и его замечательной жене, в лице которых я обрел настоящих родителей, а также их детям, настоящим моим братьям и сестрам, самому родному из всех домов, посвящаю я с сыновней и братской благодарностью эту книгу, лучшее, что до сих пор написал». И все-таки с каким чувством воспринимали сетования Антонио Коллины

или Вульфы, если, конечно, они читали роман внимательно? Долгое время, считая Андерсена «своим», близким им человеком, они относились к его творчеству как к забавной и нелепой прихоти. Наверное, нельзя не признать наличия у них самого широкого великодушия и чувства юмора, не уступающего тому, которым обладал сам Ханс Кристиан. Коллины, Вульфы, Эрстеды и Ингеманы действительно любили Андерсена.

Органичной была и познавательная сторона романа. Скитания и переезды Антонио по его родине на удивление точно совпадают с маршрутами путешествий автора книги, и он очень успешно использовал свой метод «романтического пейзажа», отработанный ранее в «Теневых картинах». Книга эмоциональна и очаровывает читателя. Русский рецензент романа (по-видимому, В. Г. Белинский) счел самой интересной его стороной «итальянскую природу и итальянские нравы, очерченные не без таланта и не без увлекательности»[144].

Как ни странно, но Андерсену пришлось едва ли не упрашивать издателя напечатать роман, но он все же вышел в Копенгагене в апреле 1835 года. На этот раз своей работой был доволен не только автор, но, что гораздо важнее, ею по-настоящему увлеклись читатели. В конце апреля Андерсен пишет Хенриетте Вульф: «Все так любезны, так со мной обходительны, многие даже утверждают, что такого от меня не ожидали. Я на волне успеха, но мое сердце полно благодарности доброму Богу, от которого я воспринимаю все это как дар, как милость, которой он позволил излиться в мою душу». Другой своей приятельнице, внучке типографа Иверсена Хенриетте Ханк, с которой Ханс Кристиан поддерживал не менее, а, может быть, даже более доверительную переписку, 19 января 1836 года он сообщал: «Ни одна еще зима не удавалась такой

спокойной и счастливой, как эта. „Импровизатор“ завоевал уважение ко мне среди самых благородных и лучших. Даже широкая публика относится сейчас ко мне с большей благосклонностью, нежели прежде. Слава Богу, денежные дела мои поправились, и в последнее время жизнь сделалась намного приятней».

Критика тоже была на этот раз к его произведению благосклонной и в целом оценила роман положительно, хотя Андерсен, как всегда, считал ее неудовлетворительной, беспринципной и мелочной. В автобиографии «Моя жизнь как сказка без вымысла» он писал: «…когда же критика романа наконец появилась, естественно много более вежливая, чем та, к которой я привык, все удачные места в книге не затрагивались — „это же и так ясно“, зато недостатки, какие есть или нет, вскрывались полностью. Перечислялись буквально все неправильно написанные итальянские слова и выражения. Как раз в то время у нас появилась известная книга Густава Николаи „Италия как она есть“, с ней носились повсюду и вслух провозглашали, что теперь-то вот все увидят, что писал об Италии Андерсен, у Николаи все написано по-другому, истинно понял эту страну только он. Один из наших небольших поэтов, вхожий в свет, как-то прочитал в небольшом обществе, ожидающем приема у короля, чуть ли не доклад о слове „Колизей“, которое у Байрона было написано иначе, чем у меня в „Импровизаторе“. Я как раз тогда собирался подарить книгу принцу и тогда же, на месте, доказал, что мое написание правильнее, чем байроновское, на что граф с улыбкой пожал плечами и высказал сожаление, что в столь красиво переплетенную книгу вкралась ошибка».

Не меньшую, а, вероятно, даже большую популярность снискал Андерсену «Импровизатор» за границей. Уже в следующем, 1836 году под названием «Юность и грезы одного итальянского поэта» роман

вышел в Германии, в 1838—1839-м — в Швеции, в 1844-м — в России[145], в 1845-м — в Англии, в 1846-м — в Голландии, в 1847-м — во Франции и в 1851 году — в Чехии. Это был феноменальный, еще не виданный для датской литературы успех. Ни одно другое произведение датского автора не издавалось почти в одно время в семи разных странах. С этого момента Андерсен, если у него и существовали сомнения на счет своего таланта, мог считать себя состоявшимся писателем или, как ему всегда хотелось, Поэтом. Теперь он имел на это полное право, о чем и написал в автобиографии «Моя жизнь как сказка без вымысла»: «Эта книга помогла мне, образно выражаясь, вновь поднять свое жилище из пепла, она сплотила вокруг меня друзей и дала мне больше, чем любое другое произведение, написанное до этого: я впервые вполне ощутил, что получил истинное и заслуженное признание»[146].

Лишним доказательством тому служит тот факт, что Андерсена еще охотнее, чем прежде, стали приглашать в свои загородные имения его старые и новые знакомые. Среди них стоит отметить госпожу Линдегорд, щедрым гостеприимством которой в ее замке Люккесхольм[147], расположенном на востоке острова Фюн, Андерсен не раз пользовался летом в 1832, 1835–1837 и 1839 годах. Вот как весело проводил он в нем время в самом начале своего писательского успеха, о чем писал Эдварду Коллину 16 июля 1835 года: «Дорогой Эдуард! Знаешь, что выпало мне на долю в Люккесхольме? За мной так ухаживали, что я пробыл там вместо двух дней целых семнадцать! И чего только эти барышни не придумывали! Героя дня пытались даже напугать! Прятали мне под кровать живого петуха, привязывали к занавескам моей кровати бумажки с майскими жуками, сыпали в постель горох и

т. д., но я живо раскрывал все их плутни и по великодушию своему даже не мстил за них. Раз подмывало меня, впрочем, лечь в виде привидения в постель одной из молодых барышень (они раз положили в мою куклу женского пола), но раздумал; пожалуй, это могли бы истолковать превратно, да и сама старая госпожа[148], которой я доверил свой план, с сомнением покачала головой!»[149]

Успех «Импровизатора» коренным образом повлиял на всю дальнейшую судьбу Андерсена. В частности, роман понравился влиятельному голштинскому аристократу и премьер-министру в 1831–1839 годах графу Конраду Ранцау-Брайтенбургу (1773–1845), стороннику единства Дании и Гольштейна, приславшему Андерсену восторженное письмо. В ответ писатель подарил ему экземпляр своего следующего романа «О. Т.» и встретился с ним, после чего тот исхлопотал для него ежегодную стипендию, размер которой (200 ригсдалеров в серебряной монете) с годами только увеличивался, составляя твердую основу для обеспечения минимально необходимых расходов поэта. Сообщая 5 июня 1838 года радостную новость Ингеману, Андерсен писал: «Ну вот, наконец-то я вырастил в своем саду хлебное деревце и теперь более не вынужден петь у каждой двери, выпрашивая кусок хлеба на пропитание». Отметим, что с течением времени и ростом популярности писателя за границей и на родине его «хлебное деревце» росло тоже: с 1845 года стипендия была увеличена до 600, а с 1860 года — до тысячи ригсдалеров; помощь государства отчасти освободила писателя от самых насущных материальных забот.

В финале «Импровизатора» Андерсен поставил понятную лишь его друзьям личную печать. 6 марта 1834 года Антонио со своей женой Марией и трехлетней

дочкой Аннунциатой посещают остров Капри и на лодках отправляются к Голубому гроту, с которым у счастливых супругов связано судьбоносное мистическое переживание. На этот раз они находятся в пещере в компании двух датчан: один из них — «бледный, с выразительными чертами лица, был одет в синий костюм», второй — «невысокий и серьезный молодой человек с проницательным взглядом в белом костюме». В книге не объясняется, что это были сам Ханс Кристиан Андерсен и Хенрик Херц, посетившие Голубой грот на Капри как раз 6 марта 1834 года, что отмечено писателем в его дневнике.

Глава восьмая
о первых книжках сказок и романах «О. Т.» и «Всего лишь скрипач»

В самом начале нового, 1835 года в первый его день Андерсен сообщил своей приятельнице Хенриетте Ханк: «Я начал „Детские сказки“, и вы увидите, я покорю ими будущие поколения». Писатель назвал свой сборник «Сказки, рассказанные детям. Выпуск 1», показав тем самым, что за ним последуют и другие. В книжку вошли: «Огниво», «Маленький Клаус и большой Клаус», «Принцесса на горошине» и «Цветы маленькой Иды». 10 февраля писатель сообщал о них Ингеману: «…кажется, они удались. Я выбрал несколько сказок, которые любил в детстве, они мало кому известны, и я изложил их так, как рассказал бы ребенку». В марте того же года Андерсен передал Хенриетте Вульф высказанную ему похвалу Эрстеда: «…если „Импровизатор“ меня прославил, то сказки наделят бессмертием, они — самое совершенное из всего, что я написал, хотя лично я так не считаю».

Последнее важно. Окрыленный успехом «Импровизатора», Андерсен продолжал осваивать пространство романа. Конечно, ему льстили положительные отзывы о сказках со стороны друзей, однако сам их жанр он считал слишком незначительным и совсем не представлял себе, что своей будущей славой будет обязан именно им. Даже в 1838 году в письме от 23 февраля, делясь со своим приятелем, сыном госпожи Лэссё Фредериком своими творческими планами и написав к этому времени несколько сказок, ставших потом всемирно известными, Андерсен писал:

«Вы очень хорошо меня поняли, признаваться в этом немного досадно, но все же скажу: в том, что касается моего тщеславия, столь вредно влияющего на дружбу, утверждаю: я все-таки лучше моей репутации. Вы как-то говорили: „Вам бы лучше написать еще один роман или же подарить нам книгу, которая вмещала бы в себя содержание всех трех предыдущих“, — повторив тем самым мои собственные мысли. И в самом деле, обладай я хоть некоторым состоянием, вы бы увидели достойный его результат. А без него я вынужден хвататься за любую ветку хлебного дерева, выпуская из рук ветку лаврового. Никто лучше меня не знает, насколько я из-за этого отстаю; никто, кроме меня, не обладает такой мучительной убежденностью в том, что через 50 лет мир, нет, не мир, а вся наша маленькая страна скажет: „Андерсен был действительно неплохим писателем для своего времени, но, Боже мой, взгляните, что он пишет сейчас!“ Подобные мысли не скрашивают чувства одиночества. Но уверяю Вас, мой идеал поэта, отвечающего духу эпохи, не уступает, а может быть, даже превосходит Ваш. Хотя в настоящую минуту у меня нет ни настроения, ни желания браться за что-то стоящее! Я, конечно, мог бы написать нечто вроде „Дины“[150], но понимаю, что из этого ничего, кроме подражания Виктору Гюго, не получится. Сейчас я работаю над одной сказкой[151], но уже порядком устал от жонглирования золотыми яблочками фантазии. Поэзия все равно живет во мне, а отдыхать под паром я, подобно почве, не могу; вот и пробиваются через нее травинки — *пища для*

четвероногих и тупых критиков (курсив мой. — *Б. Е.*)».

В адресованные Ханк слова о «покорении будущих поколений» Андерсен, по-видимому, не вкладывал особого смысла, они звучали чуть иронично, хотя интуиция и в этом случае не изменила ему. В «Моей жизни как сказке без вымысла», написанной специально для первых двух томов (1847) немецкого собрания сочинений, писатель уделил сказкам всего полторы страницы и о первом их выпуске только обмолвился.

Подробнее писатель рассказал о нем в итоговой автобиографии (1855), когда ему почти окончательно становится ясно значение сказки для всего его творчества:

> «Спустя несколько месяцев после выхода в свет „Импровизатора“ я издал первую книжку сказок. Не стоит, однако, полагать, что они сразу же получили успех. Люди, говорившие, что желают мне добра, сожалели, что я, подав такие надежды своим романом, „опять впал в ребячество“. „Литературный ежемесячник“ так никогда и не удосужился хотя бы упомянуть о моих сказках, а „Даннора“, весьма распространенный литературно-критический журнал, советовал мне „не тратить времени на их сочинительство“. Меня упрекали в отступлении от обычных форм этого жанра и рекомендовали, прежде чем писать, изучить известные образцы. Хотя, разумеется, я не удосужился этого сделать, прибавлял критик. В результате я перестал работать над сказками и через некоторое время, в продолжение которого

у меня не раз опускались руки, окончил роман „О. Т.“».

Добавим, что, развивая свой успех в других жанрах, Андерсен поступил мудро. Он «перестал работать над сказками» лишь временно, писал их понемногу, следуя естественным порывам таланта, и печатал небольшими выпусками или отдельными произведениями в журналах и альманахах год за годом. Сказки, можно сказать, у него «вызревали». Одну из них, созданную за пять лет до кончины, в 1870 году, он наделил необычным названием «Свое счастье можно найти хоть в обломке дерева». В ней рассказывается о неожиданно разбогатевшем токаре, нашедшем свою золотую жилу в изготовлении деревянных застежек для зонтиков, чем он занялся совершенно случайно. Застежки нашли хороший сбыт в США, а сказки Андерсена — своего читателя и прекрасно продавались в странах Европы, включая Данию, чего писатель совсем не ждал. «Иногда слышишь: „Возьми в зубы белую палочку и станешь невидимкой“. Но палочка должна быть не любая, а та, которую Господь при рождении дает нам на счастье. И меня он одарил такой, отчего я, точно как тот токарь, могу добывать настоящее золото, блестящее, самой высокой пробы, то золото, что звенит в детских голосах и блестит в глазенках детей, равно как их отцов и матерей».

Но вернемся к самому серьезному, по мнению писателя, его занятию на начало 1830-х годов.

Сокращение «О. Т.» в последовавшем за «Импровизатором» романе — это инициалы имени его героя Отто Тострупа и одновременно начальные буквы словосочетания «Оденсейская тюрьма», вытатуированные на плече шестилетнего мальчика его злым гением, беспутным и преступным бродягой Генрихом-немцем, время от времени появляющимся на

его жизненном пути. Читатель встречается с Отто в момент начала его занятий в Копенгагенском университете. Перед юношей, казалось бы, открывается блестящее будущее, но настоящее омрачено — оно, как считает герой, находится под угрозой, исходящей из прошлого — его детства, о котором у него сохранились лишь смутные воспоминания. Отто помнит немногое: только то, что воспитывался покойной матерью вместе с сестрой в неком казенном учреждении, весьма похожем на фабрику. Вместе с тем прошлое напоминает ему о себе не только татуировкой, которую юноша по возможности скрывает от всех, но и неожиданными появлениями Генриха-немца, вымогающего у него деньги. Вскоре в имении знакомого помещика, где Отто отдыхает в компании образованной молодежи, происходит знакомство с девушкой по имени Сидсель, которую ловят на воровстве. Отто подозревает в ней свою пропавшую сестру, к чему подводят его многозначительные намеки Генриха-немца, и стремится, насколько может, отвести от нее судебное преследование. Юноша страдает от угрызений совести, еще более обостряющихся, когда Генрих-немец объявляет Сидсель своей невестой. Впрочем, роман заканчивается для него благополучно: Генрих-немец и Сидсель, девушка с врожденными порочными наклонностями, которая является дочерью этого беспутного шантажиста, гибнут в море во время шторма. Выясняются и факты прошлого Отто: его мать попала в тюрьму из-за своей самоотверженности, взяв на себя вину за преступление, которое вменялось его отцу.

Главная тема романа «О. Т.» — это взаимодействие настоящего и прошлого, а также общая постановка вопроса о том, в какой степени социальное происхождение человека может определять его будущее. Иными словами, насколько двусмысленны

инициалы героя? Означают они только его имя или же уготованную ему трагическую судьбу? Андерсен не хотел, чтобы шлейф бедности его семьи и ее низкого положения тянулся за ним, компрометируя его в высшем свете. Путь туда обошелся ему очень дорого. Вот почему судьба сводной сестры Карен, которую он в детстве не знал совсем, пусть не сильно, но все же его беспокоила. Ему были близки опасения героя романа. Тем более что прошлое хотя бы косвенно, но все же давало о себе знать. Как свидетельствуют воспоминания многих, Андерсен так и не смог полностью усвоить манеры и стиль поведения светского человека, которые воспитываются с детства, и временами своими привычками знакомых и великосветских друзей шокировал. Хотя писатель нисколько не скрывал своего происхождения и много писал о нем — и в автобиографиях, и в сказках-историях. Конечно, он любил комфорт и высокую культуру, частью которой стал, и не мыслил своей жизни вне их. Вместе с тем, всегда выступая за справедливость и сочувствуя неимущим, он не идеализировал бедность и считал ее настоящим несчастьем. Андерсен хорошо знал, что она может быть не только «честной», но также порождать порок.

Другая отличительная черта романа — его полностью отечественный материал. При всей своей эмоциональной свежести и яркости «Импровизатор» — книга об особой, экзотической до некоторой степени стране, в то время как в «О. Т.» действие перенесено на родную почву и происходит и в городе с его университетской средой, и в деревне. Андерсен тщательно выписывает фон действия романа: мелкопоместный быт и природу Зеландии, Ютландии и Фюна. Он писал Хенриетте Ханк 17 ноября 1835 года:

«Это особый роман. Он представляет нашу эпоху с 1829 по 1835 год и описывает Данию, какова она есть. Я

считаю его достойным особенной похвалы, поскольку в нем дается только то, что писатель знает и чем он живет. Через много лет у людей останется картина наших дней; и если мне посчастливилось верно нарисовать ее, то чем старше будет книга, тем больший интерес она будет вызывать».

Публика с интересом восприняла роман, как и «Импровизатор», он был переведен на несколько языков[152]. Когда он вышел в свет, в письме от 13 мая 1836 года Андерсен торжествующе сообщал Хенриетте Ханк: «Я хочу стать первым писателем-романистом Дании!» Продолжение фразы менее оптимистично и отражает неустойчивость настроения, иногда меняющегося у Андерсена в середине фразы: «В захолустье, где я живу, несколько родственных душ признают во мне истинного писателя. Но будь я французом или англичанином, меня по имени знал бы весь мир. А так я умру со всеми моими песнями, и никто не услышит их из далекой и бедной Дании». Андерсена услышали, но не так, как он предполагал.

Но пока он продолжал развивать свой успех романиста и уже 26 июня 1836 года известил Хенриетту Вульф: «Я воспел Италию, написал датский роман, а теперь решил написать книгу для собственного удовольствия». Как и в «Импровизаторе», он снова берется за тему творчества и таланта, хотя на этот раз подходит к ней более сложно и приземленно, сюжет его нового романа в меньшей степени продиктован романтической фантазией и более жестко подчинен жизненной логике и психологическому реализму. Автор писал 11 февраля 1837 года своему собрату по перу Ингеману:

> «В „О. Т.“ у меня был определенный план еще до того, как я написал первое слово: на этот раз я предоставил позаботиться обо всем

Господу. У меня в книге есть два определенных характера, их я и описываю, а чем они кончат, признаться, не знаю и сам, хотя вторая часть близится к завершению... Я не напишу ни одного слова, пока оно не придет само и не будет как бы мне продиктовано. Я будто восстанавливаю вспомнившуюся мне старую сказку».

«Всего лишь скрипач» (1837) — это, как уже упоминалось, еще одна версия возможной судьбы автора, и обстановка, в которой развивается действие, изобилует деталями и характерами, очень близкими к автобиографическим. Автор сохранил в книге свое имя Кристиан — так его звали дома, когда он был мальчиком. Отец героя — тоже ремесленник, но не башмачник, а портной, он тоже фантазер, но наделен более сильным характером, и до того как жениться на матери Кристиана, красавице Марии, побывал на войне. Как и реальный отец Андерсена, он тоже идет в армию за изрядную сумму денег, покидая ради нее жену и сына, хотя его решение отчасти продиктовано свойственным его натуре авантюризмом. Через некоторое время, получив известие о его смерти в бою, мать Кристиана снова выходит замуж.

Кристиан — ребенок особенный. Однажды, когда он залез на колокольню, колокола вдруг зазвонили, и он заболевает нервной болезнью. Избавиться от мучающих его судорог, как советуют сведущие люди, можно, переночевав на голой земле возле целебного источника. Мать с сыном так и поступают. Во время этого магического сеанса они знакомятся с близкой к помешательству девочкой-подростком Люцией, которая таким же чудодейственным образом полностью исцеляется от душевной болезни. Так в романе в первый раз заявляется мотив подсознательных сил,

чаще всего действующих человеку во вред. В какой-то мере их еще контролировать можно, но иногда они способны полностью овладевать человеком и даже наделять его злой волей. Именно это происходит с крестным героя, по национальности норвежцем. Прошлое его почти неизвестно, привычки и образ мыслей очень своеобразны. Крестный убеждает мальчика в относительности правил морали и в наличии у каждого человека его второго «я», которое живет в нем по законам подсознательных инстинктов и чувств:

«Дикий зверь сидит в каждом, у одного это прожорливый волк, у другого змея, которая умеет ползать на брюхе и лизать пыль. Зверь внутри нас неистребим: все дело только в том, кто сильнее, — он или мы, а сила человека никогда не зависит от него самого... Я много читал, — продолжал крестный, — читал о чужеземных народах. На земле живет много племен, и все они разные. То, что мы считаем грехом, другие находят правильным. Дикарь съедает своего врага, и тамошний священник говорит ему: теперь ты попадешь на небо! У турка много жен, и его Бог обещает ему еще больше жен в раю. Генерал получает ордена и славу, воюя на службе у короля, хотя война, которую он ведет, несправедлива, в то время как кто-то другой, столь же умный и находчивый, становится вором. Все дело в обычаях, и кто сказал нам, что мы следуем лучшим правилам, если поступаем, как все? Кто знает, быть может, зверь внутри имеет больше прав, чем человек, исполняющий законы, которым его научили? Разве это не правда?»[153]

С подсознательными силами души, как утверждается в повествовании, связана и музыка, музыкальный талант. Крестный — искусный скрипач, он дарит мальчику скрипку и учит на ней играть — в жизни

такое умение пригодится. В крайнем случае, оно всегда кусок хлеба на черный день.

После того как мать мальчика во второй раз выходит замуж, его положение в семье ухудшается: его скрипку продают деревенскому музыканту, а из книги, которую он читает, подрастающий сын отчима делает воздушного змея. От огорчения Кристиан уходит из дома и добирается до помещичьей усадьбы Глоруп (кстати, прекрасно знакомой Андерсену, здесь у графов Мольтке он провел в гостях не одну летнюю неделю); в парке усадьбы он встречает своего скрывающегося от правосудия крестного, который рассказывает ему страшную сказку об убийстве. Кристиан смутно догадывается, кто на самом деле убийца из рассказа крестного, но все равно доверяет ему и мирно засыпает возле него. И крестный оправдывает его доверие. Он не убивает мальчика: пусть тот познает жестокость жизни на собственном опыте! Наутро Кристиан видит его повесившимся на дереве.

Кристиан решил не возвращаться домой. Он уговаривает встретившихся ему Люцию и ее мать взять его с собой в соседний прибрежный городок, куда они идут, чтобы встретиться с дядей Люции шкипером Петером Виком, владельцем собственной шхуны. Петер Вик, жизнерадостный и наделенный чувством юмора толстячок, берет Кристиана к себе юнгой. Здесь, на шхуне, направляющейся в Копенгаген, герой встречается с пассажиром, коллежским советником, в котором угадываются черты Мейслинга. Вот звучащая из его уст краткая самохарактеристика:

> «Корпишь, выискивая погрешности в стиле, просто зло берет, а представляешь сочинение на суд публики, так она же на тебя и накидывается, *irritabile genus*[154], как сказал Гораций о поэтах. Я пробовал свои силы во всех

стихотворных формах: асклепиадической, алкейской и сапфической. Новейшие поэты упускают их из виду, и это не может не оскорбить воспитанный на классике вкус; я также поднял свой голос, я выступал против этого, возмущался и возмущал многих других; они бранили меня и писали на меня эпиграммы, но я в газетах читаю только то, что сам написал»[155].

Одновременно коллежский советник — на редкость многосторонний талант, хотя высказываемые им каждый раз суждения абсолютно некомпетентны, чем он сильно напоминает Андерсену его литературного врага Мольбека, писавшего на его книги отрицательные рецензии и раз за разом отвергавшего его водевили, представляемые для постановки в Королевском театре.

> «Он [коллежский советник] остался наблюдать искусство кораблевождения: хотел написать о нем статью, ибо не было предмета, о котором бы он не писал — от навоза до характера Гамлета, — и во всем разбирался одинаково хорошо. Поэтому он надеялся, что правительство однажды обратит на него внимание и возьмет его на службу либо инспектором конных заводов, либо главным лоцманом, либо директором театра; в любой области его пригодность была очевидна»[156].

На этом высказывании нам придется оставить героя на шхуне, направляющейся в Копенгаген, чтобы ненадолго вернуться в самое начало романа.

Рядом с домом родителей Кристиана стоял особняк богатого старика-еврея, в котором он жил вместе со своей маленькой внучкой. Однажды мальчик раскопал

кирпичи торфа в сарае, примыкавшем к соседской оранжерее, и увидел через дыру фантастический, чудесный сад, в котором росли лимоны, ананасы и клубника. И еще он увидел в оранжерее изящную и роскошно одетую маленькую девочку Наоми, которая, узнав его, пригласила пролезть через дыру в сад, где дети стали «играть в деньги», использовав в их качестве разноцветные лепестки цветов. Чтобы купить «деньги», маленький Кристиан отдал Наоми в залог — конечно же в переносном смысле — свои глаза и губы. Вскоре соседний дом дотла спалило пожаром. Уцелела только Наоми, которую вынес из огня случившийся неподалеку крестный Кристиана. Родители мальчика ненадолго приютили маленькую сиротку, а через несколько дней ее забрали у них неизвестные важные дамы и увезли с собой в роскошной карете.

А теперь снова обратимся к судьбе молодого юнги Петера Вика. Прибыв в Копенгаген, он с огромным интересом знакомится с датской столицей: ничего подобного ему в деревне видеть не доводилось. Увязавшись за матросами, он посещает, совершенно не подозревая о его предназначении, публичный дом. Здесь его ласково привечает хозяйка.

> «Кристиан поцеловал даме руку и весьма наивно стал рассказывать о своем стремлении к музыке, о том, как плохо ему было дома и как получилось, что он оказался в людях.
>
> — Да, мой хороший, — кивала дама. — Я и сама люблю музыку. Если бы ты хоть был девочкой!»
>
> (Напомним, что последнее сказала Хансу Кристиану и его родная тетя, содержательница борделя, когда он впервые оказался в Копенгагене.)

«Она потащила его к открытому буфету, дала ему пунша и яблок, потом разразилась веселым смехом.

— Ты не иначе как гений или как там это называется, — сказала она.

Тут из соседней комнаты появились еще несколько благородных дам, одетых так же легко. Выслушав историю Кристиана, они почему-то смеялись и глупо на него таращились»[157].

Однажды, взобравшись на мачту, Кристиан увидел в окне большого дома, стоявшего напротив пристани, детский бал. И среди других девочек — блестяще разодетую Наоми. Недолго думая он сбегает на берег и поднимается на второй этаж. Наоми узнает его, но делает вид, что с ним незнакома. Более того, она обзывает Кристиана «грязным оборванцем», и его из бального зала выпроваживают.

Однако очень скоро судьба снова сводит их. В необычно холодную зиму Петер Вик, взяв с собой молодого юнгу, отправляется пешком через замерзший пролив к своим родственникам в Швецию. Однако до противоположного берега они не добрались: изменилась погода, начал трескаться лед, и они были вынуждены повернуть обратно. По дороге они встречают заблудившийся в метели возок с пассажирами и выводят его на остров, где все вместе пережидают непогоду. Среди пассажиров оказываются граф, владелец стоящего напротив шхуны особняка, и его приемная дочь Наоми. Граф расспрашивает Кристиана о его судьбе, сочувствует ему, восхищается его импровизациями на скрипке, не раз доносившимися до него со шхуны. Однако на все мольбы и просьбы мальчика помочь ему получить музыкальное

образование отвечает отказом: довольно того, что он дарит мальчику серебряный ригсдалер. Граф утешает его изречением: настоящий талант в любом случае пробьет себе дорогу; если же он ее не пробьет, то талант у него ненастоящий! Наоми, нешуточно перед этим напуганная, на этот раз более благосклонна к Кристиану, хотя ведет себя по-прежнему высокомерно. Скоро погода опять меняется, и повозка с пассажирами отправляется в Зеландию. А Петер Вик с Кристианом, отказавшись от денег графа, предложенных за спасение пассажиров, идут далее на своих двоих.

Кристиан продолжает знакомиться с Копенгагеном, столичная жизнь увлекает его, и ему совсем не хочется тянуть матросскую лямку. Он собирается бежать с корабля, но неожиданно получает от Петера Вика великодушное предложение: тот догадывается, какие мысли бродят у юноши в голове, и отправляет Кристиана в Оденсе к музыкальному педагогу Кнепусу.

Жизнь героя у господина Кнепуса поразительно похожа на ту, что вел сам Ханс Кристиан в Слагельсе на квартире у Мейслингов, и автор почти дословно повторяет историю из своей биографии о том, как хозяйка, в данном случае женушка Кнепуса, доказывая служанке, что та тратит на приготовление пищи слишком много сливочного масла, исполняет ее обязанности и, когда масла и у нее тоже оказывается недостаточно, ворует его у себя же, свидетелем чего становится ночью Кристиан: хозяйка влезает к нему через окно, так как бочонок с маслом стоит в его каморке.

Вскоре на народном празднике стрелков, где господин Кнепус стреляет лучше всех и завоевывает титул «короля стрелков», Кристиан, к своему немалому изумлению, встречает отца: фельдфебель, приславший его матери письмо с извещением о его гибели, ошибся — жизнь солдата пощадили, он только что освободился

из русского плена и теперь возвращается на родину. Побывав дома и обнаружив, что его бывшая жена качает люльку с ребенком от нового мужа, он смиряется со своей судьбой и, попрощавшись с Кристианом, покидает страну.

Через некоторое время в графской усадьбе тоже устраивают праздник, на который как музыкантов приглашают господина Кнепуса и Кристиана. Так уже взрослым юношей он снова встречается с Наоми. Между ними происходит нечто похожее на любовный поединок. Наоми укоряет Кристиана за пассивность; она могла бы полюбить его, если бы он преследовал более амбициозные, нежели доля деревенского музыканта, цели: «Я знаю, ты любишь меня, но я никогда не полюблю заурядного человека, а ты не можешь стать никем иным в мещанском Оденсе, живя у этого глупца господина Кнепуса. Сделай мужественный шаг в широкий мир!»[158] И Кристиан, более слабая натура, подчиняется, он готов покинуть Оденсе и оборвать свою наметившуюся связь с благонравной Люцией, но должен сообщить о своем решении Петеру Вику, иное с его стороны было бы предательством. Его решение вызывает у Наоми взрыв ярости. Тем не менее Кристиан посылает Петеру Вику письмо, и девушка отвергает его.

С этого момента внимание повествователя неожиданно переключается на судьбу Наоми, ставшую самостоятельной, своенравной и амбициозной молодой женщиной. Она выясняет у старой графини причину, по которой граф взял ее на воспитание. Как оказалось, он в юности полюбил ее мать, красавицу-еврейку, но та предпочла ему крестного Кристиана, норвежца. В припадке ревности норвежец убил ее, а Наоми, плод их любви, взял к себе на воспитание ее дед. После пожара,

в котором он погиб, в память о своей бывшей возлюбленной граф решил девочку удочерить.

Но Наоми унаследовала от своего настоящего отца еще и неукротимый нрав и почти безграничный в беспринципности эгоизм. Ее девиз: «Радуйся, пока можешь, а потом умри мгновенной смертью!» Следуя ему, она влюбляется в циркового наездника, красавца-поляка Владислава, выступающего в Оденсе. Затем через некоторое время ее поселяют в доме знатных приемных родственников в Копенгагене. Она приезжает в город вечером 4 сентября 1819 года. Это — знакомая дата: на следующий день того же года в Копенгаген вступил с котомкой за плечами сам автор романа, четырнадцатилетний Ханс Кристиан Андерсен. Девушка оказывается в столице в самый разгар еврейского погрома, разразившегося на почве ложных слухов о том, что в копенгагенскую гавань пришли из Гамбурга два судна с еврейскими беженцами, собирающимися поселиться в городе. Героиню спасает случившийся поблизости Петер Вик. Он укрыл девушку в доме, где в то время находились его жена, Люция и Кристиан.

Через некоторое время в Копенгаген прибывает цирковая труппа, в которой работает Владислав. Кроме выступлений на сцене молодой циркач дает уроки верховой езды дамам из высшего общества, в том числе и для Наоми. До конца отдаваясь страсти, она бежит из дому и путешествует вместе с Владиславом по столицам стран Восточной Европы. В Вене Наоми обнаруживает, что она для циркача всего лишь очередная жертва, которых он подчиняет себе своей молодцеватой жестокостью. Более того, отец Владислава сообщает ей, что польское у его сына только имя, на самом же деле он — чистокровный цыган. Тогда Наоми сбегает и от Владислава, тот ее преследует, угрожая избить кнутом, и в конце концов девушку находит ее приемный отец, берущий ее с собой

в поездку по Италии. Здесь Наоми знакомится с богатым французским маркизом и через некоторое время выходит за него замуж.

Между тем Кристиан, пользовавшийся некоторым успехом в столице, выписывает к себе мать, которая потеряла своего младшего сына и сгоревший во время пожара дом. В Копенгагене она заболевает, профессиональная карьера складывается у Кристиана неважно, и тут опять, в самый нужный момент, ему помогает жизнерадостный и вездесущий Петер Вик, который перевозит обоих в родной город.

«Колесо времени вертится». Проходит 12 лет. Раз в две недели по воскресеньям Кристиан приходит в дом давно вышедшей замуж Люции, где играет с ее детьми. Он посещает сходки религиозной секты, пользующейся в округе дурной славой, и неплохо зарабатывает скрипкой, а сэкономленные серебряные монетки складывает в сундучок для Наоми — ведь должна же она, как он надеется, когда-нибудь, бедная и несчастная, к нему вернуться.

Однако Наоми его деньги не нужны. Читатель снова встречается с ней в начале 1833 года в Париже, куда она вместе со своим мужем приезжает на празднование годовщины Июльской революции (в это же время город посетил и сам Андерсен). Наоми купается в роскоши, и как раз тут во французскую столицу приезжает Владислав, пытающийся ее шантажировать. Убедившись, что она его не боится, он передает маркизу письмо, в котором описывает давние ее похождения. Однако маркиз совсем не собирается упрекать жену и с ней ссориться, он всего лишь говорит Наоми, что будет напоминать ей о ее прошлом всякий раз, когда она будет обвинять его в неверности. Эта пара живет в довольстве по своим собственным правилам, далеким от общепринятой морали.

Однажды в конце зимы графский садовник из усадьбы Наоми сообщает Кристиану, что ждет приезда хозяйки с мужем. Тяжело заболевший к тому времени Кристиан волнуется, но он полон надежды, что еще раз, пусть последний, увидит свою возлюбленную. Но этого ему не суждено: крестьяне несут гроб с его телом на кладбище как раз в момент приезда графини:

«Пропуская важных господ, крестьяне со своей ношей сошли в канаву на обочине. Они обнажили головы, а ее светлость Наоми с неизменно гордым взглядом и прелестной улыбкой высунулась из окна и помахала им. Покойник был бедным человеком. Всего лишь скрипачом».

Отличительная особенность романа «Всего лишь скрипач», и этим он выгодно отличается от всех других произведений большой прозы писателя, — Андерсен далек в нем от морализаторства. «Я есть такая, какая я есть, и иной быть не могу», — признается Наоми приемному отцу в Италии, когда он ее прощает и принимает после похождений с циркачом Владиславом. То же самое делает и читатель. Наоми — цельная эгоистическая натура, хотя ей не чужды все оттенки человеческих и женских чувств по отношению к Кристиану: от любви до презрения. Но какой бы она ни представала перед читателем в той или иной ситуации, эта красивая, жизнелюбивая и сильная женщина всегда обаятельна.

То же и с Кристианом. Он — не романтический герой, подобный Антонио из «Импровизатора», а всего только обыкновенный человек и обыкновенный талант, не гений. Он не может и не способен перешагнуть за рамки скромной порядочности, к чему не раз призывает его Наоми. И вместе с тем при всей своей слабохарактерности и излишней, может быть, правильности он читателю мил. Андерсен очень хорошо своего Кристиана понял. Достаточно отнять у героя его

автобиографий необыкновенную везучесть, или «волшебную фею», или его «путеводную звезду», и мы получим вместо Кристиана-скрипача Ханса Кристиана Андерсена, который, потерпев в своих устремлениях очередное поражение, может, как и герой книги, обрести только грустное утешение:

«И все-таки мир прекрасен! Жизнь — благословенный дар Господень! Юдоль скорби она лишь для тех, кому не повезло, — для раздавленного червя, для сломанного цветка. Но Бог с ними! Пусть растоптан один червяк, пусть сломан один цветок! Надо рассматривать всю природу в целом, и тогда мы увидим, что солнце светит миллионам счастливцев; весело поют птички, благоухают цветы»[159].

Стоит отметить еще одно качество романа. Стиль прозы Андерсена стал более простым и вместе с тем изощренным. Особенно хороша в нем наглядность образов. Вот как, например, описывает автор военное сражение:

> «Видел ли ты колонну солдат, движущуюся по полю, видел ли ты ее, после того как прозвучал приказ: „на смерть“? Точно огромный крокодил с пестрой блестящей шкурой из мундиров и штыков, вытянула колонна свое гигантское тело. Пушечные выстрелы — голос исполинского зверя, пороховой дым — его дыхание. Ты не видишь отдельных чешуек, которые в бою отрываются от исполинского туловища, а ведь каждая чешуйка — это человеческая жизнь. Для того чтобы смертельные удары были заметны, надо разрубить на куски все огромное тело; как у разрубленного червя, дрожит, барахтаясь, пытаясь убежать, каждая часть на земле»[160].

Интересна также картинка с парусным судном на море:

> «Когда солнце стояло в зените, шхуна покинула лабиринт бухт и фьордов и вышла в открытое море. Точно морской страус, бегущий по бескрайней пустыне океана, шхуна, слишком тяжелая, чтобы подняться в воздух, тем не менее походила на птицу. Надутые паруса напоминали расправленные крылья»[161].

Опережая повествовательную технику своей эпохи и руководствуясь все тем же принципом наглядности образов, Андерсен вводит в роман элементы, которые с течением времени получили название кинематографического монтажа:

> «После танца он [маркиз] усадил Наоми на роскошную софу и принес ей прохладительных напитков.
>
> На Севере, где сейчас мела снежная вьюга, Кристиану в его бедной чердачной каморке снилась Наоми — она сидела на краю его дощатой кровати и, обвив руками за шею, целовала его в лоб. В Пратере спал Владислав в домике из досок, над его кроватью висел кнут; наезднику тоже снилась Наоми, и губы его кривились в презрительной усмешке. Но Наоми в эти радостные мгновения и думать забыла о них обоих»[162].

Роман был хорошо встречен читателями. И особенную популярность он приобрел в Германии, где очень скоро, уже в 1838 году, выпустили несколько его изданий, в том же году он вышел в Швеции, в 1841-м — в Голландии и в 1845-м — в Англии[163]. Датская критика

тоже положительно отозвалась о романе. Самое примечательное: роман получил отклик второго после Андерсена по всемирной славе датского писателя, философа Сёрена Обю Киркегора (1813–1855), посвятившего ему целую диссертацию — первую свою напечатанную работу. В ней чрезвычайно изысканно и глубокомысленно доказывается, что герой романа — не гений и что книга в целом неудачна, поскольку автор ее не обладает цельным мировоззрением, — доводы, которые, по-видимому, опровергнуть трудно. Впрочем, об этой книге великого философа со сложным названием «Из записок еще живущего, изданных против воли автора С. Киркегором» (1838) в свое время, по словам самого Андерсена из «Сказки моей жизни», «многие говорили в шутку, что только Киркегор да Андерсен и прочли ее до конца»[164].

Ко времени выхода романа Андерсен уже напечатал три первых выпуска «Сказок, рассказанных детям», в которые, помимо прочих, вошли такие прославленные впоследствии произведения, как «Огниво» и «Принцесса на горошине» (1-й выпуск. 1835 год), «Дюймовочка» и «Дорожный товарищ» (2-й выпуск.1836 год), «Русалочка» и «Новое платье короля» (3-й выпуск.1837 год).

В начале 1836 года (а именно 3 февраля) Андерсен писал Хенриетте Вульф:

> «Мое писательское время началось с приезда из-за границы, я смогу писать хорошо еще четыре или шесть лет, и их нужно использовать сполна. Я уютно устроился в своей квартирке, в моем камине потрескивает огонь, и меня посещает Муза: она рассказывает удивительные сказки, приводит простонародные или знатные комические

фигуры из повседневной жизни и говорит: „Взгляни на этот народец, ты знаешь его, опиши их — и они будут жить!“ Звучит, конечно, запальчиво, но она это говорит».

И что же? Андерсен, как всегда, напророчил верно. К перечисленным выше шедеврам добавились вскоре еще «Стойкий оловянный солдатик» и «Дикие лебеди» («Сказки, рассказанные детям». Новое собрание. 1-й выпуск. 1838 год), «Оле-Лукойе» и «Свинопас» («Сказки, рассказанные детям». Новое собрание. 3-й выпуск. 1841 год).

Указывая, что ему осталось «писать хорошо еще четыре или шесть лет», Андерсен, конечно, поскромничал. Сказки «Соловей» (1843), «Гадкий утенок» (1843), «Снежная королева» (1844) и «Тень» (1847) нисколько не уступают по выразительности и значению приведенным выше шедеврам. Они и еще многие-многие другие, которые писатель создавал практически до конца жизни, продолжают их ряд, внося в андерсеновскую сказку, возможно, дополнительную серьезность и многоплановость. Но об этом — в следующих главах.

Глава девятая
о сказках Андерсена и событиях вокруг них

Во всех автобиографиях писатель вспоминает о том, как слушал сказки, которые рассказывали ему в детстве старухи в приходской больнице или работницы в деревне на чистке хмеля. Тем не менее чисто народные сюжеты Андерсен использует редко. Хотя манеру общения со слушателем или читателем он у народной сказки перенимает полностью и даже развивает в направлении еще большей непосредственности общения. Вспомним, как любил Андерсен театр — самое популярное в его время развлечение. И как стремился он в юности стать актером. Попытки театральной карьеры окончились для него неудачно. Зато ему удалась роль сказочника в литературе, которую он стал мастерски исполнять, после того как набрал к 1835 году солидный стилистический капитал: три популярных романа — «Импровизатор», «О. Т.» и «Всего лишь скрипач». Два основных его отличия от народного сказителя — он научился разговаривать с воображаемыми слушателями-читателями сразу набело (в закрепленной, письменной форме) и пользовался при этом изощренным и изобретательным литературным языком, стремясь придать ему максимальную простоту.

Андерсен дважды, во втором томе (1863) первых двух томов полного собрания своих сказок и историй и в пятом томе этого издания (1874), публиковал к своим «Сказкам и историям» авторские примечания. Первой своей сказкой он назвал в них романтическую новеллу «Мертвец» (1830), которую впоследствии поместил в переработанном виде под названием «Дорожный

товарищ» (1836) во второй выпуск «Сказок, рассказанных детям». О ней уже говорилось ранее. Фабулу романтической новеллы при переложении ее в сказку для детей он оставил почти неизменной и лишь упростил ее, убрав из повествования романтические описания природы. Вместе с тем он пользуется в сказке некоторыми фольклорными приемами — троекратными повторениями и подчеркнутой простотой в описании «королевских» привычек и быта. Таким образом, он вернул в «Дорожном товарище» новеллу «Мертвец» к ее народной основе (народной сказке «Помощь мертвеца»), хотя переписал ее литературным языком того уровня, которого достиг к тому времени.

Приемами целенаправленного изменения отдельных деталей фольклорного сюжета Андерсен пользуется и в других сказках, которые, как он сообщает, впервые услышал в детстве. В сказке «Маленький Клаус и Большой Клаус» (1835), в основе которой лежит народная сказка «Большой брат и маленький брат», он сохранил, например, прямолинейную простоту народного стиля, хотя, чтобы приспособить повествование для детского чтения, ему пришлось — и он сделал это очень изобретательно — отдельные детали сюжета изменить. Хозяйка хутора, у которой ищет гостеприимства Маленький Клаус, ужасно боится, что муж обнаружит у нее дома пономаря, которого она во время его отсутствия всячески ублажает. Щадя детскую восприимчивость, автор обходит эту трудность с улыбкой: он объясняет детям, что хуторянин вообще терпеть не мог всех пономарей. Зная, что Большой Клаус будет ему мстить, Маленький Клаус укладывает дома в свою постель уже умершую бабку, которую Большой Клаус, приняв ее за соперника, бьет по голове топором. Для детской сказки это звучит грубовато, но все-таки терпимее, чем в народном сказочном варианте,

где Маленький Клаус подставляет под удар свою живую бабку.

Тот же бодрый и лишенный литературных условностей стиль устной речи выдерживается и в «Огниве» (1835). С этой сказки обычно начинаются все андерсеновские сборники.

> «Шел солдат по дороге: раз-два! Раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны. На дороге встретилась ему старая ведьма — безобразная, противная: нижняя губа висела у нее до самой груди.
>
> — Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.
>
> — Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат»[165].

Сюжет «Огнива» связывают с датской народной сказкой «Дух свечи», а также с философско-лирической комедией Эленшлегера «Аладдин, или Волшебная лампа» (1805), герой которой получает принцессу не в награду за добрые поступки, а просто потому, что так назначено ему счастливой судьбой. Впрочем, на создание «Огнива» Андерсена могла подвигнуть и непосредственно сама арабская сказка «Аладдин и его волшебная лампа» из «Тысячи и одной ночи», отец читал ему эту книжку в детстве. Ее герой, сын портняжки, тоже оказывается в подземелье. Пройдя через три комнаты с чудовищем, двумя змеями и старушкой, владеющей способностью смертоносных объятий, он попадает в залы с драгоценностями и волшебной лампой. Напомним, что в «Огниве» солдат через дупло дерева тоже спускается в подземелье, где тоже проходит через три комнаты, в каждой из которых

сидит по громадной собаке: с глазами величиной с чайное блюдце, с мельничное колесо и Круглую башню — это здание до сих пор стоит в Копенгагене, хотя обнаружить, что оно круглое (диаметром 36 метров), сейчас с улицы невозможно: настолько оно со всех сторон застроено зданиями. Стиль «Огнива» не менее прост, чем «Дорожного товарища» и сказки о Клаусах, и так же, как в них, в своих деталях не фольклорно условен, а образно конкретен. И вот тут Андерсен отпускает свое воображение на волю. Вот как, например, он описывает глаза волшебных собак, сидящих за столом во время восьмидневной свадьбы солдата с принцессой (от короля и королевы собаки перед этим избавились оригинальным способом — подбросив их высоко в воздух и позабыв поймать): они «делали большие глаза»[166] или, в другом переводе на русский язык, их «таращили»[167].

На народной сказочной традиции основана и сказка «Принцесса на горошине» (1835), название которой, став популярным присловьем, прочно вошло в русский литературный язык. Общеизвестен сказочный сюжет: добрый молодец отправляется искать счастья и находит его благодаря помогающим ему советчикам, его «братьям меньшим». Классический пример такого «доброго молодца» мы находим в сказке Шарля Перро «Кот в сапогах». В основу своего маленького шедевра Андерсен положил шведскую народную сказку, в которой странствующей бедной девушке тоже помогает ее верный слуга — кот, советующий ей притвориться при королевском дворе принцессой. Конечно же двор не верит простолюдинке, и старая королева хитроумно ее проверяет: она подкладывает девушке под пуховую перину фасолину, затем горошину и, наконец, соломинку. По совету кота девушка каждое утро обманывает двор, притворяясь, что ужасно измучена

проведенной на жесткой перине бессонной ночью. Перерабатывая сказку, Андерсен делает смелый ход: он вообще отказывается от кота-советчика, и его героиня не лжет: она в самом деле — изысканнейшая неженка, каких более не сыскать на свете — ни в сказке, ни в действительности.

Еще один образец шедевра, созданного по мотивам народной сказки, это «Дикие лебеди» (1838). Ее сюжет взят Андерсеном на этот раз из книжного источника — записи народной сказки «11 лебедей» из «Датских народных сказок» (1823), собранных и изданных датским литератором и врачом Матиасом Винтером (1795–1834). Андерсен сохранил фабулу коротенькой, примерно на страницу, истории о злой мачехе, но расцветил ее неожиданно яркими красками. Особенно удалась ему живописная картина воздушного путешествия принцессы Элизы, уносимой ее братьями, превращенными злой мачехой в лебедей, в приютившую их за морем страну. В то же время автор оставил в сказке самую выразительную деталь ее народного варианта: Элиза не успела доплести один рукав крапивной кольчуги для самого младшего брата, и вместо одной руки у того так и осталось лебединое крыло. Заканчивается сказка трогательной подробностью: поленья для костра, на котором за колдовство должны сжечь принцессу (отметим красноречивую деталь: приговорил ее к казни, по наущению архиепископа, сам народ), при освобождении ее братьями дали живые побеги. Сцена казни придумана самим Андерсеном. И тут он вносит в сказку еще одно изменение: увлеченный воспеванием самоотверженной любви Элизы к братьям, писатель не счел нужным, как в народном варианте, карать злую мачеху, возможно, он о ней просто забыл, в то время как в сказке, изложенной Винтером, ее наказали крайне

жестоко: посадили в бочку, пробитую насквозь множеством острых гвоздей, и укатали в ней до смерти.

Не менее известна еще одна сказка Андерсена, созданная по мотивам народной. В «Примечаниях» от 1863 года автор пишет: «„Свинопас“ (1842) сохранил некоторое сходство со старой датской народной сказкой, слышанной мной в детстве, но в невозможном для передачи виде»[168]. Речь идет о народной сказке «Гордая девушка», героиня которой отвергает сватающегося к ней принца, но принимает его ухаживания, когда он, переодевшись в нищего, предлагает ей вещицы, которые она хотела бы получить. Чтобы завладеть ими, она сначала позволяет ему переночевать в своей спальне, а затем допускает в свою постель.

Мораль сказки Андерсена не сводится к одному только укрощению строптивой принцессы. Автор осуждает ее за то, что она не принимает всего настоящего, подлинного, предпочитая искусственное. Принцесса отвергла подарки принца — розу с могилы его отца и его соловья — ради безделушек: музыкального горшочка для подглядывания на кухни и трещотки, за что ее выгнали из страны. Вот и поделом ей! Хотя немножко принцессу все-таки жалко.

Совсем небольшую группу сказок Андерсена составляют те, что имеют в своей основе произведения других писателей. К наиболее знаменитым из них относятся сказки «Новое платье короля» (1837) и «Тень» (1847).

В «Примечаниях» к первому и второму томам «Сказок и историй» Андерсен пишет, что «забавной идеей» своей сказки «Новое платье короля» он обязан принцу дону Хуану Мануэлю (1282–1348), испанскому вельможе и писателю, и его нравоучительной, по счету тридцать второй, новелле из «Книги примеров графа

Луканора и Петронио» (1335). В новеллах, чтобы предостеречь графа от необдуманных поступков, его советник приводит образцы человеческой глупости. История, рассказанная Петронио, сводится к тому, как трое проходимцев подряжаются соткать одному королю непревзойденную по красоте ткань, «которую, однако, могут видеть только те, кто был действительно сын своего отца, если же кто был сыном не того, про которого все думали, что он его отец, тогда он сукна не видел». Королю речи обманщиков понравились: он решил, что при помощи этого сукна он «про всех узнает в своем государстве, кто в самом деле сын своего отца и кто — нет»[169]. Естественно, ни слуги короля, ни он сам не признались в том, что не видят одежды, пошитой из якобы изготовленной ткани. Слух о новом королевском платье разошелся по всей столице, и во время очередной торжественной процессии всё ее население из боязни ославить себя восторгалось новым королевским нарядом. Хотя нашелся все-таки отчаянно смелый человек, негр, королевский конюх, который сказал королю, что тот, наверное, слепой, если не видит, что на нем нет никакой одежды.

В сказке дона Мануэля Андерсен произвел незначительные, казалось бы, замены: в «Новом платье короля» действуют не трое, а двое обманщиков, и они объявляют королю, что изготовленную ими ткань не видят только неспособные выполнять свою работу или совсем уже глупые люди. Эта замена полностью переиначивает ситуацию, расширяя ее до универсальной притчи.

Отметим, что первоначально сказка Андерсена заканчивалась так:

«„Это платье я обязательно буду надевать всякий раз, выступая в процессиях или же в народных

собраниях!“ — сказал король, и весь город заговорил о его новом роскошном наряде».

Через некоторое время Андерсен передумал и написал Эдварду Коллину, уже читавшему корректуру сказки:

> «Сказка „Новое платье короля“ заканчивается словами: „Это платье я обязательно буду надевать всякий раз, выступая в процессиях“ и т. д. Эти слова я хочу убрать, а вы на их место вставьте следующие, которые придадут произведению больше сатиры:
>
> „Но на нем ничего нет!“ — сказало маленькое дитя.
>
> „Боже, послушайте, что говорит невинный младенец!“ — сказал отец дитяти, и тут же все зашептали друг другу, что оно сказало.
>
> „На нем ничего нет!“ — закричал, наконец, весь народ. Король вздрогнул, он решил, что народ в самом деле прав, но подумал так: „Я должен выдержать процессию до конца!“ И камергеры пошли за ним, поддерживая шлейф, которого не было».

Андерсен не тешил себя иллюзиями относительно божественной правоты народного мнения, но все-таки вернулся к концовке дона Мануэля. В окончательном варианте сказки народ не оказался поголовно подобострастным. Отметим также, что в датском оригинале совсем не упоминается «голый король», автор написал мягче: «на нем ничего нет». Но все равно, по крайней мере в России, выражение «голый король»[170] стало крылатым: именно оно очень лаконично и образно раскрывает тему ложных авторитетов и разоблачения самообмана, которым

тешили и тешат себя всякого рода начальники. Недаром Лев Николаевич Толстой пересказал сказку Андерсена для своей «Азбуки».

Еще одна близкая к своему письменному источнику сказка датского писателя — это «Злой мальчик», прозаический пересказ стихотворения Анакреона (переложенного, кстати сказать, русским стихом Михаилом Васильевичем Ломоносовым). В ненастную погоду промокший и озябший ребенок постучал в дверь жилища старого и доброго поэта: тот посадил мальчика к себе на колени, высушил его волосы полотенцем, дал теплого вина, и мальчик согрелся и повеселел. В благодарность за заботу он прострелил сердце поэта стрелой из своего лука. Обращаясь к читателям, автор предостерегает их от встречи с Эротом. Очень может быть, что это он прострелил уже сердца их родителей и, возможно, даже их бабушки. В целом сказка, не претендуя на глубину, представляет собой забавную зарисовку, набросок, каких в «Сказках и историях» немало.

Намного серьезнее сказка «Тень». Выше уже упоминалось о дружеских отношениях, которые Андерсен поддерживал с немецким писателем-романтиком Шамиссо. И конечно же он читал знаменитую повесть своего коллеги о человеке, который отказался от своей тени ради кошелька, в котором никогда не кончались деньги («Удивительная история Петера Шлемиля», 1814). Находясь в мае и июне 1846 года в Неаполе, Андерсен отмечал стоявшую там в то время ужасающую жару и 9 июня записал в своем дневнике: «Набросал вечером историю о моей тени»[171]. Неаполитанскую жару он перенес в свою сказку. В ней тень молодого ученого, отделившись от него, проникла в дом напротив, преследуя прекрасную женщину по имени Поэзия. В результате герой остался

без тени, вместо нее со временем появилась новая («... на юге все растет быстро», — замечает автор). Через много лет старая Тень ученого все же посетила его на северной родине. Изучив «теневую» сторону жизни и преисполнившись цинизма и всеобщего отрицания, она явилась к нему не для того, чтобы снова стать его верной спутницей, но, напротив, чтобы, с согласия принцессы, погубить его и стать полностью свободной. Что ей с успехом и удалось. Андерсена, несомненно, увлекла красота построенного таким образом сюжета. Вместе с тем «Тень» одна из самых трагических его сказок.

В ней есть любопытная деталь. В самом начале дружбы с Эдвардом Коллином Ханс Кристиан, как уже упоминалось, предлагал ему перейти на «ты». Категоричный, несмотря на учтивость, отказ глубоко уязвил его. Мотив перехода на «ты» еще долгое время Андерсена не оставлял. В романе «О. Т.» приятель главного героя молодой барон Вильхельм во время студенческой пирушки тоже получает подобное предложение от собутыльников и не отвергает его сразу только по той причине, что понимает: панибратский дух в дальнейшем рассеется быстро, как и винные пары. Тем не менее предложение его встревожило.

Этот же мотив появляется в сказке. Ученый при посещении его на родине Тенью общается с ней запросто, постоянно ей «тыкая». Тень, приобретшая к тому времени, благодаря знанию изнанки света, известный общественный вес и богатство, резко протестует: «Дело тут отнюдь не в гордыне! Как человек свободный и просвещенный, к тому же занимающий солидное положение и весьма состоятельный, я бы предпочел, чтобы вы обращались ко мне на „вы“»[172]. Соответственно, некоторые

исследователи и поклонники творчества Андерсена увидели в сказочной Тени Эдварда Коллина. В самом деле, тому были свойственны противоположные андерсеновским черты характера: определенная жесткость в общении, трезвая деловитость, чопорная, в зависимости от ситуации, светскость. Кроме того, Эдвард дружил с Андерсеном на протяжении всей его жизни. Но он отнюдь не был его тенью. В схему антагонистического двойничества никак не вписываются ни независимый характер Эдварда, ни полное отсутствие у него желания или возможности с Андерсеном соперничать. В своих воспоминаниях «Андерсен и семья Коллинов» Эдвард писал: «Вскоре после первого отъезда за границу в 1831 году Андерсен прислал мне письмо, в котором предлагал быть с ним на „ты“. Я вполне откровенно и в самом дружественном тоне ответил на это, что вообще питаю антипатию к „тыканью“, если оно не ведет начала с детских лет. Я признался ему, что таким уж я уродился. Не стану скрывать, что главной причиной моего отказа было несоответствие наших натур. Я был молод и жизнерадостен и желал иметь „товарища“, но в Андерсене, с его тяжело-мечтательным характером, я найти такого не мог. Он, со своей стороны, мечтал обрести во мне идеального друга в романтическом вкусе, а я для этой роли совсем не годился»[173].

Ханс Кристиан не забыл о нанесенной ему обиде, хотя давным-давно простил Эдварда. Он прямо напомнил о ней в своем шутливом письме от 27 июня 1847 года:

> «Дорогой друг! <…> видите, что напечатано обо мне на листке, где помещен мой портрет: я — „one of the most remarkable and interesting men of this day“[174], а Вы по-прежнему слишком

горды, чтобы общаться со мной на „ты“! Фи! Право, тщеславие так и подмывает меня еще раз предложить Вам: Эдуард, будем на „ты“! Но Вы, пожалуй, ответили бы мне словами, которые я вложил в уста Тени. Да, да, Вы уже догадались, эта сказка — камень в Ваш огород»[175].

Конечно же речь в данном случае идет лишь об одной (но значимой!) детали сказки. Ханс Кристиан, при всей мимолетности владевших им настроений, был рачительным хозяином и бережно использовал богатый материал своей жизни, у него ничего не пропадало зря.

Напрямую с литературными и фольклорными источниками связаны лишь очень немногие сказки Андерсена. Очень скоро он начинает их сочинять, руководствуясь только велениями собственной фантазии и опыта, что, конечно, не исключало обращения к культурно-историческим фактам и известным фольклорным образам. «Я думаю, — писал Андерсен 20 ноября 1843 года Ингеману, — что я точно решил писать сказки! Те, что я издавал раньше, были старые, которые я слыхал и охотно пересказывал и переделывал на свой лад, однако те, что я сочинял сам, например „Русалочка“, „Аисты“, „Ромашка“ и другие, пользуются наибольшим успехом, и это дает мне разбег! Теперь я сочиняю из головы, хватаю идею для взрослых — и рассказываю для детей, помня, что отец и мать иногда тоже слушают и им тоже надо дать пищу для размышлений!»[176] Ханс Кристиан не сообщает об этом в письме, но уже в первый выпуск своих сказок он включил одну, полностью им придуманную.

В «Цветах маленькой Иды» он рассказывает о том, как однажды дом одного его хорошего знакомого писателя и фольклориста Матиаса Тиле (отрывок из его

воспоминаний об Андерсене уже цитировался) посетил Студент (сам Андерсен). Он стал утешать маленькую дочку Тиле, расстроившуюся из-за того, что ее цветы так скоро завяли. Умевший вырезать из бумаги изящные фигурки и целые картинки (Андерсен был большим мастером декупажа), Студент стал рассказывать девочке, как цветы оживают и устраивают танцы в загородном королевском дворце, когда из него зимой уезжает король, и девочке той же ночью приснилось, как она со своей куклой тоже побывала на цветочном балу, где цветы разговаривали и веселились с ней. Государственный чиновник, приходивший накануне с визитом к хозяину дома, возмущался, услышав разговор Иды и Студента: «Стоит ли забивать голову ребенка подобной чушью!» Однако Ида, проснувшись на следующее утро, уже не расстраивалась из-за увядших цветов так горько, а спокойно с помощью приехавших к ней двоюродных братьев, вооруженных игрушечными луками, со всеми воинскими почестями похоронила их. Неявно высказанная взрослая мораль этой сказки, «рассказанной для детей», — дух поэзии и красоты способен преодолевать даже жестокую необходимость, изначально свойственную жизни. И еще в этой же сказке растения у Андерсена впервые заговорили на человеческом языке, как начали думать и разговаривать через некоторое время во многих других его сказках домашние животные и даже неодушевленные предметы.

Отличная демонстрация такого подхода — это открывающая следующий выпуск сказок «Дюймовочка» (1836). Замысел ее навеян образом Мальчика-с-пальчик из сказок Шарля Перро и братьев Карла и Якоба Гримм, это ясно уже из имени, которое Андерсен дал крохотной девочке, родившейся в бутоне цветка, выросшего из ячменного зернышка. В 1894 году замечательные переводчики Анна и Петер Ганзены очень верно и по

форме, и по смыслу передали его как «Лизок-с-вершок» («Tommelise»), хотя позже они все-таки заменили это имя на еще более удачную его версию — «Дюймовочка». Ее придумал, насколько удалось проследить историю сказки на русском языке, Петр Исаевич Вейнберг в своем переводе, по-видимому, с немецкого, напечатанном в 1868 году. С тех пор все переводчики Андерсена пользуются исключительно этим именем.

Изобретательный и находчивый герой Перро и Гриммов переживает ряд приключений, всякий раз одерживая верх над противниками благодаря уму и смелости. Дюймовочка, напротив, пленяет читателя нежной, как у цветка, беззащитностью. Хотя и она тоже неравнодушна к происходящему с ней и вокруг нее и противится желанию полевой мыши выдать ее замуж за крота в черной бархатной шубе, «какой нет даже у самой королевы». Дюймовочка выхаживает упавшую в кротовую нору ласточку и улетает на ней — куда? Ну конечно же в солнечную и милую сердцу автора Италию, где среди цветов рядом с обломками древней колонны маленькая девочка находит своего суженого, Цветочного эльфа, как раз ей под стать. В этой самой детской и легкой из всех его сказок Андерсену удалось избежать напрашивающейся в подобном сюжете слащавости. Кроме того, в ней он впервые коснулся одного из самых важных мотивов своих будущих сказок. Майский жук, спасший Дюймовочку с плывущего по реке листа и даже накормивший ее сладким цветочным нектаром, отказывается от нее из-за того, что прилетевшие к нему сородичи ее не одобрили:

> «Они оглядели Дюймовочку, и барышни, покрутив усиками, сказали:
>
> „У нее всего две ноги, какое убожество!“
>
> „У нее нет усиков!“

„И такая тонкая талия, фу! Она совсем как человек! Уродина!“».

Таким образом, уже в одной из первых сказок автор заявил тему, в полную меру раскрытую им позже в знаменитом «Гадком утенке». Маленький лебеденок тоже никуда не годился, потому что, как высказалась о нем с негодованием курица, он не умел нести яйца, как не умел он испускать своей шкуркой искры, в чем обвинил его кот. В своем дневнике 27 марта 1834 года Андерсен писал о предъявляемых к его творчеству претензиях критика Кристиана Мольбека: «Если он не находит своих любимых орешков на моей яблоне, вряд ли стоит ее ругать»[177]. Эта запись чрезвычайно характерна для образного хода мысли писателя: он вполне мог представить себя яблоней или же играть роли других самых различных существ и даже предметов: воротничка («Воротничок»), волчка («Парочка»), улитки («Счастливое семейство»), оловянного солдатика («Стойкий оловянный солдатик»). Недаром же он в 15 лет, уже перебравшись в Копенгаген, в самое трудное для него время разыгрывал у себя в закутке при свете свечи кукольные спектакли, то есть попросту играл в куклы, наверное, произнося про себя их реплики и монологи.

Иногда очень непохожие на Андерсена герои сказок — это глубоко прочувствованное воплощение отдельных сторон его личности. Казалось бы, что общего может быть у долговязого и сутуловатого молодого писателя с пленительно женственным существом — юной Русалочкой из одноименной сказки? Как чистосердечно признается в «Примечаниях» писатель, создавая этот шедевр (1837), он был немало своей героиней растроган. Он не мог не сопереживать ей, потому что, как и она, жил одновременно в двух

мирах — своего бедного детства, в котором хватало зла, и высшего, во всех смыслах этого слова, света образованности и культуры. Эту двойственность автор сказки довел до трагического гротеска. Сказка его жизни, как сообщает он нам в автобиографии, сложилась удачно. Допустим, что это так. Но обо всем ли мы из нее узнаем? Высокая трагедия «Русалочки» говорит об обратном.

Чрезвычайно интересен фон, на котором развивается действие «Русалочки». Андерсен выписывает его красками, сравнимыми по своей яркости с теми, которыми он пользовался в «Импровизаторе». Вот, например, как описывает он сад при дворце морского царя:

> «У его стен простирался большой сад с огненно-красными и темно-синими деревьями. Их ветви и листья непрерывно колебались, и плоды сверкали, точно золото, а цветы переливались огнями. Земля представляла собой мельчайший голубоватый, напоминавший серное пламя песок. Вокруг было разлито удивительное голубое сияние, так что можно было вообразить, скорее, будто ты паришь в воздухе и небо у тебя не только над головой, но и под ногами, чем подумать, что ты находишься на дне моря. В штиль сюда проникало солнце, оно смотрелось, словно пурпурный цветок, из чашечки которого лился свет»[178].

Солнечные переливы воздушной стихии, к которым стремится Русалочка, и темно-зеленые оттенки морской воды, колеблющейся над размытыми очертаниями подводного царства, эти две столь разные сферы, казалось, исключают друг друга, хотя каждая из них чем-то мила читателю: воздушная стихия — своей

ясностью и светом, морская — богатством и обжитостью. Русалочка принадлежит морю, но еще больше посетившей ее любви, которая приносит ей боль и радость, помогающую превозмочь эту боль. В конечном счете именно жертвенная любовь обещает ей — пусть через 300 лет — обретение бессмертной души.

Не менее оригинальную среду писатель создает в другой своей знаменитой сказке «Соловей» (1844), которую написал необыкновенно быстро, в течение двух дней — 11 и 12 октября 1843 года. Перед этим 15 августа Андерсен посетил открытие увеселительного парка Тиволи в Копенгагене, в оформлении которого использовались элементы стилизованного восточного стиля — сразу же за входом, например, располагался «китайский» базар. Действие сказки Андерсена тоже происходит в далеком Китае или, скорее, его игрушечной имитации из отдельных экзотических и забавных деталей: китайский императорский дворец построен «из тончайшего, ценнейшего фарфора, такого хрупкого, что страшно дотронуться», в нем провинившихся слуг и придворных не просто бьют палками по животу, но обязательно наказывают таким образом после ужина; соловья, чье пение так понравилось всем сначала, награждают лишением свободы, при этом в виде особой милости птичке выделяют отдельную клетку и разрешают прогулки «два раза днем и один раз ночью», приставляя к ней 12 лакеев, каждый из которых держит ее на шелковом поводке, привязанном к птичьей ножке. При таком строжайшем режиме, другого слова не подберешь, предпочтение императорского двора и слуг неизбежно отдается искусственному японскому соловью, мелодии которого известны заранее, в то время как настоящая птичка может сымпровизировать что-нибудь новое и неприемлемое. Показательно ироничное отношение автора сказки к «гласу народа». Прослушав

искусственного соловья, люди «остались весьма довольны и развеселились так, словно напились чаю, ведь это же очень по-китайски»[179]. Единственным человеком, восприимчивым к истинному искусству, оказался сам император, прослезившийся, услышав пение соловья, за что и был вознагражден им избавлением от навестившей его Смерти.

Сказка «Соловей» написана Андерсеном в тот период, когда он был серьезно увлечен шведской оперной певицей Йенни Линд (1820–1887), красавицей, прославившейся своим исполнением народных песен: современники называли ее «шведским соловьем», а англичан во время ее летних гастролей в Лондоне в 1847 году охватила настоящая «линдомания». Линд дружила с Джакомо Мейербером, Феликсом Мендельсоном (с ним ее связывали, как выяснилось совсем недавно из архивных исследований, и серьезные личные отношения) и Фридериком Шопеном. Известна история о том, как влюбленный в Линд Андерсен, находившийся в 1845 году в Берлине, ждал от нее приглашения провести вместе сочельник. Этой теме посвящена драматическая новелла «Праздник Андерсена» Александра Кочеткова (он известен у нас своей знаменитой поэтической фразой «с любимыми не расставайтесь» из «Баллады о прокуренном вагоне»). В «Сказке моей жизни» Андерсен сообщает, что именно из-за Линд он отклонил рождественские приглашения всех других своих немецких поклонников. Однако певица не позвала его к себе, и он провел праздник в одиночестве (в этом месте воспоминаний он не вполне точен: как свидетельствует его дневник, в восемь вечера он все-таки отправился встречать Рождество к одной своей берлинской знакомой). Тем не менее Андерсен был сильно рассержен. «Мои мысли неудержимо стремятся к Йенни. Что я ей сделал! Или

она не обращает на меня никакого внимания из боязни за свою репутацию? „Я вас не ненавижу, — как-то заявила она, — потому что никогда не любила“. Тогда я ее не понял, но теперь понимаю»[180]. На следующий день Андерсен попенял Йенни за невнимательность. «„Какое же вы все-таки дитя! — сказала она с улыбкой, ласково провела рукой по моему лбу, рассмеялась и прибавила: — А мне-то это и в голову не пришло! К тому же меня давно пригласили в одно семейство. Но ведь мы можем еще раз справить сочельник! Ребенок получит свою елку! Мы зажжем ее у меня под Новый год!“»[181]. Йенни кокетничала и играла с Андерсеном. Ей, конечно, льстило внимание известного к тому времени во всей Европе писателя. Но она четко определила порядок отношений с ним еще осенью 1843 года, когда Андерсен в первые три недели сентября почти ежедневно встречался с ней, посылал букеты и посвященные ей стихи (Линд тогда выступала в Копенгагене в главной роли оперы Винченцо Беллини «Норма»). Во время прощального обеда с датской театральной общественностью Йенни подарила балетмейстеру Королевского театра серебряный кубок с надписью «Бурнонвилю, ставшему мне отцом в Дании, моем втором отечестве». В «Сказке моей жизни» Андерсен не без горечи продолжает:

> «Бурнонвиль в ответной речи сказал, что теперь все датчане захотят быть его детьми, чтобы сделаться братьями Йенни Линд! „Ну, это для меня слишком много! — ответила она, смеясь. — Лучше я выберу из них себе в братья кого-нибудь одного! Хотите вы, Андерсен, быть моим братом?“ И она подошла ко мне, чокнулась со мною бокалом шампанского, и все гости

выпили за здоровье новоиспеченного братца!»[182]

Андерсен еще не раз встречался с Йенни Линд, когда посещал различные города Европы, пока она в 1850 году не уехала в Америку. Там она выступила с успешным туром концертов по США и вышла замуж. Отзвуки влюбленности писателя в певицу звучат в одной из самых печальных его сказок или, как он стал называть некоторые из них после 1853 года, «историй» (истории, согласно «Примечаниям» Андерсена, включали в себя «и простой рассказ, и самую фантастическую сказку, и нянькины сказки, и басни, и рассказы»). «В сказку „Под ивой“, — писал Андерсен, — вложено кое-что из пережитого». Содержание ее подсказывает, что он имел в виду свою любовь к Йенни. Герои рассказа Йоханна (а именно так — Йоханна, по-шведски Юханна, звали Линд, Йенни — это сокращенное имя) и Кнуд детьми росли вместе в небольшом городке в небогатых семьях и часто играли под ивой и кустами бузины в соседних садах. Со временем Кнуд стал подмастерьем-сапожником, а Йоханна вместе с родителями переехала в Копенгаген, где у нее обнаружили талант к пению и ее взяли в театр. Кнуд не хотел расставаться с ней. Выучившись ремеслу, он переехал в Копенгаген и часто навещал подругу детства, которую полюбил. Йоханна пригласила его в театр, где ей аплодировал сам король. Однажды, когда юноша посетил ее в воскресенье, она сказала ему, что уезжает во Францию, где продолжит артистическую карьеру. Кнуд тут же сделал ей предложение, которое Йоханна отвергла: она, конечно, любит его, но не хочет, чтобы они оба стали несчастными, *он может быть для нее только братом.* Впрочем, Андерсен часто называл молодых женщин, с

которыми дружил, «сестрами», сказываясь при этом их «братом» (самыми верными из них были две Хенриетты — Ханк и Вульф). Вскоре Йоханна уехала в Париж, а Кнуд отправился в другую сторону, в Германию, там он долго скитался, зарабатывая себе на жизнь ремеслом, пока наконец не осел в Нюрнберге. Но и тут свою Йоханну он не забыл, о ней ему напоминал куст бузины, заглядывавший в окно. Тогда юноша переехал на другую квартиру, которую тоже через некоторое время оставил: ведь напротив его дома росла большая ива. Кнуд отправился странствовать дальше, перевалил через Альпы и устроился в Милане, где провел три года.

Однажды мастер, у которого он работал, повел его в театр, где в оперной певице, исполнявшей главную роль, Кнуд узнал Йоханну. Ее пение имело необыкновенный успех, но сама она в атмосфере всеобщего восторга Кнуда не узнала. В толчее вокруг кареты Йоханны он услышал, что она недавно помолвлена. И почти сразу решил вернуться домой в Данию, сколько его знакомые ни отговаривали: ведь наступила зима и горные перевалы стали почти непроходимы. Через некоторое время, уже за перевалами, Кнуд дошел до городка, очень напоминавшего датский, и присел под ивой отдохнуть. Незаметно он уснул, и ему приснились две большие медовые коврижки в форме кавалера и дамы, которыми он лакомился в детстве и угощал Йоханну. Коврижки выросли во сне до величины настоящих людей, они шли в церковь на венчание, а за ними следовали Кнуд и Йоханна. Кнуд очнулся на несколько секунд и тут же решил не просыпаться. Утром его нашли замерзшим.

Возможно, даже краткий пересказ дает некоторое представление, как просто и сильно написан этот грустный рассказ (1852). Один из исследователей творчества Андерсена Эрлинг Нильсен назвал его «могильным камнем» на чувстве поэта к Йенни. Но

среди его сказок есть еще и другая, сюжетно интерпретирующая сходные отношения в совершенно ином — комически-гротескном ключе. Речь идет о сказке «Парочка» (1844), написанной вскоре после встречи Андерсена с госпожой Риборг Бёвинг (урожденной Войт), ее мужем и их детьми, произошедшей 9 июля 1843 года в местечке Хольстенхюс во время народного праздника.

Сюжет сказки прост: в детском ящике с игрушками лежали рядом кавалер-волчок и красивый мячик — барышня-мячик. Вот и вздумалось волчку посвататься к мячику, но тот прыгал так ловко и высоко, что долетал до ветвей дерева, где свил свое гнездо стриж. Поэтому барышня-мячик отказала кавалеру-волчку: ведь она считала себя уже *наполовину помолвленной* со стрижом. На следующий день, когда барышня-мячик взлетала особенно высоко, назад она не вернулась. И пропала совсем, а волчок все продолжал о ней думать, и чем дольше думал, тем сильнее ее любил. Шли годы, и любовь волчка тоже состарилась. Однажды, решив игрушку подновить, волчка позолотили. И он тоже пропал. А на самом деле случайно угодил в мусорное ведро. В нем он обнаружил среди прочего мусора круглый, похожий на испортившееся яблоко предмет. Предмет заговорил и оказался барышней-мячиком, жаловавшейся на то, что она пять лет пролежала в водосточной трубе, что ее отнюдь не украсило. Тут подошла служанка, с радостью обнаружившая в ведре золотой волчок. Она отнесла его домой, и он еще долго служил людям. А о прогнившем мячике все забыли. В конце сказки автор делает ироничный и, пожалуй, жестокий вывод:

«Кавалер-волчок больше никому не говорил о своей старой любви; ведь она проходит, после того как твоя любимая полежит в водосточном желобе целые пять

лет, пропуская воду. Так что, даже оказавшись рядом в мусорном ведре, ее почти не узнать».

Конечно, выстраивая конфликт кавалера-волчка с барышней-мячиком, Андерсен имел в виду свой собственный печальный опыт. На это ясно указывает и мотив «наполовину заключенной помолвки». Барышня-мячик — это вполне определенно Риборг Войт. Однако вряд ли стоит усматривать в ее образе выпад против бывшей возлюбленной. Смысл сказки шире. Сказка, скорее, — литературная месть Андерсена судьбе.

С именем Риборг Войт связана еще одна дожившая до наших дней легенда. Сын Эдварда Коллина Йонас нашел на груди умершего в 1875 году Андерсена кожаный кошелек, который поэт обычно носил на шее во время своих многочисленных путешествий. В кошельке он обнаружил письмо Андерсену от Риборг Войт. Биограф Андерсена Элиас Бредедорф призывает не придавать этому факту слишком большого значения. Скорее всего, в данном случае, если он только имел место, речь идет о прощальной короткой записке, которую Риборг передала Андерсену через своего брата Кристиана (ее текст уже приводился).

В то же время в записке, составленной Йонасом Коллином, говорится: «На груди у Андерсена было найдено длинное письмо к нему от его юношеской любви Риборг Войт. Я сжег письмо, не прочитав его. Й. Коллин»[183].

Этот кошелек выставлен в Доме Андерсена в Оденсе на специальном стенде. Там же лежит и небольшой засушенный букетик цветов, который, согласно легенде, Риборг получила в подарок от Ханса Кристиана и хранила всю жизнь.

Да здравствует романтика!

Глава десятая
о сказках Андерсена и событиях вокруг них. Продолжение

Согласно регистрации Центра Андерсена в Оденсе, писатель создал более 215 сказок и историй, включая отдельные, входящие в другие более крупные произведения. В прижизненное пятитомное собрание «Сказок и историй» (1862–1874) вошло 156 сказок, две трети из которых Андерсен сочинил за последние 25 лет своей жизни. Начав с переделки народных сюжетов, писатель скоро перешел к полностью авторской или, как ныне принято определять, литературной сказке. Последний, шестой сборник из тех, что Андерсен издавал под названием «Сказки, рассказанные для детей», был выпущен им в декабре 1841 года, после чего писатель, продолжая изредка переделывать народные сказочные сюжеты, стал более тяготеть к созданию небольших новелл, в которых, не отказываясь от элементов вымысла, описывал проблемы реальной жизни, выводя из рассказываемого некий морально-этический (и зачастую религиозный) вывод, который доносил до читателя, нередко прямо обращаясь к нему в концовке. В разделе «Сказки моей жизни», относящемся к 1855 году, Андерсен объясняет, почему он выбрал такую форму:

> «Мои „Сказки“… образуют как бы одно законченное целое. Новые произведения того же жанра, уже мной написанные, или те, что я могу написать еще, я решил объединить под общим заглавием „Истории“. Как мне кажется, это название наиболее точно определяет на

нашем родном языке природу этих моих сочинений во всем их широком разнообразии. Слово „истории“ применимо как к незатейливым байкам в духе народной традиции, так и к рассказам, отмеченным дерзким полетом поэтической фантазии. Наш народ — и ребенок, и крестьянин — как правило, называет и сказки для детей, и басни, и рассказы одним коротким словом — „история“»[184].

Тем не менее название «Истории» писатель дал лишь трем сборникам своей малой прозы, выпущенным в 1852, 1853 и 1855 годах. Он, по-видимому, чувствовал недостаточность его для собраний, в которых преобладают все-таки сказки и сказочные по содержанию или форме повествования, и в дальнейшем пользовался в названиях сборников соединением обоих терминов. Вот почему начиная с 1858 года Андерсен стал называть свои главные сборники «Сказки и истории», оставляя читателю решать, с чем он в каждом отдельном случае имеет дело — с детской сказкой, сказкой для взрослых или с историей.

В «Примечаниях» к последнему заключительному прижизненному тому «Сказок и историй» (1874) Андерсен сетовал, что по господствующему мнению «главное значение уделяется его первым сказкам», в то время как «позднейшие» считаются «далеко уступающими им». Писатель приписывал это субъективности мнений читателей и критики, приводя как доказательство то, что даже новейшие его сказки, такие как «Мотылек» (1861) или «Снеговик» (1861), читатели по незнанию относили к ранним. И действительно, стиль поздних сказок и историй Андерсена так же неповторим и индивидуален по авторскому почерку, как и ранних, хотя в их

художественной палитре яркие краски и контрасты выглядят чуть бледнее, авторская идея обнаженнее, а интонация звучит чуть серьезнее.

При сравнении «старых» и «новых» сказок сразу же выясняется, что немалое число первых не менее трагично и содержит столь же серьезный религиозный посыл, что и поздние, а их скромное место среди других объясняется лишь меньшей броскостью в одном ряду с признанными шедеврами. Как пример можно привести трагическую «Историю матери» (1849), в которой рассказывается о попытках женщины разыскать и вернуть к жизни умирающего ребенка, унесенного из дома стариком по имени Смерть (в скандинавской народной традиции смерть воспринимается в мужском обличье, именно поэтому в известном фильме Ингмара Бергмана «Седьмая печать» ее играет мужчина). Чтобы добраться до теплицы, где обитают души мертвых, и найти к ней дорогу, она жертвует всем: песнями, которые пела малютке, кровью из своей груди, своими прекрасными глазами. Оказавшись в теплице, она угрожает уничтожить саженцы, в которых живут души, и требует у Смерти вернуть ей ребенка. И только узнав у старика, какая несчастная жизнь могла бы достаться ее сыну, мать, смирив гордыню и отказавшись от угроз уничтожить Божий миропорядок, смиряется перед Господним Промыслом.

«История матери» — лишь одна из многих сказок, в которых писатель затрагивает тему человеческой кончины. Читатель, с детства знакомый только с самыми популярными произведениями Андерсена и решивший в зрелом возрасте познакомиться со всеми его сказками, будет немало удивлен и, возможно, удручен тем, насколько часто он обращался к серьезным темам жизни и смерти, бренности всего земного и превосходства над ним небесного, а также

наказания человека за нарушение им общепринятых норм поведения и морали.

Современная Андерсену критика не раз выговаривала ему за непедагогичность его образов в некоторых сказках. И конечно же непристойно принцессе целоваться со свинопасом из корысти, продиктованной сумасбродным желанием заполучить вещицу совершенно никчемную («Свинопас»), или же мчаться на греховное свидание с простым солдатом («Огниво») верхом на собаке. И все-таки, порицая за эти детали писателя и приписывая ему проповедование аморализма, критика была не права. Назидание являлось почти непременной частью серьезного смысла его сказок. Людские пороки и недостатки у Андерсена непременно наказываются — и подчас, на современный взгляд, даже с чрезмерной жестокостью.

Во всех трех автобиографиях автор рассказывает о чувстве раскаяния, которое испытал после церемонии конфирмации, на которую он пришел в новых сапогах, открыто щеголяя и гордясь ими. Чтобы подчеркнуть новизну обувки, он даже заправил брюки в голенища! Вступая во взрослую жизнь, он совершенно забыл о благоговении, которое должен был тогда чувствовать. Как ни трудно это понять современному человеку, но воспоминание именно об этом случае, как пишет Андерсен в оставленных им примечаниях, явилось толчком к созданию одной из самых страшноватых его сказок «Красные башмачки» (1845).

Речь в ней идет о вполне благонравной бедной девочке Карен, которой добрые люди на похороны ее матери пошили из красных лоскутков кожи башмачки. Карен удочерила старая женщина, которая, когда девочка подросла и башмачки износились, заказала ей к конфирмации новые, очень похожие на те, что носила принцесса, проезжавшая вместе с королевой-матерью через город. Воспитательница уже плохо видела и не

рассмотрела, что сшитые башмачки оказались красными и, следовательно, для церемонии первого причастия недостаточно скромными. Когда в церкви торжественно заиграл орган и запел детский хор, Карен думала только о своих красивых башмачках. То же повторилось и в воскресенье во время первого причастия. Когда девушка, преклонив колена у алтаря, поднесла к губам позолоченный кубок, она думала только о башмачках. Ей почудилось, будто они плавают в вине — «крови Христовой», и она забыла пропеть псалом и прочесть «Отче наш». При входе в церковь Карен и ее приемной матери встретился рыжебородый старый солдат с костылем, который поклонился им и стал стирать пыль с их туфель. Тогда же он сказал Карен:

«Ишь, какие красивые башмачки, аккурат для танцев! — И, обратившись к башмачкам, добавил: — Станете танцевать — сидите крепко!»[185]

Те же слова он сказал Карен, когда она и ее воспитательница выходили из церкви. И тогда девушка не удержалась: она сделала несколько танцевальных па и остановиться уже не смогла: ноги танцевали против ее воли. Кое-как она добралась в карете домой, и там ей удалось от башмачков освободиться. Через некоторое время ее воспитательница захворала, а в городе был назначен бал. Взглянув на старуху, девушка решила, что ей уже ничем не помочь, поспешила на бал и кинулась танцевать. И тут с ней случилась беда: ноги перестали ее слушаться. Танцуя против воли девушки, они занесли ее в чащу леса, где она опять увидела старого рыжебородого солдата, повторившего уже ранее сказанные им слова, а потом завели на кладбище, где ангел в белых одеждах с широким и блестящим мечом приказал ей танцевать беспрерывно, чтобы дать тем самым урок заносчивым и тщеславным детям. Так

Карен и танцевала — и белым днем, и глухой ночью без сна и отдыха. Как-то утром она дотанцевала до дверей дома, откуда выносили гроб с телом ее умершей воспитательницы, а потом через несколько дней танцующие ноги сами собой привели ее к дверям избушки местного палача, которого девушка умолила отрубить ей ноги. Через несколько недель Карен решила кое-как на костылях добраться до церкви. Она направилась к ней и тут вдруг увидела, как впереди к церковному притвору, танцуя, приближаются в красных башмачках ее отрубленные ноги. Девушка испугалась и вернулась обратно. Ей все-таки удалось устроиться в услужение к жене священника, она раскаялась в своем тщеславии, много работала, страдала и молилась. В конце концов ее посетил белый ангел, в руках у него на этот раз был не меч, а ветвь с розами. Карен посетила милость Господня, ее сердце разорвалось, и «на солнечных лучах ее душа вознеслась к Богу»[186].

Примерно столь же жестокое наказание постигло и героиню сказки «Девочка, наступившая на хлеб» (1859). В отличие от Карен она с самого начала была «девчонка с гнильцой», заносчивая, гордая и злая. Совсем маленькой Ингер ловила мух и жуков, накалывала их на булавку, подсовывала под лапки зеленый лист или обрывок бумаги и, глядя, как бедняжки мучились, приговаривала: «Смотри-ка, как они читают! Словно переворачивают листки».

Подростком родители отдали ее в услужение в богатую семью, девочка была красивая, и все относились к ней как к родной, баловали ее и потакали ей, осуждая все-таки за заносчивость: Ингер стала стыдиться своих родителей и не признавала их из-за бедности. Как-то раз хозяева попросили ее отнести им угощение — большой пшеничный каравай хлеба. Дорога вилась по болоту узенькой и топкой тропинкой, и Ингер,

не задумываясь, чтобы не испачкать красивые туфельки, положила себе под ноги хлеб. И тут же была за это наказана.

Она провалилась сквозь землю в пивоварню к ведьме-кикиморе, где царили зловонные миазмы, ползали холодные гады и девочку ничем не кормили. Вскоре к кикиморе пришли в гости черт и его бабушка, которые поведение Ингер одобрили. «С задатками девочка», — сказала чертова бабушка и утащила ее в ад, где использовала как живую статую. Здесь сильнее всего девочку мучил голод, но до хлеба под ногами дотянуться она не могла, ее тело онемело, а тут еще на нее набросились мухи и забегали по лицу и глазам. Ингер заморгала, но мухи не улетали, они могли только ползать, ведь Ингер сама оборвала у них крылышки. Девочка терпела невыносимые муки, только усиливавшиеся от того, что она слышала, как мать наверху, на земле, и бывшие ее хозяева осуждали ее за неподобающее поведение. Историю о ней и ее проступке рассказывали в назидание маленьким детям в школе, и одна малышка пожалела ее, после чего Ингер раскаялась. Так прошло много лет. Пожалевшая ее когда-то малышка стала глубокой старухой и в свой смертный час попросила Господа простить Ингер. Так и случилось. Земля расступилась, и Ингер вылетела на свет божий в виде маленькой пташки. Наверху в это время стояла зима, и пташка безустанно собирала на проезжей дороге хлебные крошки и зернышки, понемногу питалась ими сама, а большую часть отдавала другим птицам. Наконец она набрала зерен и крошек с каравай хлеба, такой же, как тот, на который наступила когда-то. Тут же крылышки у нее побелели и выросли, и Ингер превратилась в морскую крачку и полетела над морем, то зарываясь в волны, то поднимаясь к солнцу. Дети, увидевшие ее, приветственно закричали, но она сразу же пропала из

виду, и дети решили, что крачка улетела прямо на солнце.

Среди сказок Андерсена встречаются еще несколько с явно выраженной религиозной моралью. В одной из них, «На могиле ребенка» (1859), потерявшая четырехлетнего сына мать уговаривает Смерть допустить ее в обитель мертвых к своему мальчику. Оказавшись там рядом с ним, она не отдает его душу Господу, пока Он не повелевает ей вспомнить о других ее детях, двух девочках, которым она нужна, и не возвращает ее к ним. В другой назидательной сказке, «Анна Лисбет» (1859), вдова отдает на воспитание своего маленького сына в бедную семью, а сама идет в услужение к богачам в поместье, где воспитывает барчука, на которого переносит свои материнские чувства. Когда через много лет, став преуспевающей дамой в городе, она пришла в поместье его повидать, красивый и статный юноша не захотел ее узнавать. Только тут Анна Лисбет вспомнила о родном сыне, который подался на флот и погиб в море. Волны выбросили на берег его шляпу, которую она нашла, возвращаясь ночью из поместья домой. В результате женщина помешалась, ее мучила совесть, являвшаяся к ней в виде призрака и понуждавшая ее похоронить сына на песчаном берегу, где она нашла его шляпу. Анна Лисбет стала приходить туда каждую ночь и рыла в песке голыми руками могилу, которую всякий раз не успевала закончить до наступления утра, после чего яма разравнивалась сама собой и следующей ночью работу приходилось начинать сызнова. Так продолжалось долгое время, пока грешница окончательно не раскаялась, после чего Бог простил ее и прибрал к себе.

Другой мотив, к которому Андерсен возвращается опять и опять, — бренность земной жизни со всеми ее идеалами и практическими устремлениями. Он звучит в

ряде сказок: «Листок с райского дерева» (1855) — о случайно укоренившемся в почве листке райского деревца, которому тем не менее на земле не нашлось места; «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» (1859) — о разорении и упадке семьи гордого вельможи; «Снеговик» (1861) — о снежном изваянии, влюбившемся в печку и растаявшем с приходом оттепели.

Особенно оригинально, хотя внешне не очень броско, этот же мотив используется в сказке «Ель» (1845), где методом убеждения от противного утверждается мысль о самоценности каждого мгновения жизни. В раннем детстве елочка горюет от того, что она еще не выросла, как другие, а став взрослой, завидует соседкам — корабельным соснам, отправляющимся в далекие путешествия. Потом елка с нетерпением ожидает, когда же, наконец, ее срубят. Она хочет, чтобы ее увезли, как других, в дома, где поставят в празднично убранном к Рождеству зале и украсят свечками, игрушками и конфетами. Но елка недовольна и в этом случае: ребятишки ведут себя с ней слишком бесцеремонно и назойливо, к тому же праздник, устроенный, как она думала, для нее, не продолжается вечно, а заканчивается через несколько дней, после чего елку бесцеремонно отправляют на чердак, где она может вести разговоры только с мышами и крысами, которым тоже скоро надоедает. Теперь она горько сожалеет, что не наслаждалась каждой минутой своей жизни, когда стояла на свежем, вольном воздухе в снежном или зеленом лесу и через нее прыгали белки. Судьба деревца неутешительна: ее отправляют на хозяйственный двор, где ломают и сжигают на костре. «Все, что было, прошло и быльем поросло».

В переживаниях героини этой сказки Андерсена много личного, им самим прочувствованного. В

«Теневых картинах» 14 лет назад он писал:

> «Во всем, что живет во мне, есть какая-то удивительная поспешность, она составляет, собственно, едва ли не основную черту моего характера! Чем интереснее для меня книга, тем поспешнее я хочу прочитать ее, чтобы составить о ней полное мнение. И в путешествии меня тоже больше радует не настоящее, а поспешное ожидание чего-то нового, следующего, после чего я опять же стремлюсь к чему-то новейшему. Каждый вечер, когда я ложусь спать, я жду следующего дня. Я хочу, чтобы он уже наступил, а когда он наступает, меня опять занимает будущее, которое еще далеко. Даже в смерти для меня заключено что-то интересное, что-то волшебное, ведь она откроет для меня новый мир. И к чему только так спешит мое беспокойное „я“?»

Сказкой «Ель» Андерсен, по-видимому, хотел задать самому себе тот же вопрос.

Тема смерти имела, по-видимому, для писателя какое-то особенное, завораживающее очарование. Отрицать это было бы бессмысленно. Андерсена впервые прославило уже цитировавшееся стихотворение о смерти ребенка — «Умирающее дитя», эта же тема так или иначе поднимается во многих его сказках и историях, если не является в них главной. Проще, наверное, перечислить те его сказки и истории, где персонажи остаются в живых и не погибают, пусть даже геройской смертью, как стойкий оловянный солдатик. К самым трагическим, не побоимся этого слова, относятся сказки «Русалочка» (1837), «Тень» (1847), «История матери» (1849) и своего рода

негативный вариант оптимистического шедевра «Гадкий утенок» — короткая сказка «На утином дворе» (1861).

В этой прозаической миниатюре рассказывается о певчей птичке, свалившейся с крыши на птичий двор и повредившей крыло — за ней охотился кот. Тон среди обитательниц птичьего двора задает важная утка редкой породы по имени Португалка. Очень заносчивая и не ставящая ни во что местные обычаи, она объявила себя покровительницей птички, которая спит у нее под боком. В описываемый день между утками, курами, селезнем и петухом шел обычный салонный птичий разговор. Но вот на задний двор выплеснули кухонные очистки. Португалка отлично пообедала, а птичка, ранее пытавшаяся задобрить ее принесенным зернышком, стала досаждать ей жалобами. Утка на нее разозлилась, птичка на нее обиделась тоже и сравнила ее глаза со злыми глазами кота. Тогда Португалка откусила ей голову. Мораль сказки? И общество, и мир в целом смертельно жестоки.

Лишнее подтверждение тому Андерсен обнаружил, взглянув на капельку воды через микроскоп в июне 1830 года, когда гостил в усадьбе Хофмансгаде у ее хозяина — ботаника Нильса Хофмана-Банта. О том, что он увидел в ней, писатель рассказал через много лет в миниатюре, как значится в его «Примечаниях», «написанной в честь Эрстеда»[187]. Герой «Капли воды» (1848) старик со сказочным именем Крибле Крабле, рассматривая каплю через увеличительное стекло, увидел в ней тысячи крохотных существ, «которые скакали, теребили друг друга и поедали». Крибле Крабле спросил у другого старика, подошедшего к нему, что это такое, дав ему взглянуть на каплю через то же стекло. Тот взглянул и ужаснулся: перед ним был настоящий большой город, обитатели которого

поголовно бегали нагишом! Они пинали и толкали друг друга, нижние лезли наверх, верхние — вниз, не оставляя в покое тех, кто хотел отсидеться от всеобщей кутерьмы в уголке. Безымянный старик предположил, что видит перед собой Копенгаген или другой большой город. Но он не угадал! Крибле Крабле с торжеством ответил ему, что это сточная вода из канавы!

В примечаниях к сказке Ханс Кристиан Эрстед (1777–1851) упомянут не случайно. Всякий раз, когда Андерсен затрагивал тему науки, он просто не мог не вспомнить о нем. Этот великий датский ученый, первооткрыватель электромагнетизма, чьим именем названа единица измерения напряженности магнитного поля (эрстед), с самого начала знакомства с пареньком из Оденсе осенью 1821 года (Ханс Кристиан сам пришел к нему, чтобы одолжить книги) вплоть до своей смерти покровительствовал ему и с ним дружил. Он был одним из немногих, чью благожелательную критику писатель чаще всего воспринимал, не восставая против нее, с пониманием и благодарностью, и нередко советовался с ученым по литературным вопросам, выступая перед ним с чтением своих произведений или давая ему читать их «на пробу». Андерсен регулярно в семье Эрстед обедал и даже испытывал одно время «небольшую влюбленность», как он сам выразился, в дочь Эрстедов Софи.

«Открытия и течения современности дают богатую пищу для поэзии, и открыл мои глаза на них Х. К. Эрстед»[188], — признавался писатель. Еще в первой своей фантастической повести «Прогулка на Амагер» он связывал будущее человечества с развитием науки и техники. Странным образом вера в доброго Бога, лучшее в человеке и в науку уравновешивали в его восприятии мира трагические начала, отраженные в сказках, о которых говорилось выше. Восторг перед

волшебством жизни и отчаяние перед ее трагедией жили в Андерсене и его творчестве на равных правах. Вместе с тем вера в прогресс человечества подпитывала скептический взгляд писателя на идеализацию исторического прошлого, воспеваемого его старшим другом и коллегой Ингеманом и многими другими европейскими романтиками. Показательно изображение «седой старины» в остроумной и легкой сказке Андерсена «Калоши счастья» (1838). Начинается она с вымышленного светского обсуждения в гостиной статьи уже упоминавшегося Эрстеда о достоинствах и недостатках исторического прошлого и современности. Один из героев сказки, советник юстиции Кнап, восхвалявший порядки Средних веков, уходя домой из гостей, перепутал свою обувь с появившимися в прихожей «калошами счастья» и, надев их, перенесся в столь любезный ему средневековый Копенгаген. Ставшие вдруг грязными и неудобными улицы города, а также царящие на них грубые нравы вселили в советника такой панический ужас, что ему едва удалось унести из прошлого ноги.

Историческая тема не стала любимой в творчестве писателя. Выше уже говорилось о попытке написать роман «Карлик короля Кристиана II», который был начат им еще во время учебы в Слагельсе. После первых успехов на литературном поприще в 25-летнем возрасте Андерсен предпринимает путешествие по Дании, чтобы собрать для романа необходимый материал и побывать в местах, где должно было разворачиваться действие. Тем не менее книга не сложилась, хотя историческая тема свой след в творчестве писателя все-таки оставила.

К ней он обращается в истории-легенде «Епископ Бёрглумский и его родич» (1861), во фрагментарной хрестоматии по истории Копенгагена «Книга крестного» (1868) и в повести «Предки птичницы

Греты» (1870) о судьбе Марии Груббе, женщины с необычайно сильным характером и необыкновенной судьбой, реально жившей во второй половине XVII века.

В первом из этих произведений после путешествия по Ютландии летом 1859 года и посещения прибрежного Бёрглумского монастыря Андерсен воссоздает, как пишет он в «Примечаниях» к сказкам, «историческое предание о мрачной и жестокой эпохе, которая до сих пор, однако, считается многими прекрасной и желанной»[189]. В качестве источника он использует запись из родовой дворянской хроники (приблизительно от 1600 года) об убийстве епископа Олуфа Бёрглумского его родственником Йенсом Глобом, которое произошло, согласно легенде, в рождественскую ночь 1260 года в Видбергской церкви, находящейся неподалеку от монастыря. Согласно хронике и точно следующему ей повествованию, епископ, живший в монастыре и промышлявший, помимо всего прочего, ограблением и убийством моряков и торговцев с разбившихся у берега кораблей, решил отнять землю у вдовы его родственника, единственный клочок в округе, который он еще не прибрал к рукам. Вдова упорствовала и сопротивлялась, и тогда епископ написал на нее донос римскому папе и через полтора года получил бумаги, предающие ее анафеме. Кроме того, он вынес свое дело на суд тинга (местного вече). Тогда отчаявшаяся вдова, взяв с собой верную старую служанку, отправилась на двух последних волах в Италию. И случилось так, что по дороге она встретила молодого рыцаря в сопровождении двенадцати оруженосцев, в котором узнала родного сына, посланного в детстве на обучение в южные страны. Далее события развиваются стремительно. Договорившись о поддержке со стороны своего дальнего родственника, Йенс Глоб напал во

время рождественской службы на епископа и безжалостно убил его и всех его слуг. В хронике не говорится, чтобы он понес за это хоть какое-то наказание.

Андерсен подчеркивает жестокость происходящих событий. В имущественных отношениях между родственниками нет места для компромиссов. Все поступки персонажей до предела прямолинейны. Пришедший на помощь к Йенсу Глобу родственник, которому, чтобы добраться до места, пришлось переплыть фьорд и потерять из-за непогоды десяток своих людей, при известии о том, что Йенс «помирился» с епископом, набрасывается на него с мечом и едва не закалывает его, прежде чем узнает, в чем состояло «примирение». Сюжет хроники (и истории Андерсена) очень напоминает балладный, он так же деловит в своей жестокости и скуп на излияния чувств. Впрочем, многие скандинавские баллады основываются как раз на подобного рода преданиях. Андерсен, безусловно, на стороне справедливости: вдова сохраняет свои земли в неприкосновенности, а после кровавой расправы над епископом грабежи и убийства потерпевших кораблекрушение моряков прекращаются. И все-таки в эпилоге рассказа мотив правосудия отходит на второй план. Андерсен рассматривает случившееся суммарно: приветствует новое время и надеется, что на его светлом фоне «поблекнут мрачные предания суровых и жестоких времен»[190].

Не менее трудные времена царили и в крепостническом XVII веке, против нравов и установлений которого восстала Мария Груббе, реальное историческое лицо, дочь знатного вельможи, наделенная своевольным и властным характером, ломающим рамки привычного тогда поведения женщин. Она смолоду больше любила охоту и скачки, чем

традиционные женские занятия, и умела укрощать жестокий нрав отца, который не мог не баловать ее. Так продолжалось до тех пор, пока отец не выдал ее замуж за престарелого сводного брата датского короля — Ульрика Фредерика Гюльденлёве, королевского наместника в Норвегии, с которым, однако, согласно истории Андерсена, она почти сразу же отказалась жить и, согласно историографическим данным, развелась в 1670 году, получив от мужа 12 тысяч ригсдалеров отступного, которые растратила в последующие два года вместе с мужем своей сестры в путешествиях по Европе (надо сказать, что об этой странице ее жизни Андерсен в повествовании умалчивает). Расставшись с мужем, Мария вернулась домой в Орхус (ее мать к тому времени умерла) к отцу, но и с ним тоже не поладила и поселилась в старой родовой усадьбе, где через некоторое время вышла замуж за дюжего соседа-помещика Палле Дюре, такого же, как она, заядлого охотника. Через некоторое время Мария сбежала и от него. Почти у самой немецкой границы на берегу, согласно версии Андерсена, ее спас от смерти рыжий матрос, в котором Мария узнала товарища ее детских игр Сёрена, разорявшего по ее капризным повелениям птичьи гнезда в усадьбе ее отца. С достоверностью известно, что Мария примерно в это же время сошлась с кучером Сёреном Сёренсеном Мёллером и в 1691 году вышла за него замуж после очередного развода (на этот раз с Палле Дюре). Далее Андерсен рассказывает, что история Марии Груббе стала известна ему из сочинений Людвига Хольберга, который, еще будучи студентом, в 1711 году бежал из Копенгагена от эпидемии чумы на остров Фальстер, где остановился в доме паромщика Мёллера, посаженного в ту пору в тюрьму за убийство. Приняла Хольберга в доме жена паромщика, работавшая за мужа, по имени Мария Груббе, и это она рассказала студенту

подробную историю своей жизни. Только теперь она была вполне счастлива.

Драматичная судьба Марии Груббе заинтересовала не одного только знаменитого сказочника. Позже ее образ воссоздал в своем социально-психологическом романе «Фру Мария Груббе» (1876) замечательный датский писатель Йенс Петер Якобсен (1847–1885), творчество которого имело еще не одну точку соприкосновения с андерсеновским, о чем будет рассказано дальше.

Историческое прошлое не импонировало Андерсену, вероятно, еще по одной причине. В описаниях места действия своих произведений, если речь не шла о целиком вымышленных, сказочных царствах-государствах, он стремился к конкретности. И, по сути, именно впечатления от конкретной местности и людей, которых Андерсен хорошо знал, или же оригинальное осмысление тех или иных качеств знакомых и привычных в быту предметов порождали у него художественные замыслы. Современную ему действительность и жизнь простого народа Андерсен, в отличие от большей части людей искусства его времени, среди которых он вращался, знал как никто — и не понаслышке. Опыт бедного детства и голодной юности многому научил его. Он, например, хорошо понимал, что предыдущее поколение датчан жило в гораздо большей бедности и зависимости от сильных мира сего, чем то, к которому принадлежал он сам. В его пору еще здравствовали многие из отошедших от дел государственных чиновников, священнослужителей и просто богатых людей, усилиями которых в Дании было отменено крепостничество, дававшее помещикам власть и право применять к провинившимся пытку «скачки на деревянной кобыле» (эта изуверская процедура состояла в том, что наказываемого сажали верхом на ребро доски таким образом, чтобы пальцы

его ног, к которым привязывались тяжелые камни, едва касались земли). О распространенности пытки свидетельствуют упоминания о ней в творчестве Андерсена, по крайней мере в трех его произведениях: сказке «Скрыто — не забыто» (1866), повести «Предки птичницы Греты» (1879) и романе «Две баронессы» (1848). Писатель очень хорошо видел, что жизнь народа, несмотря ни на что, со временем все-таки становится лучше. Проводимые высшими классами общества реформы, распространение образованности и научно-технический прогресс делали свое дело. Благодаря пароходам морские путешествия стали надежнее (а это очень важно для Дании, расположенной на побережье и островах). Железная дорога также позволяла обходиться без пыльных и медлительных дилижансов. Андерсен-путешественник восторгается шлюзами на каналах и поездами, которые сокращали время в пути и преодолевали настоящие горы, о чем он писал в главе «Железная дорога» из путевых записок «Базар поэта» (1842) и в главах «Тролльхэттан» и «Поэтическая Калифорния» из книги эссе «По Швеции» (1851). Люди могут успешно преобразовывать землю — таков был смысл тоста, который писатель провозгласил однажды на обеде копенгагенских инженеров, обсуждавших проект строительства, которое должно было соединить большой остров Зеландию с маленьким островом Глен. Чуть позже писатель преобразовал его в коротенькую историю о двух соседних братьях-островах «Вен и Глен» (1867). Вен исчез, его смыло морским ураганом. Согласно преданию, он позвал за собой брата — остров Глен. И тот исчез тоже. Но он не пропал, а превратился, благодаря усилиям многих людей, в присоединенный дамбами к Зеландии полуостров.

Весной 1867 года Андерсен отправился в Париж, где несколько раз посетил проходившую там Всемирную

выставку. Впечатления от нее отразились в его сказке «Дриада». В чем-то схожая с Русалочкой, мистическая Дриада, составляющая одно целое с пересаженным в Париж каштаном, за счет сокращения своей жизни отделяется от дерева и наслаждается полной свободой передвижений и превращений. Она самостоятельно приобщается к современному великолепию мира, образцы которого свезены в столицу Франции и всех уголков мира, и добровольно и блистательно уходит из жизни, узнав все, что та может ей предложить.

Еще в одной своей поздней истории «Прадедушка» (1870) писатель рассказывает о старике, мыслящем привычными для прошлого понятиями: «Вот раньше было хорошо! Всё было солидно, разумно. А теперь жизнь несется галопом, всё кувырком. Зеленые юнцы держат речи и задевают даже самого короля, словно он им ровня. Любой человек без роду без племени может извозить тряпку в луже и полить дворянина грязью». Правнук резко отвечает ему: «Да дикость сплошная была! Слава богу, что все это осталось в прошлом». Автор истории придерживается того же мнения: «Никто не спорит, в те времена происходило много плохого, даже омерзительного: все эти колесования, виселицы, четвертования», — хотя и ему тоже прошлое чем-то мило, даже в «зверствах» он усматривает для себя «нечто завораживающее»[191].

Правда жизни опровергает устаревшие представления. Когда правнук героя возвращается из Америки, шторм выбрасывает его судно на прибрежную отмель, но молодого человека и других пассажиров удается спасти, доставив к ним спасательный канат при помощи ракеты. После этого прадед жертвует значительную сумму на памятник Эрстеду, провозвестнику изобретательства и прогресса.

Чрезвычайно интересна также своим юмором и воспеванием завоеваний науки и техники поздняя сказка писателя о трансконтинентальном телеграфе, связавшем Европу и Америку, «Большой морской змей» (1871). В ней о кабеле, странном морском чудовище на дне океана, появившемся еще при жизни Андерсена, судачат, как кумушки на завалинке, рыбы и морские животные. Добавим еще, что уже в первом своем романе «Путешествие на Амагер», а также в нескольких сказках и историях Андерсен предсказывал появление воздушных пассажирских лайнеров, на которых американские туристы будут посещать старушку Европу. Хотя писатель, конечно, сильно ошибся, посчитав, что это произойдет только через три столетия.

Принято считать, что начиная со второй половины 1840-х годов творчество Андерсена становится более серьезным, философски-углубленным и религиозно насыщенным. Безусловно, так считал сам поэт. В 1847 году он пишет «мировую» драматическую поэму «Агасфер», своего рода историю злоключений человечества, восходящего к познанию истинного Бога, а в 1848 году печатает социально-психологический роман «Две баронессы» о современности и недавнем прошлом страны. Еще через девять лет Андерсен публикует роман под громким и ироничным названием «Быть или не быть», в котором совершает амбициозную попытку исследовать интеллектуальные проблемы веры и неверия, идеализма и материалистического практицизма и делает это пусть не блестяще, но весьма небезуспешно. Вместе с тем почти до конца жизни параллельно с романами, а также пьесами различного жанра писатель продолжает выпускать очень разные по содержанию и тональности сказки: от философских до бездумно легких и юмористических, работая в самом

широком диапазоне тем и настроений — от восторга и умиления перед таинством жизни до глубокого и беспросветного отчаяния, из которого выбирался, изыскивая разрешение проблем либо в религиозно-христианском духе, либо с помощью сарказма, иронии, юмора, а то и прямой сатиры. Андерсен оставался верен себе и своему переменчивому характеру. Он оставил нам причудливую мозаику сказок и историй, общий рисунок которой выделить практически невозможно — так стихийно разбросаны они на жизненном и творческом пути поэта. Хотя попытаться сгруппировать их по отдельным, пусть и случайным признакам, наверное, можно.

В ряде сказок Андерсен пишет о положении и доли простых людей. В той или иной мере он неявно, словно мимоходом, касается в них социальных и политических вопросов. Такова сказка «Девочка со спичками» (1846) — о ребенке из бедной семьи, которого в морозный вечер накануне Нового года посылают на улицу продавать спички. Пытаясь согреться, голодная и замерзающая девочка зажигает их одну за другой и в колеблющемся свете видит праздничный стол и слезающего с него и ковыляющего к ней жареного гуся с торчащей из него вилкой. В последние мгновения жизни перед замерзающей девочкой предстает ее добрая покойная бабушка, призывно протягивающая к ней руки. Этой сказке, как представляется, в русских переводах не повезло, слишком много в них слов с русскими уменьшительно-ласкательными суффиксами, придающими ей излишнюю сентиментальность, в то время как стиль оригинала намного строже; автор сказки позволяет себе в ней единственную эмоциональную вольность, называя всего в одном месте свою героиню «бедняжкой». Другую исполненную сочувствия к бедноте историю «Пропащая» (1852) Андерсен написал, как сообщает он в «Примечаниях», в

связи с воспоминанием о том, как его мать защищала женщину-прачку, целый день полоскавшую белье в холодной воде речки Оденсе. Сынишка нес ей бутылку водки, чтобы она могла согреться, а окружающие порицали за это и самого мальчика, и его мать, называя ее пьяницей, и предрекая ему такую же судьбу. Несомненно, что в этой истории Андерсен немного лукавит — он косвенно, как мог, защищал память о своей матери.

За всю свою жизнь Андерсен не сказал против существовавшего в его стране общественного и государственного строя ни одного слова. Он был принципиальным противником революций и сторонником монархии, в которой видел основополагающее начало государственности, а значит, как он считал, и порядка. В этом он следовал за Людвигом Хольбергом, на комедиях которого был воспитан, приверженцем абсолютизма, «видевшим в союзе между монархом и третьим сословием идеальную основу для стабильного общественного устройства»[192]. Характерно его отношение к общественным волнениям, возникшим в Дании в 1848 году как по внутренним причинам (необходимость демократических перемен), так и под влиянием сепаратистских тенденций — немецкое население Шлезвига и Гольштейна требовало широкой автономии и вхождения в Германский союз, то есть практически отделения путем революционного самоопределения. В «Сказке моей жизни» Андерсен вспоминает:

> «Волны европейского шторма докатились и до нас[193]. В Гольштейне произошло восстание...
>
> В большом зале театра „Казино“ собралось невообразимое множество людей, и на

следующий день к королю Фредерику VII направилась депутация. Я стоял тогда на Дворцовой площади и видел эту большую толпу...

Я был свидетелем того, как по-разному встречали события представители различных сословий. Толпы народа, выкрикивая лозунги и сопровождая свои шествия патриотическими песнопениями, двигались по улицам с утра и до позднего вечера. Никаких чрезвычайных происшествий во время таких шествий не происходило, но встречаться с этими ордами, состоящими сплошь из незнакомых, дотоле никогда не виданных мною лиц, было неприятно, создавалось ощущение, что на свет божий появился совершенно иной, чуждый мне род людей. Понемногу, однако, к этой человеческой стихии присоединялись сторонники дисциплины и порядка, они не дали массам свернуть на неверный путь. Комитет порядка даже меня привлек к содействию в поддержании дисциплины, что, в общем-то, было довольно нетрудно»[194].

Изменения к лучшему должны происходить естественно и постепенно, путем работы на будущее и самосовершенствования общества и отдельных людей. И залогом тому, по мысли Андерсена, должны быть не стихийные выступления, а осуждение как социальных беспорядков, так и людской непорядочности в рамках социального мира. Политические взгляды или, точнее, отношение писателя к политической жизни отражено в его нравоучительной истории под выразительным названием «Ребячья болтовня» (1859), в которой он описывает своего рода «детский сословный

парламент». В гостиной богатого дома встречаются девочки-подростки, хвастающиеся друг перед другом своими отцами и их положением. Одна девочка, камер-юнкерская дочка, похваляется «хорошей», благородной кровью: ведь, как ни старайся, если в твоих жилах нет благородной крови, ничего путного из тебя не выйдет; поэтому из тех, у кого в фамилии окончание «сен», означающее простонародное происхождение, ничего в жизни не получится. Дочка коммерсанта, чья фамилия заканчивалась на «сен», на ее слова обиделась: ее богатый отец может накупить сколько угодно конфет и бросать их в толпу народа. Еще одна девчушка, дочка редактора газеты, чья фамилия тоже заканчивалась на «сен», заявила на это свое: ее папа может напечатать в своей газете об отцах подружек все, что ему заблагорассудится, поэтому его все боятся.

У двери, которая выходила в гостиную, стоял паренек, завистливо наблюдавший за девочками, — на кухне в этом доме он помогал поворачивать вертел. У его бедных родителей не было капиталов, и даже подписаться на газету они не могли. Фамилия его отца тоже заканчивалась на «сен», но именно этот мальчик через много лет построил на свои и народные средства в центре Копенгагена здание, в котором были представлены его творения. Там же, во внутреннем дворике музея, его и похоронили — всемирно известного в XIX веке скульптора Бертеля Торвальдсена, с которым Андерсен познакомился во время своей первой поездки в Италию и дружил потом вплоть до его смерти.

Однако смысл этой истории не в эффектном сообщении о том, что мальчишка носил фамилию Торвальдсен, а в ее названии и концовке:

«А как же те три девчушки? Дети благородных кровей, больших денег и тщеславной гордыни? Все они вполне стоили друг друга, дети есть дети, что с них

возьмешь? И вышли из них хорошие, добрые люди, основа-то у всех была хорошая, а тогдашние их мысли и слова не более чем ребячья болтовня»[195]. В некоторых сказках Андерсену не отказать в тончайшем исполнении замысла.

Но несправедливость, зло и неравенство существуют не только на бытовом уровне. В сказке-легенде «Злой правитель» (1858) они представлены перед читателем в обобщенном, «тоталитарном» виде в образе короля, который одолел всех своих соседей, счел себя непобедимым и повелел ставить свои золотые статуи в церквях. Священнослужители стали противиться этому. Тогда король объявил войну самому Господу и снарядил против него стальной воздушный корабль, снабдив его тысячью глаз — ружейных стволов, стрелявших беспрерывно, стоило королю нажать кнопку. Но тогда Бог послал против него всего одного архангела, и капли его крови оказалось достаточно, чтобы придавить воздушный корабль к земле. Король, однако, не унимался: он построил великий воздушный флот и собрал для него огромную рать со всех покоренных земель. Солдаты уже грузились на корабли и король направлялся к своему флагманскому судну, когда Господь выслал ему навстречу рой обыкновенной мошкары. Король обнажил меч, но рубил он им просто воздух, не поражая мошек. Тогда он закутался в бесценные шелковые покровы, но одна мошка забралась и под них, заползла ему в ухо и ужалила. Укус жег короля огнем.

«Он сорвал с себя покровы, в клочья разодрал одежды и голый метался в безумной пляске перед жестокой, грубой солдатней, а та насмехалась над потерявшим рассудок правителем, желавшим победить Господа и побежденным одной-единственной крохотной мошкой»[196].

Андерсен ненавидел войну и насилие, но в сложном конфликте с датскими немцами Шлезвига и Гольштейна, требовавшими самоопределения, он был всецело на стороне интересов родины. Один из чиновников обратился к нему с просьбой объяснить позицию датчан по Шлезвигу и Гольштейну в английской прессе, на что писатель немедленно отозвался и написал патриотическую статью в британскую «Литературную газету», обрисовав «истинную картину настроений и положения в Дании». Статья вскоре была перепечатана в ряде зарубежных изданий. Заканчивалась она в примирительном тоне:

> «„Нациям — их права, работящим и праведным — процветания!“ Таков девиз всей Европы, или, во всяком случае, таким он должен быть: лишь это позволяет мне с оптимизмом смотреть в будущее. Немцы — честный и трудолюбивый народ, они поймут истинное положение вещей, и их непримиримое к нам отношение обязательно превратится в уважение и дружелюбие. Дай Бог, чтобы это поскорее осуществилось! И тогда лик Господа просияет над всеми странами!»[197]

В «Сказке моей жизни» Андерсен пишет, что война принесла ему немало огорчений и настоящего горя:

> «Во мне была жива мысль о доброй Германии, о признании в ней моего таланта и о многих немцах, которых я любил и которым был благодарен. Я невыносимо страдал! Вот, наверное, почему многие озлобленные войной датчане, как бы интуитивно ощущая во мне эти чувства и мысли, изливали свой гнев и горечь

именно против меня, что превосходило меру горечи, которую я мог перенести!»[198]

В конце военных действий в сражении при Истеде погиб хороший знакомый Андерсена полковник Фредерик Лэссё, с матерью которого писатель дружил много лет еще со времен своего успешного театрально-драматургического дебюта — спектакля «Любовь на башне церкви Святого Николая», который с восторгом обсуждался молодежью в ее доме.

Свою Трехлетнюю войну, как датчане называли датско-прусскую войну 1848–1850 годов, они выиграли, хотя немалую роль в успешном ее окончании сыграла позиции Швеции, отрядившей к своим южным соседям добровольцев (правда, в военных действиях участия не принявших), Англии и России, дважды посылавших в датские воды свой военный флот.

Тем не менее шлезвиг-гольштейнский вопрос война не решила, ассимиляция немецкоязычного населения герцогств продолжалась, в результате чего после принятия новой датской конституции 1863 года (первая была обнародована еще в 1848 году) разразилась еще одна война 1864 года с коалицией Пруссии и Австрии, в которой Дания потерпела сокрушительное поражение. Шлезвиг отошел к Пруссии, Гольштейн — к Австрии.

Андерсен тяжело переживал неблагоприятно складывавшийся ход военных действий. Он не забыл, как писал в автобиографии, «сколько любви, признания и дружеских чувств снискал себе в Германии и скольких друзей и подруг обрел там». И все-таки между ним и его прежними друзьями «теперь лежал обнаженный меч»[199].

Впрочем, отношение писателя к своей родине, и особенно к образованной прослойке ее населения,

которую он называл «копенгагенцами» и обвинял в злостно-ироническом зубоскальстве, бывало разным.

В свое время, раздраженный тем, что постановку «Агнете и Водяного» в Копенгагене освистали (она выдержала всего два представления), 29 апреля 1843 года Андерсен писал из Парижа Хенриетте Вульф:

> «Глаза бы мои не видели больше родины, где считают только мои недостатки и ничего из того, что даровано мне Богом! Если они меня ненавидят и презирают, так и я их! Ведь всякий раз, что меня из-за границы обдает холодным леденящим ветром, он дует с родины! Они плюют на меня, смешивают с грязью! А я все-таки поэт, и такой, каких Бог дал им немного! Пусть же Он больше не даст им ни одного! <…> Если мне даже придется отвечать за каждое сказанное мной слово, я все-таки скажу: Датчане могут быть злыми, холодными до безобразия! Они точно созданы для обитаемых ими сырых, заплесневевших островов, откуда послали в изгнание Тихо Браге[200], где заточили в темницу Элеонору Ульфельдт[201], сделали шута из Амбросиуса Стуба[202] и где еще многим придется претерпевать всякие злополучия. <…> То-то обрадовались бы копенгагенцы, если бы это письмо появилось в печати! — Глаза бы мои больше не видели этого города! Пусть там никогда больше не родится поэт, как я! Они меня ненавидят, и я плачу им тем же! Молитесь за меня, молитесь, чтобы я поскорее умер и не увидел бы больше этих мест, где я чужой, как нигде, даже на чужбине! <…>
>
> P. S. <…> Милая Йетте Вульф! Вчера вечером, когда я писал письмо, я страдал,

страдал ужасно! Пусть оно не попадет на глаза никому постороннему! Вполне доверяюсь Вам!..» [203]

Признанный писатель, известный к 1871 году всей Европе, в разделе «Дополнений» к «Сказке моей жизни» за 1863 год выражает иные взгляды и чувства:

«Путь поэта — не путь политика, у него свое предназначение в жизни, поэт служит прекрасному, но и он, когда земля начинает сотрясаться у него под ногами, так что все вокруг рушится, не может не думать о политике; она затрагивает его жизнь, благоденствие его самого и всей страны, он не может стоять вне происходящих событий... Поэт, как дерево, накрепко укоренен в почве родины; здесь расцветает и дает плоды его талант, и как бы потом ни распространялась его поэзия по всему миру, корни древа его творчества неразрывно связаны с родной почвой, и поэт неизменно чувствует ими, если какие-то силы расшатывают ее или замораживают убийственным холодом, превращая в мертвую глыбу» [204].

Как видим, в своем отношении к родине Андерсен ничуть не отличается от среднестатистического образованного и неполитизированного гражданина любой европейской страны наших дней. Он костерит ее на чем свет стоит, когда она его обижает, и готов грудью встать на защиту, когда само ее существование поставлено под угрозу. Возможно, одна из причин популярности Андерсена у широкого читателя как раз в том, что он был необыкновенно обыкновенен?

В следующем году после проигранной датчанами войны Андерсен написал волшебную (и отчасти политическую) историю о своих взаимоотношениях с жанром сказки. Полное ее название необычно длинно — «„Блуждающие огоньки в городе!“ — сказала Болотница». Герой произведения — человек, знавший ранее много сказок, которые у него кончились. Сказки «больше не стучались к нему в дверь». Персонажи их, аисты и ласточки, вернулись из дальних странствий и обнаружили, что их гнезда уничтожены, они выгорели дотла вместе с домами людей, а древние могилы их родины вытоптаны вражеской конницей. Наступили тяжелые мрачные времена, но человек, сочинявший сказки, упрямо твердил, как заговор, что «сказка никогда не умрет!». Так прошел год. Сказочник приуныл. Сказка так и не постучалась в дверь. Многие из них хранились у него в памяти, но новые все не приходили. Тогда человек взялся за книги: может, сказки скрываются в них? Он был сильно разочарован: в книгах с научной строгостью доказывалось, что ни Хольгера Датчанина, витязя, обещавшего выйти из горы, чтобы защитить родину в лихую годину, ни знаменитого швейцарца Вильгельма Телля на самом деле никогда не существовало. После этого разочарованный человек пошел искать сказку за город. В лес, на берег моря!

Там, на побережье, в поместье Баснес, где неоднократно гостил Андерсен, глубокой ночью ему явилась ведьма-болотница и повела его на влажный луг, в центре которого стоял мшистый пень, служивший ей книжным шкафом. Здесь в бутылках хранилась поэзия, в том числе сказки самого сказочника. Ведьма отыскивала в природе нечто родственное тому или иному поэту, заливала это нечто в бутылку, добавляла к содержимому капельку чертовщины и, таким образом, запасалась поэзией на будущее. В разных бутылках

было разлито разное: бутылка с майской поэзией, бутылка со скандальной поэзией (на вид просто грязной водой), бутылка с набожной поэзией в духе псалмов, бутылка с обыкновенными историями на немецкий манер «с кровяными разбойничьими фрикадельками, жиденький датский супчик, сваренный из надворных советников, английский гувернантский суп, французский суп „канкан“». В бутылке из-под шампанского хранилась драматическая поэзия: трагедии с выхлопом пробки, а также комедии, схожие с мелким песочком, которым застят глаза. Но главное, уверяла Болотница, не в бутылках с поэзией. Гораздо важнее и опаснее огоньки, вспыхивающие на болоте. Они вселяются в людей и полностью их развращают. «Опишите их! — предложила Болотница. — Или оставьте свое писательство!» У автора, однако, были сомнения: может, лучше их все-таки не описывать? «Но вы поняли, что случилось?» — спросила Болотница.

«Блуждающие огоньки в городе! — воскликнул сказочник. — Я услышал и все понял! Но что мне, по-вашему, делать? Меня засмеют, если я скажу людям: „Смотрите, вон идет блуждающий огонек во фраке…“ Они ходят и в юбках, уверяла его Болотница. Хотя зачем она обо всем этом писателю разболтала, скоро об огоньках узнают в городе все. И ее осудят.

„Городу все равно! — сказал человек. — Никто не встревожится, просто подумают, что я сочиняю сказку, если предупрежу людей: Болотница говорит, что блуждающие огоньки в городе! Берегитесь!“» [205].

По сути, смысл сказки в том, что писатель, так или иначе, все равно занимается политикой. Произведения сказочника, по его витиеватой и осторожной мысли, можно и нужно воспринимать как иносказание, предупреждение об опасности, хотя большинство людей считают их всего только развлечением.

И еще одной сказкой, где речь идет даже не о политике, а о самых настоящих классовых противоречиях, является история «Садовник и господа». Писатель создал ее уже на склоне лет — в 1872 году, за три года до смерти. Значит, тема, раскрываемая в ней, преследовала его всю жизнь.

Речь в ней идет об отношениях между садовником и его работодателями, хозяевами родового поместья, где он трудится, причем активной стороной в возникшем между ними конфликте выступают хозяева, садовник лишь делает свое дело, — но настолько хорошо, что господа начинают ему завидовать. В самом деле, о подобном таланте, вкусе и профессионализме в своей области они не могут даже мечтать. В первый раз господа попеняли садовнику на то, что у них в саду не растут замечательные яблоки и груши, которыми их угощали в гостях. Оказалось, однако, что замечательные яблоки и груши, которые хозяевам так понравились, куплены у их же садовника, это он их вырастил. Но убедил он господ в этом только при помощи справки — ведь господа ему не поверили. Во второй раз господа были приглашены на прием во дворец, где им подали великолепные дыни — таких они в жизни не пробовали! Неужели садовник не знает их сорта? Пришлось ему сказать, что семена дынь королевский садовник брал у него. А поскольку сезон у его коллеги выдался неурожайный, пришлось ему приобрести у него и сами дыни. В третий раз хозяева подарили навестившей их принцессе плававший у них в вазе прекрасный «индийский лотос», который ей безумно понравился. Каково же было их изумление и негодование, когда Ларсен, так звали садовника, сообщил им, что это был вовсе не лотос, а насаженный им на лист водяной лилии голубой цветок артишока. Хозяева поместья тут же побежали извиняться перед принцессой за то, что подарили ей обыкновенный овощ.

И получили от нее выговор: они должны благодарить своего садовника, ведь он открыл для них красоту там, где никому не приходило в голову ее искать.

Еще один подвиг истинного художника и специалиста Ларсен совершил, когда на месте поваленных бурей высохших старых деревьев в саду — сам-то он давно покушался их выкорчевать, да хозяева не давали, они считали деревья данью старой дворянской традиции — посадил обычные лесные и полевые растения. Вместо деревьев он поставил две мачты: на одну водрузил датский флаг Данеброг, а на другую повесил сноп овса, чтобы «птицы небесные» лакомились им на Рождество. Этот уголок его сада настолько всем понравился, что в одной копенгагенской газете появились статья о нем и гравюра с его изображением.

Хозяева Ларсена недоумевали: неужели им придется гордиться тем, что Ларсен на них работает?

Гордости за Ларсена они не испытывали. «Они чувствовали себя господами, которые вполне могли уволить старика-садовника, но они этого не делали, они ведь были неплохие люди, — много таких, как они, среди господ — *и в этом счастье всех Ларсенов* (курсив мой. — *Б. Е).*

Вот и вся история о садовнике и господах.

Поразмысли как-нибудь над ней!»[206]

Содержание и форму этой сказки я не могу назвать иначе как подстрекательскими.

Впрочем, у Андерсена было много лиц. И одно из них — лицо Домового из сказки «Домовой у лавочника» (1852), содержание которой было бы нелишне напомнить.

Если очень коротко, то домовому в ней пришлось выбирать между рождественской кашей лавочника и дивной книгой, озарявшей все неземным светом,

которую Студент, обитавший на чердаке, выкупил у жившего внизу лавочника и тем самым избавил ее от превращения в оберточную бумагу. Сердце домового принадлежало чудесной книге, и он спас ее при пожаре, но, когда пожар потушили, понял, что без каши ему тоже не обойтись.

В результате он решил, что придется ему жить на два дома. Он не может бросить лавочника… и кашу.

«И это было так по-людски! Мы ведь тоже ходим к лавочнику — за кашей!»[207]

Как замечал не один биограф, Андерсен не только каждую неделю по очереди обедал у своих друзей, но еще и каждый год гостил у своих состоятельных друзей и знакомых в их поместьях в Дании и за границей. Он, естественно, приезжал только по приглашению, даже некоторые под благовидными предлогами или же вынужденно отвергая. Список усадеб, замков и загородных домов, в которых ему доводилось гостить, занимает не одну страницу (по данным Центра Андерсена в Оденсе, в Дании их 55 и девять в Швеции, Германии и Португалии). Он привык в них не только развлекаться, но и работать — взращивать, по совету Вольтера, свой собственный сад. К тому же в поместьях и замках, в отличие от Копенгагена, большей частью было тихо и несуетно. Вспомним, как начинается сказка «Гадкий утенок»: «Хорошо было за городом!» Андерсен сам писал, что большинство своих сказок создал в деревне. «У тихих озер, в глубине лесов, на зеленых лужайках, где из кустов то и дело взлетала и выпрыгивала дичь, где важно разгуливал красноногий аист, никто не говорил ни о политике, ни о полемике, не рассуждал о Гегеле. Я слышал лишь голос природы, говоривший мне о моей миссии»[208]. Писатель искренне любил хозяев загородных домов и поместий, людей, как правило, образованных — с другими он общался только

по принуждению. И он по-сыновнему относился к хозяйкам, опекавшим его с материнской нежностью. Хотя господа тоже бывали разные. А простолюдин в Андерсене сидел крепко.

И в 1830-е, и в 1840-е, и в 1850-е, и в 1860-е годы поэт писал сказки и истории очень разные — о смысле жизни, о богатстве, о любви, о Божьем наказании и искуплении грехов, об искусстве, сказки серьезные и пародийные, иногда же и вовсе юмористические и бездумные. Его сатира могла быть легкой, когда он смеялся над простительными человеческими слабостями и недостатками — чаще всего заносчивостью и высокомерным хвастовством: «Воротничок» (1848), «Навозный жук» (1861). И та же сатира могла быть ироничной и горестной, когда он шутил над самим собой: «Мотылек» (1861), «Чайник» (1865), или просто шаловливой: «Что муженек ни сделает, то и хорошо» (1861), «Домовой и хозяйка» (1868), «Блоха и профессор» (1873).

В первой из перечисленных сказок Воротничок терпит в своих жениховских притязаниях одно поражение за другим. Его не хочет знать женская подвязка, строящая из себя недотрогу, а утюжная плитка обзывает «ветошью». Его изрезала в сердцах балерина из высокого рода ножниц, а гребенка отказала ему, потому что была уже помолвлена. Но Воротничок не терял куража и, прежде чем его искромсали на бумагоделательной фабрике, успел похвастаться перед другим тряпьем. У него было множество невест! Они не давали ему проходу! Накрахмаленный, он был кавалер хоть куда! Грациозная, нежная и прелестная подвязка бросилась из-за Воротничка в корыто с водой. А одна вдова до такой степени к нему воспылала, что вся почернела. Еще была одна танцовщица, которая от страсти его порезала. И его же собственная гребенка до такой

степени его полюбила, что от сердечной тоски потеряла зубы.

С горькой усмешкой Андерсен дает сказке следующее, почти гоголевское, окончание:

> «Кто его знает, может, и мы в один прекрасный день угодим в ящик с тряпьем и станем белой бумагой, на которой напечатают всю нашу историю, даже самое сокровенное, и придется нам, как Воротничку, самим же и разносить ее по свету!»[209]

Если недотепа и хвастунишка Воротничок в чем-то еще может вызывать у нас сочувственную симпатию, то герой сатирической истории «Навозный жук» — только насмешливое презрение. Этот самодовольный фанфарон, обосновавшийся при королевской конюшне, требовательно протягивает кузнецу свои тонкие лапки, чтобы тот подковал их золотыми подковами. Причина — скакун из этой же конюшни спас в сражении жизнь самому императору, за что и был награжден. Хотя, по мнению навозного жука, его награда несправедлива. Ведь при этом обошли его, Жука! В знак протеста он покидает конюшню и отправляется в дальний путь.

Пролетев совсем немного, он оказывается в прелестном благоухающем цветнике, где божья коровка восторгается окружающей обстановкой. Но навозный жук не согласен с ней: в цветнике нет ни одной навозной кучи! Чуть поодаль он встречается с гусеницей, ползущей по стеблю левкоя. Она тоже в восторге от солнечной погоды и сейчас находится в радостном ожидании того, что еще немного, и превратится в бабочку. Но навозный жук перечит и ей: она много о себе воображает, о такой судьбе не смеет мечтать даже любимый конь императора, донашивающий сейчас золотые подковы, которыми в

свое время наградили его, навозного жука. Полетав еще немного, жук шлепнулся на зеленую лужайку, вымок на ней под дождем, но кое-как пережил непогоду. Иного мнения о сырости придерживаются встретившиеся ему лягушки. Они называют ее благословением Божьим. «Кто не радуется такой погоде, — говорят они, — тот не любит свое отечество». (Последнюю фразу Андерсен явно приписывает своим недоброжелателям, много прохаживавшимся на тему его увлечения путешествиями и заграницей.) С этим навозный жук, следуя своей природе, не согласился, он искал крышу над головой и лучше всего какой-нибудь парник.

Благополучно пережив еще несколько приключений, он влетает в одно окно и… оказывается на королевской конюшне, на мягкой и длинной гриве коня. Наконец-то он оседлал любимого скакуна самого императора.

> «„Мир все же не так плох! — сказал навозный жук. — Надо только взять над ним верх!“
>
> А стал мир прекрасен только потому, что любимый конь императора получил золотые подковы лишь благодаря своему всаднику — навозному жуку»[210].

Андерсен приводит в «Сказке моей жизни» историю возникновения этой истории:

> «В одном из номеров „Домашнего чтения“ Диккенс напечатал подборку арабских пословиц и поговорок и в примечаниях к одной из них написал: „Когда пришли подковывать коня паши, таракан тоже протянул свою лапку. (Из арабского.) Изысканнейшая штучка! Надо обратить на нее внимание Ханса Кристиана Андерсена“. Я хотел было написать

соответствующую сказку, но из замысла ничего не вышло. Только теперь, через девять лет, как раз в предпоследний день года в имении Баснес, когда я опять случайно наткнулся на журнал с записью Диккенса, сказка сложилась у меня будто сама собой»[211].

Среди юмористических сказок Андерсена есть и вовсе беззлобные. В духе добродушия и лукавства он переделал, в частности, одну из народных, которую, как он сообщает в ее начале, слышал еще в детстве. Толчком к написанию, как предполагает один из исследователей творчества Андерсена Ханс Брикс, мог явиться невыгодный обмен денег, о котором писатель упоминает в дневнике 4 декабря 1860 года: на каждом из золотых наполеондоров он потерял в тот день 15 датских скиллингов. На следующий день Андерсен записал в том же дневнике: «Вечер провел дома и написал старую историю о том, как один человек поменял лошадь на корову и т. д. и т. д.»[212]. Писатель имеет в виду сказку «Что муженек ни сделает, то и хорошо» (1861), получившуюся у него очень жизнеутверждающей.

Конечно, смешно и грустно читать, как бедный крестьянин, меняя лошадь на корову, корову на овцу, овцу на гуся, гуся на курицу и, наконец, курицу на мешок гнилых яблок, раз за разом совершает бессмысленно невыгодные сделки, усугубляя и без того свое незавидное положение. Но за все глупости ему воздается сторицей. Он, по-видимому, слепо верит жене, а она готова простить ему что угодно и старательно выдумывает доводы, оправдывающие его сумасбродные сделки. И муж, и жена от них только выигрывают. Восхищенные взаимной преданностью супругов богатые англичане, поспорившие, что жена

крестьянина заругает, безропотно выплачивают им свой проигрыш — четверик золотых монет.

Насколько узнавал читатель Андерсена в герое сказки «Мотылек» (1861), наверное, останется неизвестным. У писателя определенно не было столь широкого выбора невест, как у его сказочного героя. Выбирая ее среди цветов, мотылек посчитал, что анемоны для него «горьковаты, фиалки показались ему слишком мечтательными, тюльпаны — слишком эффектными, нарциссы — простоватыми, липовые цветы — чересчур маленькими, да еще и с бесчисленной родней; цветы яблони, правда, похожи на розы, но сегодня они есть, а завтра подует ветер и они облетят. Очень уж коротким окажется брак с ними»[213]. А потом наступила осень. Но мотылек все-таки нашел прибежище на зиму, он залетел в дом, там его увидели, восхитились им и, насадив на булавку, поместили в ящик с редкими бабочками. Андерсен не раз сравнивал себя с мотыльком в «Книге жизни» и в письмах: от 1 августа 1834 года Хенриетте Вульф: «Я — поэт-бабочка» и от 1 декабря 1837 года Хенриетте Ханк: «Хаух пишет мне: „Не отгоняйте от себя Вашей тоски; она-то и придает Вашим творениям высший блеск“. О Господи! Так, значит, мне быть бабочкой на булавке, чтобы доставлять людям удовольствие красивым зрелищем!»

В своей переписке Андерсен не раз упоминает о том, что хотел бы жениться, но неизменно связывает возможность брака с твердым материальным благополучием, которого он пока еще не достиг. Одной пылкости чувств, как считал поэт, для брака недостаточно (тут он неизменно был реалистом). На обратном пути из Италии 9 апреля 1834 года Андерсен писал брату Риборг Войт Кристиану, с которым сохранял дружеские отношения:

> «Я часто думаю, если бы я был красив, богат и имел какую-то должность, тогда бы я женился, работал, ел и наконец улегся бы на кладбище — какая это была бы приятная и счастливая жизнь! Но поскольку я безобразен и никогда не избавлюсь от бедности, никто не пойдет за меня замуж, потому что девушкам нужна обеспеченность, в чем они совершенно правы. Так что придется мне стоять одиноко, как стеблю чертополоха, и ловить плевки на мои острые колючки».

Осенью 1837 года после выхода в свет романа «Всего лишь скрипач», обнадеженный обещаниями графа Ранцау похлопотать о назначении ему писательской стипендии, 25 ноября Андерсен с некоторым скепсисом пишет Хенриетте Ханк, что Ранцау очень уж напоминает ему графа из его романа (опекуна Наоми) и что стипендия в любом случае не решит его материальных проблем:

> «Допустим, что я получал бы столько же, сколько профессора Хойн и Херц, по 400 ригсдалеров в год. Какое невообразимое счастье! Тем не менее меня такой заработок не осчастливил бы, мне требуется 1000, чтобы я мог только влюбиться, и 1500, чтобы жениться, и к тому времени, когда это полуневозможное произойдет, девушку у меня уведут, а я так и останусь старым, высушенным холостяком».

Пессимизм этих строк еще иронически наигран, более серьезный подход к этой же теме звучит в доверительном тоне письма Хенриетте Ханк, посланного ей 1 декабря 1837 года, в момент, когда

Андерсен уже начинал пожинать плоды настоящего литературного успеха:

> «Вы пишете, что я, конечно, не стану таиться от Вас, если сделаюсь женихом. Конечно нет! У меня, Господи Боже мой, и в мыслях такого нет! В городе, по свойственной людям манере заниматься людьми известными, меня женят то на одной, то на другой особе, но уверяю Вас, я не помышляю о них и вообще о браке. На столько-то у меня ума хватит, чтобы не делать неразумного шага. И дай мне Бог всегда рассуждать так же здраво! Я едва обеспечил себе сносное существование и не имею видов на будущее. А между тем жене моей понадобилась бы такая же обстановка, к какой она привыкла в родительском доме, — так как мне жениться? Я так и умру одиноким, как мой бедный Кристиан из романа. Не думайте, что я преувеличиваю, сгущаю краски. Нет, я, как сестре, чистосердечно открываю Вам свою душу. Да, будь я богат и имей надежду зарабатывать в год тысячу-другую, я бы влюбился! Здесь есть одна девушка, прекрасная, умная, добрая, милая, принадлежащая к одному из интеллигентнейших семейств города. Но у меня нет состояния, и я — даже не влюбляюсь»[214].

Говоря о девушке, Андерсен, скорее всего, имеет в виду шестнадцатилетнюю Софи Эрстед, дочь своего ученого друга, которую знал еще маленькой девочкой. Вряд ли он не понимал фантастичность такого матримониального плана, в который, по сути, не верил. К тому же, как это отмечено в его дневнике, незадолго до Рождества Софи уже была помолвлена.

Выше говорилось о нескольких увлечениях Андерсена. Можно упомянуть еще об одном, предшествовавшем ухаживанию за Йенни Линд. Оно касается Матильды Барк, дочери шведского графа, с которым Андерсен познакомился в усадьбе шведского барона Карла Густава Врангеля, пригласившего его погостить у него в поместье в Сконе (южная провинция Швеции, на протяжении нескольких веков служившая причиной раздора между двумя странами). На пароходе, направлявшемся через пролив в шведский город Мальмё, Андерсен встретил среди пассажиров ненавистного ему критика Кристиана Мольбека, с которым, согласно его письму Хенриетте Вульф от 3 июля 1839 года, обменялся несколькими словами:

«„А, это вы, господин Андерсен, — ворчливо сказал Мольбек, — вы тоже в Сконе?“ — „Да, — ответил я, — еду к барону Врангелю“. — „Ну, мне все равно, к кому вы едете“, — ответил тот и широко осклабился».

В том же письме Андерсен сообщает Хенриетте, как хорошо его принимали в шведских поместьях, по которым его возил Врангель: «Ах, какое благотворное чувство испытываешь, когда тебя встречают с любовью. Одна из графинь Барк долго жила в Париже, она молода, жива и красива. Были бы у меня деньги, я бы влюбился, несмотря на мой престарелый возраст».

Андерсен вновь посетил Сконе весной следующего года, когда студенчество Лундского университета устроило в его честь праздник. Писатель, несмотря на «престарелый возраст» — ему было всего 34 года, — воспользовался этим случаем, чтобы возобновить знакомство с сестрами Барк — Лувисой и Матильдой. Они неплохо провели время, и сестры провожали его на пристани, когда он отплывал обратно в Данию. Между Матильдой и Хансом Кристианом завязалась переписка, которая, однако, вскоре оборвалась. В последнем, немного обиженном письме Андерсену (он долго не

отвечал) от 29 января 1841 года фрекен Барк сообщала, что часто вспоминает о нем и что теперь, когда Андерсен уехал из Копенгагена, она не собирается посещать этот город: без него он потерял для нее привлекательность. Адресат в тот момент находился в Риме и получил письмо только через три года в Копенгагене, когда был увлечен Йенни Линд. Матильда послала ему письмо в Рим со своей приятельницей, которая просто о нем забыла. Шведская графиня вскоре обручилась с бельгийским дипломатом, а потом в возрасте всего двадцати двух лет скоропостижно умерла.

Но довольно о печальном. Андерсен был здоровым и крепким мужчиной, и ничто человеческое не было ему чуждо. Иное дело, что, подчиняясь велениям лютеранской этики и полученным в детстве запретам, он, можно сказать, почти противоестественно обуздывал свои чувства, о чем свидетельствуют многочисленные заметки в его дневнике. Так, например, 16 февраля 1834 года он упоминает, как горячили его, а также его спутников всевозможного рода предложения сексуальных услуг на улицах Неаполя во время первой поездки в Италию, а 11 июля 1842 года, находясь в гостях в датской усадьбе Брегентвед, записывает: «Чувственно настроен, ощущал почти звериную страсть в крови, яростную потребность в женщине, желание целовать и обнимать ее, точно как я жаждал того на Юге»[215]. Андерсен несколько раз в сопровождении друзей, как было принято в те времена, бывал в публичных домах, платил женщинам причитающееся им, но так и не смог переступить через моральные запреты и ограничивался с женщинами лишь разговорами. Вот одна наиболее полная запись из дневника о посещении публичного дома в Париже, помеченная 17 мая 1868 года:

> «Там я только сидел и разговаривал с турчанкой по имени Фернанда, в то время как Э. развлекался в другой комнате. Впрочем, она была из всех самая хорошенькая; мы разговаривали о Константинополе, ее родном городе, об иллюминации, устраиваемой в честь дня рождения Магомета; она была очень настойчива в отношении „pour fair l’amour“, но я сказал ей, что зашел сюда, чтобы поговорить и только. Заходите еще, пригласила она, но не завтра, у меня завтра выходной. Бедная женщина»[216].

И добавим: бедный писатель! Будем тем не менее уважать его волю. Что касается женитьбы, Андерсен предельно полно объяснил нам свою ситуацию в сказке. Он слишком долго медлил, пока не понял, что она, как он считал, уже потеряла смысл. «Мотылек выбирал слишком долго, а это не дело»[217].

И еще одна ироничная и немного грустная сказка «Чайник» (1865) — о смысле творчества и доле художника. Главный герой ее гордился собой и фарфором, из которого был сделан. И еще длинным и изящным носиком, которого ни у одной вещи, кроме него, в чайном сервизе не было (как не вспомнить при этом о выдающемся, почти гоголевском носе Андерсена!). Сахарница и сливочник — это всего лишь слуги приятного вкуса, в то время как чайник своими китайскими листьями в кипятке дарит жаждущему человечеству благодать. Но вот случилось несчастье. Изящная рука, державшая чайник, дрогнула, уронила его, и носик, ручка и крышка того разбились, после чего его отдали одной бедной женщине. Как ни странно, но у чайника после этого началась новая и лучшая жизнь. Его набили землей, а внутрь посадили луковицу,

проросшую мощным и прекрасным цветком. Чайник был счастлив, хотя счастье его продлилось недолго. Кто-то сказал, что такой красивый цветок заслуживает горшка получше, после чего чайник разбили надвое, а черепки выкинули во двор. Там они и легли без дела, но «с воспоминаниями, которых никто у них не отнимет!»[218].

Символическое иносказание было любимейшим инструментом Андерсена, но он мог прекрасно обходиться и без него. Особенно характерно это для его чисто юмористических сказок, главную роль в которых играли фантазия и преувеличение. В качестве примера приведем остроумнейшую сказку «Домовой и хозяйка» (1868).

Семинарист Киссеруп, гостивший у своей тети, жены садовника, высоко ценил ее поэтический дар. Он утверждал, что у нее есть талант к поэзии, в то время как садовник говорил, что главное для женщины — это вальяжное тело и еще ей следует следить за горшками в печке, чтобы каша не пригорала! Как-то семинарист погрузился в разговор с хозяйкой о ее поэтическом таланте. Особенно нравилась ему одна строка: «Земля прелестна в праздничном уборе!»

Их разговор тем временем подслушивал домовой, который на хозяйку сердился, потому что считал: она в его существование не верит. Она ведь называла его не более чем абстрактным понятием! То есть не признавала его. В отместку он дул в очаг, отчего пламя вспыхивало и каша у хозяйки убегала. И еще ему нравилось дразнить пса: домовой сидел на поленнице и болтал ногами: псу на цепи все равно его не достать. Он также проделывал дырки в носках хозяина, добавляя его жене хлопот, и открывал дверь в кладовку, пропуская кошку, которая лакомилась там кипяченными сливками. При всей начитанности не худо бы садовнице выказать ему немножко внимания и

уделять в сочельник хоть ложечку каши. Кошка, прочитавшая его мысли о сливках и каше, облизнулась.

Между тем домовой все внимательнее вслушивался в разговор о поэзии. Садовница как раз излагала свои принципы сохранения языка, руководствуясь которыми, избегала иностранных слов и вместо «бульон» и «филей» использовала родные «навар» и «вырезка». Она мельком коснулась своего стихотворения «Малютка-домовой». Как раз о его проказах. Семинарист прочитал стихотворение вслух. Домовой навострил уши, он не ожидал услышать о себе ничего хорошего, но, когда узнал из стихотворения о силе и величии домового и о его власти над хозяйкой — это был, конечно, всего лишь поэтический образ, но домовой воспринял его буквально, — расплылся в довольной улыбке и признал, что был к садовнице несправедлив. Так закончились для кошки счастливые денечки в кладовке садовницы.

Еще более смешную и изобретательную по манере исполнения сказку Андерсен написал в предпоследнем году своей жизни. Это — «Блоха и профессор» (1873).

В этой сказке и блоха — не блоха, и профессор — не профессор, так они просто называются. Блоха, наделенная человеческими чертами, постоянно то увеличивается, то уменьшается, а профессор получил свое имя благодаря импозантному виду и тому, что выступал с блохой в цирке.

Он был сыном настоящего воздухоплавателя, которому не повезло: его шар лопнул на высоте и он разбился, однако успел выбросить из корзины своего маленького сына, который спустился на парашюте и остался цел и невредим, а потом выучился и узнал о воздухоплавании столько, что свободно мог бы управлять шаром. Только денег на покупку шара у него не было.

Со временем из мальчика получился стройный и видный молодой человек, который умел говорить, не шевеля губами, то есть заниматься чревовещанием. Он умело использовал свой талант и стал разъезжать по городам и весям, показывая фокусы в цирках вместе со своей молодой женой. Любимым из них был фокус с исчезновением жены, которая на самом деле пряталась в потайном ящике тут же на сцене. Так продолжалось долгое время, пока в один прекрасный день жена по-настоящему не исчезла. Профессор не нашел ее ни в потайном ящике, ни на сцене, ни за сценой. А без нее Профессор приуныл, представления у него не получались, одежда обветшала, сборы прекратились. И он бы пропал, если бы не блоха, доставшаяся ему в наследство от жены. Она его утешила, выучилась искусству и стала выступать вместе с ним, отчего сборы на спектаклях сразу же выросли. Она и Профессор договорились, что никогда не расстанутся, блоха останется незамужней, а Профессор вдовым. Вдвоем они объездили все страны мира, кроме Страны Дикарей, но наконец приехали и туда. Страной Дикарей тогда правила маленькая принцесса, отобравшая власть у отца и матери. Увидев, как блоха берет ружье на караул, она тут же в нее влюбилась, посадила на свою ладошку и решила, что теперь страной они будут править вместе. А Профессора они оставили лежать в гамаке и отдыхать. Кормили его вкусно и сытно свежайшими птичьими яйцами, глазами слона и седлом жирафа, пока ему это не надоело, и он решил бежать, вызволив, конечно, из плена свою напарницу. Пообещав отцу принцессы сделать ему пушку, от выстрелов которой птицы падали бы на землю жареными, он выпросил у него материалы для ее строительства: шелк, канаты и желудочные капли для раздувания, чтобы выстрел из орудия гремел громче. Изготовив из материалов воздушный шар и хитростью посадив в него

блоху, Профессор благополучно улетел из Страны Дикарей, и с тех пор артисты ездили из города в город и из страны в страну по железной дороге первым классом, вместо четвертого. «Теперь у них был хороший заработок и большой воздушный шар. И никто не спрашивает, как они его раздобыли, откуда он у них, ведь блоха и Профессор — почтенные, всеми уважаемые господа»[219].

> «История „Калека“ — одна из последних, — пишет Андерсен в „Примечаниях“ к пятому тому прижизненного собрания „Сказок и историй“, — я думал даже, что она будет самой последней — и так как принадлежит, на мой взгляд, к числу лучших, и к тому же является своего рода прославлением сказки, то годилась бы, пожалуй, для заключения всего собрания»[220].

Герой этой сказки (1872) — подросток из бедной крестьянской семьи, старший из пятерых детей, был живым и подвижным ребенком, пока не заболел и у него не отнялись ноги, и вот уже пятый год он лежал в постели. В остальном Ханс был смышленым и умным мальчиком, очень любившим читать.

Молодые хозяева поместья, в саду которых работали родители Ханса, ежегодно на Рождество собирали у себя бедных детей местной округи, угощали их и раздавали им подарки. И поскольку Ханс в имение сам прийти не мог, они прислали ему книжку сказок и легенд, из которой мальчик прочитал своим родителям, постоянно роптавшим на то, что богатым достается все, в то время как работники не получают почти ничего, две сказки-притчи. В первой из них дровосек и его жена кляли Адама и Еву за то, что те, ослушавшись Божьей воли, съели яблоко, в результате чего род людской был

обречен на муки. Случилось так, что мимо проезжал король, который, зная о их недовольстве, пригласил их пожить у него во дворце. Но он поставил перед ними условие. Каждый день им будут приносить обед из семи блюд, к которому прибавлялось еще одно — в закрытой чаше. Крышку с нее нельзя было снимать ни в коем случае. Прошло какое-то время, и любопытная жена дровосека все-таки чуть-чуть, но приподняла крышку. А из-под нее юркнули наружу две мыши, тут же скрывшиеся в щели. После этого король отправил дровосека и его жену домой: пусть живут, как знают, и не клянут впредь Адама и Еву. В них такая же тяга к ослушанию и неблагодарность!

Но и сильные мира сего далеки от счастья. Об этом поведала родителям Ханса вторая прочитанная им история. Жил-был король. И на него напала хворь, излечить которую можно только с помощью рубашки, изношенной человеком, который мог бы сказать о себе, что он не знает ни скорби, ни печали. Король разослал по всем странам и весям гонцов с наказом отыскать такого человека. Но тот никак не отыскивался.

Как-то, проезжая по дороге, король заметил на обочине веселого свинопаса. В ответ на заданный вопрос тот сказал, что в жизни не знал ни скорби, ни печали. Тогда король попросил свинопаса отдать ему свою рубашку, пообещав за нее полкоролевства. Свинопас засмеялся и ответил, что с удовольствием отдал бы ее, если бы она у него была.

Родителям Ханса прочитанные истории очень понравились. Тут мимо их дома проходил учитель и они рассказали ему, как развеселил и утешил их сын. С тех пор учитель стал чаще заходить к ним и беседовать с мальчиком. Он рассказал о Хансе молодым хозяевам поместья, и те прислали ему в подарок певчую птичку в клетке. Родители были недовольны. Мало им забот, так теперь еще за птичкой ухаживай! Ее непременно

задушит кошка! Так почти и случилось. Однажды, когда родители ушли из дома, она зашла в комнату и нацелилась, чтобы схватить птичку. А Ханс ничего поделать не мог, он ведь не передвигался без посторонней помощи. Кошка все ближе подбиралась к клетке и, наконец, прыгнула. И тут неожиданно для самого себя Ханс метнулся, схватил клетку и выскочил за дверь. Так он обнаружил, что может ходить и даже бегать. В тот же благословенный день он решил стать переплетчиком, чтобы читать много-много книг, о чем рассказал учителю. Тот в свою очередь передал все помещикам, и те решили за свой счет послать мальчика учиться за границу. Отец Ханса до такой степени обрадовался, что подумал: нет, такого в жизни вообще не бывает, такое случается только в книжке, которую для них читал сын.

Сказка Андерсена недвусмысленно призывала к социальному миру. И тому были свои причины. В Копенгагене назревало недовольство рабочих, и политики-социалисты стали вести среди них пропаганду, рабочий класс начал организовываться. Андерсен чутко улавливал настроения населения. Осенью 1858 года к нему обратились с просьбой прочитать в недавно организованном Рабочем союзе лекцию, и он первым среди писателей выступил с лекцией о литературе и чтением сказок. Хотя, как писал он в «Сказке моей жизни», людская толпа неизменно вызывала у него страх и, как бы отуманивая рассудок, лишала воли. «Тем не менее встречают меня всегда с радостью и провожают с шумными аплодисментами». Приведем начало его лекции, процитированное в автобиографии:

> «В число познавательных чтений, которые проводятся в Рабочем союзе, сочли необходимым включить лекцию, посвященную

искусству поэзии, искусству, благодаря которому мы воспринимаем и познаем Красоту, Доброту и Истину.

В английском Королевском военно-морском флоте через все снасти, большие и малые, пропущена красная нить, показывающая, что канаты эти принадлежат короне. Жизнь всех людей на свете также пронизана такой нитью — невидимая, она указывает, что все мы принадлежим Господу[221].

Находить эту нить в малом и большом, в собственной жизни и во всем, что существует помимо нас, — вот чем призвано помочь нам искусство поэзии, воплощенное в самых различных формах»[222].

Андерсен прочитал еще одну лекцию рабочим в январе 1860 года. Как писал он в связи со своей первой лекцией: «В Копенгагене наступили неспокойные и тревожные времена». Социальное напряжение в среде работного люда разрешилось в конце концов жестоким разгоном митинга на пустыре Нёрре Феллед 5 мая 1872 года, хотя поводом для него послужила, казалось бы, мирная цель сбора средств в помощь бастующим строителям. Руководство отделения Интернационала, насчитывавшего к тому времени в Дании восемь тысяч членов, было арестовано.

Сказка «Калека», вышедшая 23 ноября 1872 года в сборнике «Новые сказки и истории», отнюдь не была написана как отклик на этот конкретный митинг, скорее, она отражает общую реакцию писателя на атмосферу того времени и призывает к смирению и умиротворению. И она не стала заключительной в его пятитомном собрании сказок и историй. Андерсен

написал еще одну, касающуюся его лично: «Тетушка Зубная боль» (1872).

В своей переписке Андерсен не раз жалуется на мучившие его зубы. В конце концов он обзавелся вставными, но боли не утихали, хотя теперь болели уже десны и челюсть.

В последней сказке своего прижизненного собрания автор прибегает к обычному в то время литературному приему: он цитирует записки недавно умершего студента, найденные в бумагах, которые использует лавочник для заворачивания товаров.

Героем этих записок являются, по-видимому, как раз зубы. На них постоянно жалуется покойный автор, ими (белоснежными, но, увы, вставными) щеголяет престарелая тетушка студента, от них у бывшего неудачливого ее ухажера пивовара Расмуссена остались во рту лишь несколько почерневших пеньков. В свое время тетушка закармливала мальчика сладким. Она всячески хвалит его поэтический талант и прочит ему великое будущее. И сама она в прошлом тоже очень мучилась от болевших у нее зубов, за что пивовар Расмуссен и дал ей прозвище «тетушка Зубная боль».

Как-то тетушка и студент возвращались домой из театра. В пути их застал снежный буран, и так как тетушка жила на окраине города, то ей пришлось остановиться на ночь у своего племянника: хозяйка постелила ей в гостиной рядом с дверью его каморки.

В ту же ночь студенту то ли приснился, то ли привиделся в его комнате призрак, «некое создание женского пола». Как раз в этот момент у него разболелись зубы. Создание стало допытываться у студента: не поэт ли он? Если поэт, то она научит его всем размерам страдания. Далее следует мастерское описание зубной боли:

«В челюсть мне будто вонзили раскаленное шило, и я скорчился от боли.

— Великолепные зубки! — сказала она. — Можно играть на них как на органе! Прямо-таки концерт для губной гармоники, да какой грандиозный, с литаврами и трубами, с флейтой пикколо, а тромбон пусть гудит себе в зубе мудрости! Великому поэту — великая музыка!

И она заиграла! Вид у нее был ужасный, даже если я видел одну лишь ее руку, призрачно-серую, ледяную, с длинными, тощими, как шило, пальцами. Каждый из них был орудием пытки: большой и указательный служили клещами и винтом, средний палец заканчивался острым шилом, безымянный был сверлом, а мизинец — шприцем с комариным ядом.

— Я научу тебя стихотворным размерам! — продолжала она. — Большому поэту — большая боль, а маленькому поэту — маленькая!

— О, пусть я буду маленьким! — взмолился я. — Пусть я вообще не буду поэтом! Да я и не поэт, у меня просто случаются приступы сочинительства, похожие на зубную боль! Уйди же! Уйди!»[223]

Подобный этому приступ зубной боли Андерсен описывает еще в одном своем произведении — «Сказке моей жизни»: он прихватил его, казалось бы, в самый неподходящий момент — вечером 6 ноября 1867 года во время факельного шествия в Оденсе, которое было устроено в честь присуждения поэту звания почетного гражданина родного города:

«Я подошел к открытому окну: яркий свет факелов заливал площадь, она была

переполнена. Люди запели песню, душа моя воспарила, но телесно я ужасно страдал и, таким образом, не мог насладиться этим высочайшим моментом счастья всей моей жизни. Зубы болели невыносимо, холодный воздух, врывавшийся через окно, заставлял боль пульсировать с ужасающей силой, и вместо того, чтобы насладиться блаженством этих минут, которые никогда больше в моей жизни не повторятся, я смотрел в напечатанный текст песни и считал, сколько еще строк осталось пропеть и скоро ли я избавлюсь от пытки, которой подвергал меня сквозняк, обострявший зубную боль. В тот момент, когда боль усилилась до предела, песня закончилась, брошенные в костер факелы еще раз ярко вспыхнули и погасли — и вместе с ними исчезла зубная боль. Ах, как же я был благодарен этому мгновению!»[224]

Что хотел сказать этим Андерсен и в первом, и во втором случае, каждый из которых был для него по-своему итоговым? Что поэзия мучила его, как зубная боль? Вряд ли. Он писал стихи легко и с удовольствием. Или что она приобрела над ним власть, повлиять на которую он не мог? И была неизбежна и владела им, как зубная боль? Наверное.

Глава одиннадцатая
о пьесах Андерсена

В своих сказках и историях Андерсен писал обо всем на свете, в том числе и о театре. Размышлениям о нем посвящена сказка «Кукольник» (1850), вошедшая в девятую главу его книги «В Швеции» — сборника эссе о путешествии писателя в эту страну в июне — июле 1849 года.

На борту парохода, идущего через пролив, автор повествования знакомится с человеком, лицо которого показалось ему очень довольным, если не совершенно счастливым. На вопрос, что тому причиной, незнакомец, оказавшийся датчанином и директором кукольного театра, чистосердечно признался, что прошел «чистку». И рассказал автору удивительную историю, приключившуюся с ним в Слагельсе, где Андерсен в свое время учился в гимназии. Кукольный спектакль его нового знакомого проходил на почтовом дворе при большом стечении детей и молодежи, среди которых выделялся человек в черном, который кстати смеялся и кстати аплодировал — идеальный зритель! При ближайшем знакомстве им оказался кандидат наук из политехнического учебного заведения в Копенгагене, присланный в провинцию, чтобы просвещать ее жителей. После представления он показал директору некоторые свои опыты, из которых тот вывел для себя, что «во времена Моисея и пророков такой ученый кандидат непременно прослыл бы мудрецом, а в Средние века его бы сожгли»[225]. На следующий день директор и кандидат опять встретились за бутылочкой и заговорили о науке. Правда, говорил больше директор, а кандидат отвечал на его вопросы, хотя на

некоторые из них и он ответить не мог. Почему кусок железа, пройдя через спираль, намагничивается? (Андерсен не зря много беседовал с Эрстедом.) «То же самое происходит с людьми. Господь, наверное, бросает их в спираль времени, и на них снисходит гений, глядишь, и перед нами Наполеон, Лютер или еще кто вроде того»[226].

За разговором директор поведал кандидату о своей мечте. Он хотел бы руководить не куклами, а настоящими живыми артистами. Кандидат засомневался: вряд ли это принесет его собеседнику успех. Но попробовать стоит. И он сыграл роль античного бога: сложил куклы в сундук, повесил его директору на спину и попросил того прыгнуть сквозь спираль. Комнату осветила вспышка, и директор мгновенно превратился в руководителя труппы настоящих актеров, после чего они стали предъявлять ему всевозможные претензии, большей частью совершенно вздорные. Танцовщица объявила, что, если она не будет во время спектакля стоять на одной ноге, провал представлению обеспечен. Кукла, игравшая императрицу, желала править не только на сцене, но и за кулисами. Фигурант, исполнявший проходные роли, стал претендовать на главную. А главный герой потребовал, чтобы вся его речь состояла только из заключительных реплик. Когда директор, разгневавшись, заявил куклам, что они всего лишь марионетки, они набросились на него и поколотили.

Кукольник не скоро очнулся: он лежал на полу, куклы были рассыпаны. И тогда он заявил им: «Никогда больше не пожелаю, чтобы вы обрели плоть и кровь!» После этого он снова стал счастливым человеком. И с успехом ездил со своими спектаклями по Дании, а теперь вот будет ездить еще и по Швеции!

В сказке-притче Андерсен, по-видимому, пытается объяснить себе и читателю, почему он предпочел театру писательство. В театре слишком многое зависит от обстоятельств: капризов актеров, директоров, режиссеров и влиятельных лиц. В то время как в литературе он получает способность творить свою волю, и исполнители ее не смеют ему перечить.

Но все-таки Андерсен всем сердцем любил театр. И посвятил ему историю «Тетушка» (1866) — о старой деве и завзятой театралке, знавшей каждую пьесу, кулису и всех актеров. По-настоящему тетушка жила лишь девять месяцев театрального сезона, а стоимость аренды жилья и его расположение в городе оценивала по расстоянию до театра (как, впрочем, и сам Андерсен, всю жизнь проживавший на съемных квартирах). Тетушка дружила с господином Сивертсеном, машинистом сцены, сообщавшим ей театральные сплетни. Однажды она провела на вечерний спектакль своего приятеля, поверенного Хамма, на верхний ярус. А он возьми и засни. И проспал там до утра. А потом рассказал тетушке, что увидел ночью. Давали вовсе не «Соломонов суд»[227], а «Страшный суд на театре». У дверей стояли капельдинеры, и все зрители вместо билета предъявляли им расчетную книжку своей души, и только тогда их впускали в зрительный зал — в намордник или без оного. Однажды в театре случился пожар, но тетушка вела себя мужественно, и ее спасли. После ее смерти осталось 500 ригсдалеров, она завещала их одной достойной старой деве, оговорив условие, чтобы та посещала спектакли каждую субботу, сидела в ложе третьего яруса на левой стороне и всякий раз вспоминала о ней. «Ведь театр был для тетушки религией»[228].

Возможно, даже большее значение имел он и для Андерсена. Напомним, что первое здание, к которому он

направился, впервые оказавшись в датской столице, был Королевский театр, и в первый раз его имя появилось в напечатанном виде на театральной афише балета «Армида», в котором он появился в апреле 1821 года в эпизодической роли Тролля. Выше уже рассказывалось о первом театрально-драматургическом успехе Андерсена — водевиле «Любовь на башне церкви Святого Николая, или Что скажет партер» и его постановке в Королевском театре в апреле 1829 года.

Как пишет Андерсен в автобиографии «Моя жизнь как сказка без вымысла», более десяти лет с конца 1828-го по 1839 год он жил только тем, что приносили ему его сочинения. Он берется, и не без удовольствия, почти за любую работу — лишь бы она была связана с театром. В октябре 1831 года Королевский театр ставит водевиль «Корабль», под этим названием Андерсен перевел и переработал для сцены пьесу Эжена Скриба «Карантин»; в октябре следующего года на сцене того же театра идет опера Йохана Петера Эмилиуса Хартмана «Ворон» с подготовленным Андерсеном либретто по трагикомической сказке Карло Гоцци. Тогда же в мае выходит из печати либретто «Ламмермурской невесты» по роману Вальтера Скотта, заказанное композитором Иваром Фредериком Бредалем. Спектакли этой оперы имели некоторый успех, после чего один из покровителей юного Андерсена композитор Вайсе попросил его написать либретто для оперы по роману Вальтера Скотта «Кенилворт». Андерсен не мог ему отказать — ведь именно Вайсе собрал для него в свое время столь необходимые для провинциального паренька деньги, когда он с мечтами о театральной карьере явился в столицу.

В этой работе не обошлось без курьеза. Уезжая в путешествие, Андерсен разрешил Вайсе вносить в текст необходимые изменения, и тот ничтоже сумняшеся

изменил в либретто концовку: согласно ей, героиня романа Эми Робсар[229] благополучно соединяется с графом Лестером. Андерсен вспоминал об этом эпизоде в «Сказке моей жизни»: «У Вайсе, этого замечательного человека, была одна особенность: он никогда не дочитывал книги, если подозревал, что конец ее печален. „Зачем же делать людей несчастными, если можно устроить их счастье одним росчерком пера?“ — говорил он. „Да ведь это противоречит истории! — возражал я. — И, кроме всего прочего, как же мы поступим тогда с Елизаветой?“ — „А она может сказать: Великая Англия, я твоя“, — ответил он»[230]. Опера под названием «Праздник в Кенилворте» была поставлена в Королевском театре в январе 1836 года и принята сдержанно (она шла в театре при жизни Андерсена всего семь раз). Естественно, за промахи и недостатки в ней досталось не Вайсе, а Андерсену. К марту 1833 года он также подготовил переложение на датский язык популярной пьесы Жана Франсуа Байара «Королева шестнадцати лет» (об английской «девятидневной королеве» Джейн Грей, правившей с 10 по 19 июля 1553 года). Спектакль был поставлен в Королевском драматическом театре и прошел на сцене 44 раза — большой успех для того времени. Андерсен написал также на основе датской народной баллады «Рыцарь Сверкер» либретто одноактной оперы «Маленькая Кирстен», музыку для нее сочинил Хартман. Спектакль давали 65 раз еще при жизни Андерсена, идет он на сцене и поныне.

Кроме того, Андерсен создавал и свои собственные драматургические произведения: водевили «Испанцы в Оденсе» и «Двадцать пять лет спустя» (изданы и поставлены только в январе 1836 года в рамках общего спектакля «Расставания и встречи») и уже упоминавшуюся драматическую поэму «Агнете и

Водяной» в двух частях (1833), постановка которой в Королевском театре в 1843 году с треском провалилась, подтвердив тем самым сложившееся о ней всеобщее мнение как о неудачной.

Драматургическую деятельность Андерсена в 1830-е годы нельзя назвать иначе как лихорадочной. И, соответственно, излишне поспешной, с чем Андерсен косвенно соглашается, объясняя быстрый темп работы над пьесами сугубо денежными причинами. В «Сказке моей жизни» он без обиняков признается: «Писать для сцены является для каждого писателя наиболее выгодным во всех отношениях полем деятельности. Вот почему я, находясь в крайности, брался за либретто, из-за которых меня так бранили, а также за водевили». Там же, в воспоминаниях, еще более приземленно Андерсен писал: «Драматические вещи лучше всего оплачиваются, а ведь без денег не проживешь»[231].

Наибольший успех у современников снискала ему пятиактная драма в стихах «Мулат», написанная по мотивам рассказа «Обломки» Фанни Рейбо (1802–1871), популярной в XIX веке французской писательницы. Андерсен обнаружил эту новеллу в мартовском номере журнала «Ревю де Пари» за 1838 год. Он восторженно писал Хенриетте Ханк 4 ноября: «Эта вещь совершенно не театральная, в ней лишь чистые человеческие чувства; моя „простая кровь“ и „благородное я“, отлитые в гибкий стих, решат, буду ли я работать для сцены дальше или же продолжу писать романы».

Действие пьесы происходит во французской Вест-Индии. Ее главному герою мулату Горацио, получившему образование в Париже, приходится выбирать между женой жестокого плантатора Элеонорой, чувственно влюбленной в него, и ее воспитанницей Сесилией, которая выходит за него замуж, тем самым спасая от смертной казни, на

которую он обрек себя тем, что дал у себя убежище нескольким беглым рабам и осмелился, защищаясь, оказать сопротивление белому человеку. Андерсену хорошо удалось передать экзотическую (и отчасти эротическую) атмосферу действия и противоречивость социальной роли героя, находящегося в пограничной (знакомой писателю) ситуации между миром «примитивных» черных и обществом «цивилизованных» белых людей. Немалую долю в успех постановки вложила госпожа Хейберг, блестяще исполнившая роль Сесилии (хотя драма, как она признавалась, ей не нравилась).

Пьеса не сразу была принята к постановке. Против нее в приемной короля публично высказался один из высших сановников государства, только что прибывший из датской Вест-Индии. Пьеса, по его мнению, могла пагубно сказаться на настроениях тамошних жителей. Но никто и не собирается показывать им спектакль, возражали ему, спектакль состоится в Копенгагене. К тому же Андерсен предусмотрительно не переносил действия рассказа в датскую колонию, оно происходит во французских владениях на Мартинике, как в оригинале у автора рассказа. Против пьесы выступил также один из трех директоров Королевского театра Кристиан Мольбек, назвавший в своем отзыве главного героя «сентиментальным краснобаем». Однако мнение двух других директоров театра его возражение перевесило, и за пьесу, как сообщает Андерсен в «Сказке моей жизни», вступилось одно неназванное им «высокопоставленное лицо», которое посчитало «невольнический рынок» во втором акте пьесы весьма «эффектной, новенькой и неизбитой» сценой. Понравилась пьеса и наследному принцу Кристиану и его жене, которым Андерсен лично прочитал ее за два дня до назначенной на 3 декабря 1839 года премьеры.

Андерсен написал к книжному изданию драмы следующее посвящение:

> Ты снизошел к творенью моему,
> В нем духа я победу воспеваю,
> Ты в Боге духа чтишь, а посему
> Тебе, король, я песню посвящаю[232].

Поскольку драма в книжной форме вышла только 5 февраля 1840 года, следует считать, что посвящение адресовано новому датскому королю Кристиану VIII. Ибо произошло непредвиденное. В день премьеры умер король Фредерик VI, в стране был объявлен двухмесячный траур, и премьера спектакля состоялась только 3 февраля 1840 года. Спектакль имел шумный успех и был сыгран при жизни Андерсена не менее двадцати раз, а заработанные на нем деньги позволили автору совершить самое длительное в его жизни путешествие, конечным пунктом которого стал Константинополь, где не бывал еще ни один крупный датский писатель. Кроме того, пьесу быстро перевели, и она была с большим успехом поставлена на сцене стокгольмского Королевского театра в Швеции, где за неделю до премьеры, состоявшейся 22 марта 1841 года, Андерсен находился, как уже говорилось, в гостях у барона Врангеля. Годом раньше в Сконе шведские студенты из Лундского университета устроили Андерсену восторженную встречу. Писателя принимали в Швеции так хорошо, что он заподозрил своих датских коллег в зависти. Так, например, однажды Хейберг иронически попросил Ханса Кристиана сопровождать его, когда он в следующий раз поедет в Швецию. Андерсен тут же нашелся и предложил авторитетному драматургу взять с собой свою красавицу-жену, тогда он добьется желанного много легче.

Примерно через два года, во время своей весенней поездки за границу, Андерсен посетил в Париже французского писателя и журналиста Ксавье Мармье (1808–1892), в будущем члена Французской академии, знакомство с которым, состоявшееся летом 1836 года в Копенгагене, заслуживает особого упоминания. Судьба молодого писателя заинтересовала тогда журналиста, завзятого путешественника[233] и человека энциклопедических знаний, только что приступившего к освоению новейшей скандинавской литературы и интересовавшегося скандинавскими древностями. С самого начала Мармье обратился в Копенгагене к Эленшлегеру, а тот познакомил его с Андерсеном. Молодые тогда еще люди понравились друг другу, и на основе интервью с Андерсеном Мармье напечатал в самом известном французском журнале «Ревю де Пари» статью о нем «Жизнь поэта» (1837), впоследствии вошедшую в его монографию «История литературы в Дании и Швеции» (1839). Статья Мармье буквально через месяц была перепечатана в Германии, а затем и в других европейских странах, в том числе в 1838 году в пересказе и в России в журнале «Библиотека для чтения», что явилось первым известием об Андерсене, появившимся в русской печати. Андерсен был прекрасно осведомлен о творческих планах Мармье (возможно, он даже предоставил ему свои автобиографические записки) и в письме от 1 декабря 1837 года пересказал его статью Хенриетте Ханк:

> «Мармье говорит сначала о борьбе гения вообще, называет нескольких родственных мне по духу поэтов, описывает нашу первую встречу, мою наружность, мою каморку и затем заставляет меня рассказывать ему свою юность! Отсюда он переходит к моим произведениям и ставит выше всего стихотворения и роман „О.

Т.“. Оканчивается статья стихотворным переводом моего стихотворения „Умирающее дитя“. Итак, мое имя пошло теперь гулять по свету лет на сто!»

На одном из званых вечеров в доме Мармье Андерсен познакомился с автором новеллы «Обломки» Фанни Рейбо, рассказал ей о постановке «Мулата» и о том, что пьеса имела успех. Рейбо приглашала его на свои вечера, была чрезвычайно любезна и, как отметил Андерсен в дневнике 25 марта 1843 года, даже похвалила его французский язык, на котором, как известно по многочисленным свидетельствам знакомых поэта, он говорил неважно.

Тем не менее в бочке меда оказалась и ложка дегтя. Отчасти виноват в этом был сам писатель. Впоследствии он наивно объяснял в «Сказке моей жизни», что все страницы книжного издания «Мулата» оказались заняты текстом пьесы и упоминание о первоисточнике было просто некуда поместить. Однако подзаголовок книги ясно гласит, что перед читателем «Романтическая драма собственного сочинения в 5 актах». Поскольку спектакль продолжал собирать полный зал, в дележе пирога решили принять участие и издатели, и рассказ Фанни Рейбо под ее же именем был переведен на датский язык и напечатан в одном из копенгагенских журналов, о чем конечно же сообщили Андерсену. Писатель не замедлил усмотреть в публикации еще один личный выпад против него — ведь в прессе не раз уже высказывалось мнение, что он способен лишь переделывать чужие произведения. Чтобы опровергнуть эти наветы, он написал трагедию «Мавританка» и в августе того же года передал ее рукопись дирекции Королевского театра, где она была немедленно принята к постановке, премьера была запланирована на 18 декабря того же года. За день до

передачи рукописи в дирекцию Андерсен поговорил о пьесе с Хейбергом, которому драма решительно не понравилась. Его жена также играть предложенную ей роль мавританки Рафаэлы отказалась, она сочла ее характер слишком «мужеподобным». В «Моей жизни как сказке без вымысла» Андерсен подробно рассказывает, что он долго упрашивал госпожу Хейберг:

> «Я ведь знал, что как бы хорошо ни была эта роль написана, если фру Хейберг не будет ее играть, публика в театр не пойдет. Я сказал ей это и стал просить ее, сказал, каким ценным стал бы для меня духовный опыт, почерпнутый из нового путешествия, которое не состоится, если постановка пьесы провалится или даст небольшие сборы. Я считал бы ее выход в этом спектакле в главной роли, которая ей не нравилась, как оказанное с ее стороны величайшее благодеяние, и обещал, что никогда не забуду оказанную таким образом услугу и буду благодарен ей всю оставшуюся жизнь»[234].

Тем не менее Хейберг осталась в своем отказе тверда. В результате роль передали другой актрисе, а Андерсен испортил отношения с Хейбергами, открыто и крайне неосторожно выражая неудовольствие супругами в свете. Он стал подозревать, как ему казалось, организованное в обществе противодействие спектаклю и едва не впал в депрессию, от которой его спасло принятое по совету ближайших друзей решение как можно скорее отправиться в путешествие за границу. Возвращаться домой из конечного его пункта, Константинополя, Андерсен решил не морским путем, а вверх по Дунаю до Вены, через охваченные народными

волнениями земли. Ханс Кристиан вполне понимал рискованность такого маршрута, но любопытство все же опасения пересилило.

Письмо Эдварда Коллина от 1 января 1841 года с известием о состоявшейся премьере «Мавританки» застало Андерсена в Риме: спектакль не стал провальным, чего автор пьесы к тому времени уже стал опасаться, но принят был сдержанно и прошел всего три раза, принеся автору около 300 ригсдалеров (от постановки «Мулата» Андерсен выручил примерно тысячу). Как сообщал Эдвард, никто из рецензентов спектакль особенно не ругал, внимание всех было приковано к новой книге Хейберга.

Отправитель письма не стал портить настроение другу, что непременно случилось бы, напиши он о ней подробнее. Книга состояла в основном из стихотворной «апокалиптической комедии» «Душа после смерти» (1841), в которой нашлось место и для выпада против Андерсена. В одной из ее сцен привратник Ада Мефистофель предупреждает неприкаянную Душу, не пропущенную уже ни в христианский рай, ни в языческий элизиум, что ее ожидает в аду, то есть в обывательском Копенгагене: там идут сейчас в театре «Мулат» и «Мавританка». По возвращении в Данию, ознакомившись с книгой Хейберга, Андерсен понял, что слухи о его полном уничтожении хейберговской сатирой сильно преувеличены, и дал ее автору достойный ответ. В «Базаре поэта» (1841), книге о недавнем путешествии на Восток, выгодно отличающейся от других его путевых эссе своей живописностью, Андерсен описывает, как во время карантина, который задержал его в Оршове (город в Румынии на берегу Дуная), автору записок привиделся сон: он, как и Хейберг, тоже оказался в аду, где и в самом деле в театре шли две его пьесы. Там же, в аду, среди грешников прошел слух, что сверх «Мулата» и «Мавританки» в тот же вечер будут

давать еще пьесу Хейберга «Фата Моргана», против чего несчастные активно запротестовали: «Нельзя слишком разогревать даже ад, нужно знать меру!»

Андерсен отлично понимал, сколь многим был обязан Хейбергу — ведь тот в свое время, начав его печатать и продвигать, фактически вывел молодого писателя на более высокий уровень литературного общения с современниками. Тем не менее после размолвки, вызванной разногласиями по поводу «Мавританки», отношения между писателями поддерживались главным образом светски-дипломатические. Это не помешало Хейбергу, наделенному тонким литературным вкусом, по достоинству оценить романтическую драму «Грезы короля», предложенную Андерсеном Королевскому театру анонимно, — Хейберг не сразу распознал ее автора.

Андерсен уже обращался в своем творчестве к фигуре датского короля Кристиана И, одной из самых колоритных во всей датской истории, и к «графской распре» в борьбе за власть во время семнадцатилетнего заточения Кристиана в замке Сеннерборг (после чего король еще десять лет просидел в замке Калуннборг, где, правда, подвергался меньшим ограничениям свободы). Как уже упоминалось, после первых литературных успехов Андерсен в 1830 году предпринял небольшое путешествие по Ютландии, чтобы познакомиться с местами, где должно было развернуться действие его исторического романа «Карлик короля Кристиана II». Однако тогда из его планов ничего не вышло.

Одноактная драма «Грезы короля» состоит из четырех картин. Первая, «рамочная», обрисовывает обстановку темницы в замке, где заключен король: даже дверь в нее замурована, и в узилище ведет люк в потолке; здесь король живет лишь в обществе старого

верного солдата, который прислуживает ему. Во второй картине воссоздаются воспоминания спящего короля: это сцена знакомства его, тогда еще наследного принца, с дочерью голландской трактирщицы Дивеке, во время которой он принимает решение навсегда (в любви, но не в супружестве, которое должно быть политическим) соединить свою судьбу с ней. В третьей картине описывается сцена отравления Дивеке монахом, выполняющим волю оппозиционного дворянства и духовенства (датская церковь была лишена Кристианом II привилегии апеллировать по любому вопросу к римскому папе), а в четвертой перед нами снова королевская темница: заключенного в ней короля посещает неизвестный рыцарь, на самом деле его двоюродный брат, победивший в междоусобной борьбе за власть, Кристиан III. Он великодушно переводит престарелого заключенного в замок Калуннборг, где обещает ему большую свободу передвижений (вплоть до занятий рыбалкой и охотой) и сносные условия жизни.

Самое поразительное в пьесе, что, несмотря на сравнительно небольшой объем, она вполне достоверно рисует образ короля таким, каким видит его в общих чертах датская историографическая традиция. Король Кристиан II (1481–1559, правил Данией и Норвегией с 1513 года, Швецией — с 1420 по 1423 год) мальчиком действительно воспитывался в доме копенгагенского бюргера Ханса Переплетчика, он и в самом деле стремился, опираясь на состоятельных горожан и крестьян, держать в узде своевольное дворянство, высшую знать и церковь. Его устремления были направлены на восстановление единства трех скандинавских государств в форме личной королевской унии, установленной в свое время великой королевой Маргрете (1353–1412). При этом он строил долгосрочные планы ослабления Ганзейского союза и

развития торговли и хозяйства Дании, Норвегии и Швеции. Король охотно перенимал новшества, заведенные в соседней Голландии, и выступал против законов, позволявших торговлю людьми. Неудивительно, что и в своей стране, и в Норвегии, и в фактически завоеванной им Швеции Кристиана II встречало яростное сопротивление дворянства, которое он подавлял с беспощадной жестокостью, не выбирая средств. Так, на четвертый день праздника его шведской коронации он закрыл все двери Стокгольмского королевского замка, арестовал шведских гостей и незаконно осудил и казнил более восьмидесяти из них (по другим источникам — более ста) в один день, прославившись своей «стокгольмской кровавой баней», как прозвали эту расправу, на всю Европу. В свою очередь, его дядя Фредерик I, избранный датской знатью королем, схватил Кристиана II во время переговоров, на которые тот пошел после того, как исчерпал свои финансовые и военные ресурсы, и вероломно заключил в тюрьму, из которой узника освободила лишь смерть.

Увлеченный драматичностью описываемых в пьесе событий, а также ее новаторской формой (она во многом предвосхищала приемы символистской и экспрессионистской драматургии конца XIX — начала XX века), Хейберг сам поставил «Грезы короля» в Королевском театре (премьера состоялась 14 февраля 1844 года, и спектакль прошел в театре при жизни Андерсена 14 раз) и сам же весьма положительно отрецензировал ее в своем журнале (что в то время практиковалось). Тем не менее, несмотря на успех пьесы, Андерсен долго не раскрывал ее авторства.

Точно так же он поступил и с самой успешной из своих пьес «Новая „Комната роженицы“» (1845), которую создал, взяв за образец комедию Людвига Хольберга «Комната роженицы» (1723). В ней великий

датский сатирик описывал различные характеры и типы персонажей, приходящих поздравлять роженицу с младенцем, а центральный момент интриги составляют сомнения ее мужа в своем отцовстве. В конце концов, конечно же ситуация разрешается наилучшим образом. В комедии Андерсена народившееся дитя — это поэтическое сочинение состоятельного господина Есперсена, автора многих бездарных произведений, который наконец-то написал что-то удачное. Сочинителя приходят поздравлять «с новым детищем» самые разные по социальному положению люди, его жена гостеприимно приглашает их в столовую позавтракать. Одной из первых приходит дама, привлеченная в дом известностью хозяина как поэта, она хочет, чтобы он написал посвящение в стихах ее умершей тете; та, правда, оставила свое добро чужим людям, но все-таки заслуживает уважения, а у нее, племянницы усопшей, доброе сердце, почему она и хочет оплакать тетю в стихах и даже готова за них заплатить. Вторым в дом является рабочий с канатной фабрики, у него противоположное предложение: он хочет, чтобы поэт купил у него комедию — глядишь, она принесет ему деньги! Затем к Есперсену приходит барон — чтобы поразглагольствовать о развращенности простонародья, о газетах с грязными сплетнями, о «низвержении» благородного сословия, прискорбном подведении людей всех чинов под общий уровень и т. д. и т. п. Поздравляет автора и молодая пара, собирающаяся пожениться и пришедшая к Есперсену, чтобы выяснить, как отреагируют на их брак в свете: ведь невеста в будущей семье ростом на голову выше своего жениха. Наконец, являются в дом и прямо заинтересованные в публикации посетители: художник, композитор и редактор газеты, все они гадают, как наилучшим образом извлечь из нее для себя выгоду.

Однако самым первым появляется в доме поэта его давний друг, которого все считают давно умершим. Когда-то, много лет назад, он предлагал сестре Есперсена Кристине свою руку и сердце, но был отвергнут ею и ее отцом, после чего с отчаяния уехал в США, выучился на доктора, а потом, так и не найдя себя в новой стране, отправился в Бразилию и женился там на доброй и красивой женщине, которую не так давно похоронил. Теперь же обеспеченным и состоявшимся человеком он возвращается на родину, где всё воспринимается им как родное и близкое. Есперсен и его сестра Кристина едва узнают бывшего друга, но они очень рады его возвращению. Кристина показывает ему последнее творение своего брата, в котором вернувшийся неожиданно узнает свое собственное, им самим написанное произведение, которое оставил в доме друзей на хранение перед отъездом. Как ни странно, он совсем не возражает, чтобы оно появилось в печати за подписью Есперсена. Для него «поэтический период» его жизни, хотя и очень дорогой ему, давно закончен, это пройденный этап. К тому же он продолжает любить Кристину и надеется на взаимность.

Таким очень своеобразным образом преломляется пьеса Хольберга в комедии Андерсена. Как и «Грезы короля», писатель представил ее в Королевский театр анонимно, и она с большим успехом прошла на его сцене (госпожа Хейберг очень изобретательно и пластично сыграла сестру поэта Кристину), после чего автор продолжил комедийную интригу в реальной жизни, о чем поведал в «Сказке моей жизни».

Сразу же после премьеры «Новой „Комнаты роженицы“», 26 марта 1845 года, к нему домой зашел молодой критик. Ханс Кристиан сказал ему: «А я знаю анонима!»

«„Кто же это?“ — спросил тот. „Вы! — воскликнул я. — Вы ведь так взволнованны, и многое из того, что вы сейчас говорили, выдает вас с головой. Не ходите больше сегодня ни к кому больше! Если вы будете хвалить пьесу в том же духе, вас сразу узнают!“ Гость мой совсем смутился, покраснел и, положив руку на сердце, принялся разуверять меня. „Ну, ну, полно вам. Я ведь знаю, что знаю!“ — ответил я, смеясь, и затем извинился перед ним, сославшись, что должен сейчас уходить»[235].

В эти же дни Андерсен зашел к директору Королевского театра узнать, как обстоят дела со спектаклем «Цветок счастья» (в этой принятой театром пьесе он впервые прибегнул к сказочному сюжету). Премьера спектакля состоялась всего за полторы недели до «Комнаты роженицы» — после переговоров с Хейбергом, который долгое время противился постановке.

«„Да, — сказал один из директоров театра, — это очень поэтическая вещь, но она не из тех, что приносят выгоду! Вот если бы вы написали такую же вещь, как „Новая ‘Комната роженицы’“! Какая прелестная пьеса! Но, конечно, она не в характере вашего дарования! Вы — лирик и не обладаете подобным юмором!“ — „К сожалению!“ — ответил я и тоже похвалил пьесу».

Далее Андерсен утверждает, что был свидетелем того, как доставалось тем, кто называл автором пьесы его. Главным образом люди упирали на то, что «Андерсен не смог бы смолчать, раз она имеет такой успех!». «Нет, никак не смог бы!»[236] — подтверждал он.

Тем не менее секрет «Новой „Комнаты роженицы“», прошедшей на сцене при жизни автора более шестидесяти раз, Андерсен раскрыл лишь в 1854 году в десятом томе собрания сочинений, в котором комедия была напечатана вместе с «Грезами короля».

С течением времени поэт стал относиться к своему драматургическому творчеству несравненно легче. Он даже позволял себе отпускать шутки в адрес постановок своих пьес и реакции на них зрителей. Блестящее тому свидетельство он приводит в «Сказке моей жизни», когда пишет о постановке Королевским театром в июле 1842 года своей шуточной пьесы-ревю «Птица на грушевом дереве», в которой соизволила сыграть главную роль сама госпожа Хейберг.

Как заподозрил Андерсен, группа молодых людей решила освистать этот спектакль, что им во время первого представления не удалось. На втором представлении драматург не присутствовал. По окончании спектакля у него на квартире произошла комическая сцена. Ему пришли посочувствовать несколько друзей. Андерсен стал спрашивать, свистели ли из публики. Один из пришедших сказал, что свистнули всего один раз. Другой на тот же вопрос ответил, что, кажется, свистнули всего раза два. Третий сказал, что слышал три свистка. Затем в комнату вошел композитор Хартман. «Сколько было свистков?» — допытывался Андерсен. Хартман сказал, что пять. Андерсен очень огорчился: ведь только что сказали, будто был лишь один свисток. Добряк Хартман сразу же согласился: «Да, пожалуй, что и один, но чертовски сильный!»[237]

Коренной поворот в сценической судьбе пьес, написанных Андерсеном, произошел в 1847 году, когда молодому и энергичному предпринимателю Георгу Карстенсену, основавшему четыре года назад увеселительный парк Тиволи (он был открыт 15 августа 1843 года и пользуется всеобщей популярностью у датчан до сих пор), удалось открыть в Копенгагене общедоступный развлекательный центр «Казино», зрительный зал которого вмещал две с половиной

тысячи зрителей. Первоначально Карстенсен и поддерживавшие его копенгагенцы планировали открыть в построенном здании «зимний Тиволи», но со временем оно было приспособлено к театральным постановкам. На сцене «Казино» были возобновлены сошедшие со сцены Королевского театра водевили Андерсена «Птица на грушевом дереве» (1853), «Невидимка на острове Спрогё» (1855), «Цветок счастья» (1858) и драма «Мулат» (1868). Здесь же были впервые поставлены и с успехом прошли его сказочные комедии «Дороже жемчуга и злата» (1849) — по мотивам пьесы австрийского писателя Фердинанда Раймунда «Алмаз короля духов», «Оле-Лукойе» (1850) и «Бузинная матушка» (1851). Комедии и водевили писателя шли на сцене «Казино» с неизменным успехом, а их автор стал консультантом дирекции театра и в этом качестве участвовал в постановке пьес других драматургов. В связи со своей деятельностью в театре Андерсен приводит в «Сказке моей жизни» забавный случай.

После возвращения солдат с Трехлетней войны, во время празднования победы в Копенгагене, директор «Казино» раздавал бесплатные билеты на спектакли простым солдатам.

Автор пьесы «Бузинная матушка» «с несказанной радостью прислуживал в театре солдатам, сажал их на указанные места, разговаривал с ними, многое объясняя». «К моему удивлению, — пишет он, — я обнаружил, что большинство солдат ни разу в театре не были и они даже не представляют себе, что такое комедия. Вестибюль и коридоры театра в те дни были празднично украшены зелеными ветками, цветами и флагами. В антракте я столкнулся в вестибюле с двумя солдатами. „Ну, как вам понравилось то, что вы видели?“ — спросил я. „Ах, здесь все так красиво!“ —

„Ну а сама-то комедия?“ — „Разве внутри показывают что-то еще?“»[238].

Андерсену было предоставлено кресло на любой спектакль в любой день недели. Его самолюбие драматурга было, таким образом, полностью удовлетворено, что не помешало ему отпускать в своих воспоминаниях едкие выпады в адрес настоящего и прошлого датского театра. Написанные простым языком и легкие по настроению, его сказочные комедии стали идеальным постановочным материалом для детских спектаклей сначала в Европе, а потом и во всех уголках мира и дожили до настоящего времени.

Безусловно, Андерсен радовался своим театральным успехам. Но теперь он больше не преувеличивал значения своих пьес, потому что в ходе непрекращавшихся путешествий стал понимать: люди разных стран ценят и любят его за написанные им сказки. Свидетельством тому были многочисленные их издания. Андерсена стали узнавать незнакомые с ним люди — по вышедшей к тому времени во многих странах в переводе с немецкого его автобиографии «Моя жизнь как сказка без вымысла», к которой, как правило, прилагался его портрет. Что было самое приятное — писателя узнавали простые люди. Прославленный писатель, он приходил теперь к более объективной и зачастую даже иронической оценке своего драматургического творчества.

В главе четырнадцатой «Сказки моей жизни», описывая свою скорбь и печаль по поводу кончины супруги своего друга и музыкального партнера Хартмана, он вспоминает о следующем случае.

Как-то в сильную метель домой из школы вернулись только двое ее старших сыновей, третий, младший, отстал от них и потерялся по дороге. Андерсен пришел на квартиру Хартманов именно в этот момент. Он сразу

же предложил пойти и поискать мальчика, хотя в такую погоду ему делать этого не хотелось. Но иначе он поступить не мог. Фру Хартман его решение тронуло. Потом находившиеся в то время у Хартманов знакомые рассказывали Андерсену:

«Испытывая одновременно чувство страха за мальчика и благодарности ко мне, она шагала взад-вперед по комнате и восклицала: „Это с его стороны поистине бесподобно! Придется и мне сходить и посмотреть „Дороже жемчуга и злата“! А уж если он приведет моего сыночка, тогда посмотрю еще и „Оле-Лукойе““!

„Вот какое я дала себе слово! — сказала она, когда я вернулся. — Придется посмотреть, хотя и страшно!“ И она посетила оба спектакля и немало смеялась на них — быть может, даже больше, чем они того заслуживали»[239].

Глава двенадцатая о социально-психологическом романе «Две баронессы» (1848), философско-житейском «Быть или не быть» (1857) и реалистической сказке «Счастливчик Пер» (1870)

Андерсен дружил со всеми датскими королевскими семьями, жившими в его время: Фредерика VI (правил в 1808–1839), Кристиана VIII (правил в 1839–1848), Фредерика VII (правил и царствовал в 1848–1863) и Кристиана IX (царствовал в 1863–1906). Его призывали иногда во дворец — почитать сказки королевской семье, на что он с удовольствием соглашался. Он посещал также различного рода официальные и праздничные церемонии. Осенью 1844 года жена Кристиана VIII Кристина Амалия пригласила его на королевский курорт на острове Фёр (тогда он принадлежал Дании, ныне — Германии) в Северо-Фризском архипелаге у западного побережья Ютландии, где королевская семья проводила отпуск. Андерсен любил неказистую и подчас суровую местность западной части полуострова с ее поросшими вереском дюнами, постоянно меняющимся под воздействием ветра и моря ландшафтом, своеобразным бытом и нравами немногочисленных обитателей. Через 15 лет после поездки на Фёр, летом 1859 года, он совершил еще одно путешествие по Ютландии через Силькеборг, Норре Восборг и Веннсюссель на северную оконечность полуострова, мыс Скаген, о котором оставил лирический очерк, а в 1860 году написал трагическую историю «В дюнах» — о молодом герое

этого края, который, подобно Иову, с безнадежным упорством борется с несчастливыми превратностями судьбы, отчасти вторя, как считает А. В. Коровин в своей книге «Датская и исландская малая проза», новелле Бликера «Мария. Воспоминания с Северного моря» (1836)[240].

С курортного Фёра (тогда же на этом острове писатель в праздничной обстановке отметил 25-летие со дня своего первого приезда в Копенгаген) Андерсен вместе с другими отдыхающими совершал лодочные прогулки на близлежащие островки и острова (они имеют свое название — Халлигенские), здесь у него окончательно сложился замысел романа, в котором стойкость островитян и местная природа, слагающаяся из двух стихий — неба и моря, сыграли бы немаловажную роль.

Писатель начал роман уже осенью того же года и продолжал работать над ним, отвлекаясь на создание своей (неудачной) «всемирной» драматической поэмы «Агасфер» (фрагменты ее были напечатаны в 1844 году, а полное издание — в 1847-м), пяти выпусков сказок, подготовку автобиографии «Моя жизнь как сказка без вымысла» (для первых двух томов своего немецкого собрания сочинений, 1847) и конечно же на путешествия в 1845–1847 годах по Германии, Австрии, Италии, Швейцарии, Голландии, Англии и Шотландии с заездом в имения друзей и знакомых, где работа над романом возобновлялась. Впрочем, Андерсен умел работать в пути.

Как бы то ни было, в сентябре 1848 года новый роман в трех частях под заглавием «Две баронессы» сначала вышел в Англии, а в ноябре почти одновременно в Германии и Дании.

Имена героинь этой книги не значатся в генеалогических справочниках. Андерсен придумал им

самое простое происхождение. Старшая — это урожденная дочь крепостного, «долговязого Расмуса». В детстве она была свидетельницей того, как, наказывая ее отца за неуплаченный долг, хозяин их земли, жестокий и высокомерный барон, посадил его на «деревянную кобылу». Плачущая девочка пыталась подползти и подставить под ноги отца камешки, но хозяин тут же огрел ее воловьим кнутом, оставившим долго не заживавшие рубцы. Прежде чем потерять сознание от боли, девочка видела, как хозяин ударил ногой ее беременную мать, рванувшуюся к ней. И хорошо эту сцену запомнила.

Доротея хранила ее в памяти всю свою жизнь, сложившуюся так, что она вышла замуж за сына того же барона, а потом похоронила одного за другим и его, и мужа, и единственную дочь, родившую ей внука Хермана, в начале действия романа уже шестнадцатилетнего студента. Старая баронесса, теперь полновластная хозяйка родового поместья, отличается своевольным и сильным характером. Почему-то она отказывается принимать внука у себя в усадьбе, хотя деньги на его содержание дает. Еще большая ее странность — устраиваемый ею ежегодно 14 августа праздник, который она называет своим «днем рождения», тогда как на самом деле он днем ее рождения не был. Каждый год в этот день утром она идет в небольшую угловую комнату дома, дверь в которую всегда заперта. Там баронесса встает перед сохранившейся с давних пор «деревянной кобылой» и поставленным на нее портретом старого барона и плюет ему в лицо, всячески его оскорбляя. Возвращается она из потайной комнаты всегда веселая, приглашает съехавшихся гостей за праздничный стол и дарит окрестным крестьянам и их детишкам подарки. Конечно, ни для кого в доме не секрет, куда удаляется

в этот день старая баронесса, однако никто не знает, что в этой комнате находится и что она в ней делает.

Вторая безродная баронесса — это обыкновенный «найденыш», обнаруженный компанией студентов и преподавателей в полуразвалившейся заброшенной усадьбе, где они спрятались, спасаясь в сумерках от холодного дождя и ветра. Здесь, услышав в одной из комнат крик, молодые люди, собравшиеся повеселиться на природе, обнаружили молодую роженицу и приняли у нее живого и здорового младенца, которого тут же нарекли «студенческой дочерью». Мать ребенка умерла, а девочку, договорившись в будущем ее опекать, молодые люди пристроили у жившей неподалеку в своем поместье старой баронессы, благо там нашлась и кормилица.

Так прошло пять лет. Элизабет выросла, превратившись в хорошенькую и умную девочку. Ее, как и многих других домашних, очень занимало, что же происходит 14 августа утром в потайной комнате? Неужели баронесса и вправду прячет там в бутылке белого человечка, который может рассказать обо всем, что случится в следующем году? Элизабет знала, в каком ларце на комоде лежит ключ от комнаты, и, дождавшись, когда все в доме заснут, на рассвете 14 августа встала с постели, взяла ключ и, тихо ступая по коридору, дошла до потайной комнаты, открыла дверь и вступила внутрь. Ничего интересного! Одни только непонятные козлы с доской ребром вверх и портретом неприятного человека. Элизабет сразу же решила вернуться обратно, но случайно захлопнула дверь, а ключ остался снаружи. Нечего говорить, как девочка испугалась, она тут же стала вспоминать все страшные сказки, начиная с «Синей Бороды», задумалась, накинула подол рубашки на голову и заснула.

Утром, обнаружив пропажу ключа, старая баронесса поспешила к заветной комнате, открыла дверь и

оторопела, увидев воспитанницу. Она воспылала гневом и уже подняла руку, чтобы дать ей пощечину, но тут увидела глаза ненавистного барона на портрете. Нет, решила баронесса, она не обрадует его сценой насилия! Но выгонит из дома хитрую ослушницу! Приняв такое решение, баронесса зарыдала от собственной жестокости, ведь она знала, что выполнит его!

Так Элизабет попала в дом пастора прихода на Халлигенских островах на Оланде (Андерсен посещал этот остров вместе с королевской четой в 1844 году). А пастором оказался преподаватель, который вместе со своими друзьями-студентами пять лет назад спас ее в полуразвалившемся доме. Надо заметить, что, когда компания обнаружила роженицу, Мориц отмечал свой собственный праздник — помолвку с остроумной и веселой дочерью статского советника, обаятельный образ которой особенно удался Андерсену. Увы, счастье Морица и его молодой жены продолжалось недолго: их маленький сын заболел тифом, ухаживавшая за ним мать заболела тоже, и молодой священник потерял их обоих. Теперь его, направлявшегося вместе с сестрой Хедевиг в свой приход, пригласили заехать на Фюн, в усадьбу баронессы: там что-то случилось со «студенческой дочерью», «хитренькой» воспитанницей баронессы Элизабет.

Мориц с Хедевиг, тоже недавно потерявшей своего маленького сына, с согласия нашедшегося отца Элизабет (им оказался вольного нрава странствующий музыкант-шарманщик) охотно берут девочку на воспитание. Здесь у образованных приемных родителей она благополучно растет и в 14 лет по-детски влюбляется в бесшабашного и вспыльчивого юношу Элимара, внука вышедшего в отставку капитана, живущего на острове. В одной из самых ярких глав романа Андерсен описывает, как подростки едва не утонули, стоя на одном камне во время прилива, когда

из любопытства отправились на близлежащий островок Амрум. Вскоре они расстаются: Элимар нанимается на голландское торговое судно, курсирующее между Европой и Америкой.

Через год на остров приходят дурные вести. Судебные власти сообщили родным Элимара, что судно, на котором он уже дослужился до штурмана, затонуло у берегов Америки, что юноша спасся и нанялся на другое судно, повздорил с его штурманом, убил его в драке и теперь доставлен в Данию и наверняка будет приговорен к смертной казни. Тяжело переживавшие за судьбу внука, его дед и бабушка составили письмо к датскому королю Фредерику VI с просьбой о помиловании, а отправить письмо поручили Элизабет.

Но она письмо не отправила. Воспитанная на романах Вальтера Скотта и не имевшая никакого жизненного опыта, девочка принимала описываемый романтический мир за реальный и решила поступить, как юная Джини Дине из романа «Эдинбургская темница», в котором речь тоже шла о поездке в столицу к верховной власти с просьбой о помиловании. Элизабет решила сама отвезти письмо в Копенгаген. Что она и сделала, оставив своим воспитателям только записку.

По иронии судьбы, когда Элизабет уже переправилась с Оланда на Зеландию, неподалеку от него жестокий шторм разбил судно, часть его экипажа спаслась, а у одного из матросов оказалось письмо от Элимара, адресованное его деду. Юноша сообщал, что судьба его складывается отлично, что он скоро женится на богатой молодой вдовушке и будет самостоятельно водить купленное ею судно. В послании была приписка, адресованная Элизабет: Элимар передавал любимой привет и писал, что не может ждать ее слишком долго, но обещает на ней жениться, как только овдовеет. В подлинности письма не было сомнения, и написано оно было позже, чем извещение судебных властей о судьбе

Элимара, что одновременно обрадовало и озадачило его родных.

На море уже много дней штормило, сообщение между островами прекратилось, и наивная Элизабет, прибыв на Зеландию, сразу же попала в руки «мамочки», державшей в столице бордель, хотя об этом девушка не подозревала. Вообще-то она планировала остановиться в Копенгагене у государственного советника, отца покойной жены Морица, но его в ту пору в городе не оказалось, и пришлось Элизабет заночевать в доме «мамочки». Хотя та ей действительно помогла. На следующий день она показала Элизабет путь в королевскую канцелярию, где письмо у нее и прошение об аудиенции принять не успели, а потом проводила ее в тюрьму, где девушке разрешили свидание с заключенным. Но Элимара она не увидела. Перед Элизабет предстал не он, а моряк, когда-то спасший подростков во время прилива у острова Амрум. По какой-то странной психологической прихоти, совершив убийство, он назвался именем Элимара, протянув, таким образом, цепочку следствия к своему земляку: моряк, по-видимому, ему завидовал. Зато, узнав о причине появления Элизабет в тюрьме, он очень высоко, хотя и с долей юмора, ее самоотверженный поступок оценил, добавив загадочно, что, имея такую возлюбленную, Элимар напрасно польстился на вдовушку.

Вечером одна из девушек «мамочки», Адельгунда, проводила Элизабет до Королевского театра, где девочка надеялась увидеть служанку старой баронессы, которая теперь служила в нем хористкой. Больше знакомых в городе у нее не было. Зато «мамочка», знавшая о театре все, указала ей полуподвал неподалеку от театра, в котором жила бывшая служанка со своим мужем. Но посетить ее Элизабет не успела: после спектакля ее вместе с Адельгундой отвез

на свою квартиру барон Хольгер, один из тех студентов, что когда-то спасли ее. Там же на квартире находился и второй бывший студент из той же компании, барон Херман, внук баронессы. Развязное поведение молодых людей напугало Элизабет, и она убежала. Херман тут же догнал ее и, стараясь вести себя как можно приличнее и вежливее, отвез девушку к театру. Элизабет нашла полуподвал и жившую в нем бывшую служанку Доротеи, которую пришлось еще некоторое время убеждать, что она и есть та самая пятилетняя девочка, которую увез из поместья баронессы священник Мориц. Собственно, на этом интрига, поддерживающая основную сюжетную линию романа, заканчивается. С помощью служанки Элизабет избавилась от опеки публичных дам и разыскала советника, а тот отвез ее к старой баронессе, радостно встретившей бывшую воспитанницу. Всё, конечно, завершается благополучно. Баронесса выкупает усадьбу, где когда-то нашли Элизабет, и дарит ее Херману, а тот через некоторое время предлагает руку и сердце загостившейся у баронессы (из-за ушибленного колена) «студенческой дочери», в результате чего та тоже становится баронессой.

Четвертый по счету роман Андерсена сильно отличается от предыдущих. На этот раз Ханс Кристиан не примеряет на себя образ главного героя (это место занято Элизабет), хотя в нем все же присутствует напоминающая автора эпизодическая фигура камер-юнкера, наделенная скорее комической, чем серьезной фактурой. Камер-юнкер, как и Андерсен, тоже часто жалуется на зубную боль, он тоже несколько неловок в движениях, отчего в дорожном происшествии ломает себе руку, что для музыканта и композитора неприятно вдвойне; ему тоже не везет в любви — Элизабет отвергает его, выбирая Хермана. Совершенно очевидно, что Андерсен создает этот в целом положительный

образ, в изрядной степени иронически от него дистанцируясь.

Роман также более широк географически и социально, рисуя в трех своих частях быт и людей дворянских, и помещичьих усадеб на Фюне, экзотически-суровую и прекрасную природу Халлигенских островов, где «женщины носят только все черное», а мужчины богобоязненны, упорны и терпеливы, наконец, пеструю городскую жизнь Копенгагена с людьми самых различных типов: гулящих и высокоморальных женщин, добропорядочных ремесленников, комически обрисованных слуг и горничных, комедиантов и музыкантов, честных и нечестных чиновников и дворян. В книге присутствует и историческое измерение: в ней показано, как изменялась Дания с течением времени от эпохи крепостничества и абсолютизма через реформу сословной системы к более демократическому устройству, оформление которому дают постепенно совершенствующиеся законы. Самое замечательное, что Андерсен показывает положительные изменения, не прибегая к политическим терминам и риторике, а следуя не раз им заявленному главному принципу рассматривать лес не с птичьего полета, а снизу — от корней и травы.

Роман обладает по-своему изящной композицией, ему свойственна увлекательная интрига, а побочные сюжетные линии логично поддерживают главную. Так, например, она сопровождается мотивом отношений старой баронессы и ее внука Хермана, которого старая Доротея не привечает: для нее он плод ненавистного в любом виде насилия — ведь, насколько она знает, он родился от итальянского разбойника, изнасиловавшего ее дочь во время поездки молодых супругов в Италию. Не мешает развитию действия и фигура камер-юнкера, более комментирующая происходящее, чем

самодостаточная. То же можно сказать и о появляющейся в нескольких эпизодах комичной и жалкой фигуре шарманщика, отца Элизабет. Его образ, по-видимому в согласии с первоначальным замыслом, только намечен.

Что касается главной незамысловатой идеи романа, то она подразумевается в расшифровке его названия, о чем говорилось выше. Доротея прямо формулирует ее в словах, обращенных к Херману в финале. К этому времени она уже убрала из потайной комнатки орудие пытки, но не простила старого барона: «это свыше ее сил»; просто крепостническая эпоха ушла вместе с ее символом, королем Фредериком VI (это на его похоронах Элизабет ушибла коленку), как вскоре уйдет из жизни и сама Доротея. Оставлять в усадьбе «деревянную кобылу» нет смысла. Баронесса говорит Херману:

«Мы все только горсть земли. Одна горсть завернута в бумагу газетную, другая — в позолоченную. И не след горсти праха гордиться своей позолотой. Благородство есть в каждом сословии. Но оно в умах, а не в крови, которая у всех одинакова».

Тем не менее баронесса Доротея вручает новобрачным, Элизабет и Херману, очень своеобразный подарок, который просит развернуть лишь тогда, когда они окажутся в своей восстановленной усадьбе одни. Этот памятный дар — деревянная ложечка, вырезанная из доски, которой было оснащено орудие пытки.

«Две баронессы»[241] многие критики и почитатели творчества Андерсена считают лучшим его романом. Во всяком случае, он выигрывает по сравнению с остальными стройностью своего построения. И прямой противоположностью ему в этом отношении является вышедший через девять лет роман «Быть или не быть»,

уже своим названием претендующий на философичность.

В середине XIX века умы просвещенных датчан серьезно занимали вопросы веры и науки, религии и философского материализма, которые обсуждались в связи со ставшими популярными в Германии (а значит, несколько позже и в Дании) работами Людвига Фейербаха «Сущность христианства» (1841) и Давида Фридриха Штрауса «Жизнь Иисуса» (1835). Друживший с Эрстедом Андерсен внимательно и с одобрением читал его двухтомное философское сочинение «Дух природы» (1850), в котором утверждались единство природы как живого организма, разносторонне связанного с человеческой деятельностью, и концепция человека как части природы, подчиняющейся ее законам. В ноябре — декабре 1855 года, заинтересовавшись вслед за Ингеманом и Хаухом современными течениями мысли, Андерсен посещает направленные против материализма лекции датского физиолога и зоолога Даниеля Фредерика Эшрихта (1798–1863). В письме Ингеману от 31 декабря 1855 года писатель сообщает: «Я собираю материал для своего нового романа, мне нужно усвоить и уяснить для себя очень многое. По этому случаю зимой я с удовольствием послушал лекции статского советника Эшрихта, который вдохновенно и горячо выступал в них против „материализма“. К сожалению, последний укоренился в Германии, а оттуда его занесло и к нам».

Чуть ранее, 27 декабря, Андерсен несколько подробнее писал о своей новой книге Хенриетте Вульф:

> «Что касается идеи моей новой книги, то я отсылаю Вас к духовным течениям нашего времени, которые хочу в ней отобразить. Вы знаете, что сейчас, особенно в Германии, среди профессиональных ученых распространяется

материализм, который объясняет все наипростейшим образом! Мир состоит из материи и сил, по мере взаимодействия которых образуются камни, растения, животные и человек! Эта машинерия описывается до мельчайших подробностей, но остается всего лишь машинерией, которая приводит в действие эту вселенную отчаяния. Человек в ней — всего только маленькое звено, в то время как бессмертие, да и сам Бог отрицаются. Это — страшно! Этого не должно быть, и я чувствую, что могу против подобного отрицания просто и здраво выступить. <…> В мире происходит — и в немалой степени у нас тоже — духовная борьба между религией и наукой; епископ уже выступал на стороне церкви против Эрстеда, а совсем недавно профессор Нильсен в своей университетской лекции ясно заявил, что нужно принимать либо Библию, либо Науку; они противоположны друг другу. Такой подход я уже опровергал в моей „Сказке жизни“. Я чувствую, что должен выступить против него. С моей точки зрения, наука как раз высветляет Божественное откровение, и я с открытыми глазами иду к цели, которую другие нащупывают вслепую. — Господь Бог выдержит испытание, которому мы подвергаем Его, рассматривая мир с точки зрения здравого смысла, которым Он сам же нас наделил».

Примерно через полгода Андерсен написал уже значительную часть романа и 25 мая 1856 года сообщал о нем Ингеману. «На днях я закончил чтение книги „Письма против материализма“ д-ра Фабри[242], которую взял с собой в деревню[243]: она как будто осветила мою душу сразу в нескольких направлениях. Самое

удивительное, все изложенные в ней „за“ и „против“ приводят меня к убеждению, что религия и наука не являются двумя враждебными государствами, а, напротив, дружественно соседствуют, как моря, не имеющие между собой границы и плавно перетекающие друг в друга. <…> Я много написал за последние три недели, хотя и не в прямой последовательности, которая позволила бы мне прочитать Вам сделанное. Эта книга рождается не так, как прежние; она продумана в целом, но появляется отдельными частями, а хорошо это или плохо, покажет будущее».

Роман «Быть или не быть» вышел, чтобы предупредить пиратские издания, в мае 1857 года почти одновременно в Дании, Англии и Германии. Он начинается, как и многие другие произведения Андерсена, с детства героя, которое тот провел в копенгагенской Круглой башне — как раз той, с которой сравнивает автор сказки «Огниво» глаза самой большой из трех волшебных собак. Неудивительно, что мальчик много думает и фантазирует. Весь верхний этаж башни, в которой он живет, представляет собой обсерваторию, ради которой, собственно, здание в 1642 году и построено — с научной, а не военной целью! — датским королем Кристианом IV. С башни по сей день открывается широкая панорама центральной части Копенгагена, а на фасаде ее выписана сокращенная надпись, своего рода ребус или эмблема, составленная королем-строителем. Если верить путеводителям, она разгадывается так: «Да ниспошлет Господь учение праведное и справедливость в сердце короля Кристиана IV. 1642». На чугунной решетке смотровой части башни также прочитываются монограмма короля и латинская надпись «RFP» — сокращение девиза «Regna Firmat Pietas» — «Благочестием держава сильна». Там же, на площадке, установлен памятник великому датскому астроному Тихо Браге. Существует

распространенное мнение, будто башня была построена для него, но это неверно: знаменитый ученый умер за 41 год до завершения строительства. Ныне Круглая башня — одна из интереснейших достопримечательностей Копенгагена, в ее обсерваторию (сейчас она обслуживает туристов) ведет не спиральная лестница, а настоящая дорога длиной 210 метров. По ней, согласно легенде, в 1716 году в обсерваторию верхом на коне проскакал Петр I, а за ним в запряженной шестеркой лошадей карете — его супруга. В наше время в Круглой башне ежегодно проводятся велосипедные гонки.

А в годы отрочества героя романа в Круглой башне работали серьезные ученые и студенты, ведь она построена в центре университетского комплекса рядом с церковью Святой Троицы, и на нескольких ее этажах располагалась библиотека. Малолетний герой романа смотрел из обсерватории в телескоп на Луну, до которой мечтал долететь, что конечно же, как объясняли ему студенты, которым он чистил сапоги, было невозможно: путешествие на Луну заняло бы не менее ста лет.

Очень способный герой романа Нильс — подростком он уже знал наизусть несколько од Горация — был сыном привратника Круглой башни и, как другие герои Андерсена, рано осиротел. Его мать умерла от апоплексического удара (инсульта), а отец погиб из-за нелепого случая — однажды, выходя из башни, вместо того чтобы пойти направо, он пошел налево, и на голову ему с третьего этажа обрушилась выпавшая из рук служанки оконная рама.

Осиротевшего мальчика берет к себе на воспитание пастор прихода из Ютландии Иапет Мёллеруп, и из столичного Копенгагена он переезжает в пасторскую усадьбу, расположенную во внутренней части Ютландии в довольно уединенной местности, на

высоком берегу озера Лангесё (буквально — Длинное озеро). Неподалеку от усадьбы расположены деревня Виннингдаль и развалины древней крепости Силькеборг, имя которой потом перешло к выросшему за годы пребывания юноши у священника промышленному городку. И в прошлом, и в настоящем Силькеборг — реальный город, и построил его реальный человек, промышленник Микаэль Древсен, с которым Андерсен познакомился через старшую дочь Йонаса Коллина, Ингеборг, жену Адольфа Людвига Древсена, сводного брата отца промышленника. Ингеборг, которая любила над Андерсеном подтрунивать, не раз приглашала его в Силькеборг, и он хорошо знал местность, где потом развернется действие романа, и людей, ее населяющих. Примером тому может служить выразительный образ Портняжки, странствующего мастера, страдающего от патологической честности, к которой его принуждает не только лютеранская этика, но и необходимость жить у клиентов. Портняжка страдает при одной только мысли, что его могут заподозрить в краже или ином нечестном поступке. Так, например, случайно брошенные слова лавочника о том, что монетами он расплачивается уж очень блестящими, глубоко ранят его: он думает, что в нем подозревают фальшивомонетчика. В другом случае, когда в доме пастора Иапета пропадает серебряная ладанка, он места себе не может найти, хотя никто в семье и не думает, что он мог ее украсть. Пасторша почти уверена, что ладанку взял Нильс, отчего и тот тоже впадает в истерику. Когда же выясняется, что ладанку сбросил со стола котенок, Нильс в ярости швыряет его об пол, а дочка пастора пишет уже покинувшему усадьбу Портняжке, что ладанка нашлась. Однако письмо ее запоздало. Мастера заподозрили в другой краже, которая случилась в доме у местного судьи, где пропали деньги. Денег у Портняжки не нашли, зато в

его сундучке обнаружили кольцо, явно ему не принадлежащее. Портной от подозрений яростно отпирался (действительно, как потом выяснилось, кольцо в его сундучок положил другой человек), и его отпустили. Тем не менее, терзаемый проявленным к нему недоверием, Портняжка сходит с ума.

Когда Иапет Мёллеруп привел в свой дом Нильса, его жена расстроилась. Но не оттого, что семья увеличилась еще на одного едока. Пасторша мечтала о приемном сыне с недостатками, которые она могла бы в нем исправить и получить за то благодарность не только на земле, но и благодать небесную. Юноша ее разочаровал: он оказался усердным работником и учеником, и пастор через некоторое время решил заниматься с ним древними языками и другими предметами, чтобы подготовить к поступлению в университет. Но один недостаток — горячность — пасторша в юноше все-таки обнаружила, что, помимо эпизода с котенком, подтвердил произошедший через несколько лет случай.

Еще одной оригинальной фигурой в округе была Цыганка, приходящая в деревню каждый год, чтобы отыскать потерянный амулет, с помощью которого она хочет снять порчу со своего ребенка-имбецила, которого повсюду таскает с собой в котомке за плечами. Как-то, услышав игру на гармошке местной музыкантши Греты, ее дитя стало подавать признаки разумного поведения, и Цыганка гармошку у бедной Греты, вся жизнь которой сводилась к служению музыке, недолго думая выкрала. Догадавшись об этом, Нильс в ярости выхватил у Цыганки ее уродца и пообещал отдать его только тогда, когда она вернет Грете гармошку. Нильс очень рисковал, ведь пасторша появлению в усадьбе дефективного ребенка не обрадовалась бы. Но гармошку музыкантше Грете Цыганка вернула.

Пастор, обучавший Нильса всем школьным предметам, остался его познаниями доволен, и через три года юноша переезжает в Копенгаген, где сдает экзамены на аттестат зрелости и поступает в университет, чтобы впоследствии стать священником.

Наступило самое время упомянуть, что Нильс, по воле автора книги, носит фамилию Брюде — это слово в глагольной форме означает «ломать», «раскалывать», то есть на русском языке она звучала бы как Раскольников. Серьезно занимаясь науками, молодой человек все более усваивает рационалистический подход к явлениям жизни и все менее полагается на христианское вероучение. Нильс скоро осваивается со столичной жизнью. Он подружился со своим крестным, господином Сване (именно он рекомендовал в свое время Мёллерупу взять Нильса на воспитание), одаренным, но безвольным интеллектуалом (некоторые из современников Андерсена усматривали в нем карикатуру на Сёрена Кирке гора), способным на многое, но из-за паралича воли живущим лишь на легкие и случайные литературные заработки. Он вводит крестника в богемное общество Копенгагена, но оно не увлекает Нильса, который все серьезнее занимается естественными науками. Он также много общается с почтенной и богатой еврейской семьей своего университетского товарища Юлиуса Аронса, и через некоторое время его отец отправляет их обоих в ознакомительную поездку по Германии и Италии. А с сестрой Юлиуса Эстер у Нильса завязывается интеллектуальная дружба: девушка серьезно увлекается творчеством Гёте, ее волнуют вопросы религии и церкви; она много читает Новый Завет и собирается отказаться от веры своих отцов. Эстер дарит Нильсу щенка Вапса, которому суждено сыграть едва ли не судьбоносную роль в его жизни.

По прошествии двух лет в летние каникулы Нильс, взяв с собой Вапса, едет повидаться с приемными родителями. И тут он опять демонстрирует характер и волю. На пароходе Вапс падает за борт, Нильс просит капитана остановить судно, но тот отказывается это делать из-за пустяка. Тогда Нильс недолго думая прыгает в воду, капитан останавливает пароход, и хозяин спасает своего пса.

Пасторская семья радушно встречает Нильса, но через некоторое время между ним и ортодоксальным лютеранином Напетом возникают принципиальные разногласия. Однажды интеллектуальный спор между ними перерастает в ссору, в которой пастор гневно заявляет воспитаннику, что тот не видит в человеке создание Божье, а в таком случае уж лучше ему стать фельдшером, чем пастырем человеческих душ. Напет как священник не может благословить своего воспитанника на служение Господу! После возвращения в Копенгаген Нильс принимает его слова к сведению. В нем самом уже созревало решение, что самой подходящей для него, теперь уже почти законченного атеиста, стала бы профессия врача. И он начинает изучать медицину, но продолжает свой интеллектуальный спор с приемным отцом, переведя его в плоскость долгих интеллектуальных разговоров с религиозной Эстер, в которых молодые люди разбирают вторую часть «Фауста» Гёте (в период работы над романом в июне 1856 года Андерсен побывал в гостях у великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского, посетил в Веймаре театральную постановку обеих частей Фауста, познакомился с внуком Гёте композитором Вальтером фон Гёте и еще раз перечитал вторую часть знаменитой трагедии).

Скоро, однако, в мирную атмосферу интеллектуального спора вторгаются примитивные и жестокие реалии внешнего мира. В марте 1848 года

датчане начинают военные действия против шлезвиг-гольштейнских повстанцев и поддерживающих их прусских войск. Нильс Брюде призван в армию младшим военным врачом. Во время отступления из Ютландии на остров Альс он узнает, что брат Эстер, заразившийся в армии тифом, умирает неподалеку. Он спешит к нему на помощь, но застает друга уже в агонии. На его вопрос, есть ли жизнь после смерти, Нильс отвечать не хочет, а когда Юлиус спрашивает его об этом опять, уклончиво отвечает, что так считают все христиане. Вернувшись в Сеннерборг, Нильс участвует в наступлении у деревни Сунневеде и получает тяжелое ранение. Атака датчан отбита, и Брюде остается один во рву. Он истекает кровью и прощается с жизнью, но не молится, а серьезно размышляет о том, что вещества, из которых состоит его тело, скоро опять распадутся на природные естественные элементы и мир для него исчезнет. Неожиданно он скорее чувствует, чем видит, устремленный на него взгляд. Это смотрит на Нильса нашедший его Вапс. Пес кладет лапы на плечи своего хозяина, скулит и бегает вокруг него.

«Он лежал неподвижно, тихо; пес скуля сидел у его головы, а ясная луна сияла над полем битвы большим круглым листком с нарисованным на нем иероглифом смерти, спрашивающим: „Быть или не быть?“».

Пес вывел Нильса из забытья, на секунду в раненом пробуждается чувство наивной детской веры в жизнь, которое тут же проходит, он теряет сознание.

Утром, увидев на поле боя крутящуюся беспокойно собаку, Брюде обнаруживают вернувшиеся солдаты, его отправляют в госпиталь, рана его не смертельна, он лишь потерял много крови.

Героя долго разыскивают, его считают погибшим или взятым в плен, но он наконец возвращается. Судьба, однако, подвергает его еще одному испытанию. В Копенгагене молодой врач еще больше сближается с

Эстер, которая наконец обратилась в христианскую веру. Гибель Юлиуса еще теснее сплотила дружную семью Ароне, и глава ее, правоверный иудей, из любви к дочери простил ей отступничество. Однажды вечером Брюде наконец решается, он понимает, что любит Эстер, и на следующий день собирается сделать ей предложение руки и сердца. Велико же его отчаяние, когда утром его вызывают к Аронсам с известием, что Эстер заразилась холерой. Надо сказать, что и в этом эпизоде Андерсен остался верен исторической правде: летом 1853 года в Копенгагене действительно случилась эпидемия холеры, и писатель, избегая риска заболеть, до августа жил в поместьях у своих знакомых.

Эстер умерла, но перед ее смертью Нильс, отчасти под влиянием разговоров с ней, да и своего внутреннего голоса тоже, снова поверил в Бога. Читатель прощается с ним, когда он снова стоит на пороге дома Иапета Мёллерупа, где его ждут пастор, пасторша и их дочь Будиль, его будущая невеста.

«Быть или не быть» — очень своеобразный и неровный роман. В нем великолепны главы, прослеживающие изменения в судьбе главного героя. Если бы автор ими ограничился, книга могла бы восприниматься как классический «роман воспитания», становления Нильса из мальчика в зрелого мужчину со сложившимся у него четким мировоззрением (напомним, что именно его требовал Киркегор от Андерсена в романе «Всего лишь скрипач»). Но, наверное, нельзя требовать от автора того, что не входило в его намерения. Чрезмерно затянутые главы, в которых разбирается содержание «Фауста», и бесконечные, хотя и умело изложенные интеллектуальные диалоги между Нильсом и Напетом и Нильсом и Эстер по вопросам веры, неверия и бессмертия утяжеляют роман, хотя и добавляют дополнительные, иногда очень броские штрихи к

портрету героя-искателя, воспринимающего философские идеи как жизненно важные. Судя по всему, образ Нильса Брюде в немалой степени повлиял на создание характера Нильса Люне из одноименного романа (1880) Йенса Петера Якобсена. Герой-богоборец Якобсена устоял перед превратностями судьбы и умер от раны, полученной на датско-прусской войне 1864 года (продолжении Трехлетней войны 1848–1850 годов), несломленным стоиком. С другой стороны, Нильс не похож на прежних автобиографических сирот Андерсена — Антонио, Отто и Кристиана. Автор добавил ему воли и мужества, позаимствовав его, по-видимому, у баронессы Доротеи из предыдущей книги. И возвращение Нильса к христианской вере обусловлено не только ударами судьбы. Отчасти оно было запланировано в самом начале романа, о чем свидетельствуют авторские суждения, высказываемые по ходу его действия.

Роман «Быть или не быть» успеха у читателей не имел. Более чем сдержанно отнеслась к нему и критика. Газета «Отечество» в июле 1857 года напечатала разгромную статью обозревателя Клеменса Петерсена, который посчитал книгу лишенной стройного построения, саму задачу, которую ставил перед собой автор, невозможной, приводимые в ней диалоги чересчур абстрактными и наукообразными, а язык вялым. Тогда еще начинающий критик (впоследствии он создал себе громкое имя) Петерсен нашел для себя легкую добычу. Всеми перечисленными недостатками роман страдал, только вот представлены они были в статье в преувеличенном виде. Именно критику Петерсена, по-видимому, имел в виду Андерсен, когда писал в «Сказке моей жизни» о той подавленности, которую испытал, ознакомившись с крайне резким высказыванием о романе в июне — июле того же года,

когда находился в Англии, в загородном доме Гэдсхилл, в гостях у Чарлза Диккенса:

> «Я особо помню одно резко критическое высказывание в адрес моей последней книги „Быть или не быть“, оно привело меня в тяжелейшее расположение духа, которому я малодушно поддался. И все же, признаться, именно то дурное настроение и раздражение — своего рода испытание, посланное мне свыше, — позволили мне вкусить радость, с которой я воспринимал утешения Диккенса, порожденные его поистине бесконечной сердечностью. Узнав от семьи, насколько я подавлен, он разразился целым фейерверком шуток и выдумок. Когда же он убедился, что и этот блестящий прием не в силах развеять тьму, окутавшую мою страдающую душу, он сменил шутливый тон на серьезный, окрашенный в такие тона сердечности и теплого сочувствия, что я ощутил настоящий прилив сил, наполнивший меня необоримым желанием стать достойным его. Глядя в излучающие нежное участие глаза друга, я понял, что должен благодарить „жестокосердную критику“. Ведь именно благодаря ей я испытал одно из самых прекрасных мгновений в моей жизни»[244].

Конечно, процитированный отрывок больше говорит о самом Андерсене, чем о его книге или даже об отношении к нему со стороны Диккенса, которому датский писатель, по-видимому, к этому времени несколько надоел (в июне и июле 1857 года Андерсен гостил у Диккенса в его загородном доме более месяца, отклонив ради общения с ним и его семьей даже предложение датского посла похлопотать для него об

аудиенции у королевы Виктории). Вместе с тем Андерсен не всегда был сосредоточен исключительно на себе самом, даже когда речь шла о его произведениях. В письме Хенриетте Вульф от 5 июля того же года, заявив о своем недовольстве английской критикой, он всего в нескольких строчках набросал портрет ее любимого писателя:

> «Журнал „Атенеум“, всегда относившийся ко мне положительно, на этот раз на мою книгу напал. Конечно, „она написана очаровательно“, но, в конечном итоге, „опасна“! Как глупо и несправедливо! И в том же тоне — отзыв в другом журнале. Я расстроился и чуть не заболел. „Атенеум“ я прочитал на железной дороге; на следующий день приехал Диккенс, я объяснился с ним, он обнял меня, поцеловал в щеку и проникновенно заговорил: неужели я не чувствую, сколь бесконечно многим одарил меня Бог? И каким он меня наградил призванием? — я повторяю его слова. Диккенс попросил меня больше не читать критики. „Через восемь дней она забыта, а ваша книга живет!“ — Мы шли к Гэдсхиллу. Он провел ногой по песку: „Это — критика! — сказал он и провел ногой сверху. — Где она? А то, что дал вам Господь, останется“».

Подтверждая его слова, известный датский философ и писатель XX века Вилли Сёренсен (1929–2001) в своей работе «Ни то, ни другое» (1961) писал об этом произведении Андерсена как о первом интеллектуальном романе в датской литературе[245]. Впрочем, резко критиковать произведения Андерсена к этому времени и в 1860-е годы уже никто, кроме начинающего выскочки Петерсена, из датских критиков

не решался. Для писателя наступила пора пожинать плоды. Во время пребывания в Париже в 1863 году скандинавское сообщество литераторов и художников устраивает в его честь во дворце Пале-Рояль праздничный прием, а в 1867 году указом короля Фредерика VII ему присваивается чин государственного советника. Тогда же по инициативе властей Оденсе он был объявлен почетным гражданином города, а еще через два года 6 сентября в Копенгагене в честь пятидесятилетнего юбилея вступления сына башмачника в датскую столицу был устроен большой праздничный обед.

А писатель Андерсен тем временем продолжал работать. В 1860-е годы он выпускает девять сборников «Новых сказок и историй» (1859–1866) и первые два сборника «Сказок и историй» (1862–1863) из их итогового пятитомного собрания. В театре ставятся новые и старые его пьесы и оперы по написанным им либретто, а за границей выходят издания сказок (иногда даже без упоминания имени автора), о которых надо хотя бы знать (авторское право в большинстве стран еще не узаконено). Вот почему, кроме естественного и неизбывного у Андерсена любопытства, путешествовать ему было необходимо. Некоторые свои сказки он сначала издавал в переводе (и получал за них деньги) и лишь потом печатал их на родном языке.

И еще Андерсен теряет друзей. Их скорбный список начался в 1842 году, когда умер композитор Вайсе, первый покровитель Андерсена, для которого он написал либретто оперы «Праздник в Кенилворте». Вайсе и Андерсен были людьми одинокими, но чрезвычайно разных темпераментов и характеров: первый считался домоседом, в то время как Андерсен называл себя в «Сказке моей жизни» перелетной птицей, летавшей по всей Европе. «Самым далеким полетом Вайсе были поездки в Роскилле. Там жило одно

знакомое ему семейство, там он чувствовал себя как дома и импровизировал на соборном органе; в Роскилле его и похоронили. Ему и в голову никогда не приходило путешествовать, и я помню шутливое замечание, с которым он обратился ко мне, когда я посетил его раз, вскоре по возвращении из Греции и Турции. „Ну, вот и ваш вояж окончился там же, где мой! И вы теперь, как и я, на улице Кронпринцессегаде смотрите на Королевский парк, а сколько денег-то потратили! Нет, коли уж хотите путешествовать, поезжайте себе в Роскилле; довольно и этого, а нет — так подождите, пока можно будет летать на Луну и планеты!“»[246].

Через четыре года после Вайсе, 10 декабря 1845 года, 39 лет от роду от тяжелой болезни умерла Хенриетта Ханк, внучка оденсейского издателя Иверсена, с которой молодой Андерсен вел оживленную переписку, поверяя ей свои поэтические устремления и делясь самыми сокровенными чувствами. За полгода до смерти она трогательно писала о своем к нему отношении: «В каждодневной и реальной жизни, когда я урывками вижу Вас во время краткосрочных здесь появлений и когда мне кажется, что любой из Ваших друзей имеет на Вас большее право, я совсем не могу с Вами разговаривать. Но тот человек, которому я сейчас пишу, это только мой Андерсен, друг моей юности, которому я обязана лучшими воспоминаниями, ведь это он, когда я впервые его увидела, своей оригинальностью, игрой духа и импровизацией зажег в моей душе новый свет».

В 1851 году умер тезка Андерсена Ханс Кристиан Эрстед, мягкий, самый ученый и умный из всех его друзей, с которым у писателя никогда не было серьезных размолвок. За ним в мир иной уходит жизнелюбивая и ироничная супруга композитора Хартмана, их семья некоторое время жила в Нюхавне в

одном доме с Андерсеном, и они много общались. И поистине страшный удар нанесла Хансу Кристиану в 1858 году гибель Хенриетты Вульф, до этого потерявшей родителей, столь много сделавших для Ханса Кристиана в годы его бесприютной юности. Хенриетта была чрезвычайно способной девушкой, она знала несколько европейских языков, и ее литературные вкусы отчасти совпадали с андерсеновскими, что позволяло им легко и непринужденно общаться. Кроме того, сама страдавшая от физического недостатка, она хорошо понимала странности поведения своего друга, ведь, несмотря на всю свою общительность, зачастую он чувствовал себя ущемленным жизнью и одиноким. Хенриетта, пожалуй, единственная среди друзей Ханса Кристиана, не одобряла его стремления к общению с коронованными особами и мягко, но серьезно порицала его за это. Как и Андерсен, она много путешествовала одна или со своим братом, отставным морским офицером, и, когда он умер, отправилась на его могилу в Соединенные Штаты через океан, собираясь поселиться в пригороде Нью-Йорка, куда ее звали социалист и филантроп Маркус Спринг со своей женой Ребеккой. Пароход с эмигрантами «Австрия», на котором она плыла в Америку, в пути загорелся и затонул, спасшихся с него было немного, и Хенриетта, скорее всего, задохнулась в своей каюте. Неудивительно, что после случившегося Андерсен ехать в США не хотел, сколько его тамошние издатели ни заманивали.

За смертью Вульф в самом начале следующего десятилетия последовали еще три потери: в 1860 году насмешливого доброжелателя и критика Йохана Людвига Хейберга, в следующем году — старшего наставника и самого верного покровителя, названого «отца» Йонаса Коллина и, наконец, в 1862 году ближайшего литературного советчика, друга и учителя

Бернхарда Северина Ингемана. Круг друзей и покровителей Ханса Кристиана, теперь уже почтенного писателя, заметно редел. Умер в 1857 году и его «гонитель», каким считал Андерсен критика и долгое время директора Королевского театра (1830–1842) Кристиана Мольбека.

Писатель по-прежнему много ездил и заводил новые знакомства. Он знал лично почти всех выдающихся деятелей литературы и искусства того времени в Европе, был вхож в королевские и аристократические гостиные, а во время своей первой поездки в Англию летом 1847 года выступал в высшем свете чуть ли не в роли «льва» и почти все вечера проводил на светских приемах.

Впрочем, утомительная светская жизнь не помешала Андерсену разглядеть обратную сторону Англии:

> «Я воочию убедился, что значит в Лондоне „высший свет“ и „бедность“, — о них я впоследствии вспоминал как о двух противоположных полюсах здешней жизни. Бедность предстала передо мной в образе бледной изголодавшейся девушки в заношенной и потертой одежде. Я видел ее, ютившуюся в углу омнибуса. Она была воплощением безнадежности, не решающейся, однако, проронить ни слова мольбы, ибо попрошайничество в Англии запрещено. Я помню также других нищих, мужчин и женщин, носивших на груди большие листы картона с надписями: „Умираю от голода! Сжальтесь!“ Они не смели вслух обратиться за помощью, подавать им строго возбранялось, и поэтому они проскальзывали мимо бессловесными тенями. <…> Я видел много нищих, хотя, как мне

говорили, в квартале, где я жил, их почти нет, а в богатых кварталах их нет и вовсе — представителей несчастного племени париев туда попросту не пускают»[247].

Но вернемся к великосветским приемам. Как раз на одном из них Андерсена познакомили с Чарлзом Диккенсом. Кстати, мнение, что Андерсен поехал в Англию вслед за гастролировавшей там в то время Йенни Линд, неверно; он отправился туда по просьбе издателей, но, конечно, свою хорошую знакомую посетил. Все остальные поездки по Европе совершались уже по знакомым местам и были своего рода повторениями. Исключение составляют лишь путешествия в сентябре — декабре 1862 года в Испанию и в мае — августе 1866 года — в Португалию.

Понемногу у Андерсена стало ухудшаться здоровье, и он все чаще задумывался о подведении итогов. Первым шагом к этому стала работа над продолжением «Сказки моей жизни» за 1855–1867 годы: оно было заказано американским издательством «Хэрд энд Хэмптон» и включено в издание «Сказки моей жизни» на английском языке, которое вышло в 1871 году. А годом раньше, в ноябре 1870-го, у Андерсена выходит новое художественное произведение — маленький роман «Счастливчик Пер», написанный или, может быть, лучше сказать, записанный им одним духом — всего за три недели — в поместьях Хольстейнборг и Петерсхой в июле 1869 года.

Еще до выхода романа в августе Андерсен читал из него отрывки госпоже Хейберг и трем ее приемным дочерям, и прославленная актриса одобрительно отметила выдержанный в нем сказочный тон. Она не ошиблась. Хотя главная тема романа была все той же — о карьере мальчика из народа, достигающего

признания в высшем обществе, однако художественные средства изображения были иными, чем прежде. «Счастливчик Пер» ближе к сказке и предшествовавшим ему двум оптимистическим «историям» 1865 и 1866 годов: «Золотое сокровище» и «Сын привратника».

В первой из них описывается, как жена войскового барабанщика, зайдя помолиться в церковь, увидела на новом расписном алтаре ангела с красивыми золочеными волосами и до того восхитилась им, что родила своему мужу огненно-рыжего сыночка. Он вырос и тоже стал играть на отцовском барабане и брать уроки игры на скрипке у городского музыканта, вызывая у всех удивление своими способностями. Потом началась война, рыжего сынка взяли в армию, но и на службе он бил в барабан, как его отец, хотя однажды ошибся и, вместо того чтобы подать сигнал к отступлению, пробарабанил «в атаку». И что же? Отряд победил в сражении! Но Серебряного креста, как о том мечтал отец, ему за подвиг не дали. Хотя он вернулся с войны цел и невредим, что само по себе уже было наградой, и учил бургомистрову дочку игре на фортепиано. Правда, в женихи юноша все-таки не вышел: девушку выдали замуж за сына статского советника. Тогда, признав за ним выдающиеся способности, юношу послали учиться музыке, и он стал знаменитым скрипачом, «играл императорам и королям», и заслужил свой крест, но не Серебряный, а Рыцарский. Как-то, приехав домой к матери, он ударил в барабан с такой силой, что его порвал, чему барабан — а это он время от времени бодро ведет повествование — только обрадовался.

Во второй истории сын бедного привратника, наделенный блестящим талантом рисовальщика, послан, благодаря покровительству высокородного, но скромного своим поведением графа, учиться в Рим. Он

становится знаменитым архитектором, принятым даже в королевской семье, и женится, в отличие от сына барабанщика, на своей возлюбленной, дочери важного генерала, жившего в том же доме, только в апартаментах на втором этаже. Сказка интересна комическими портретами: генерала, который по поводу и без повода умеет выразительно произносить на французском «Прелестно!» (никаких других побед за ним не числится), и его юной жены, всю жизнь мучающейся от головной боли из-за того, что она вышла замуж по расчету, а не по любви. Впрочем, сатира на обитателей апартаментов беззлобна и, скорее, даже добродушна. Высмеивается главным образом их спесь — неотъемлемое свойство нуворишей, в отличие от старой родовой аристократии, представителем которой выступает граф, покровительствующий юному художнику.

«Счастливчик Пер» — это тоже оптимистическая история, хотя она и заканчивается смертью героя. В ней описываются детство и юность двух персонажей: Пера, родившегося на чердаке роскошного особняка в центре Копенгагена в семье простого носильщика, и Феликса, сына богатого коммерсанта, который живет на втором этаже этого же дома. В раннем детстве Пер ездит на палочке верхом, а Феликс (его имя означает на латыни «счастливый») — на настоящем пони. Самое интересное, между детьми нет соперничества. Более того, Феликс временами бедному Перу даже завидует, как, например, в тот момент, когда того берут в балетную школу Королевского театра, на сцене которого его иногда используют в костюмированных ролях херувимчиков, вампирчиков и подобных им персонажей. И еще Феликс завидует талантам Пера: у того прекрасный голос, и, кроме того, наслушавшись водевильной музыки, он легко сочиняет мелодии, а заодно и слова песенок, которые посвящает своим

родным и знакомым. Перу вообще везет. Счастливчиком, неосознанно следуя народной традиции (в скандинавском фольклоре есть такой везучий герой — отсюда, кстати, и Пер Гюнт у Ибсена), его назвали уличные мальчишки, разгребающие мусор в канавах. В отличие от всех Пер находит в отбросах настоящие ценности: то серебряное кольцо, то янтарный кулон в виде сердечка.

Но вот в подростковом возрасте голос у Пера ломается и пропадает. И тут на помощь ему и его матери (отец Пера к тому времени уже погиб на войне) приходит неизвестный доброжелатель. Он отправляет Пера за свои деньги в частный загородный пансион, где юноша получает образование. Хозяин пансиона Габриэль и его жена удивительно напоминают Мейслингов в их добродушно-комическом и незлобивом варианте.

Так, например, жена Габриэля однажды утром заявляет:

«Это так здорово пить кофе в постели, если имеешь расположение к истерике!»[248]

И она же рассуждает о поступке добродетельной римлянки Лукреции, заколовшейся от чувства стыда, после того как ее изнасиловал сын римского царя:

«Я бы никогда не подняла такого шума! И с чего она закололась? Она была честна, невинная, это знала и она, и весь город. Так, если с ней и случилась беда…»[249]

Не меньшее чувство юмора Андерсен проявляет в описании других второстепенных персонажей. Любимое выражение еще одной жилички дома, знаменитой когда-то балерины госпожи Франсен, когда она вспоминает о своем прославленном прошлом, звучит следующим образом:

«Хорошая фигура и высокая нравственность. Это был период моего блеска!»[250]

Выйдя замуж за своего давнего поклонника, она говорит вернувшемуся из пансионата Перу о своем счастье:

«Тебе повезло, и мне тоже. Теперь у меня есть муж, собственный уютный уголок и кресло-качалка. Два раза в неделю ты обедаешь у нас. Вот посмотришь на мое житье-бытье. Настоящий балет!»[251]

Своего рода приземленный, но беззлобный сарказм свойствен и матери Пера, когда она рассказывает ему об истории взаимоотношений госпожи Франсен с ее мужем Гофом:

«Гоф был женат. Он женился, как говорил, в отместку девице Франсен! Она ведь страсть как важничала в дни своей славы! За женой он взял большое приданое, но она была уж больно стара да и на костылях, а умирать все не хотела! Ему и пришлось ждать так долго, что я ничуть бы не удивилась, если бы он, как человек в сказке, потерял терпение и стал каждое воскресенье выносить старуху на солнышко, чтобы Господь увидел и вспомнил ее поскорее!»[252]

А об аптекаре, который больше интересовался любительским театральным кружком города, нежели своим профессиональным занятием, автор романа пишет:

«Злые языки повторяли про него старую, избитую остроту: „Его укусил бешеный актер, оттого он с ума и сходит по сцене!“»[253].

Роман написан чрезвычайно легким и ироничным, «сказочным» стилем, напоминающим манеру эллинистической прозы. В то же время он глубоко серьезен. Вот какую характеристику дает автор Перу:

«Без нужды, без горя жилось нашему юному другу; он был здоров, весел, будущее сулило ему

всевозможные блага. Он еще не успел разочароваться в людях; по невинности и чистоте душевной он мог называться ребенком, а по выдержке в труде — зрелым мужем. Все, кто знал его, любили его, всюду он встречал ласковые взгляды и радушный прием»[254]. По-видимому, таким же хотел бы казаться окружающим и сам Андерсен.

Через три года учитель пения (оказывается, это он заплатил за воспитание Пера в пансионате) способствует тому, что юношу берут на роль Гамлета в одноименной опере Амбруаза Тома. Его исполнение имеет оглушительный успех, затем Пер поет Лоэнфина в опере Рихарда Вагнера, после чего зрители буквально носят его на руках. В конце концов, он сочиняет свою собственную оперу «Аладдин». Идею ее подает ему красавица-дочка вдовой баронессы, у которой он бывает каждый вечер. Пер пишет собственное либретто, собственную музыку и сам же собирается исполнить в спектакле главную роль. Естественно, по Копенгагену поползли разноречивые слухи; заговорили столь часто мерещившиеся самому Андерсену злые языки:

«„Что ж, плох тот портной, что не сумеет выкроить из обрезков хоть детскую курточку!“ — говорили одни. „Быть и либреттистом, и композитором, и певцом — вот это, можно сказать, трехэтажный гений!“ — говорили другие. „Впрочем, он родился еще выше — на чердаке!“»[255].

Выступление Пера в роли Аладдина становится триумфальным, его осыпают морем цветов, награждают большим лавровым венком. И тут же, на сцене, Пера пронзает острая боль в сердце и он умирает.

В первом своем романе «Импровизатор» Андерсен видит себя в конце счастливым мужем и отцом.

В «Счастливчике Пере»[256] он устраивает своему сказочному двойнику триумф поэта, композитора и певца. Ему «нечего больше хотеть», он умирает, и намеченные было сюжетные линии любовных взаимоотношений с баронессой или с ее дочерью и соперничество в борьбе за них с Феликсом обрываются. А предчувствия Андерсена о своей недалекой кончине обретают художественную форму.

Глава тринадцатая
короткая и грустная, об Андерсене в последние годы жизни

Остается немногое. В конце 1860-х — начале 1870-х годов Андерсен продолжает вести привычный образ жизни. Каждый год летом он ездит за границу, навещает друзей, общается со знаменитыми художниками, композиторами и музыкантами, гостит в поместьях, ходит в оперу и на музыкальные спектакли. Тот же распорядок соблюдается и в Дании: Андерсен по-прежнему обедает у друзей и знакомых, занимается издательскими делами (ему, как и раньше, помогает в них Эдвард Коллин), исполняет светские и придворные обязанности, как он их понимает, дружит с государственными чиновниками. Как и прежде, он очень общителен, хотя круг его старых знакомых и давних друзей редеет, его коллеги по писательскому цеху и состоятельные покровители постепенно сходят со сцены (к ним следует добавить Эленшлегера, Херца и Хауха), но появляются новые, среди которых особенно выделяются высокообразованные семьи богатых финансистов и коммерсантов Мельхиор и Энрикес. Они с самого начала знакомства с Андерсеном имеют дело уже с маститым писателем, и у него складываются с ними, не знавшими его в юности, почти безоблачные или, по крайней мере, беспроблемные отношения, чего нельзя было сказать об общении с Коллинами и Вульфами; он часто гостит в загородных поместьях Терезы и Мартина Энрикес Петерсхой и Доротеи и Морица Мельхиор Рулигхед (иногда это название переводят как «Тишина»). Взрослые и дети дружественных семейств по возможности стремятся

создавать для него атмосферу доверия и домашнего уюта, по которой он иногда тосковал, как это видно из его откровений в письме Терезе Энрикес от 2 сентября 1860 года:

> «Как же вы счастливы! Ведь дом, настоящий дом, это лучшее благословение Божие! Увы, мне его на этой земле не знать. Вот откуда у меня беспокойство и стремление к перемене мест, которое — если говорить от чистого сердца — вовсе меня не радует».

Впрочем, такие мгновения Ханс Кристиан всегда считал проявлениями слабости, признаками наступающей старости. Вот как отзывался он в 1866 году в письме от 15 октября Йонасу Коллину-младшему о приобретении своей собственной — первой в его жизни кровати, которую он купил по настоянию Хенриетты Коллин для своей съемной квартиры в Нюхавне:

> «Вот, теперь у меня есть дом и *кровать,* моя собственная кровать, как же это ужасно! Мебель, кресло и кровать, я не говорю уже о картинах и книгах, пригибают меня к земле!»

А своему другу композитору Хартману днем позже Андерсен жаловался:

> «Пришлось заплатить за эту кровать целую сотню ригсдалеров, но если она не доживет до моей смерти, то таких денег не стоит! Было бы мне двадцать, бросил бы я в сумку за плечи чернильницу, две рубашки и пару чулок, уложил бы в пенал писчие перья и пошел бродить по широкому миру. Увы, теперь я, по милому

выражению Йетте Коллин (жена Эдварда. — *Б. Е.),* „пожилой человек“ и поэтому должен думать о кровати, моем смертном одре».

Впрочем, симптомы старости давали о себе знать. В свои ежегодные путешествия по Германии и другим странам Андерсен стал привлекать спутников, хотя за них ему в пути приходилось платить. В осенне-зимний сезон 1869/70 года в поездку по Германии и Франции он берет с собой Йонаса Коллина-младшего, сына Эдварда Коллина, а в весенне-летнее путешествие 1872 года по Германии — молодого писателя Виллиама Блока.

Из остававшихся еще не посещенных стран Андерсена более всего привлекала Норвегия, куда звал его известнейший норвежский писатель Бьёрнстьерне Бьёрнсон (с Генриком Ибсеном Андерсен познакомился 18 августа 1870 года в поместье Мельхиоров Рулигхед. Сам Ибсен ему понравился, а вот его знаменитая драматическая поэма «Пер Гюнт» оставила равнодушным: ее язык, особенно в сцене у Доврского деда, показался ему «диким», а сам стих примитивным и неумелым). Андерсен позволил Бьёрнсону себя уговорить и август 1871 года провел в Норвегии, где Бьёрнсон, прекрасный организатор, сумел окружить его заботой и вниманием своих соотечественников. Приветственную речь в честь Андерсена на посвященном ему обеде прочитал его собрат по перу, собиратель норвежских сказок и поэт Йорген Му (1813–1882).

Еще больший интерес вызывает у Андерсена Америка, где издается его собрание сочинений в десяти томах, а сказки печатаются уже 20 лет. Специально для американского издательства он написал продолжение «Сказки моей жизни», впоследствии вышедшее и в оригинальном датском варианте. Американский детский писатель Орас Скаддер (1838–1902),

познакомившийся с Андерсеном заочно, забрасывая его письмами (датчанин долго на них не отвечал), и напечатавший десять сказок Андерсена еще до публикации их в Дании в американском журнале «Нэшнл куотерли ревю», усиленно зазывал писателя приехать в США, обещая оплатить ему все дорожные расходы туда и обратно. Были и другие заманчивые предложения. Андерсен, вспоминая о гибели Хенриетты Вульф на пароходе «Австрия», сгоревшем всего за несколько дней пути до берегов Америки, всякий раз отказывался. Впрочем, скоро он такое путешествие предпринять и не смог бы: в ноябре — декабре 1872 года он тяжело заболел: по всей видимости, у него начинался рак печени. Ханс Кристиан в 1873 году предпринял (с помощью молодого датского писателя Николая Бёга) еще одно путешествие по Германии и Швейцарии. К этому времени он едва ходил и останавливался в некоторых городах специально для лечения, однако попытки эти желаемого результата не принесли.

28 июля, истощенный и измученный болезнью, он возвращается в Копенгаген и вплоть до осени живет в поместье Рулигхед у своих друзей Мельхиоров, после чего возвращается на квартиру в Нюхавне, где первое время нанимает себе сиделку. Постепенно состояние его здоровья несколько улучшается, и он снова может свободно передвигаться и даже выходить в город. Тем не менее он не строит для себя напрасных иллюзий и 1 ноября отмечает в дневнике: «Я мучаюсь и чувствую себя всеми оставленным. <…> Я больше не выздоровею, а смерть все не наступает; я хочу конца и боюсь его».

Летом следующего года он несколько недель — с 23 мая по 18 июня — проводит в гостях у графини Хольстейн в ее поместье Хольстейнборг. О своем пребывании там он пишет 13 июня Доротее Мельхиор:

«Я провел здесь целую цветочную эпоху. Когда я приехал, крупными темно-красными кистями цвела сирень и золотой дождь уже выглядывал из своих зеленых чашечек. Потом он распустился во всей своей благоуханной красе, а теперь уже блекнет... Сирень напоминает своей окраской платья богаделенок из Вартоу; лепестки золотого дождя побледнели; ветер усыпает ими аллеи. Их цветущая пора миновала, но на смену им выступает новое поколение. Красный терн стоит точно выкупанный в чудных розовых вечерних облаках. Через несколько недель, когда и он отцветет, распустятся розы, и не успеешь оглянуться, как зацветут и ослепительные, но лишенные аромата астры и георгины. Вслед за ними нас порадуют жимолость и шиповник. Вот Вам и вся жизнь цветов! Она короче нашей, но цветы все-таки радуются ей, воздуху, солнцу, мы же чересчур много думаем о смерти... Все это пришло мне в голову, когда я собирался писать Вам отсюда свое последнее в этом году, а может быть, и вообще, письмо! Но к чему разглагольствовать?..»[257]

Знакомые и близкие люди всячески стремились ему помочь (особенно много сделала для Андерсена в это время семья Мельхиор), король регулярно справлялся о его здоровье, писателя на его квартире несколько раз навещал кронпринц, да и Эдвард Коллин с женой при всей своей занятости вниманием его не обделяли. Очень странную и трагикомическую ноту внесли в горестные мотивы этого периода американские дети, собиравшие и посылавшие ему небольшие суммы денег по напечатанному в одной из американских газет

объявлению «Наш долг Андерсену». Через некоторое время американский посланник в Дании сообщил Морицу Мельхиору, что получил для писателя 200 ригсдалеров от американских детишек. Затем Андерсен получил несколько вырезок из американских газет о детях, вложивших свою долю в приношение «старому сказочнику Хансу Кристиану Андерсену». Пришлось ему, рассерженному тем, что его принимают за нищего, и одновременно растроганному, послать заметку в американскую газету «Филадельфия ивнинг ньюс» с объяснением, что он ежегодно получает от правительства Дании тысячу ригсдалеров, в помощи не нуждается и просит сборы денег прекратить. Тем не менее деньги ему еще некоторое время американские дети посылали.

Деньги собирали для Андерсена и в Дании. В декабре 1874 года Андерсен узнал, что в Копенгагене организован комитет, намеревающийся воздвигнуть на народные средства памятник в честь его наступающего в следующем году семидесятилетия. Писателя это начинание вначале обрадовало, но потом покоробило: практики возведения памятников живым людям в Дании не было, как нет ее и сейчас. Тем не менее Андерсен, насколько мог, в эти планы вмешался, о чем уже говорилось в начале книги.

Тем временем состояние здоровья писателя все ухудшалось. После многочисленных поздравлений с семидесятилетием, в честь которого король Кристиан IX наградил его орденом Данеброга первой степени и званием конференц-советника, а Королевский театр сыграл комедию «Новое „Прибавление семейства“» и оперу «Маленькая Кирстен», через месяц с небольшим, 12 июня 1875 года, Ханса Кристиана перевезли из его квартиры в Нюхавне в поместье Рулигхед, где Мельхиоры наняли слугу, чтобы ухаживать за ним. Здесь, пользующийся всеми услугами медицины того

времени и окруженный друзьями, он скончался 4 августа в 11 часов 5 минут утра.

Глава четырнадцатая и последняя, о главном в Андерсене, поэте и человеке

Был ли счастлив Ханс Кристиан Андерсен? Скорее всего, он бы ответил: и да, и нет. И дело тут не только в неурядицах личной жизни и поглощенности творчеством, не позволивших ему стать примерным отцом семейства, о чем он мечтал и открыто заявлял в своих письмах, но и в недостатке уверенности в себе, который преследовал его всю жизнь. В какой-то степени отсутствие семейной жизни восполнялось общением со знакомыми и друзьями, круг которых у Андерсена был необычайно широк, а также светскими успехами. Поэт, драматург и писатель, он истово верил в свое призвание, но вот в талантливости и значительности своих произведений сомневался и каждый раз, как свидетельствуют о том его дневники и автобиографии, благодарил Господа за удачно сложившееся произведение. Андерсен охотился за признанием почти всю свою жизнь: вот почему он так болезненно относился к критике и называл своих рецензентов «мокрыми собаками», которых «невольно хочется отхлестать» за то, что они «забираются в твою комнату и располагаются в самых лучших ее уголках»[258]. И потому же он чуть ли не вымаливал у друзей и знакомых — не себе, а своим новым произведениям! — похвалы, подчеркивая, что они не только окрыляют его, но и чрезвычайно ему, как поэту и человеку, полезны. 21 августа 1838 года, в момент подъема у него, тогда еще молодого человека, творческих сил, Андерсен *успокаивает* (курсив мой. — *Б. Е.)* Хенриетту Ханк, утверждая, что, как бы она ни

волновалась, автору в любом случае не дано знать, какой будет судьба его произведения, и посему его коллеге-писательнице не нужно переживать за ее роман «Тетушка Анна» (1838), к немецкому изданию которого он написал предисловие: «Даже если Вы создали шедевр, Вас все равно посетят мгновения, когда Вы будете сомневаться в своем таланте. Вы ведь не отрицаете его у меня, каким бы тщеславным я ни казался? О, Вам-то я откровенно скажу, за что сражаюсь с целым светом и что чувствую в глубине души, в то время как во мне видят только самовлюбленного эгоиста. Действительно ли я создал хоть одну вещь, которая удержится на потоке времени? Бывают моменты, когда слова Мейслинга: „В тебе нет ни щепотки разума, ты глуп и поверхностен!“ — так и звучат у меня в ушах. Тогда мне, чтобы успокоиться, требуются все мои силы и понимание природы людей. Каждый раз, когда я выпускаю новую вещь, я словно вступаю на эшафот».

Признание читателей и людей, с которыми он встречался, было главной целью жизни Андерсена. Он хотел добиться именно его. Деньги и обласканность властями были важны лишь постольку, поскольку позволяли ему обеспечить условия для передачи другим своих чувств, мыслей, переживаний и фантазий. Конечно, оставались сомнения: а будут ли его произведения востребованы и понятны? При внутренней неуверенности, которую Ханс Кристиан ощущал всегда, ему нужны были постоянные подтверждения. Сможет ли он, сын обувного мастера, донести свое видение мира до людей образованных и сделать его понятным и привлекательным для всех? Методом проб и ошибок — в форме сказки, романа и драмы — он этого добился.

И конечно, главное, что Андерсен оставил после себя, — это его сказки и истории. Они возникали под

влиянием различных явлений литературы и жизни, случаев и происшествий, которые для их понимания ныне не столь уж важны или, во всяком случае, необязательны. Сказки Андерсена живут своей собственной самостоятельной жизнью, и нам не так уж важно, что «Парочка», история о влюбленном волчке и об отвергнувшей его барышне-мячике, написана по следам разочарования в своей первой — наверное, во многом лишь кажущейся — любви, что страшноватые «Красные башмачки» возникли в воображении писателя лишь по той простой причине, что когда-то на церемонию первого причастия он, совсем еще юный, надел новые сапоги и что сказка «Соловей» имела в своем замысле что-то общее с прославленным «шведским соловьем» — певицей Йенни Линд. На понимание и восприятие произведений эти подробности значительно не влияют и влиять не должны. А вот в портрет их автора они, когда прослеживаются, вносят существенные черты.

Повторим еще раз, что главное у Андерсена — его сказки. А вот что главное в их создании? Ответ на этот вопрос писатель дает — что вполне естественно для него — тоже в сказке или истории, обычно имеющей в русском переводе броское название «И чего только люди не придумают!» (1870). К сожалению, в таком варианте перевода названия смазывается звучащая в нем мысль о познавательной сути искусства («и чего только в мире не обнаруживаешь») — об открытии в жизни и действительности чего-то нового, а не просто об игровой выдумке или фантазии. Фактически эта фраза равнозначна шекспировской: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Автор рассказывает о молодом человеке, который решил к Пасхе стать писателем. Как и следовало ожидать, из писательства у него ничего не вышло: ведь «ко времени его появления на свет всё

стоящее в мире было уже обнаружено и описано». И тогда молодой человек обращается за советом к знахарке.

Пусть это будет немного искусственно, но вычленим из текста сказки советы, которые она дала будущему писателю:

«Собирай мысли, проблески воображения! Крошка — тоже хлеб».

«Читай на ночь „Отче наш“!»

«Сюжеты есть повсюду, знай записывай и рассказывай, как умеешь!»

«Иди вперед, в людскую сутолоку, имей глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и, конечно, сердце, и тогда ты скоро найдешь, о чем писать»[259].

Нет необходимости расшифровывать эти мудрые принципы, по сути в них содержится вся поэтика Андерсена, в которую он не забыл включить еще такую важную и непостижимую ее часть, как талант — волшебные очки и слуховую трубку знахарки (инструменты поэтического познания), которые она дала молодому человеку только на время, чтобы он их опробовал, а потом забрала обратно, потому что убедилась: писателя из него не получится. Хотя литературным трудом, советует она, он все же свою семью прокормить сможет, для этого достаточно стать критиком, одной из «мокрых собак», вымещающих на пишущей братии свой комплекс неполноценности.

В буйном разнообразии сюжетов, тем, идей и стилистических приемов в сказках и историях Андерсена, даже перечисление которых было бы бесконечно, просматривается все же некая система. Она в противоположности таковой — в случайности сказок, исходящей отчасти из природы жанра, отчасти из импульсивности характера Андерсена и переменчивости владевших им настроений. «Я, как

вода, — пишет он Эдварду Коллину 8 сентября 1855 года, — все взбаламучивает меня и все во мне отражается». Писатель чаще всего идет не от идеи к конкретному ее воплощению, хотя бывает и так (и не в лучших его произведениях), а от факта и наблюдения к их осмыслению и изменению в рамках сложившегося у него поэтического стиля. В «Сказке моей жизни» Андерсен пишет, особо подчеркивая свое выражение курсивом, о *«поэзии случая».* В качестве примера он приводит наблюдение, сделанное им в 1850 году в зеландском поместье графов Мольтке Брегентвед. Там во время прогулки он заметил, что «на широких каменных плитах, устилающих землю у обелиска в саду, покоился тонкий снежный покров». В рассеянности поэт написал тростью на одной из плит:

Бессмертие — тот же снежок,
Что завтра растает, дружок![260]

Поэт ушел; «наутро случилась оттепель, а через несколько дней опять подморозило». Когда он вернулся на то же место, весь снег уже растаял, осталось только небольшое окошко льда с надписью: «Бессмертие». Этот случай глубоко поразил поэта, и в мыслях у него прозвучало: «Господи, Господи! Я и не сомневался!»[261]

Перед нами классическая андерсеновская миниатюра; подобным образом зарождалась у него не одна сказка или история. Наверное, он все же немножечко присочинил ее. И написал на плите не все двустишие, а только одно или два слова. Но то, что он отталкивался от факта — конкретной лужи, не подлежит сомнению. Наверное, поэтому сказки и истории у него такие разные. «Материала у меня для сказок множество, — писал Андерсен 20 ноября 1843

года Ингеману, — больше, чем для какого-либо другого рода творчества. Иногда кажется, что каждый забор, каждый цветочек говорят мне: „Взгляни на меня, и у тебя возникнет моя история!“ И в самом деле, стоит мне поглядеть — и история у меня готова!» Естественно, Андерсен отбирал далеко не всё, что ему встречалось, а только характерное и его образному мышлению импонирующее.

И еще об одной, очень характерной черте, связанной с особенностью мировоззрения поэта. В сказке Андерсена «Тетушка Зубная боль», которой заканчивается его прижизненное пятитомное собрание «Сказок и историй», ее герой Студент рассматривает занесенный ветром в дом зеленый лист. По нему ползет букашка, будто изучающая хитроумное переплетение его прожилок. Студент «задумался о человеческой мудрости: все мы тоже ползаем по отдельному листку, знаем только его, но сразу беремся толковать о дереве в целом, о его корнях, стволе и вершине. О великом древе — Боге, мире и бессмертии, зная всего лишь ничтожный листок!»[262].

Как же тогда представить себе всю, а не однобокую Истину о мире, часть великого союза, который она составляет вместе с Добротой и Красотой? Стремления к этому триединству, провозглашенному в философском трактате Эрстеда «Дух природы» (1850), Андерсен придерживался всегда. Ограниченность авторского видения он преодолевал, прячась за маской вымышленного им персонажа или даже нескольких персонажей — предметов, растений, животных или даже насекомых, как в сказках «Воротничок», «Золотое сокровище», «Мотылек», «Навозный жук» и во многих других. Мир, который видит букашка, ползущая по зеленому листочку, конечно же ограничен, но не беда, он может быть показан с иных точек зрения. Именно

поэтому сказочная вселенная Андерсена не только огромна, но и обладает многомерной объемностью. Впрочем, создавая такую «кукольную» сказку и в совокупности их «кукольную вселенную», автор в концовке историй нередко выходит за рамки внутренне логичного повествования и привносит в нее собственную, то есть даваемую от имени автора, иногда совершенно неожиданную оценку. Это можно показать на примере фантастической — и в высшей степени современно звучащей — сказке «Самое невероятное» (1870), где авторская ирония меняет тональность повествования несколько раз.

В сказке рассказывается о том, как в неком государстве тому, кто совершит самый невероятный или немыслимый поступок, обещают отдать в жены принцессу и полкоролевства в придачу. В назначенный день в столице избирают жюри, в котором заседают мирные жители городка всех возрастов от трех до девяноста лет. Очень скоро вниманию публики предлагаются совершенно необыкновенные, большие напольные часы, настоящее чудо техники и искусства, которые, отбивая время, показывают красочные живые картины: Моисея на горе, высекающего на каменных плитах законы для человечества, райский сад со счастливыми Адамом и Евой, волхвов, приносящих дары младенцу Иисусу, аллегорические фигуры времен года, символические образы пяти человеческих чувств — Зрения, Слуха, Обоняния, Осязания и Эмоций, воплощение семи дней недели и девять муз. Все это великолепие в определенный час оживало, вызывая неописуемый восторг у зрителей. Единодушным решением жюри приз за самое невероятное и немыслимое творение был присужден молодому мастеру, который часы изготовил.

И тут наступает кульминация, неожиданное «вдруг», шокирующее присутствующих. К народу

выходит некий Верзила (тот самый, что в «Записках из подполья» Федора Михайловича Достоевского произносит свое программное: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»[263]) и во всеуслышание заявляет, что самое невероятное и немыслимое сейчас совершит он, после чего, взяв в руки тяжелый топор, разбивает волшебные часы мастера. Никто не ожидал и не верил, что такое может произойти. Верзила и в самом деле совершил невероятное. Он уничтожил шедевр искусства и мастерства. Происходит настоящий «хеппенинг», своего рода современная инсталляция в действии. Начались приготовления к свадьбе.

Но не всё в жизни так просто. В самый разгар приготовлений послышался гулкий звук тяжелых шагов и в церковь вошли, словно статуя Командора, те самые изготовленные мастером часы, но в десять раз увеличившиеся в размере. Откуда они взялись? Автор объясняет:

«Мертвому человеку не дано вновь встать и пойти, это все мы отлично знаем, но искусно сделанные вещи возрождаются к жизни. Пусть они покорежены и разбиты, в них продолжает жить душа художника, а с ней шутки плохи»[264].

Гигантские часы стали бить не переставая. Огромный Моисей из живой картины уронил каменные плиты с высеченными на них законами на ноги Верзиле, а вышедший из другой живой картины Стражник ударил его посохом в лоб. Тем самым чудо творения вернуло себе славу самого невероятного и немыслимого. С Верзилой было покончено навсегда, ненужные больше часы растаяли в воздухе, а молодому мастеру вернули его невесту.

«Вот он стоит у алтаря, шафером у него весь народ, все радуются, благословляют его, и ни одна душа не исходит завистью. Вот ведь что самое невероятное!»

Стоит внимательнее перечитать последнее, целиком и полностью авторское заявление. Беда людям грозит не только от внешней агрессии, но также от темного начала в них самих. Иронист Андерсен еще раз указал на «болотный огонек», угрожающий человечеству.

И еще одно. Прославляя в жизни Красоту и Добро, писатель никогда не забывал об Истине и, как было уже показано, много писал о смерти. Возвышенно прекрасное и доброе часто соседствует у него с окончательным решением вопроса о жизни — смертью. И вот с таким единством жизни и смерти Андерсен в конечном итоге примириться не мог. Он находил этому противоречию разрешение в религии, но все же не всегда — иногда оно звучит у него формально, и сомнения в справедливости бытия остаются. Андерсен их не прячет, он остается откровенным в своих произведениях до конца, доказывая, что он, добрый и милый сказочник, был также наивно честным и отважным человеком.

Шведский писатель Бернхард фон Бесков (1796–1868) как-то заметил, что число читателей Андерсена пополняется с каждым подрастающим поколением. Однако вряд ли его сказки пользовались бы такой популярностью у детей и взрослых, не будь они такими занимательными и смешными. Писатель любил развлекать друзей и знакомых, зачитывая или рассказывая им свои истории. И хотя он не слыл завзятым весельчаком, он всегда был интересен, легко овладевал вниманием слушателей и вносил оживление почти в любое общество. Поэтому, нанося регулярные визиты друзьям и довольно часто гостя у богатых

знакомых в их имениях, он не зря ел свой хлеб. Правда, и скоморошеством в гостях он не занимался, хотя его неординарная внешность располагала к этому (Шамиссо в 1830 году за глаза называл его «долговязым датчанином»).

Самое удивительное, что Андерсен, будучи и в жизни, и в искусстве чрезвычайно остроумным, умел сдерживать себя и быть деликатным, благодаря чему у него и было так много друзей. Возможно, поэтому переполнявший его юмор чаще всего выливался в самоиронию. Об этом красноречиво говорят многие страницы «Сказки моей жизни». Хотя нередко шутки в свой собственный адрес оказывались горькими. Так, например, рассказывая о своем возвращении на родину после триумфальной поездки летом 1847 года в Англию, где в великосветских кругах писатель снискал поистине феноменальный успех — он оказался «в моде», честь, почти не выпадавшая английским писателям, — он, не боясь ославить себя, описывает следующий случай:

«Спустя несколько часов по приезде в Копенгаген я стоял у окна своей комнаты. Мимо проходили два опрятно одетых господина, они увидели меня, остановились, засмеялись, и один, указав на меня рукой, сказал громко, чтобы я мог слышать каждое слово:

— Смотри-ка, а вот и наш прославленный заграничный орангутанг!»[265]

Писатель мог бы не воспроизводить эту злую, но по-своему остроумную шутку. Нельзя исключать и вероятности, что он сам ее от начала и до конца сочинил.

В другом месте этой книги Андерсен описывает, как однажды поздним вечером услышал под окнами своей комнаты в гостинице пение под музыку. Уже привыкший

к вечерним серенадам, которые в знак восторженного почтения исполняли ему во время заграничных поездок студенты (он не раз в «Сказке моей жизни» с несколько преувеличенным удовольствием вспоминает о них), Андерсен высунулся в окно и был несказанно удивлен: серенаду исполняли не ему, а поселившейся в соседнем номере госпоже Энрикес, его хорошей знакомой[266].

В своих путешествиях по Европе писатель встречался и знакомился со множеством знаменитых писателей, художников, композиторов, поэтов и вельможных аристократов. Можно сказать, что «втираться в доверие» было его второй после писательства натурой. Бывая за границей, он не замыкался, подобно большинству своих соотечественников, в кругу своего землячества. Вот как, например, проявляя немалую настойчивость, он познакомился с немецкими сказочниками братьями Гримм.

Во время пребывания в Берлине в 1844 году Андерсен по своей собственной инициативе отправился знакомиться с ними без предварительной договоренности и даже без рекомендательного письма. Он наивно полагал, что уж профессиональным сказочникам он знаком быть должен:

> «На вопрос отворившей мне служанки, кого из братьев я желаю видеть, я ответил: „Того, который больше написал!“ <…> „Якоб ученее!“ — сказала служанка. „Ну так и ведите меня к нему!“ И вот наконец я увидел перед собой характерное умное лицо Якоба Гримма. „Я являюсь к вам без рекомендательного письма, надеясь, что имя мое вам небезызвестно!“ — начал я. „Кто вы?“ — спросил он. Я назвал себя, и Гримм с некоторым смущением ответил: „Я

что-то не слыхал вашего имени. Что вы написали?“ Теперь я, в свою очередь, смутился и назвал некоторые свои сказки. „Я их не знаю! — с еще большим смущением сказал он. — Однако, быть может, я знаю какое-нибудь из других ваших произведений, назовите их!“ Я назвал „Импровизатора“ и еще несколько моих сочинений, но Гримм только качал головой. Мне стало совсем не по себе. „Какого же вы, должно быть, мнения обо мне! — смешавшись, сказал я. — Пришел к вам ни с того ни с сего и перечисляю вам свои сочинения!.. Но вы все-таки должны меня знать! Есть сборник сказок всех народов, изданный Мольбеком и посвященный вам; в нем помешена и одна из моих сказок“. Гримм, сконфуженный не меньше моего, самым добродушным тоном сказал на это: „Я и этой книги не читал. Но все-таки я очень рад видеть вас у себя. Позвольте мне познакомить вас с моим братом Вильгельмом“. — „Нет, благодарю вас!“ — сказал я, желая одного — поскорее убраться прочь. Я потерпел такое сокрушительное фиаско с одним из братьев, что никак не желал испытать того же с другим. Пожав руку Якобу Гримму, я поспешил удалиться»[267].

Через несколько недель в Копенгагене к Андерсену на квартиру пришел Якоб Гримм, объявивший, что он уже прочитал написанные им сказки и теперь знает его. Датский сказочник как раз в эти минуты уезжал в деревню и принять Гримма никак не мог. Тем не менее знакомство завязалось, и в дальнейшем Андерсен немало общался с обоими братьями, когда бывал в Берлине. Проявив почти такую же настойчивость, чтобы

не сказать «настырность», Андерсен ранее, в 1833 году, как уже говорилось, познакомился с Виктором Гюго.

Испытывавший необоримое любопытство, к середине XIX века Андерсен лично знал почти всех известных на то время в Европе людей литературы и искусства, но напрасно мы стали бы искать в его путевых записках и автобиографиях выразительные портреты знаменитостей. Автор воспоминаний тщательнейшим образом следил за тем, как бы нечаянно не задеть их. Это, конечно, заметно обедняет личностные характеристики, в которых Андерсен не скупится на комплименты, выглядящие, однако, на удивление однообразно. Так, например, практически неотличимы друг от друга датские короли Фредерик VI, Кристиан VIII, Фредерик VII и Кристиан IX, не раз приглашавшие сказочника во дворец. Все они сливаются в одну символическую фигуру Короля с большой буквы, символ государственности. Более характерными получались у Ханса Кристиана портреты его друзей и подруг, но он также писал их с тем расчетом, что они о себе в его воспоминаниях прочитают. Несколько выделяются среди них своим комизмом только пассажи, посвященные командор-капитану Вульфу, и откровенно сатирически выписанные образы Мейслинга и его жены, хотя и для них писатель нашел несколько добрых слов.

За свою долгую жизнь — в его эпоху семидесяти лет достигали немногие — Андерсен испытал всякое. Свидетельством тому его дневник и записки, в которых отчаянные слова «лучше бы я не родился вовсе» совсем не редки. Но в отношениях с другими людьми Андерсен почти всегда был добр и ни в коем случае не хотел никого задевать.

Сам же Ханс Кристиан, как свидетельствует его младший друг Эдвард Коллин, часто и легко обижался, но скрывал обиду и не вымещал на друзьях своего

раздражения. Он мог вспылить или расстроиться из-за невинной шутки или даже из-за нарушения тишины, когда он читал свои произведения, но в целом удивлял знакомых своей незлобивостью. Так, например, он ничуть не обиделся на своего коллегу, поэта, прозаика и драматурга Карстена Хауха (1790–1872), когда в 1845 году узнал, что в вышедшем тогда же романе «Замок на Рейне» он изображен в образе героя, который сходит с ума от самовлюбленности и тщеславия и заканчивает свои дни в сумасшедшем доме. 15 лет назад в памфлете «Вавилонская башня в миниатюре» Хаух, вообще не сильно жаловавший своих коллег, уже высказывался уничижительно о «Прогулке на Амагер», но те времена были далеко позади и писатели находились в приязненных отношениях. Тем не менее, еще не прочитав романа, 28 августа Андерсен написал Ингеману, что не верит, будто «благожелательный и великодушный» Хаух сподобился нарисовать на него злобную карикатуру. Правда, в либеральной газете «Свободомыслящий» прямо указывалось, что отдельные черты одного из персонажей списаны с Андерсена, и читатели романа спрашивали его: «Чем вы так насолили Хауху?» Но на это Андерсен отвечал, что Хаух свободно может заимствовать любой из его недостатков и наделять им своего героя, лишь бы он избегал упоминать имя прототипа. Через три недели, прочитав роман, он с уверенностью написал Ингеману: «…теперь, когда я познакомился с этой фигурой, могу сказать: добрые люди правы: „Это сам Андерсен!“ В нем собраны все мои слабости! Я верил и надеялся, что этот период остался у меня позади, но все, что этот герой-поэт говорит или делает, мог бы сказать или сделать я. Меня неприятно поразил этот образ, в нем показана вся моя неприглядность». Тем не менее писатель оправдывает Хауха и на этот раз: возможно, «великодушный и

благородный» писатель сам не понимал, насколько будет похож герой романа на его друга.

Андерсен хотел и умел дружить, прощая близким людям неловкие поступки и высказывания, которые истолковывал (иногда неверно) как направленные против него. Выше уже говорилось, что он великодушно простил Эдварда Коллина, которого можно было бы обвинить в заносчивости и высокомерии. Простил он и Хенриетту Ханк, которая однажды доверила его письма журналисту, а тот без всякого разрешения напечатал их, и Хенрика Стампе, молодого барона, изучавшего в университете юриспруденцию, которым увлекся в 1843 году и который, как оказалось, завел с ним дружбу не только потому, что Андерсен был интересен ему как человек и писатель, но больше для того, чтобы иметь возможность поухаживать за его знакомой Йонной Древсен, дочерью Ингеборг Коллин. На ней Стампе в конце концов благополучно женился и потом приглашал Андерсена в свое родовое поместье Нюсё, где располагалась в свое время студия Бертеля Торвальдсена. Андерсен вообще влюблялся в людей, равно женщин и мужчин (конечно, по-разному), разочаровывался в них, но всегда оставался им верен. Из мужчин он близко дружил не только с Хенриком Стампе, но также с молодым наследным великим герцогом Саксен-Веймар-Эйзенахским Карлом Александром, приглашавшим его в 1846 году стать новым «Гёте в Веймаре», а также Чарлзом Диккенсом. Получив письмо с известием о смерти друга 9 июня 1870 года, Андерсен записал в дневнике: «Значит, мы больше не увидимся, не поговорим друг с другом, и я не получу объяснения, почему он не отвечал на мои письма». Андерсен очень расстраивался, что вскоре после своего пребывания в Гэдсхилле Диккенс по неизвестным до сих пор причинам прекратил переписку с ним. В пылкости дружбы Ханса Кристиана с

мужчинами не было ничего предосудительного, и отцы добродетельного клана Коллинов и родственных им семейств без опаски отпускали своих молодых отпрысков в заграничные путешествия вместе с ним. Дружба с Андерсеном была во всех смыслах этого слова безопасной, писатель не высмеивал своих друзей и знакомых, всегда сохраняя им верность, хотя с возрастом становился все более раздражительным и капризным.

Зато описания комических случаев, в которых Андерсен фигурирует сам, в его автобиографиях изобилуют. Не имея возможности или желания выступать сатириком, автор комиковал на свой собственный счет. Скорее всего, аналогичным образом Андерсен вел себя и в обыденной жизни. Создается впечатление, что иногда он поступал намеренно эксцентрично, не говоря уже о множестве шуток, отпускаемых им в свой собственный адрес. Так, например, Эдвард Коллин пишет о нем в своих заметках: «Что было у Андерсена действительно красиво — это волосы; он отлично знал это и, желая щегольнуть ими, часто завивал их. Особенным щеголем он никогда не был, но одевался всегда тщательно. Мало что доставляло людям столько удовольствия и пищи для толков и рассказов, как привычка Андерсена смотреться в зеркало: он не мог пройти мимо зеркала, чтобы не поглядеться. Нам, знавшим его так близко, известно было, что делал он это не из чаяния увидеть красавца, а просто желая „состроить гениальное лицо“. Он сам с милой откровенностью признавался, что хочет выглядеть гениальным. Каждая новая фотография Андерсена того времени говорила о его старании „состроить гениальную физиономию“. Поэтому все ранние портреты не дают истинного представления о нем. Вот если бы фотографу удалось схватить то выражение лица Ханса Кристиана, которое бывало у

него, когда он восхищался чем-нибудь, тогда бы все увидели, каким прекрасным становилось его лицо»[268].

Великий норвежский писатель и человек щедрой души Бьёрнстьерне Бьёрнсон писал Хансу Кристиану 3 июля 1861 года: «Читаю Ваше письмо и не могу не смеяться. Кажется, нет места на земле, где бы Вы не страдали от сквозняка или давки. Любопытно знать, попросите ли Вы, попав со временем в Рай, Св. Петра запереть врата, чтобы Вас не продуло, если Вы, впрочем, не повернете от них назад из-за чрезмерной давки.

Повторю Вам, однако, что еще вчера написал одному своему другу: если в Дании нет человека, который подавал бы повод к стольким остротам, как Андерсен, то нет, кроме него, в ней со времен Хольберга и того, кто бы их столько высказал»[269].

И в самом деле, острот Андерсен наотпускал множество. И почти все они направлены в свой собственный адрес, поскольку о себе самом он писал очень много и очень подробно. Возможно, поэтому его фигура может казаться необычной, комичной, особенной. Человек менее известный своими привычками, подобными андерсеновским, насмешек не вызывал бы. Так, например, что особенного в том, что Ханс Кристиан не ел копченостей, опасаясь трихинеллёза? Или в том, что он ждал от случайных ушибов самых ужасных последствий? Молодой друг Ханса Кристиана в последние годы его жизни Виллиам Блок писал:

> «Всегда что-нибудь да угнетало его: поперхнувшись за столом, он явственно ощущал, что в желудок его попала иголка; ударившись коленом, он рисовал себе продолжительную болезнь, а если случайно

открывал какой-нибудь прыщ под глазом, то ничуть не сомневался, что он будет расти и расти, пока не превратится в огромную шишку, которая закроет глаз»[270].

Тот же Блок вспоминал, что Андерсен очень нервничал, если его спутник опаздывал:

«Провидение наделило его богатыми способностями; но самым лучшим даром была, несомненно, его богатая, своеобразная, часто причудливая, но всегда пышная, роскошная фантазия... <...> Но и с фантазией бывает то же, что с людьми: она редко дает что-нибудь даром. <...> Немного найдется людей, которым приходилось бы страдать от подобных невольных увлечений фантазии столько, сколько Андерсену. Я видел его вне себя от волнения и страха из-за того только, что друг и товарищ его опоздал во время поездки на полчаса против установленного срока»[271].

Впрочем, в путешествиях подобные волнения вещь естественная (Блок сопровождал Андерсена в ряде поездок). Вот как описывает свою (во многом преувеличиваемую современниками) мнительность в дневниковой записи от 25 января 1866 года сам Андерсен:

«Я знаю, как мучить себя самым изысканным образом... Мое зимнее пальто у портного к 9 часам еще не было готово, поэтому он дал мне поносить в этот день другое, пока в тот же день не доделает мое. Уже на улице мне вдруг пришло в голову, что на мне сейчас чужая одежда и что в любую минуту ко мне может кто-

нибудь подойти и сказать: „На вас мое пальто!“ Мне показалось в эту минуту, что все на улице смотрят на меня каким-то особенным образом».

Интересно, что бы чувствовал на месте Андерсена любой другой человек?

Любители посмеяться над писателем особенно часто вспоминают о его страхе оказаться похороненным заживо. Летаргический сон известен человечеству с начала времен. В те редкие моменты, когда Андерсен боялся, что он может в него впасть, он действительно оставлял на постели записку: «Я только с виду умер». Однако боязнь прижизненного захоронения была в XIX веке не такой уж редкостью — особенно были подвержены ей люди, наделенные богатой фантазией, такие как Николай Васильевич Гоголь (он пишет о ней в своем «Завещании»), Уилки Коллинз, Альфред и Эммануил Нобели, Артур Шопенгауэр. Андерсен о своих на этот счет опасениях не побоялся упомянуть, описывая похороны своего друга композитора Вайсе в «Сказке моей жизни»:

«Удивительно, что тело покойного долго не остывало, и даже в день погребения ощущалось еще некоторое тепло. Узнав об этом, я принялся упрашивать докторов еще раз хорошенько осмотреть его и испробовать все средства, чтобы вернуть его к жизни. Те после тщательного осмотра объявили, однако, что Вайсе действительно мертв и что в подобном явлении нет ничего необыкновенного. Тогда я стал просить докторов по крайней мере перерезать ему артерии раньше, чем гроб заколотят наглухо, но просьба моя осталась невыполненной. Эленшлегер, услыхав о ней, подошел ко мне и со свойственной ему в

некоторых случаях горячностью сказал: „С чего это вам вздумалось уродовать тело несчастного!“ — „Это, по-моему, лучше для него, чем проснуться в могиле! И вы, наверное, тоже не захотели бы этого, когда умрете!“ — „Я!“ — воскликнул он и даже отшатнулся»[272].

Известно, что один из самых популярных экспонатов Дома Андерсена в Оденсе — кофр с мотком веревки, которую писатель брал с собой в поездки на случай пожара в гостинице. Однако и в этом случае, учитывая, что многоэтажность зданий в эпоху писателя еще не превышала разумных пределов, такая мера предосторожности не кажется слишком уж эксцентрической.

С другой стороны, великий сказочник был горазд на выдумки и мистификации. Они были его стихией. Так, однажды, когда он захотел украсить свое сочинение эпиграфом и никак не мог найти подходящий, он бросил поиски и придумал свой, который подписал именем немецкого писателя Жан Поля и впоследствии «забавлялся, слыша, как цитировали это изречение другие литераторы, люди начитанные»[273].

Не избежал Андерсен и обычной у людей искусства мистификации — писать на самого себя критику. В качестве примера упомянем о статье Ингмара Бергмана, напечатавшего о себе под псевдонимом «Эрнст Риффе» в ноябрьском номере шведского журнала «Чаплин» за 1960 год наигранно злобную статью «Лицо Бергмана?», из которой, однако, следует, что многое в оценке его творчества критикой все-таки оправдано[274].

Ханс Кристиан Андерсен также как-то раз написал о самом себе строгую и придирчивую статью в стиле извечных на него нападок, в конце которой призывал

самого себя побольше учиться и не забывать, скольким он обязан другим. «Вообще-то я не только упомянул в ней обо всех обыкновенно выставляемых мне на вид недостатках, но еще и прибавил от себя несколько таких, которые, как я знал, могли бы найти в моих книгах, если бы хотели насолить мне»[275]. После этого автор отправился к Эрстеду, у которого собрались гости, и прочитал им статью, выдавая ее за уже напечатанную чужую. Собравшиеся подивились тому, что Андерсен набрался терпения и переписал ее, а Эрстед нашел, что в некоторых положениях автор статьи не так уж не прав.

В другой раз, как сообщает читателям Виллиам Блок, находясь в обществе, Андерсен, шутя, заговорил о своих похоронах и просил присутствующих позаботиться о том, чтобы в крышке его гроба «просверлили дырочку, через которую он мог бы взглянуть на торжество и увидеть, кто из друзей провожает его до могилы»[276]. Эту фантазию Андерсена эффектно реализовал Эльдар Рязанов в своем очень удавшемся и оригинальном кинофильме «Андерсен. Жизнь без любви» (2006), с подзаголовком которого, как представляется, полемизирует настоящая биография.

В заключение мне хотелось бы сказать, что всем русским читателям, которых не миновали в старшем детском возрасте сказки Андерсена (а такие, как я надеюсь, до сих пор еще составляют большинство), следовало бы поблагодарить Данию за то, что эта маленькая страна, как бы ни относился писатель к ней в отдельные моменты своей жизни, вырастила и воспитала его.

В самом деле, удивительно, как много людей самого различного звания и профессий, среди которых были и музыканты, и писатели, и актеры, и чиновники, и

священники, и служанки, приняли участие в судьбе безвестного паренька, прибывшего в столицу с самыми неясными намерениями, но твердо решившего ее «покорить». У каждого из них хватало своих трудностей и забот, и никто из них особым богатством не отличался. Время было трудным для всех. Страна только-только оправилась от катастрофических последствий участия в Наполеоновских войнах: в 1801 году адмирал Нельсон уничтожил на копенгагенском рейде датский военный флот, а в 1807 году датская столица была безжалостно сожжена и разрушена бомбардировкой английского флота под командованием герцога Веллингтона и ее торговые корабли, одна из основ тогдашнего благосостояния страны, были конфискованы британцами. Кроме того, в результате того, что Норвегия в 1814 году, пусть во многом лишь формально, отошла к Швеции (шведский король стал также норвежским монархом), Дания потеряла экономические связи с ней, в частности рынок сбыта датского зерна. В конце эпохи Наполеоновских войн страна была фактически разорена, и ее деньги к 1813 году обесценились в 13 раз. Неудивительно, что ее жителям политика, ввергнувшая их в полосу несчастий, опостылела. Впрочем, за свидетельством об этом мы можем обратиться к самому Андерсену — ведь не зря же амбициозный паренек мечтал о карьере актера или писателя, а не знаменитого полководца или чиновника. Во времена его учебы в гимназии, писал он в «Сказке моей жизни», «почти никто не интересовался политикой, постоянными темами обсуждений служили только литература да театр»[277].

Мировые события первой половины XIX века научили датчан скромности, солидарности и национальному единству. Они первыми среди стран Европы ввели у себя в 1814 году обязательное семилетнее образование,

и ученость и искусства в Дании приобретали с тех пор все больший общественный вес. Нация инстинктивно искала своего выживания через культуру. Соответственно, музыканты, ученые, чиновники, педагоги и писатели стремились как-то помочь необычному пареньку, и каждый из них, как мог, в меру своих сил старался сделать из него если не художника и поэта, то, во всяком случае, достойного и полезного гражданина. И то и другое им в этом случае удалось.

Андерсен с лихвой отблагодарил их. При всей сложности отношения к родному краю, «сырым, заплесневевшим островам», этот самый космополитичный из всех датских писателей своего времени и великий, как выяснилось впоследствии, писатель с мировым именем, 5 марта 1850 года, за два месяца до самого кровавого сражения Трехлетней войны при Истеде, напечатал в газете «Отечество» проникновеннейшее стихотворение о любви к отечеству под названием «Дания — моя родина»:

В цветущей Дании, где свет увидел я,
Берет мой мир свое начало;
На датском языке мать песни мне певала,
Шептала сказки мне родимая моя…
Люблю тебя, родных морей волна,
Люблю я вас, старинные курганы,
Цветы садов, родных лесов поляны,
Люблю тебя, отцов моих страна!..

Где ткет весна узорные ковры
Пестрей, чем здесь — богаче и душистей?
Где светит месяц ярче и лучистей,
Где темный бук разбил пышней свои шатры?
Люблю я вас, леса, холмы, луга,
Люблю святое знамя «Данеброга»[278], —
С ним видел Бог победной славы много!..

Люблю я Дании цветущей берега!..

Царицей севера, достойною венца,
Была ты[279] — гордая своею долей скромной;
Но все же и теперь на целый мир огромный
Звенит родная песнь, и слышен звук резца!..[280]
Люблю я вас, зеленые поля!
Вас пашет плуг, места победных браней!..
Бог воскресит всю быль воспоминаний,
Всю быль твою, родимая земля!..

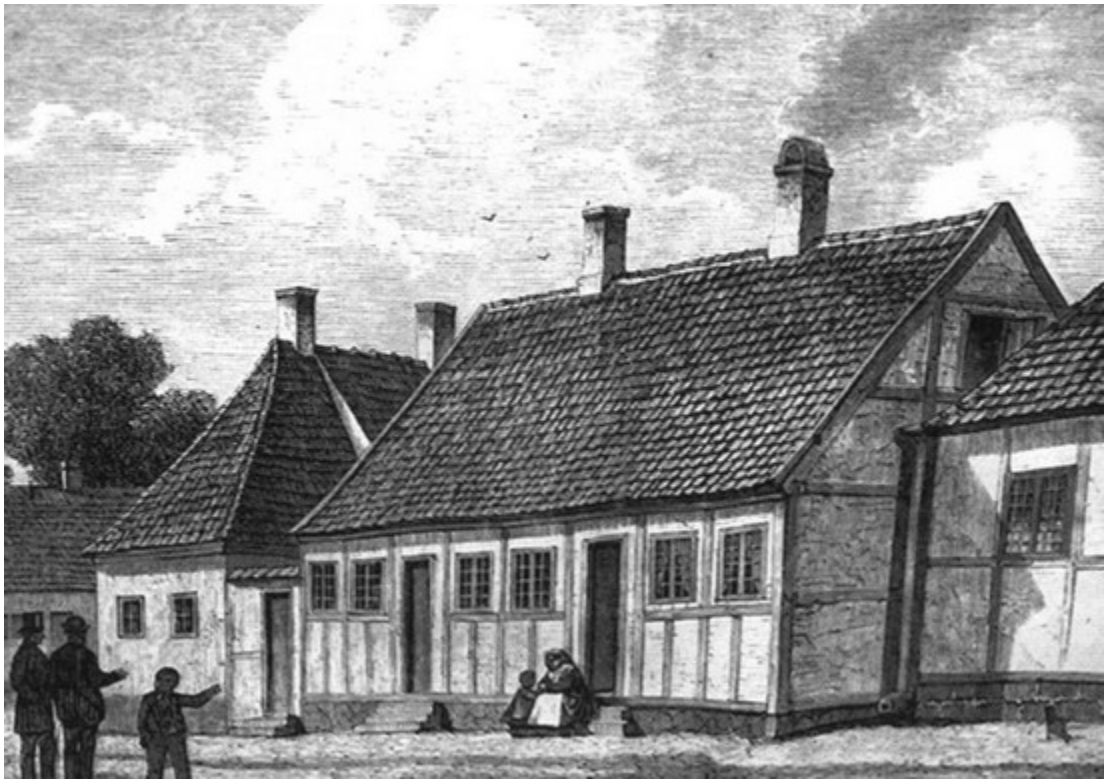
Страна, где вырос я, где чувствую родным
И каждый холм, и каждый нивы колос,
Где в шуме волн мне внятен милый голос,
Где веет жизнь пленительным былым…
Вы, берегов скалистые края,
Где слышны взмахи крыльев лебединых,
Вы — острова, очаг былин старинных,
О Дания! О родина моя!..[281]

Так кто же такой Андерсен? Или каким он был? До конца ни одна книга ответить на эти вопросы не может. Живой, заблуждающийся и увлекающийся человек, наделенный как уничижительной скромностью, так и большими амбициями, как талантом сопереживания, так и жаждой поделиться сокровищами своей души с другими людьми, он не вмещается ни в какие схемы. Зато читатель Андерсена, несомненно, его поймет.

Мне же остается лишь поаплодировать неожиданному высказыванию Константина Паустовского, который в часто печатающемся предисловии к андерсеновским книжкам сказок писал, что мальчиком, когда ему подарили такую же книжку на Новый год, «был почему-то уверен, что Пушкин и

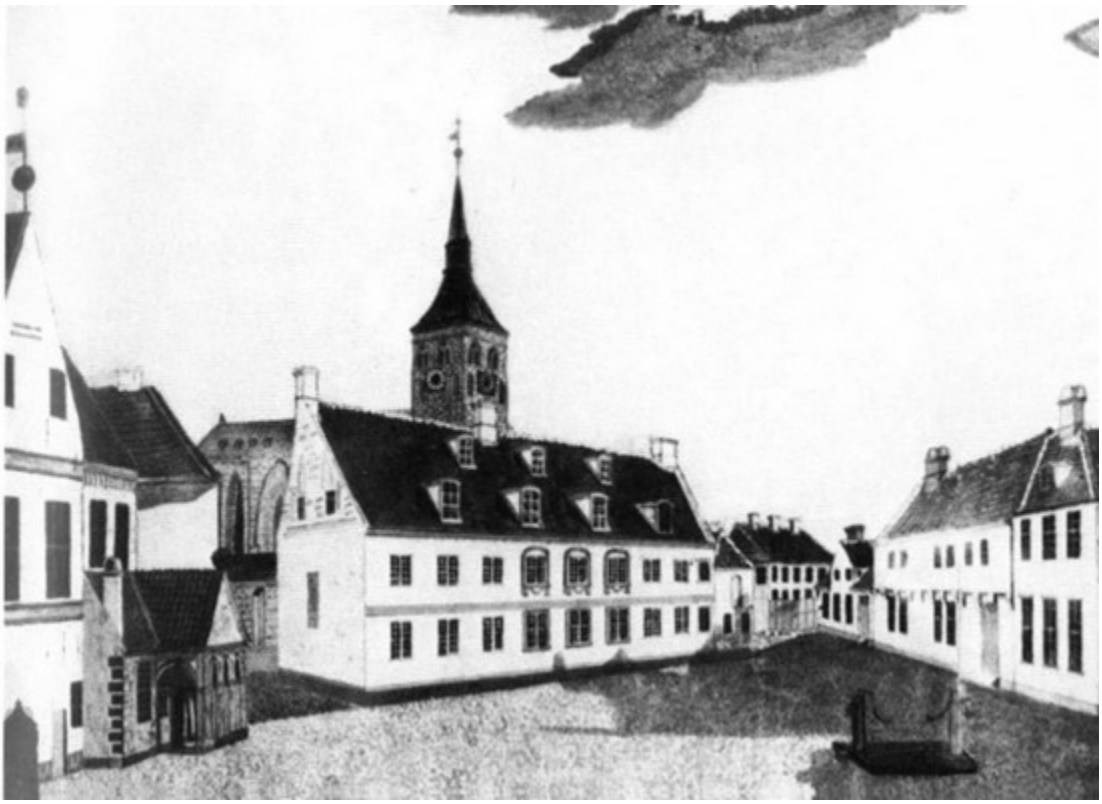
Андерсен были закадычными друзьями и, встречаясь, долго хлопали друг друга по плечу и смеялись»[282]. Их обоих роднили универсальность духа и легкость глубокого по сути отношения к жизни, в которой единственным непременным идеалом всегда было служение прекрасному.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Дом в Оденсе на улице Мункемёллерстреде, где прошло детство писателя

Старый центр Оденсе. Начало XIX в.

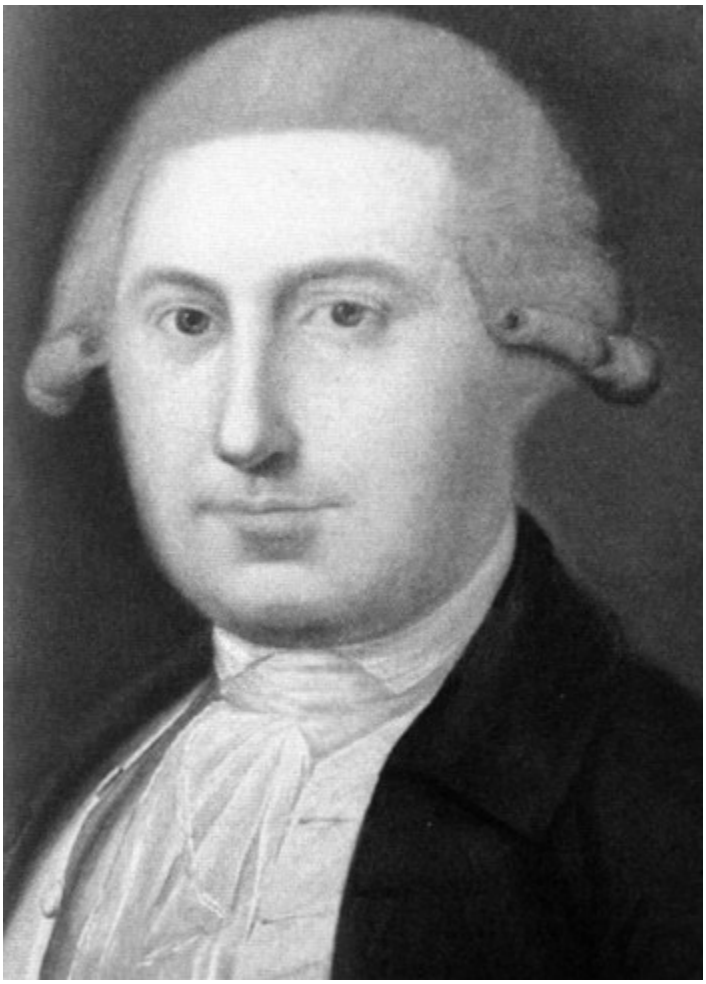


Оденсе. На заднем плане — церковь Святого Кнуда, где конфирмовался Андерсен. 1811 г.

Театр города Оденсе. 1850 г.

Полковник К. Хёг-Гульдберг, командир гарнизона Оденсе, один из первых покровителей Андерсена

Сцена прощания Андерсена с матерью и бабушкой при отъезде его из Оденсе в Копенгаген. Фреска Дома Андерсена в Оденсе работы Л. Стевнса



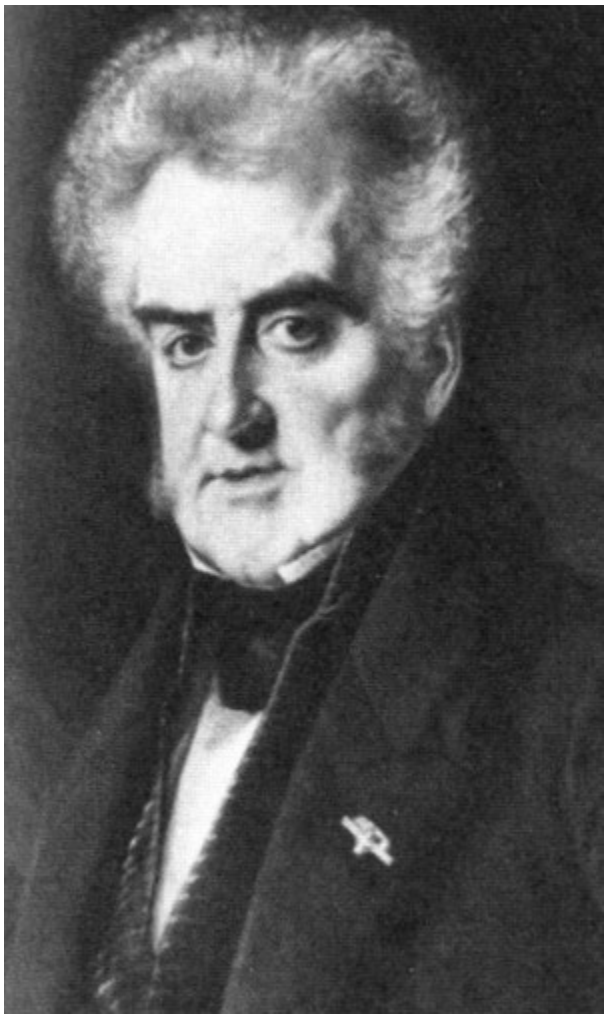
Портрет оденсейского издателя К. Х. Иверсена. 1786 г.

Х. Ханк, подруга Андерсена, внучка Иверсена

Вид на Копенгаген с Фредериксбергского холма. 1820 г.

А. М. Шалль в заглавной роли балета В. Галеотти «Нина»

Копенгагенский Королевский театр. 1841 г.



Д. Сибони, основатель оперной студии Королевского театра

Композитор и органист К. Э. Ф. Вайсе

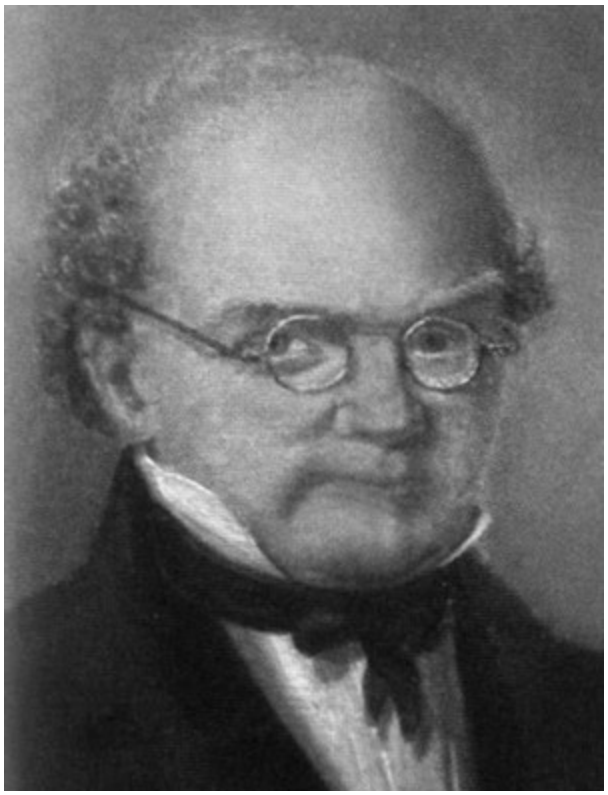
Х. Вульф, дочь командор-капитана Вульфа, подруга Андерсена

П. Ф. Вульф, командор-капитан, переводчик Шекспира. 1840 г.

Ф. Хёг-Гульдберг, профессор, переводчик и литератор, младший брат полковника К. Хёг-Гульдберга

А. Г. Эленшлегер. Литография с портрета работы К. В. Эккерсберга

Хольменсгаде (Улькегаде) — копенгагенская улица с плохой репутацией, где в 1819–1821 годах квартировал Андерсен



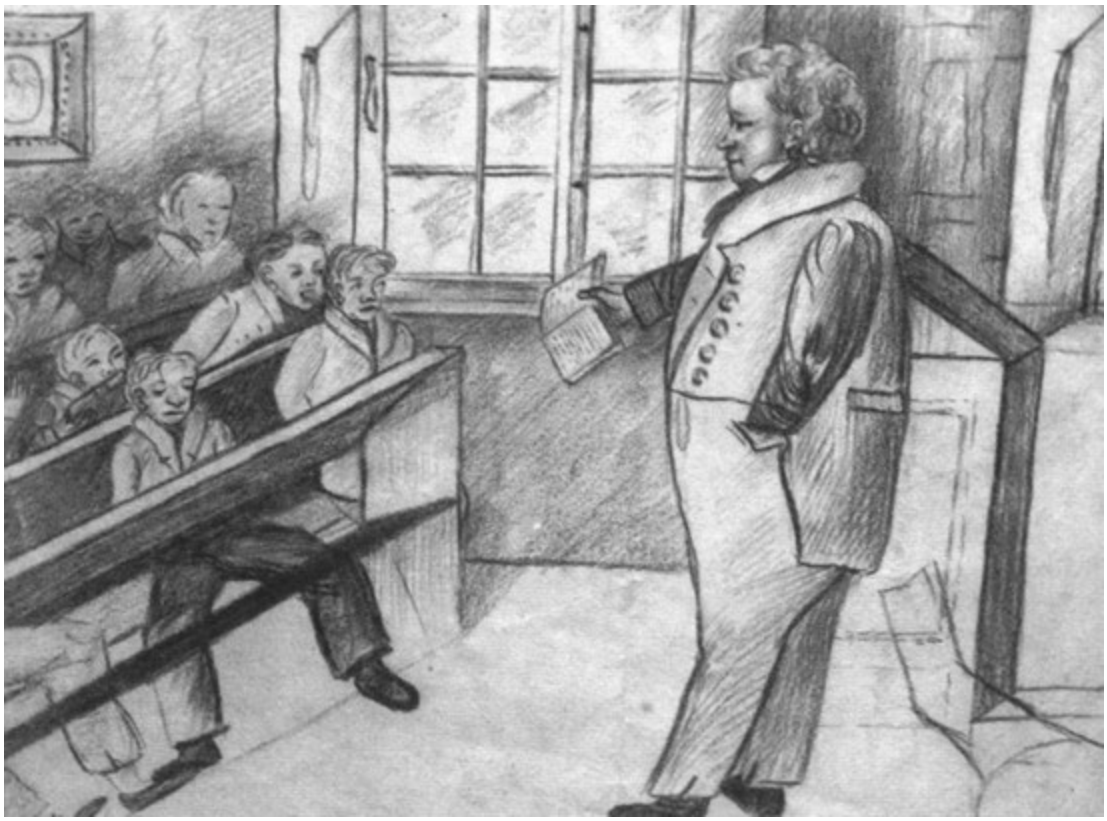
С. Мейслинг, ректор гимназий в Слагельсе и Хельсингёре

Х. К. Эрстед, датский физик и философ, друг Андерсена

Силуэт дочери Эрстеда Софи

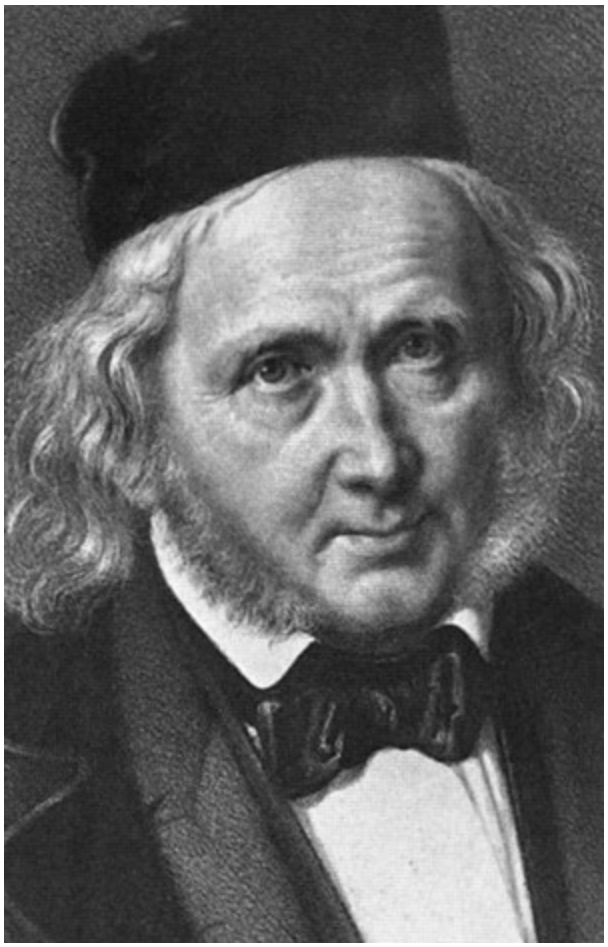
Карикатура на С. Мейслинга

Крест Святого Андерса в окрестностях Слагельсе, который посещал Андерсен



С. Мейслинг перед гимназистами в Хельсингёре. Рисунок К. Кводе, одноклассника Андерсена

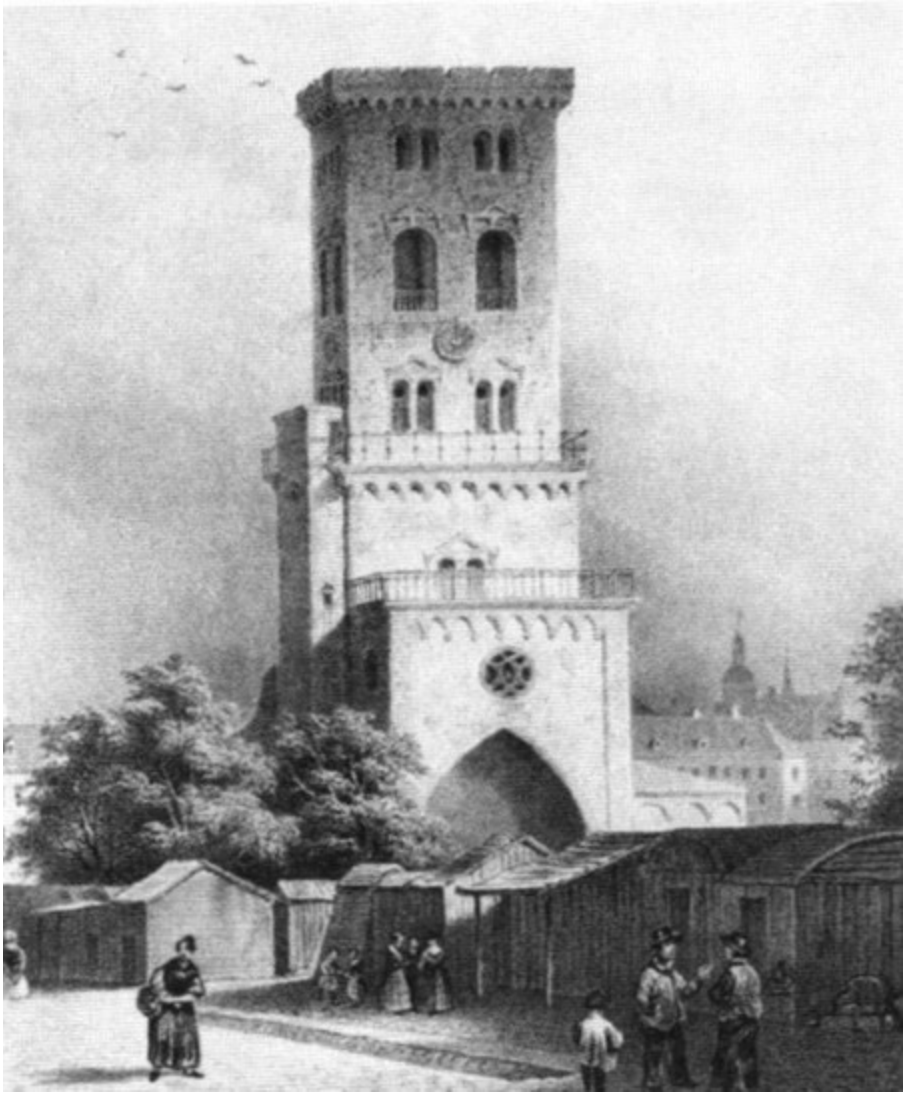
Б. С. Ингеман, писатель и поэт. 1822 г.



Б. С. Ингеман в зрелые годы

Вингордстреде, 131. Интерьер чердака, где в 1827–1828 годах жил Андерсен

Андерсен-студент. Рисунок К. Хартманна

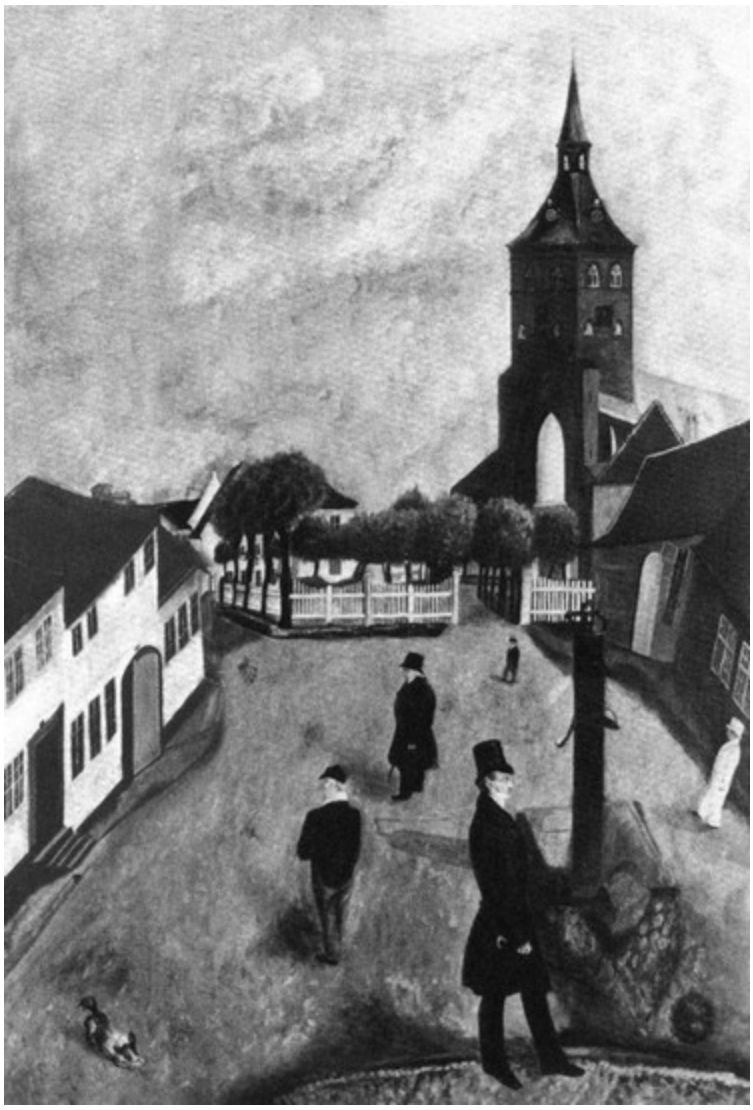


Церковь Святого Николая. Вид из окна чердака, где жил Андерсен

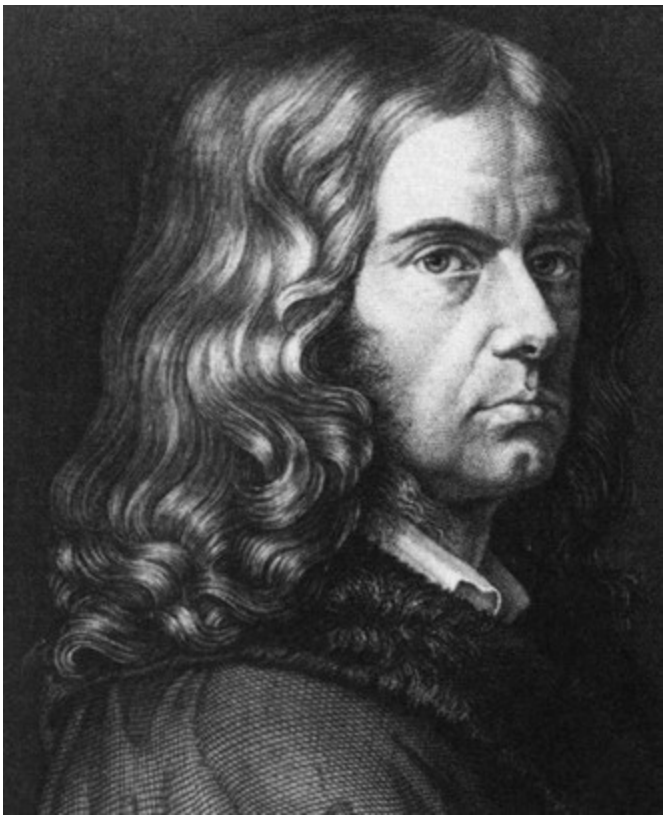
Конференц-советник Йонас Коллин

Младшая дочь конференц-советника Луиза

Сын конференц-советника Эдвард Коллин с женой Хенриеттой



Площадь Клингенберг в Оденсе в 1840 году



Немецкий писатель-романтик А. фон Шамиссо. 1831 г.

Немецкий писатель-романтик Л. Тик. 1830 г.

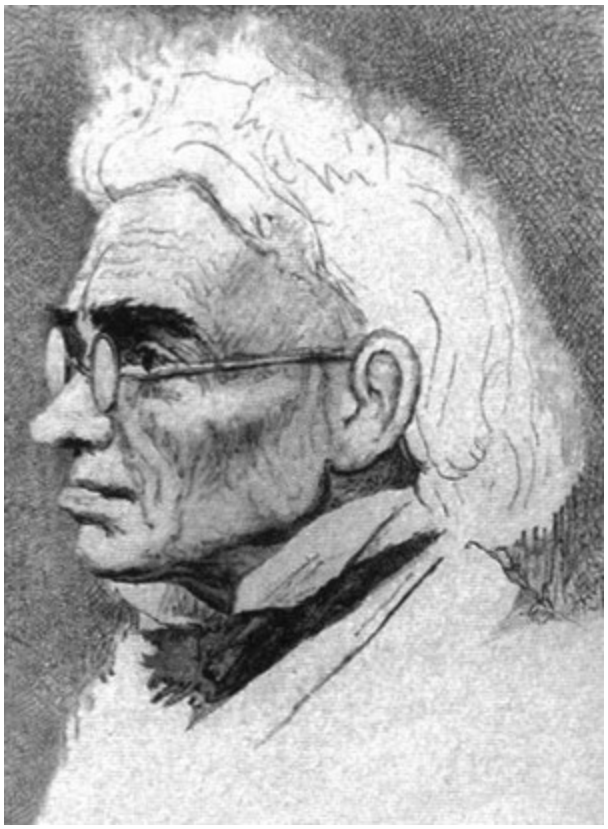
Генрих Гейне. 1839 г.

Йонас Коллин

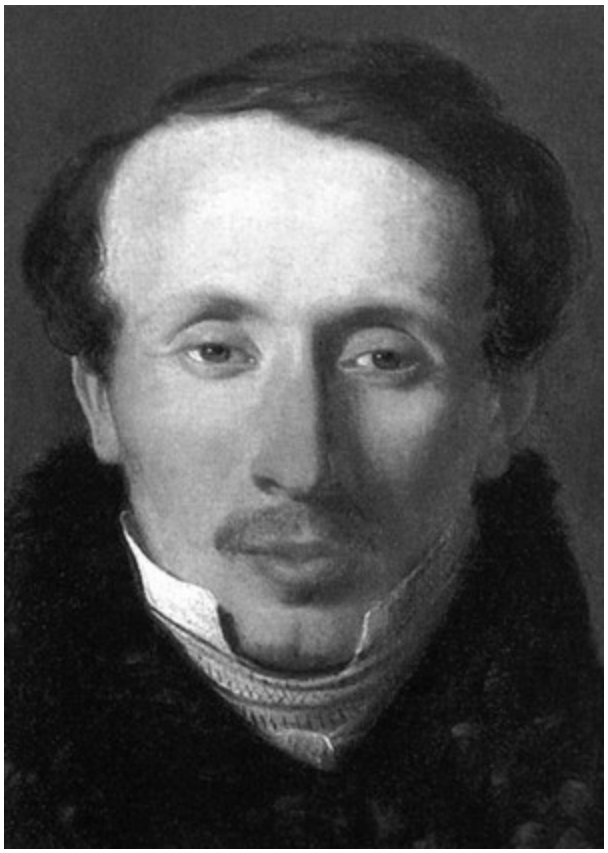
Андерсен. Портрет работы К. А. Йенсена. 1836 г.

Риборг Войт, в замужестве Бёвинг. С дагеротипа 1840-х гг.

Х. Херц, датский писатель и поэт. Портрет работы Э. Берентсена. 1842 г.

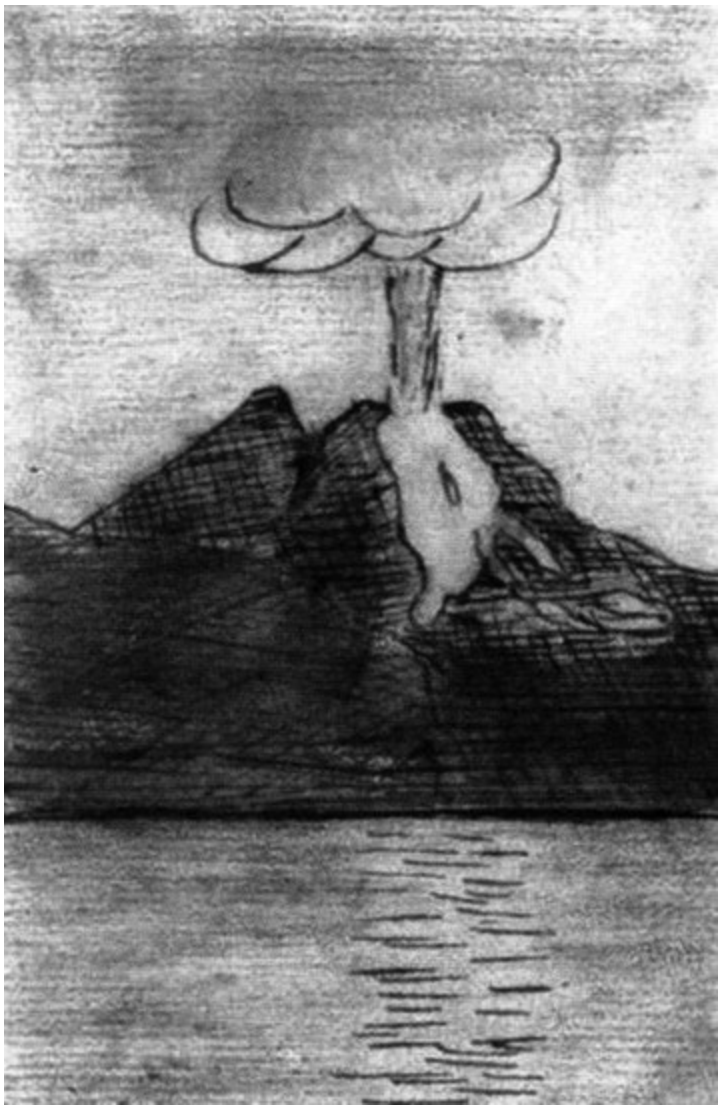


К. Мольбек, критик Андерсена, директор копенгагенского Королевского театра в 1830–1842 годах

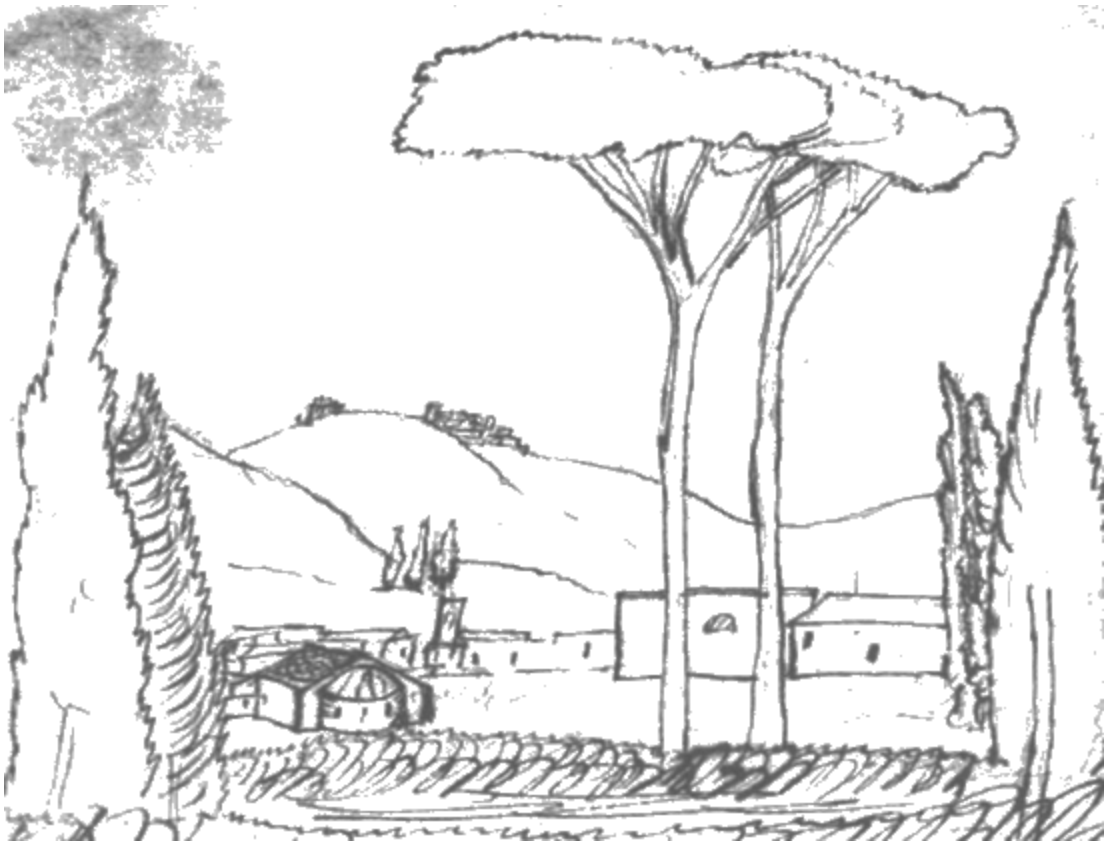


Андерсен в январе 1834 года. Портрет работы А. Кюхлера

Рисунок Андерсена с его надписью: «На Вилле Боргезе, где в 1833 г. мы праздновали Рождество»



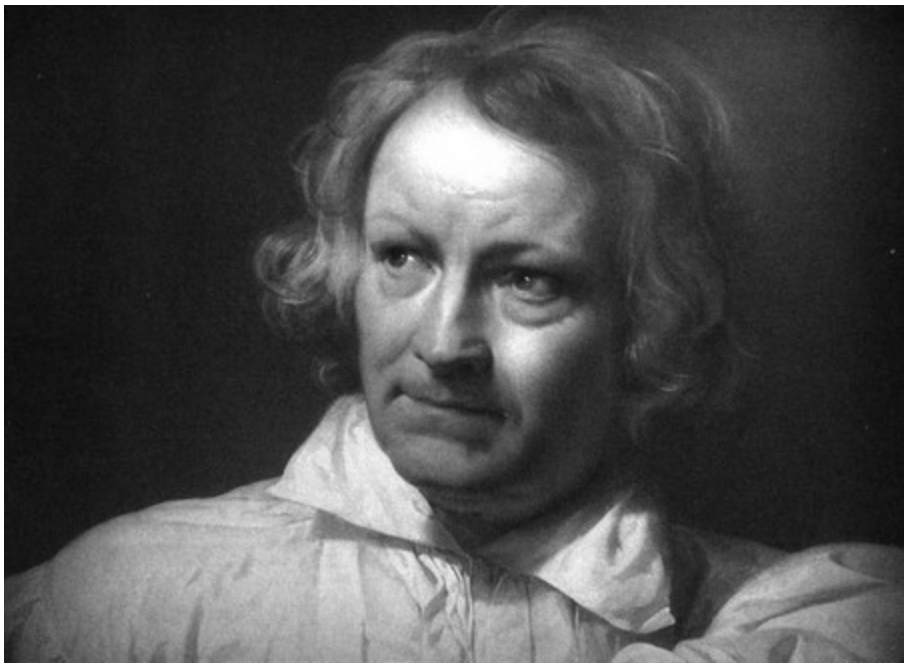
Извержение Везувия. Рисунок Андерсена. Неаполь. 2 марта 1834 г.



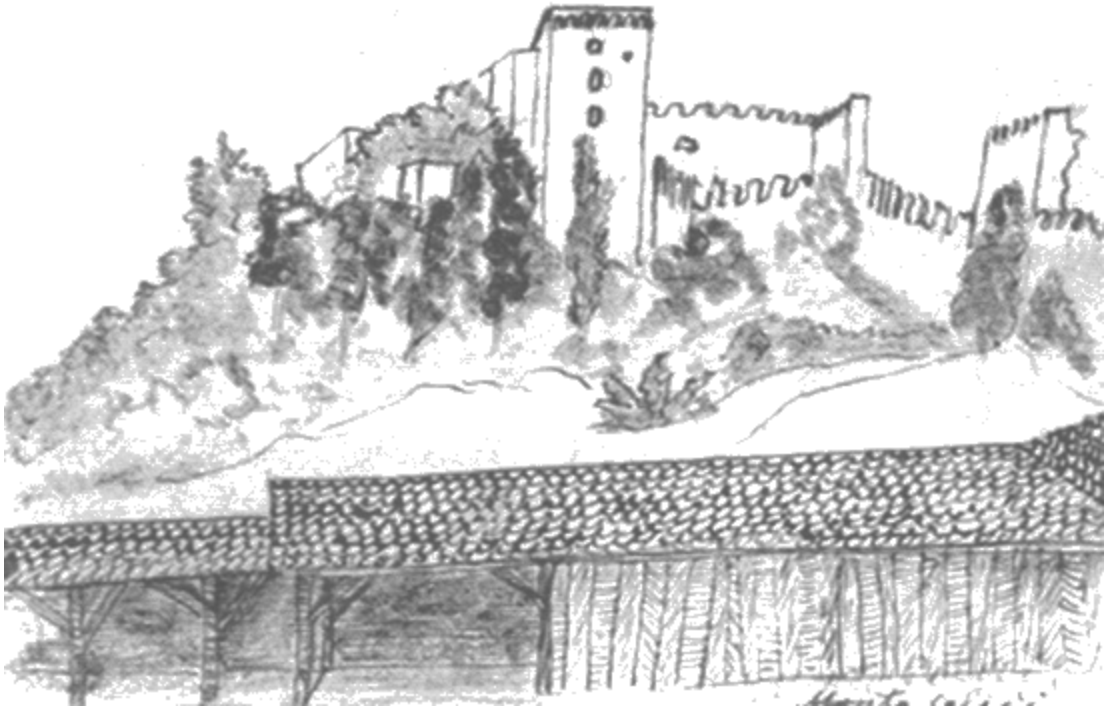
Итальянская деревня. Зарисовка Андерсена во время поездки по Италии в 1833–1834 годах

Извержение Везувия. Рисунок Андерсена. 13 марта 1834 г.

Итальянский крестьянин, снимающий виноград. Зарисовка Андерсена



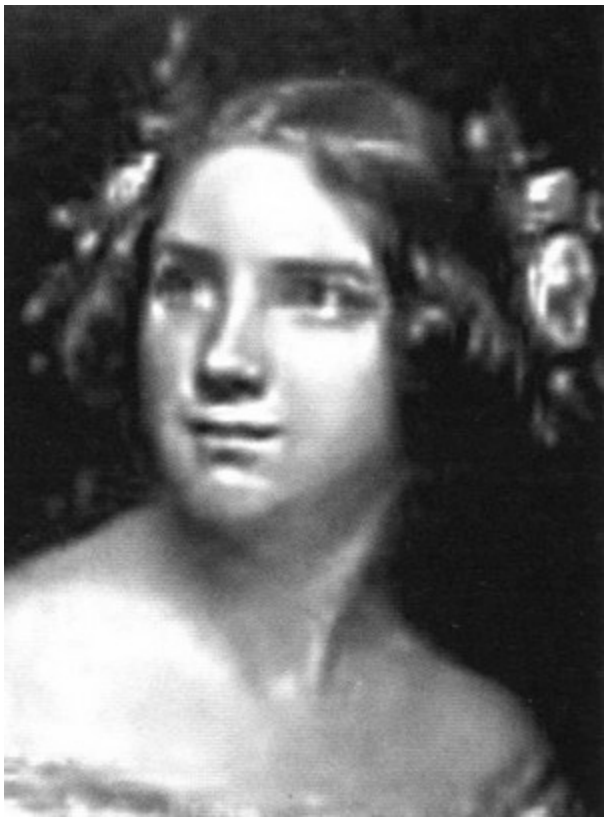
Датский скульптор Бертель Торвальдсен. Портрет работы О. Верне. 1835 г.



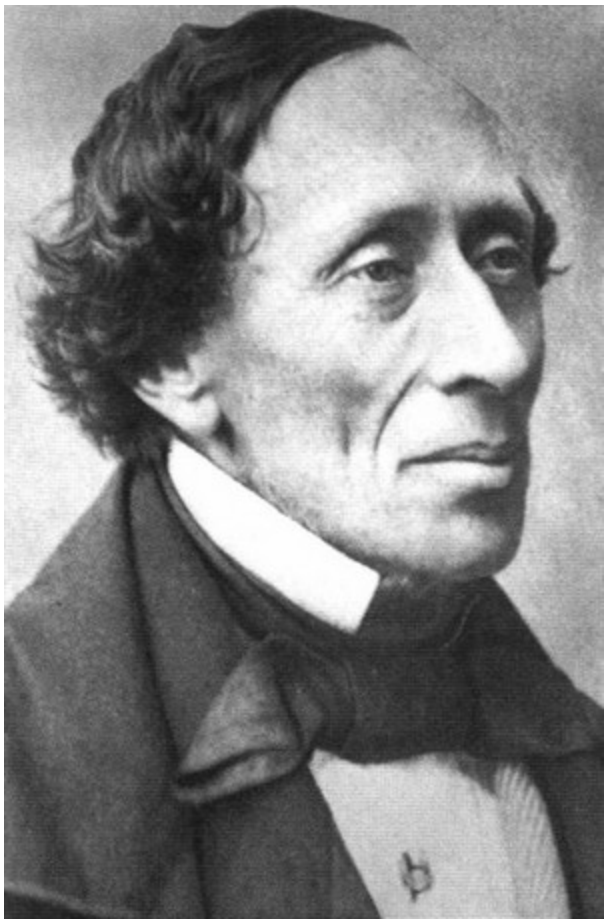
«Монте Каличи». Италия. Рисунок Андерсена

Шведская графиня Матильда Барк

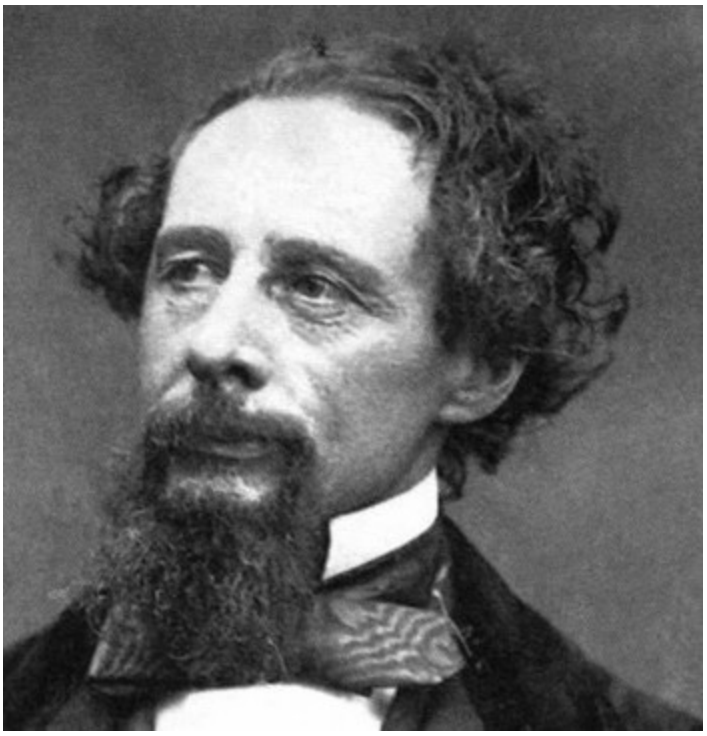
Йенни Линд. На фото, подаренном ею Андерсену, надпись: «Искусство и религия даны человеку на его пути к иному, лучшему миру»



Йенни Линд в 1840-е годы



Андерсен в конце 1840-начале 1850-х годов



Чарлз Диккенс. 1850-е гг.

Карикатура на Андерсена в датском журнале «Корсар» после его триумфальной поездки в Англию и Шотландию в 1847 году

Й. Л. Хейберг, датский драматург, поэт и критик. 1842 г.

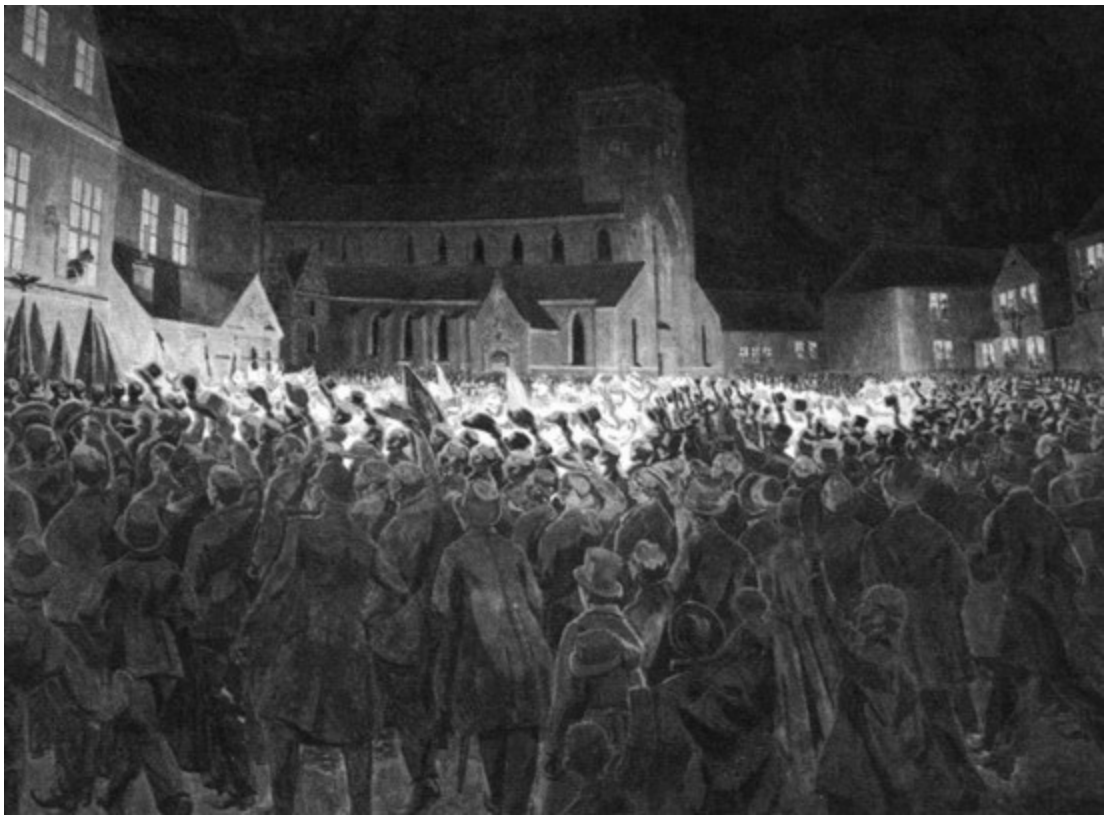
Йоханна Луиза, актриса, жена Й. Л. Хейберга

Столовая в загородном доме Диккенса Гэдсхилл

Ханс Кристиан у дома Коллинов 15 марта 1862 года

Карстен Хаух, датский писатель и драматург

Великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский Карл Александр



Факельное шествие в честь Андерсена. Оденсе. 6 декабря 1867 г. С фрески Дома Андерсена работы Л. Стевнса

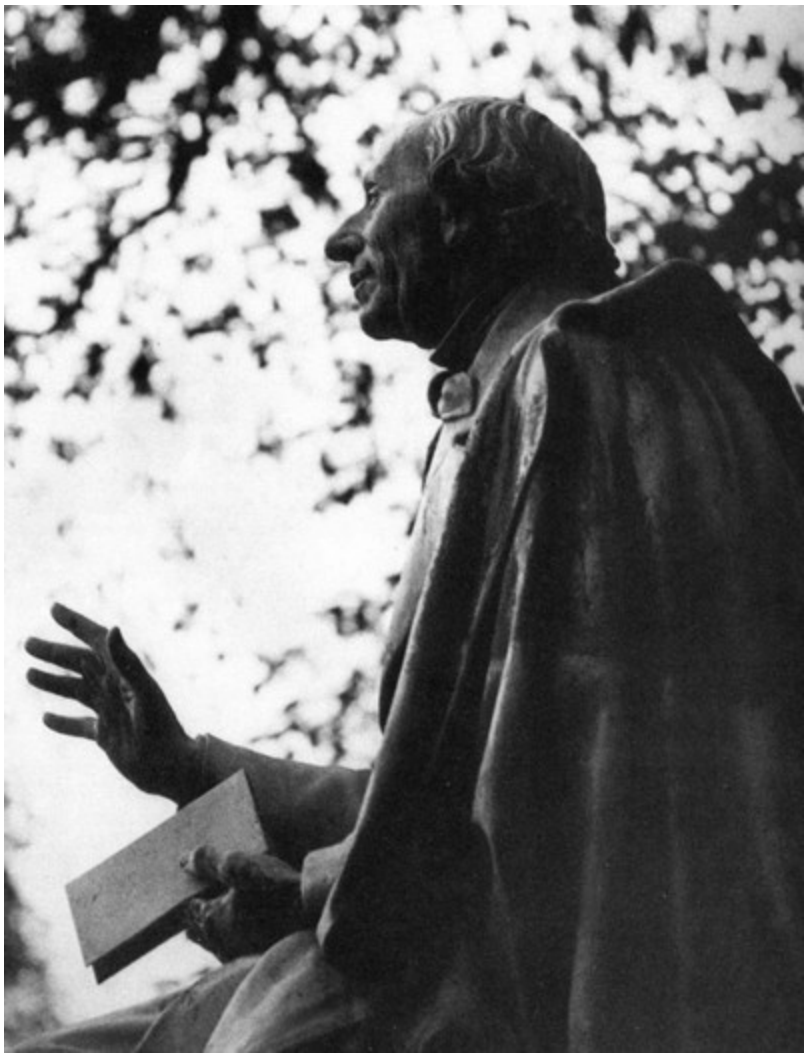
В кругу семейства Фрийс в поместье Фрийсенборг. 1863 г.

Доротея Мельхиор, урожденная Энрикес. 1860-е гг.

Ханс Кристиан в своей комнате в поместье Мельхиоров Рулигхед («Тишина»)

Андерсен в своей копенгагенской квартире в Нюхавне. Май 1874 г.

Могила Андерсена на кладбище Ассистенс в Копенгагене



Памятник Андерсену работы А. Собю в Королевском парке Копенгагена

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Х. К. АНДЕРСЕНА

***1805**, 2 февраля* — заключен брак между Анной Марией Андерсдаттер, прачкой (1775–1833), и Хансом Андерсеном, обувным мастером (1782–1816).

2 апреля — в городе Оденсе на острове Фюн родился Ханс Кристиан Андерсен.

***1807**, май* — Андерсены поселяются на улице Мункемёллерстреде в доме 3, в котором размещаются три семьи (12 человек).

***1814**, январь* — возвращение отца из армии, в которую он пошел служить за тысячу ригсдалеров. В результате банкротства государства реальная девальвация датских денег в десять раз. Здоровье отца подорвано.

***1816**, 26 апреля* — смерть отца.

***1818**, 8 июля* — мать Андерсена выходит замуж за башмачника Нильса Йоргенсена Гундерсё (1787–1822).

***1819**, 18 апреля* — конфирмация Ханса Кристиана в церкви Святого Кнуда.

21 апреля — переезд семьи в домик у речки Оденсе, «чуть далее по той же улице Мункемёллерстреде».

4 сентября — Андерсен отправляется в Копенгаген.

Сентябрь — ученичество у руководителя оперной студии Королевского театра Дж. Сибони.

1820–1822 — в балетной школе Королевского театра; выступления статистом на сцене.

***1821**, весна* — знакомство Ханса Кристиана с Э. Кольбьёрнсен и ее дочерью, фрейлиной принцессы Каролины. Андерсен в усадьбе Баккехюсет, общение с М. Тиле и другими писателями. Знакомство с А. Л. Йоргенсен и ее семейством.

Март — неудачный визит к директору Королевского театра Й. Коллину.

4 июня — Андерсен принят в певческую школу Королевского театра.

Осень — знакомство с Х. К. Эрстедом, одалживающим Андерсену книги для чтения.

***1822**, июнь* — договоренность с типографией об издании сборника «Юношеские начинания» под псевдонимом Уильям Кристиан Вальтер.

16 июня — трагедия «Разбойники из Виссенберга» отвергнута дирекцией Королевского театра.

3 сентября — драма «Солнце эльфов» отвергнута дирекцией театра, она готова предложить автору учебу в одной из гимназий.

13 сентября — Андерсен принимает предложение об обучении в гимназии города Слагельсе. Его куратором назначен Й. Коллин.

1822–1827 — годы учебы в Слагельсе и Хельсингёре под руководством С. Мейслинга.

1823 — по выходным дням Андерсен проводит время в Сорё с писателем Б. С. Ингеманом и его женой художницей Люси.

***1826**, май* — переезд в Хельсингёр, куда С. Мейслинг назначен ректором гимназии.

***1827**, март — апрель* — отношения с Мейслингом обостряются до разрыва. Перевод в Копенгаген, где продолжается подготовка к экзамену с платным преподавателем.

25 сентября — в газете «Копенгагенская почта» напечатано стихотворение «Умирающее дитя», переведенное впоследствии на несколько языков.

***1828**, 22 октября* — Андерсен сдает университетский экзамен.

***1829**, 2 января* — выходит в свет повесть «Прогулка от Хольмен-канала до восточной оконечности острова Аматер, предпринятая в 1828–1829 годах».

25 апреля — премьера водевиля «Любовь на башне церкви Святого Николая, или Что скажет партер» в Королевском театре.

***1830**, 2 января* — выходят «Стихотворения» Андерсена с его первой романтической сказкой «Мертвец».

Май — июнь — путешествие по Ютландии и Фюну с целью сбора материалов для романа «Карлик короля Кристиана II».

7 августа — в Фоборге, будучи в гостях у К. Войта, Андерсен влюбляется в его сестру Риборг.

***1831**, 16 мая — 24 июня* — первое заграничное путешествие: Северная Германия.

19 сентября — выходят путевые записки «Теневые картины путешествия по Гарцу, Саксонской Швейцарии и прочим местам летом 1831 года».

***1832**, лето* — принц Кристиан (будущий король Кристиан VIII) посещает богадельню Оденсе и сообщает матери Андерсена, что она может гордиться своим сыном.

2—17 июля — Ханс Кристиан в Оденсе, где в последний раз видится с матерью.

Октябрь — Андерсен пишет последнюю часть воспоминаний, которые были обнаружены в Королевской библиотеке в 1926 году.

***1833**, 13 марта* — получение стипендии в 1200 ригсдалеров (дополнена потом до 1600 ригсдалеров) на двухгодичную поездку за границу.

1833–1834 — путешествие во Францию, Швейцарию, Германию, Австрию и Италию.

***1833**, 10 мая — 15 августа* — Андерсен в Париже. Знакомство с Г. Гейне и В. Гюго. Написана первая часть драматической поэмы «Агнете и Водяной».

22 августа — 14 сентября — в Швейцарии, в доме часовых дел мастера Ж. Урье в горном Ле Локле.

Закончена и отослана Э. Коллину вторая часть поэмы «Агнете и Водяной».

1833, 5 сентября — 1834, апрель — в Италии. Известие о смерти (7 октября) матери. Неудача «Агнете и Водяного».

***1834**, 3 августа* — возвращение на пароходе «Фредерик VI» в Данию.

***1835**, 9 апреля* — вышел в свет роман «Импровизатор».

8 мая — выходит первый выпуск «Сказок, рассказанных детям».

10 декабря — выходит второй выпуск «Сказок, рассказанных детям».

***1836**, 21 апреля* — выходит роман «О. Т.».

***1837**, июнь-июль* — путешествие по Швеции. Знакомство с Ф. Бремер.

Октябрь — в журнале «Ревю де Пари» опубликован очерк К. Мармье «Жизнь поэта» об Андерсене.

22 ноября — выходит роман «Всего лишь скрипач».

***1838**, май* — назначение писательской стипендии в 200 ригсдалеров серебром в год. С 1845 года по инициативе короля она увеличена до 600 ригсдалеров, а с 1860 года — до 1000 ригсдалеров.

***1839**, 20 декабря* — выходит из печати «Книга картин без поэтических образов», ныне почти забытый сборник стихотворений в прозе.

***1840**, 3 февраля* — Королевский театр успешно ставит драму «Мулат». *1840, 31 октября — 1841, 13 июля* — путешествие по Европе и Ближнему Востоку.

***1842**, 30 апреля* — выход путевых записок путешествия на Восток «Базар поэта».

***1843**, 30 января — 15 июня* — путешествие по Германии и Франции. В Париже Андерсен встречается с О. Бальзаком, А. Дюма-отцом, Г. Гейне, А. де Ламартином и А. де Виньи.

9—20 августа — Йенни Линд в Копенгагене. Свидания с ней, подарки, цветы, стихи.

***1844**, январь — март* — бурные переживания в связи с влюбленностью в юного Х. Стампе, внука баронессы К. Стампе, опекавшей Б. Торвальдсена в последние годы его жизни в ее поместье Нюсё.

14 февраля — успешная постановка Й. Л. Хейбергом в Королевском театре исторической драмы Андерсена «Грезы короля».

23 мая — 31 июля — путешествие по Германии.

29 августа — 9 сентября — по приглашению королевы Каролины Амалии отдых вместе с королевской семьей на острове Фёр. Посещение островов Оланд и Амрум.

1845 — выходит в свет роман подруги Андерсена Х. Ханк «Тетушка Анна» с его предисловием.

26 марта — премьера комедии «Новая „Комната роженицы“» в Королевском театре.

25 сентября — 22 октября — Йенни Линд в Копенгагене. Андерсен почти ежедневно видится с ней.

1845, 22 ноября — 1846, 13 октября — путешествие по Германии, Австрии и Италии. В Берлине Андерсен встречается с Йенни Линд и отмечает в дневнике 19 декабря: «Я не люблю ее, как должно мужчине, я только испытываю к ней чувство». В Веймаре наследный великий герцог уговаривает Андерсена остаться в качестве «нового Гёте».

***1847**, январь — февраль* — выходят два первых тома собрания сочинений Андерсена на немецком языке с автобиографией «Моя жизнь как сказка без вымысла».

13 мая — 30 августа — путешествие по Голландии, Англии и Шотландии. Знакомство с Ч. Диккенсом.

***1848**, 28 сентября* — в Лондоне выходит роман «Две баронессы».

25 ноября — «Две баронессы» выходят в Дании.

Декабрь — выходит немецкое издание «Собрания сказок» с иллюстрациями В. Педерсена.

***1849**, 17 мая — 2 июля* — путешествие по Швеции.

3 октября — премьера сказочной пьесы «Дороже жемчуга и злата» в театре «Казино».

***1850**, 1 марта* — премьера комедии «Оле-Лукойе» в «Казино».

***1851**, 19 мая* — книга эссе «В Швеции» выходит в Дании и Германии.

24 мая — Андерсен в гостях у Х. Стампе и И. Древсен (дочери Ингеборг Древсен, в девичестве Коллин) в их усадьбе Кристинелунд.

6 октября — присвоение звания почетного профессора Копенгагенского университета.

1 декабря — премьера фантастической драмы «Бузинная матушка» в театре «Казино».

***1852**, 16 мая — 22 июля* — поездка по Германии, Италии и Швейцарии.

23 сентября — публикация стихотворного некролога профессору Ф. Хёг-Гульдбергу.

***1853**, 27 июня, 3 августа — 6 сентября* — посещение в Ютландии Силькеборга — места действия будущего романа «Быть или не быть».

2 октября — письмо от 28-летней Клары Хайнке, немецкой художницы из Бреслау, влюбленной в Андерсена.

7 ноября — выходят первые два тома датского собрания сочинений.

***1854**, 8 мая — 6 июля* — путешествие с сыном И. Древсен Эйнаром по Германии и Италии.

***1855**, 28 июня — 21 сентября* — путешествие по Германии.

***1856**, 6 июня — 4 августа* — путешествие по Германии.

***1857**, 20 мая* — выходят датское, английское и немецкое издания романа «Быть или не быть».

11 июня — 15 июля — в гостях у Диккенса в его загородном доме Гэдсхилл.

5 *июля* — заметка в дневнике об Анне Бьерринг, 25-летней учительнице из Ольбурга. Бьерринг умерла в 1902 году и завещала похоронить письма Андерсена вместе с собой.

11 августа — встреча с Кларой Хайнке после четырехлетней переписки с ней.

***1858**, 30 марта* — король Фредерик VII впервые приглашает Андерсена на обед.

15 июня — 22 августа — поездка по Германии и Швейцарии с Х. Древсеном, сыном И. Древсен.

7 *октября* — Андерсен узнает о гибели давней приятельницы и друга Х. Вульф на пароходе «Австрия» 13 сентября.

***1859**, 28 мая* — приглашение в королевский замок Фредериксберг. На лодочной прогулке по озеру Андерсен читает королю и его семье сказку «Ветер рассказывает о Вальдемаре До». 17 декабря Фредериксберг был уничтожен пожаром.

20 июня — 12 сентября — путешествие по Ютландии.

***1861**, 5 апреля — 21 августа* — путешествие с внуком Й. Коллина Й. Коллином-младшим по Германии, Италии и Швейцарии. Общение в Риме с норвежским писателем Б. Бьёрнсоном, английским поэтом Р. Браунингом и норвежским писателем-фольклористом П. К. Асбьёрнсеном.

***1862**, 26 июля — 1863, 21 января* — путешествие с Й. Коллином-младшим по Германии, Швейцарии, Испании и Франции.

11 марта — праздничный обед в честь Андерсена, устроенный скандинавским землячеством в Париже.

***1864**, 14 апреля* — на обеде у английского посланника Андерсен не будет говорить на немецком языке — языке пушек, уж лучше плохой английский.

Август — в гостях у Й. Трампе в поместье Нюсё Андерсен выслушивает упреки в «реакционности»: он — сторонник «короля-немца». Примирение. Ионна Трампе признает, что от разрыва с Германией Андерсен многое потерял.

***1865**, 14 сентября —13 октября* — поездка по Швеции.

28 сентября — Андерсен принят шведским королем Карлом XV во дворце Ульриксдаль и королевой-матерью Юсефиной во дворце Дроттнингхольм.

***1866**, 7 февраля — 5 сентября* — путешествие в Голландию и Португалию. В Португалии Андерсен в гостях у братьев Хорхе и Хосе О’ Нил, воспитывавшихся в течение четырех лет в семье Вульфов.

***1867**, 15 апреля — 9 мая* — поездка в Париж в связи с Всемирной выставкой. *1 мая* — группа скандинавов устраивает во дворце Пале-Рояль праздник в честь Андерсена.

26 мая — по случаю королевской серебряной свадьбы писателю присуждается звание государственного советника 3-го класса.

7—22 сентября — вторая поездка в Париж на Всемирную выставку.

6 декабря — Андерсен на родине. Праздник по случаю присуждения ему звания почетного гражданина Оденсе.

***1868**, 26 апреля — 3 июля* — поездка в Голландию и Швейцарию.

***1869**, 26 сентября — 1870, 7 марта* — поездка в Германию, Швейцарию, Австрию и Францию.

11 ноября — вышла в свет повесть «Счастливчик Пер».

***1871**, 25 июля — 30 августа* — поездка в Швецию и Норвегию. В Осло с приветственной речью к Андерсену обращается собиратель норвежских народных сказок Й. Му.

***1872**, 12 апреля — 5 июня* — поездка в обществе 21-летнего кандидата и начинающего писателя В. Блока по Германии, Австрии и Италии.

13 июня — Андерсен посещает Международную промышленную выставку в Копенгагене. Заметив, что его портрета нет среди портретов других скандинавских писателей, он записал в дневнике: «Зато я присутствую на выставке в виде шоколадки, меня можно погрызть и тут».

Ноябрь — декабрь — тяжелая болезнь Андерсена. Королевская семья регулярно справляется о его здоровье. Кронпринц Фредерик посещает его на квартире в Нюхавне.

18 ноября — сотое представление «Дороже жемчуга и злата» в театре «Казино». С помощью В. Блока Андерсен посещает театр.

24 декабря — в квартире Андерсена в Нюхавне семья Мельхиор ставит для него елку. Сочельник в обществе В. Блока.

***1873**, 16 февраля* — больного Андерсена навещает кронпринц Фредерик. *11 апреля* — подготовка к путешествию в Германию и Швейцарию. Визит в Амалиенборг. Королевская семья спускается на первый этаж, чтобы попрощаться с Андерсеном.

14 апреля — 25 июля — последнее путешествие (с помощью молодого писателя Н. Бёга) по Германии и Швейцарии. Лечение в разных городах не приносит желаемых результатов.

17 ноября — Андерсен выигрывает в лотерею 500 ригсдалеров.

24 декабря — сочельник в обществе студента теологии Э. Л. Оксена.

***1874**, 1 апреля* — Андерсена навещает А. Бьерринг, приехавшая на его день рождения.

2 апреля — по случаю семидесятилетия Андерсена Кристиан IX награждает его орденом Данеброга 1-й

степени и возводит в звание конференц-советника. Праздничный обед в семье Мельхиор.

17 мая — визит К. Хайнке с сестрой. Писатель катает их в коляске по городу.

***1875**, 4 августа* — Андерсен умер от рака печени в поместье семьи Мельхиор Рулигхед в окрестностях Копенгагена.

11 августа — прощание с поэтом в Копенгагенском кафедральном соборе в присутствии короля, кронпринца и всех видных людей Дании. Писатель похоронен на кладбище Ассистенс.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсен Г. Х. Полное собрание сочинений: В 4 т. / Сост. и пер. А. и П. Ганзенов. СПб.: Тип. — лит. С. М. Николаева, 1894–1895.

Андерсен Х. К. Сказки, рассказанные детям; Новые сказки /Изд. подгот. Л. Ю. Брауде, И. П. Стреблова. М.: Наука, 1983.

Андерсен Х. К. Сказки. Истории. Новые сказки и истории /Изд. подгот. Л. Ю. Брауде, И. П. Стреблова. М.: Науч. — изд. центр «Ладомир»; Наука, 1995.

Андерсен Х. К. Собрание сочинений: В 4 т. /Сост. А. Чеканский, О. Рождественский, А. Сергеев. М.: Вагриус, 2005.

Breve fra og от H. C. Andersen //http://www. andersen. sdu. dk/brevbase/ index, html

H. C. Andersens Dagbøger: I–XII. — København: Det Danske sprog — og litteraturselskab, 1971–1976.

Андерсен в русской литературе: Писатели о писателе /Сост. Б. А. Ерхов. М.: Рудомино, 1997.

Брауде Л. Ю. Ханс Кристиан Андерсен и его сборники «Сказки, рассказанные детям» и «Новые сказки» *//Андерсен Х. К.* Сказки, рассказанные детям; Новые сказки /Изд. подгот. Л. Ю. Брауде, И. П. Стреблова. М., 1983.

Брауде Л. Ю. Ханс Кристиан Андерсен и его сборники «Сказки», «Истории» и «Новые сказки и истории» *// Андерсен Х. К.* Сказки. Истории. Новые сказки и истории /Изд. подгот. Л. Ю. Брауде, И. П. Стреблова. М., 1995.

Вайль П. Гадкий солдатик *// Вайль П.* Гений места. М., 2006.

Коровин А. В. Сказки и истории Х. К. Андерсена / *Коровин А. В.* Датская и исландская малая проза. М., 2011.

Сергеев А. В. «Жизнь в поэтическом свете»: Мир творчества Ханса Кристиана Андерсена //*Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1.

Ханс Кристиан Андерсен: Библиографический указатель /Сост. и вступ. ст. Э. В. Переслегиной. М.: Книга, 1979.

Bredsdorff E. H. C. Andersen: Mennesket og digteren. København: Fremad, 1979.

Mortensen K. P. Tilfældets poesi: H. C. Andersens forfatterskab. København: Gyldendal, 2007.

Mylius J., de. H. C. Andersens liv. Dag for dag. København: Aschehoug, 1998.

Nielsen E. H. C. Andersen. København: Gyldendal, 1964.

---

notes

Примечания

1

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1975. Bd. 10. S. 458.

2

Коллин Э. Г. Х. Андерсен и семья Коллинов // *Андерсен Г. Х.* Полн, собр. соч.: В 4 т. /Пер. А. и П. Ганзенов. СПб., 1895. Т. 4. С. 456.

3

Ютландия — полуостров между Балтийским и Северным морями. Бóльшую, северную ее часть занимает территория Дании.

4

Зеландия — второй по величине после Гренландии остров Дании. Расположен между проливом Каттегат и Балтийским морем, отделен от Швеции проливом Эресунн, а от датского острова Фюн, родины Андерсена, — проливом Большой Белы.

5

Андерсен Г. Х. Фрийсенборг, 27 августа 1868 г. //Там же. С. 382.

6

«Хагбарт и Сигне» (1815) — романтическая трагедия А. Эленшлегера, созданная по мотивам баллады с сюжетом из скандинавского Средневековья.

7

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Bredsdorff E.* H. C. Andersen. København, 1979. S. 51.

8

Маленькая Нелл — героиня романа Ч. Диккенса «Лавка древностей» (1841).

9

Там же. S. 382.

10

Рольфс Г. Из воспоминаний о Гейне //Гейне в воспоминаниях современников /Пер. С. Фридлянд. М., 1988. С. 418.

11

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 304.

12

Письмо Хенриетте Вульф от 16 февраля 1833 года.

13

А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. Л., 1937. Т. 13. С. 243–244.

14

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 5–200.

15

Сказка моей жизни, без вымысла: Автобиографический очерк /Пер. с нем. А. Грена // Репертуар и Пантеон. СПб., 1851. Кн. 7–9.

16

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 8.

17

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 10.

18

Bjornsten L. Historien от H. C. Andersens barneseng //<http://www.heandersen-homepage.dk/ katafalken.htm>

19

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S.7.

20

Там же. S. 8.

21

Людвиг Хольберг (1684–1754) — выдающийся деятель европейского Просвещения, комедиограф, прозаик, историк и философ. Он считается основоположником не только датской, но и норвежской литературы, поскольку в эпоху, когда Дания и Норвегия составляли одно государство, родился в Бергене и провел там детство и раннюю юность. Переведенный из закрытой в Бергене гимназии в Копенгагенский университет, Хольберг со временем становится в нем профессором метафизики, риторики и истории. Будучи рачительным и практичным человеком (с 1737 года он заведует финансовой частью университета), на деньги, которые получал от своих работ, Хольберг скупал земли, доход от которых король освобождал от налогов, поскольку значительно большие суммы ученый тратил на содержание Рыцарской академии, готовившей чиновников-дворян для датской короны. Этому же учебному заведению Хольберг завещал все свое состояние, получив перед этим в 1747 году за заслуги перед страной титул барона. В молодости писатель много путешествовал по Италии, Германии и Франции. Не будучи формально студентом, он два года провел в Оксфорде и был одним из самых образованных людей своего времени. Свои комедии из современной жизни в духе Мольера, Плавта и итальянской комедии масок Хольберг писал для учрежденного королем в 1721 году первого датского публичного театра, где с большим успехом шли его острые на язык сатирические комедии нравов, такие как «Оловянщик-политикан» (1722), «Жан де Франс» (1722), «Йеппе с горы» (1722), «Дон Ранудо де Колибрадос» (1723). После катастрофического пожара в Копенгагене в 1728 году и закрытия театра

писатель, тогда уже автор более двадцати пяти пьес, почти оставляет драматургию, к которой все же спорадически возвращается, и создает в основном работы по истории и географии Дании, а также по философии и языку. Самое крупное литературное произведение этого периода — написанный на латыни и изданный за границей сатирический роман-антиутопия «Подземные путешествия Нильса Клима» (1741). Произведения Хольберга самых различных жанров, включая «Нравоучительные басни» в переводе Д. Фонвизина, много издавались в России в 1750-1760-е годы.

22

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 49.

23

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 13.

24

Сульженко Г. А. Несчастливые истории со счастливым концом *//Андерсен Г. Х.* Сказки и истории. СПб., 2006. Т. 1. С. 10.

25

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 15.

26

Там же. С. 29.

27

Там же. С. 14.

28

Имя Абор созвучно слову *aborre* — окунь *(дат.).*

29

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 24.

30

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 20.

31

Там же. S. 22.

32

Там же. S. 25.

33

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 31.

34

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 24.

35

В эпоху Андерсена один ригсдалер был эквивалентен приблизительно 200 современным датским кронам.

36

Эта дата указана Андерсеном в «Сказке моей жизни». В первых автобиографических записках и в «Моей жизни как сказке без вымысла» указано 5 сентября.

37

Кнуд Люне Рабек (1760–1830) — писатель и драматург просветительского направления, издавал журналы «Минерва» (1785–1808) и «Датский зритель» (1791–1806), покровительствовал начинающим литературным талантам, в частности сопернику Андерсена по его будущей всеевропейской славе Адаму Готлобу Эленшлегеру.

38

Там же. S. 32.

39

Джузеппе Сибони (1780–1839) — итальянский оперный тенор и преподаватель пения. Выступал в Милане, Лондоне и Петербурге. Был приглашен датским королем Кристианом VIII возглавить оперную студию в копенгагенском Королевском театре, где проработал до конца своей жизни. В 1825 году основал в Копенгагене датскую королевскую консерваторию. Одной из его учениц была будущая прима Королевского театра Йоханна Луиза Хейберг.

40

Йенс Иммануэль Баггесен (1764–1826) — поэт и писатель-сентименталист. Его основным произведением, известным каждому образованному датчанину, было сочинение «Лабиринт, или Поездка по Германии, Швейцарии и Франции» (1792–1793), «сентиментальное путешествие» в духе знаменитого романа Лоренса Стерна. Портрет Баггесена оставлен нам Н. М. Карамзиным в его «Письмах русского путешественника» (он и Баггесен проделали часть пути в одном экипаже). В разные периоды жизни Баггесен был германофилом, приверженцем идей Ж. Ж. Руссо, пылким сторонником французской революции и почитателем ранних романтических произведений А. Эленшлегера, с которым позже резко разошелся во взглядах и вел полемическую, так называемую «семилетнюю войну», результатом которой была полувынужденная эмиграция во Францию. Писал на немецком и датском языках.

41

Кристоф Эрнст Фридрих Вайсе (1774–1842) — автор опер, музыкальных спектаклей, кантат и песен; служил в копенгагенских соборах органистом, с 1819 года придворный композитор; ныне известен главным образом как автор датского романса. В юности Вайсе, происходившему из небогатой семьи в Альтоне, приходилось жить у своего копенгагенского учителя, композитора и капельмейстера Й. А. П. Шульца.

42

Там же. S. 34.

43

Там же. S. 36.

44

«Корреджо» (1809) — романтическая драма А. Эленшлегера, посвященная судьбе итальянского художника Антонио Аллегри да Корреджо (1489–1534).

45

Там же. S. 38.

46

Август Бурнонвиль (1805–1879) — знаменитый датский балетмейстер и хореограф, поставил более пятидесяти балетов, с 1830 года в течение сорока лет глава балетной студии датского Королевского театра. Многие его работы сохранились в репертуаре датских театров до сегодняшнего дня. Международная известность пришла к нему только после смерти и Второй мировой войны. Андерсен хорошо знал Бурнонвиля, поставившего по мотивам его романа «Импровизатор» балет «Праздник цветов в Дженцано» (1858) и балет на мотивы его сказок «Картины сказки» (1871).

47

«Два маленьких савояра» (1789) — комическая опера французского композитора Н. Далейрака.

48

Там же. S. 39.

49

Йохан Людвиг Хейберг (1791–1860) — сын писателя Петера Андреаса Хейберга (1758–1841) и известной писательницы Гюллембург (1773–1856). В 1849–1856 годах служил одним из директоров Королевского театра, автор иронических водевилей, которые ставил сам и ввел в моду в Дании, а также романтических драм «Холм эльфов» (1828), «Fata Morgana» (1838) и «Душа после смерти» (1841). Влиятельный критик, издавал литературный журнал «Копенгагенская летучая почта», в котором напечатал первое известное стихотворение и первую повесть Андерсена.

50

Там же.

51

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 60.

52

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Levnedbogen. København, 1971. S. 86.

53

Период с 1800 по 1850 год, когда жили и творили датский популяризатор немецкого романтизма философ Х. Стеффенс, физик Х. К. Эрстед, религиозный реформатор, писатель и общественный деятель Н. Ф. С. Грундтвиг, писатель Б. С. Ингеман, философ С. Киркегор, живописец К. В. Экерсберг, скульптор Б. Торвальдсен, композиторы С. Е. Ф. Вайсе и Й. П. Э. Хартман, балетмейстер А. Бурнонвиль. К «золотому веку» относят обычно и творчество Андерсена.

54

Адам Готлоб Эленшлегер (1779–1850) — признанный лидер романтического движения в датской литературе, поэт, прозаик и драматург, автор более двадцати пяти пьес. Он хорошо знал Гете и других немецких писателей Йенской школы. В своих произведениях всех жанров осваивал в духе немецкого романтизма темы и сюжеты древнескандинавской и древнедатской литературы — саг, исторических преданий, эддической поэзии и народных баллад, записанных в XVI–XVII веках. Наиболее значительными считаются его ранние «Стихотворения» (1803), драмы «Ярл Хокон» (1807), «Аладдин, или Волшебная лампа» (1805), «Аксель и Вальборг» (1810), романтические повести и сказки разных периодов, а также воспоминания. Был женат на племяннице К. Л. Рабека. Является автором национального гимна Дании.

55

Бернхард Северин Ингеман (1789–1862) — известен в основном как автор серии популярных романов из истории Дании в духе В. Скотта: «Вальдемар Победитель» (1826), «Детство Эрика Менведа» (1828), «Король Эрик и объявленные вне закона» (1833) и др. С 1822 года становится преподавателем датского языка и литературы в Рыцарской академии в Сорё (впоследствии назначен ее директором). Известен как автор нескольких пьес, а также популярных и в настоящее время гимнов.

56

Стен Стеенсен Бликер (1782–1848) — сын ютландского пастора, некоторое время преподаватель, затем фермер и приходской священник, увлекавшийся охотой и литературным творчеством. Мастер стиля и психологической новеллы, ценимой ныне на его родине не меньше, чем произведения К. Бликсен и Х. К. Андерсена.

57

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 68.

58

Николай Фредерик Северин Грундтвиг (1783–1872) — религиозный реформатор, писатель и философ, переводчик англосаксонского эпоса «Беовульф», исследователь древнескандинавской литературы, с 1861 года епископ, возглавлявший датскую лютеранскую церковь. После 1866 года возглавлял в парламенте левую оппозицию. Основал так называемые «народные университеты», дававшие высшее образование взрослым гражданам, — общественный институт, чрезвычайно распространенный в странах Скандинавии.

59

Пер. О. Рождественского. Там же. Т. 3. С. 51.

60

На общественную пользу *(лат.).*

61

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 93.

62

Там же. С. 85.

63

Там же. С. 92.

64

Там же.

65

Там же. С. 93.

66

Там же.

67

Там же. С. 94.

68

Там же. С. 102.

69

Там же. С. 110.

70

Во дворце Амалиенборг располагается в настоящее время официальная резиденция королевы Дании.

71

Там же. С. 113.

72

Маленький декламатор *(нем.).*

73

Там же. С. 116.

74

Там же. С. 118.

75

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 408.

76

Там же.

77

Там же. С. 410.

78

Пер. В. С. Лихачева. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 478, 479.

79

История освоения творчества Х. К. Андерсена в России — тема для большого исследования, поэтому ограничимся лишь краткой его схемой. Произведения Андерсена (стихи, романы, сказки и автобиографии) стали издаваться у нас с 1840-х годов. Первая их публикация — перевод нескольких лирических стихотворений в прозе под русским названием «Выдержка из картинного портфеля месяца» (датское издание 1839–1854 годов, немецкое — 1847 года) — появилась в петербургском журнале «Маяк современного просвещения и образованности» в 1840 году (ч. 4). В 1844 году последовал перевод романа «Импровизатор» в журнале «Современник» (т. 33–36), в 1845–1858 годах несколько публикаций отдельных сказок в журналах «Современник», «Новая библиотека для воспитания», «Звездочка», «Отечественные записки» и «Подснежник». В 1851-м в журнале «Репертуар и пантеон» (кн. 7–9) была напечатана в переводе с немецкого языка «Моя жизнь как сказка без вымысла» (под заглавием «Сказка моей жизни, без вымысла»). Первые сборники и большие подборки сказок Андерсена, преимущественно в переводах с немецкого, появляются в 1856-м («Повести») и в 1863–1864 годах («Полное собрание сказок» в трех выпусках). С 1868 года («Новые сказки») издания сказок и других произведений появляются почти ежегодно. Венцом этого процесса явилось издание в 1894–1895 годах Петром Готфридовичем Ганзеном (Peter Emmanuel Gotfrid Hansen) и его женой Анной Васильевной (урожденной Васильевой) в их же переводах с датского языка четырехтомного собрания сочинений, включающего превосходные для того времени

материалы к биографии автора, использованные и в настоящей книге. В СССР особого внимания заслуживают многочисленные и чрезвычайно добротные детские издания сказок в пересказах Т. Г. Габбе и А. И. Любарской на основе ставших к тому времени классическими ганзеновских переводов. Последние составили также основу выпущенных в 1983 и 1995 годах под редакцией Л. Ю. Брауде и И. П. Стребловой академических изданий «Сказки, рассказанные детям. Новые сказки» и «Сказки. Истории. Новые сказки и истории» в серии «Литературные памятники». В 2005 году издательством «Вагриус» совместно с Юбилейным комитетом «Ханс Кристиан Андерсен 2005» в рамках широкого датского проекта по обновлению андерсеновских переводов в основных европейских странах было выпущено полное собрание сказок Андерсена в новых переводах с его первой, не публиковавшейся на русском языке автобиографией. Особое внимание в последнем издании было обращено на точное соответствие русского текста датскому оригиналу.

80

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 134.

81

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 324.

82

Датская Вест-Индия — колония Дании на Карибах, состояла из островов Санта-Крус, Сент-Джон и Сент-Томас. В 1917 году они были выкуплены у Дании США и ныне называются Виргинскими островами.

83

Здесь и далее, когда иное не указано, перевод из писем, цитируемых по сайту Центра Андерсена в Оденсе (http://www.andersen.sdu.dk/brevbase/index.html), выполнен Б. Ерховым.

84

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 147.

85

Откуда? *(нем.).*

86

Там же. С. 167.

87

Автор явно имеет в виду снятый им чердак дома по улице Вингордстреде, о котором упоминалось в самом начале главы.

88

Начальные слова арии Керубино из оперы В. А. Моцарта «Женитьба Фигаро». Буквальный перевод с итальянского: «Не знаю, что делаю». Традиционный русский перевод: «Сердце волнует жаркая кровь».

89

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 59.

90

В «Моей жизни как сказке без вымысла», напечатанной в немецком переводе раньше, чем на языке оригинала, Андерсен описывает подобный же эпизод. Услышав среди аплодисментов два свистка, он помчался к Вульфам, которые вскоре пришли из театра и поздравили его с успехом. Свистки они посчитали за пустяк. Возможно, Андерсен по окончании спектакля успел побывать в обеих семьях?

91

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 80.

92

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 17.

93

Пер. В. Величко. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 481.

94

Пер. А. и П. Ганзенов. Там же. С. 334.

95

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Digte. København, 1830. S. 106.

96

То же. Цит. *по. Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 107.

97

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 176.

98

Там же. С. 182.

99

Йохан (Иоганн) Петер Эмилиус Хартман (1805–1900) — датский композитор, сверстник и друг Андерсена. С 1827 года преподаватель учрежденной тогда же Консерватории, с 1890-го — ее директор. По его инициативе в 1836 году в Копенгагене создано Музыкальное общество, в 1839-м — Студенческое певческое общество. Автор опер «Ворон» (1832) и «Маленькая Кирстен» (1846), либретто к которым написал Андерсен, а также оперы «Корсары» (либретто Херца). Писал музыку ко многим спектаклям по пьесам Эленшлегера, Хейберга и Андерсена и балетам Бурнонвиля. Был известен как блестящий импровизатор, никогда не записывавший свои импровизации, и церковный органист.

100

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 188.

101

Пер. А. Ганзен. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 485.

102

Пер. А. Чеканского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 4. С. 190.

103

Там же. С. 192.

104

Там же. С. 195.

105

Пер. А. Ганзен. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 486.

106

Там же. С. 354.

107

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Skyggebilleder af en Reise til Harzen, den sachsiske Schweitz etc., etc., i Sommeren 1830. Kjøbenhavn, 1837. S. 69.

108

Там же. S. 49.

109

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 359.

110

Там же. С. 355.

111

«Три дня из жизни игрока» — драма немецкого актера-комика и драматурга Луиса Ангели.

Хенрик Херц (1797–1870) — сын мелкого предпринимателя. Изучал право в Копенгагенском университете. В своем драматургическом творчестве исповедовал взгляды и принципы Й. Л. Хейберга, в искусстве ставившего превыше всего хороший вкус и владение художественной формой. Был продолжателем традиций сатирической комедии Л. Хольберга, но также писал романтические драмы, в которых использовал исторические предания и сюжеты датских народных баллад. В России известен как автор драмы «Дочь короля Рене» (1845), на сюжет которой П. И. Чайковский написал оперу «Иоланта» (1891).

112

Там же. С. 347, 348.

113

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Skyggebilleder af en Reise til Harzen, den sachsiske Schweitz etc., etc., i Sommeren 1830. Kjøbenhavn, 1837. S. 91.

114

Пер. О. Чюминой. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3.С. 500, 501.

115

Пер. А. и П. Ганзенов. Там же. С. 360–363.

116

Хенрик Херц (1797–1870) — сын мелкого предпринимателя. Изучал право в Копенгагенском университете. В своем драматургическом творчестве исповедовал взгляды и принципы Й. Л. Хейберга, в искусстве ставившего превыше всего хороший вкус и владение художественной формой. Был продолжателем традиций сатирической комедии Л. Хольберга, но также писал романтические драмы, в которых использовал исторические предания и сюжеты датских народных баллад. В России известен как автор драмы «Дочь короля Рене» (1845), на сюжет которой П. И. Чайковский написал оперу «Иоланта» (1891).

117

Коллин Э. Г. Х. Андерсен и семья Коллинов // *Андерсен Г. Х.* Полн, собр. соч.: В 4 т. /Пер. А. и П. Ганзенов. СПб., 1895. Т. 4. С. 449, 450.

118

Там же. С. 456.

119

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 21.

120

Йохан Херман Вессель (1742–1785) — датский и норвежский поэт, писавший сатирические поэмы, послания и эпиграммы, автор популярной комедии «Любовь без чулок» (1772), пародирующей высокую драму классицизма.

121

Там же. S. 71.

122

Пер. В. Тихомирова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 115.

123

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 73.

124

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 123.

125

Красавица Италия *(um.).*

126

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 133.

127

Стихотворный пер. В. Тихомирова. Там же. Т. 1. С. 131.

128

Там же.

129

Там же. С. 136.

130

Там же. С. 152.

131

Там же. С. 155.

132

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 433, 434.

133

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Собр. соч.: В 4 т. М... 2005. Т. 3. С. 153.

134

Карл XIV Юхан, или Жан Батист Жюль Бернадот (1763–1844) — с 1804 года наполеоновский маршал, в 1806 году взял в плен отряд шведских солдат в тысячу человек, сражавшихся против него в Пруссии. Гуманное обращение с ними сделало его имя популярным на их родине. В 1810 году Государственный совет Швеции предложил избрать его престолонаследником престарелого шведского короля Карла XIII, что было подтверждено шведским парламентом. С этого времени Бернадот становится фактическим правителем страны, а с 1818 года — шведским королем Карлом XIV Юханом, основателем и поныне царствующей династии Бернадотов. В 1812 году порвал отношения с Францией и в 1813–1814 годах сражался во главе шведских войск против Наполеона I. После смерти на его руке была обнаружена татуировка с надписью на французском языке: «Смерть королям».

135

Фредерик VI (1768–1839) — в 1784–1808 годах регент Дании и Норвегии, в 1808–1814 годах король Дании и Норвегии, потерял последнюю в результате поражения в Наполеоновских войнах. В 1788 году отменил крепостное право на родине и рабство в датских колониях.

136

Там же. С. 156.

137

Там же. С. 158, 159.

138

Там же. С. 162.

139

Там же.

140

Там же. С. 167.

141

Там же. С. 175.

142

Неми — озеро в 30 километрах к югу от Рима. На его берегу располагались вилла императора Калигулы, его могила, а также храм Дианы. На озере, согласно легендам, Калигула построил два корабля, представлявших собой плавучие храм Дианы и дворец императора. Остовы кораблей были обнаружены в 1444 году, во время правления Муссолини озеро осушили, корабли извлекли со дна и установили в музее, уничтоженном в 1944 году во время отступления из Италии немецких войск.

143

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 191–193.

144

[Белинский В. Г.] //Отечественные записки. СПб., 1845. Т. 38. № 3. С. 2, 3(4 отд.).

145

На русском языке роман неоднократно переиздавался в дальнейшем в 1845, 1849, 1887, 1894, 1899, 1995 и 2000 годах в переводах Р. К. Грот и А. и П. Ганзенов.

146

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 82.

147

Люккесхольм принадлежал в XVII веке одному из самых богатых вельмож того времени Каю Люкке (1625–1699), кукла которого (сам вельможа спешно бежал) была публично казнена за личное оскорбление короля Кристиана IV. Андерсен сообщает, что его поселили в бывшем покое хозяина замка в одной из башен.

148

Имеется в виду хозяйка поместья Йоханна Мария Линдегорд (1763–1838), вдова статского советника С. Линдегорда.

149

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 350.

150

Трагедия А. Г. Эленшлегера (1842).

151

По-видимому, речь идет о сказке «Калоши счастья».

152

В 1837 году роман вышел в Германии, в 1840-м — в Швеции и в 1845 году — в Англии. Опубликованного перевода на русский язык обнаружить не удалось.

153

Пер. С. С. Белокриницкой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Всего лишь скрипач. М., 2001. С. 80.

154

Раздражительное племя *(лат.).*

155

Там же. С. 110.

156

Критик Кристиан Мольбек, как сообщает о нем Андерсен в «Сказке моей жизни», назначенный одним из директоров Королевского театра, никогда до этого с театром дела не имел.

157

Там же. С. 121.

158

Там же. С. 201.

159

Там же. С. 309.

160

Там же. С. 75.

161

Там же. С. 111.

162

Там же. С. 292.

163

Помимо цитируемого в настоящей книге перевода С. С. Белокриницкой, изданного в 2001 году, в России роман выходил еще в пересказе Е. Сысоевой в 1890 и 1909 годах.

164

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 186.

165

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Сказки, рассказанные детям. М., 1983. С. 7.

166

Пер. А. А. Афиногеновой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1.С. 67.

167

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 1.С.9.

168

Там же. Т. 4. С. 501.

169

Пер. Д. К. Петрова. Цит. по: *Мануэль Х.* Граф Луканор. М.; Л., 1961. С. 100.

170

Е. Л. Шварц использовал его в названии своей одноименной пьесы (1934), написанной по мотивам андерсеновской сказки.

171

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1974. Bd. 3. S. 127.

172

Пер. Н. Федоровой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1. С. 475.

173

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 474.

174

Одна из самых знаменитых и интересных личностей современности *(англ.).*

175

Там же. С. 375.

176

Пер. М. Николаевой. Цит. по: *Грёнбек Б.* Ханс Кристиан Андерсен. М., 1979. С. 169.

177

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1971. Bd. l.S. 370.

178

Пер. А. Афиногеновой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1.С. 134.

179

Там же. С. 316.

180

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1974. Bd. 3. S. 32.

181

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 324, 325.

182

Там же. С. 282, 283.

183

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Sprik R.* Hans Christian Andersen and his world. New York, 1972. P. 36.

184

Пер. Б. Ерхова. Там же. С. 524.

185

Пер. Н. Федоровой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1. С. 413.

186

Пер. Н. Федоровой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 1.С. 418.

187

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Bredsdorff E. H.* C. Andersen. København, 1979. S. 246.

188

Там же. S. 340.

189

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 2. С.515.

190

Пер. Т. А. Чесноковой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 330.

191

Пер. О. Дробот. Там же. С. 534–538.

192

Andersen J. Kr. Ludvig Holberg. Forfatterportræt //http://www.adl.dk>Arkiv for Dansk litteratur

193

Имеются в виду революции 1848 года в странах Европы.

194

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 430.

195

Пер. Н. Федоровой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 107.

196

Там же. С. 58.

197

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 433.

198

Там же. С. 434.

199

Там же. С. 623.

200

Тихо Браге (1546–1601) — датский астроном, астролог и алхимик эпохи Возрождения, представитель знатного датского рода. Первым в Европе проводил в своем замке Ураниборг высокоточные астрономические наблюдения, на основе которых разработал собственную модель мира. Результаты его наблюдений легли в основу законов движения планет, разработанных Иоганном Кеплером, ближайшим его сотрудником в Праге, куда в 1598 году по приглашению императора Священной Римской империи Рудольфа II он вынужден был переехать, лишившись покровительства короля Фредерика II. Похоронен в католическом Тынском соборе, событие в то время беспрецедентное, поскольку он был протестантом.

201

Леонора Кристина Ульфельдт (1621–1698) — дочь датского короля Кристиана IV (годы правления 1596–1648) и супруга Корфица Ульфельдта, вельможи и авантюриста, который впал в немилость при наследнике Кристиана IV Фредерике III, бежал из страны вместе с супругой и скитался за границей, принимая участие во всевозможных заговорах против датской короны. В 1663 году в Англии, куда Леонора Кристина отправилась, чтобы взыскать с английского короля Карла II денежный долг, была выдана англичанами датским властям и препровождена на родину, где ее немедленно заключили в тюрьму, так называемую Синюю башню, королевского замка и продержали там без суда и следствия более двадцати двух лет. Леонора Кристина не пошла на предательство своего мужа и вышла из тюрьмы несломленной. За время своего заключения и после него написала «Скорбные воспоминания», замечательное литературное произведение и ярчайший человеческий документ, изданный при жизни Андерсена в 1867 году.

202

Амбросиус Стуб (1705–1758) — датский поэт, сын крестьянина с острова Фюн, больше десяти лет учился в Копенгагенском университете, но так и не смог закончить его. В поэзии проявил себя как мастер музыкального ритма и красочного изображения живой природы. Творчество поэта при жизни по достоинству оценено не было, первое собрание его стихов вышло только в 1771 году.

203

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 372.

204

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 621, 622.

205

Пер. Т. Чесноковой. Там же. Т. 2. С. 315.

206

Пер. А. Нестерова. Там же. С. 574.

207

Пер. Н. Киямовой. Там же. Т. 1. С. 580.

208

Пер. О. Рождественского. Там же. Т. 3. С. 238.

209

Пер. Н. Киямовой. Там же. Т. 1. С. 508.

210

Пер. Т. Чесноковой. Там же. Т. 2. С. 200.

211

Пер. Б. Ерхова. Там же. Т. 3. С. 582.

212

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1974. Bd. 4. S. 471.

213

Пер. Т. Чесноковой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 283.

214

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 356, 357.

215

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1973. Bd. 2. S. 276.

216

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Dagbøger. København, 1975. Bd. 8. S. 69–70.

217

Пер. Т. Чесноковой. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 283.

218

Пер. Н. Федоровой. Там же. С. 351.

219

Пер. А. Нестерова. Там же. С. 578.

220

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 2. С. 521.

221

Считается, что образ «красной нити» впервые использовал И. В. Гете в повести «Избирательное сродство» (1809).

222

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 549, 550.

223

Пер. Т. Чесноковой. Там же. Т. 1. С. 632.

224

Пер. Б. Ерхова. Там же. С. 698.

225

Пер. Н. Федоровой. Там же. Т. 2. С. 174.

226

Пер. Н. Федоровой. Там же. Т. 2. С. 174.

227

«Соломонов суд» (1802) — пьеса французского драматурга Л. Ш. Кенье.

228

Там же. С. 412.

229

Эми Робсар или Эми Дадли — жена Роберта Дадли, графа Лестера, фаворита Елизаветы I. В отсутствие мужа, гостившего в Виндзорском замке у королевы, она оступилась на лестнице и сломала шею, что породило в придворных кругах множество слухов и кривотолков.

230

Пер. О. Рождественского. Там же. Т. 3. С. 94.

231

Там же. С. 200.

232

Пер. В. Тихомирова. Там же. С. 205.

233

В 1842 году Мармье посетил Россию, где деятельно общался со многими писателями и литераторами, включая Н. В. Гоголя. Впечатления его вошли в книгу «Записки о России, Финляндии и Польше» (1851) и были сразу же запрещены имперской цензурой.

234

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Mit eget eventyr uden digtning. København, 1975. S. 101, 102.

235

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 308.

236

Там же.

237

Там же. С. 250.

238

Пер. Б. Ерхова. Там же. С. 488.

239

Там же. С. 490.

240

Коровин А. Датская и исландская малая проза. М., 2011. С. 107.

241

На русском языке роман вышел в двух томах в переводе с немецкого в малодоступной петербургской серии «Переводы отдельных романов» в 1885 году, а также одной книгой в переводе с датского в «Ленинградском издательстве» в 2011 году.

242

Отметим, что Андерсен пользовался новой литературой: книга немецкого публициста и богослова Фридриха Фабри появилась только в 1855 году.

243

В поместье Хольстейнборг, где Андерсен жил в гостях у графини Мими Хольстейн.

244

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 543.

245

Sorensen W. Hverken — eller. København, 1961. S. 157.

246

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 252.

247

Там же. С. 398.

248

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 271.

249

Там же. С. 284.

250

Пер. Б. Ерхова. Цит. по: *Andersen H. C.* Lykke-Peer. København, 1870. S. 19.

251

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 286.

252

Там же. С. 287.

253

Там же. С. 272.

254

Там же. С. 289.

255

Там же. С. 310.

256

Роман «Счастливчик Пер» доступен в переводе А. и П. Ганзенов под названием «Петька-счастливец» *(Андерсен Х. К.* Полное собрание сочинений: В 4 т. 1894. Т. 3) и в его современном переиздании (Терра, 1995; 2008). Роман Андерсена «Быть или не быть», по-видимому, на русский язык не переводился.

257

Пер. А. и П. Ганзенов. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1895. Т. 4. С. 385, 386.

258

Коллин Э. Г. Х. Андерсен и семья Коллинов /Пер. А. и П. Ганзенов // Там же. С. 472.

259

Пер. О. Дробот. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 516.

260

Пер. А. Ганзен. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 495.

261

Пер. Б. Ерхова. Там же. С. 495.

262

Пер. Т. Чесноковой. Там же. Т. 2. С. 624.

263

Достоевский Ф. М. Записки из подполья // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Худож. произведения. Д., 1973. Т. 5. С. 174.

264

Пер. О. Дробот. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 2. С. 548.

265

Пер. Б. Ерхова. Там же. Т. 3. С. 422.

266

Там же. С. 633.

267

Пер. О. Рождественского. Там же. С. 322.

268

Коллин Э. Г. Х. Андерсен и семья Коллинов // *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. /Пер. А. и П. Ганзенов. СПб., 1895. Т. 4. С. 454.

269

Там же. С. 398.

270

Блок В. Заметки для характеристики Г. Х. Андерсена /Пер. А. и П. Ганзенов //Там же. С. 491.

271

Там же. С. 490.

272

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 253.

273

Там же. С. 309.

274

Риффе Э. [Бергман И.] Лицо Бергмана? *// Бергман И.* Осенняя соната. М., 1988. С. 244–248.

275

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 309.

276

Блок В. Заметки для характеристики Г. Х. Андерсена //*Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. /Пер. А. и П. Ганзенов. СПб., 1895. Т. 4. С. 480.

277

Пер. О. Рождественского. Цит. по: *Андерсен Х. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2005. Т. 3. С. 75.

278

Данеброг — национальное знамя датчан с белым крестом на красном поле. По преданию, оно упало с неба датчанам во время их битвы с эстонцами в 1219 году.

279

Ссылка на Кальмарскую унию, союз Дании, Швеции и Норвегии в одном государстве во главе с датской королевой Маргрете I (1353–1412).

280

«...и слышен звук резца» — имеется в виду международная слава скульптора Б. Торвальдсена.

281

Пер. А. Коринфского. Цит. по: *Андерсен Г. Х.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 513.

282

Паустовский К. Г. Великий сказочник / *Андерсен Г. Х.* Сказки и истории. М., 1955. С. 5.